

K1361480

Ю. И. Чайкина

ИСТОРИЯ ЛЕКСИКИ ВОЛОГОДСКОЙ ЗЕМЛИ (Белозерье и Заволочье)

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Вологодского государственного
педагогического университета
Юлия Ивановна Чайкина

Ю. И. Чайкина

**История лексики
Вологодской земли
(Белозерье и Заволочье)**

Вологда
«Русь»
2005

Ответственный редактор:
канд. филол. наук *Е. П. Андреева*

Рецензенты:
доктор филол. наук *Г. В. Судаков*,
канд. филол. наук *С. Н. Смольников*

Ч 15

Чайкина Ю. И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). – ВГПУ: Вологда, издательство «Русь», 2005 г. – 260 с.

ISBN 5-87822-256-6

ББК 81. 411. 2-3

Монография, посвященная восьмидесятилетию профессора Ю.И. Чайкиной, представляет собой собрание ее работ по проблемам исторической лексикологии и лексикографии, лингвогеографии, ономастики. Настоящее издание позволяет в полной мере увидеть формирование научных представлений по важнейшим вопросам истории языка, основано на оригинальном материале.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей вузов, студентов-филологов, учителей-словесников и историков, всех, кто увлекается историей языка, краеведением.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Свет путеводной звезды</i>	5
Введение	15

Раздел I

История Вологодской земли по данным лингвогеографии

Из истории диалектных границ в связи с заселением Северной Руси	17
Еще раз о слове <i>кулига</i>	33
История административной терминологии Белозерья	42
Административно-территориальная лексика и микропонимия старорусского города	83
География словообразовательных топонимических моделей Русского Севера (на материале ойконимии Вологодской области)	93

Раздел II

Специальная лексика в памятниках Вологодской земли

К истории становления производственно-технической терминологии в русском литературном языке XVII-XVIII вв. (названия предприятий)	108
Промысловая (ремесленная) лексика в старорусском языке: ономаσιологический аспект (на материале деловой письменности Северо-Восточной Руси)	120
Названия лиц по ремеслу и занятиям в деловой письменности Русского Севера XVI-XVII вв. (на материале приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей)	127
Названия работника в хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря XVI-XVII вв.	136
Из истории русской метрологии (штучные единицы измерения железа в белозерской письменности XVI-XVII вв.)	146
История профессионально-должностных фамилий Вологды (на материале деловой письменности XVII – первой половины XIX вв.)	150
«Роспись трубного дела» как один из памятников промыслово-ремесленного стиля русского литературного языка XV-XVII вв.	166
Об одной функциональной разновидности русского языка XVI-XVII вв.	172

Раздел III

Ономастика Вологодской земли

Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой письменности XVII-XVIII вв.)	178
К географии неофициальных личных имен крестьян в старорусском языке (на материале топонимии Вологодской области)	186
Личные имена горожан на Русском Севере в начале XVII в.	192

Женские календарные личные имена на Русском Севере во второй половине XVII-XVIII вв.	198
Женские имена (начало XVIII в.)	205
Именования духовных лиц на Русском Севере во второй половине XVI в. (на материале приходо-расходных книг Спасо-Прилуцкого и Иосифо-Волоколамского монастырей) (в соавторстве с С.Н. Смольниковым)	210
Проблемы реконструкции лексики старорусского языка (на местном ономастическом материале письменных источников XVII-XVIII вв.)	217
Семантическая деривация и причины архаизации и выпадения прямого значения слова (на материале диалектных экспрессивов).....	229
О субстратных топонимах с формантом <i>-зумзь (-зумезь)</i> в Белозерье	233
Антропонимы в местных документах XVI-XVII вв. (на материале купчих Двинского уезда).....	238
Старая Тотьма: географические названия и именования жителей	242

Список основных научных трудов профессора кафедры русского языка ВГПУ Ю. И. Чайкиной.....	249
---	-----

Список диссертаций, защищенных под руководством профессора Ю. И. Чайкиной.....	257
--	-----

СВЕТ ПУТЕВОДНОЙ ЗВЕЗДЫ

Судьба человека всегда уникальна, неповторима, это всегда великий дар, светлое откровение. Но в глазах Истории жизнь человека – маленькая ничтожная пылинка. В водовороте времен и эпох канули тысячи людей, остались без имени в виде «живой дроби», статистической единицы в учебниках по отечественной истории.

Что такое человек перед лицом Вечности? Крошечная светящаяся точка в безбрежном пространстве Вселенной. Кто-то из великих пронизательно заметил: люди как звезды – одни мерцают и гаснут, другие – ярко освещают путь.

Далеко не случайно, что на северном белозерском небе 12 марта 1925 года зажглась яркая звезда. Вспыхнуть в другое время и в другом месте она просто не могла. В семье Ивана Ивановича и Марии Михайловны Чайкиных родилась дочь Юлия. Свыше была уготована ей нелегкая судьба русского ученого.

В жизни Ю. И. Чайкиной, как и многих людей ее поколения, отразилась трудная история России XX века.

По семейному преданию, в незапамятные времена прапрадед Чайкиных, выходец из местечка Чайка, вместе с артелью плотников пришел в село Дмитриевское Череповецкого уезда, чтобы построить там деревянную церковь, и остался навсегда, положив начало славному и уважаемому роду. Отец Юлии Ивановны в 18 лет окончил Новгородскую духовную семинарию и служил священником в родном селе. После революции, когда приход был закрыт, Иван Иванович был вынужден сменить род деятельности, переехать в Череповец, работать в одном из губернских ведомств. Но новые власти были нетерпимы к «бывшим служителям культа» и заставили скромного служащего оставить работу.

Молодая чета с восьмимесячной дочерью на руках нашла поддержку родственников и пристанище в родном селе Дмитриевском. Отец Юлии Ивановны работал лесником, а мать – Мария Михайловна – занималась воспитанием детей: старшей Юлии и младшего Валентина. Родители научили их скромности, трудолюбию, требовательному отношению к себе и другим, принципиальности в вопросах долга и совести, патриотизму, уважительному отношению к православной вере. Этим заветам Ю. И. Чайкина остается верна и по сей день.

Однако и здесь, в лесной глуши, гонения на бывшего священника не прекратились. И. И. Чайкин, обеспокоенный участью своей семьи, пустился в странствия. Юлия Ивановна хорошо помнит ту ночь, когда, наспех собравшись, погрузив на телегу самые необходимые вещи, тайком от соседей ее семья покидала свой дом. После долгих скитаний Чайкины нашли приют в г. Опочке, где Юлия и пошла в школу.

Начавшаяся Великая Отечественная война принесла новые испытания на долю России. Семью Чайкиных эвакуировали в Калининскую область, а Юлию отправили к родственникам в дальнюю череповецкую деревню, где серьезная и прилежная ученица окончила среднюю школу, получив диплом с отличием.

Именно на Вологодской земле в трудное военное время Юлия Ивановна Чайкина сделала главный жизненный выбор – решила посвятить себя филологии и в 1942 году поступила в местный педагогический институт. После освобождения калининской земли от фашистов в 1943 году она возвратилась в Калинин и продолжила образование. Способности и трудолюбие студентки оказались замеченными. После окончания вуза в 1946 г. Ю. И. Чайкину оставили в ассистентуре. В стенах Калининского педагогического института Юлия Ивановна Чайкина соприкоснулась со школой русской филологии, почувствовала огромный интерес к науке и в лице известного лингвиста С. А. Копорского на долгие годы обрела опытного и мудрого научного наставника. С аспирантских лет связала дружба начинающего лексиколога Ю. И. Чайкину и начинающего ономаста А. И. Мирославскую.

Шестьдесят лет назад двадцатилетний преподаватель Чайкина впервые вошла в студенческую аудиторию и в учебной деятельности увидела свое главное призвание. Работая в Таганрогском пединституте, Ю. И. Чайкина защитила кандидатскую диссертацию на тему «Специальная лексика в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка».

На жизненном пути Юлии Ивановны были не только радости и победы, но и трудные испытания, личные потери. А в сердце всегда оставалось село Дмитриевское, затерявшееся среди лесов и полей череповецкого края под светлыми звездами северного неба. Через много лет она вернется сюда, чтобы вновь обрести здесь родину. Именно здесь ей было суждено родиться заново в качестве известного ученого, исследователя языка Русского Севера. Именно здесь, на земле своих предков Юлия Ивановна Чайкина нашла свой яркий, неповторимый путь в науке.

*А. Н. Мирославская и Ю. И. Чайкина,
аспирантки Калининского педагогического института. 1947 г.*

В 1965 году Ю.И. Чайкина начинает свою преподавательскую и научную деятельность в Череповецком педагогическом институте. Основные темы ее исследований и наиболее важные научные открытия этого времени связаны с историей древней Белозерской земли. Первые статьи по диалектологии Ю. И. Чайкина посвящены описанию говора села Дмитриевского. Имена земляков нашли отражение в первой статье по ономастике «О традиционных прозвищах в Белозерье». Описание древних рукописных памятников Череповецкого краеведческого музея положило начало серии великолепных статей по исторической стилистике и лексикологии. Село Дмитриевское явилось точкой пересечения дальних путей, которыми молодой ученый с рюкзаком за плечами прошел по белозерской земле в поисках диалектного материала для докторской диссертации «Лексика Белозерья в историческом аспекте».

Ю. Н. Чайкина с одним из первых студенческих выпусков, г. Таганрог. 1958 г.

*Май 1979 г. Конференция по севернорусским говорам в Вологодском пединституте. В президиуме:
К. В. Горшкова, Г. В. Судаков, Ю. И. Чайкина, М. А. Вавилова, Н. И. Толстой, Г. А. Хабургаев.*

Судьбы ученых подобны звездам. Одни теряются в блеске крупных светил, другие имеют имя только в составе созвездий, третьи тускло мерцают на небосклоне, четвертым суждено погаснуть, вспыхнув один раз. Научная планида Чайкиной была иной – яркой, уверенной, красивой. И, несомненно, счастливой. На первый взгляд, доктору филологических наук Чайкиной удивительно везло: затерявшиеся в архивах древние рукописи открывали перед ней самые интересные страницы, слова сами собой укладывались в ящики картотек, известные ученые всей России откликались на ее публикации с одобрением и признанием, сами собой завязывались научные контакты. Но в действительности за всем этим стояли энтузиазм и огромное трудолюбие, удивительная работоспособность, строгая этика научного труда и научного общения, вечное состояние поиска, любовь к кропотливому лингвистическому анализу.

Юлия Ивановна никогда не идет проторенными путями в науке. Сфера ее научных интересов широка и разнообразна: историческая и диалектная лексикология и лексикография, лингвистическое источниковедение, история специальной лексики и ономастики, вопросы ареальной лингвистики, а также проблемы этногенеза, социальной истории и истории культуры Северной Руси, отраженные в слове. При кажущемся разнообразии тем научный поиск Ю. И. Чайкиной всегда был последовательным, интерес к той или иной проблеме никогда не был сиюминутным и не исчерпывался рамками одной публикации. Талантливый исследователь всегда находил неожиданный, подчас дискуссионный поворот в разработке темы. Даже самые ранние, написанные несколько десятилетий назад, работы Ю. И. Чайкиной, благодаря актуальности проблематики и обилию интересного фактического материала, никогда не утрачивали своего современного звучания.

В работе «Вопросы истории лексики Белозерья» Ю. И. Чайкина впервые в русской диалектологии предложила картографирование лексики XIV–XVI веков. Сопоставление полученных карт с данными археологии, этнической и социальной истории позволило ученому сказать свое весомое слово в изучении истории и языка Северной Руси.

В 1976 году доктора филологических наук, профессора Ю. И. Чайкину приглашают заведовать кафедрой русского языка Вологодского пединститута. С этой датой связан не только новый этап биографии ученого, но и новая эпоха в жизни кафедры вологодского вуза.

К обязанностям заведующего кафедрой Юлия Ивановна подошла со свойственной ей серьезностью, ответственностью, тщательностью и

скрупулезностью. Она высоко оценила огромный научный потенциал нового для нее коллектива, с благодарностью вспоминает поддержку коллег – Г. В. Судакова, В. И. Чуглова, П. В. Булина и многих других.

Памятной вехой жизни кафедры 80-х годов стали крупнейшие межвузовские конференции, собиравшие до 150 участников со всей России и проводимые по инициативе профессора Чайкиной почти ежегодно.

Вопреки сменявшимся друг друга модным научным веяниям, Ю. И. Чайкина всегда была верна предначертанному ей научному пути. И всегда оставалась в первых рядах творцов науки. В русле новых семасиологических и ономасиологических подходов решались ею задачи исследования лексики. Она разрабатывала новые типы словарей («Географические названия Вологодской области», «Вологодские фамилии»). Новаторской была и предложенная ею методика реконструкции нарицательной лексики на базе ономастического материала. Сегодня без обращения к публикациям Ю. И. Чайкиной невозможно ни одно серьезное исследование по истории русской специальной лексики, антропонимии и топонимии.

Одним из самых важных научных проектов профессора Ю. И. Чайкиной стала подготовка «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII веков». В течение многих лет она является не только инициатором и бессменным руководителем Словаря, но и душой и сердцем его коллектива.

Для многих начинающих ученых звезда Чайкиной стала путеводной.

Здесь, в Вологде, Юлия Ивановна нашла не только единомышленников, но и последователей, создала научную школу. Под руководством ученого подготовлено и защищено полтора десятка кандидатских диссертаций. Профессором Ю. И. Чайкиной и ее учениками решаются сложные проблемы описания истории и современного состояния языка Русского Севера. Тематика диссертаций, как защищенных, так и готовящихся сегодня под руководством профессора Чайкиной, достаточно полно наследует и продолжает все направления лингвистических исследований научного руководителя: история специальной лексики (Н. А. Ставшина, Е. П. Андреева, С. В. Репневская, О. И. Новоселова, Т. М. Юдина, Л. А. Цыцылкина, Т. В. Винниченко, О. В. Борисова), экспрессивная диалектная лексика (Н. С. Урманчеева), топонимика и историческая антропонимика (Е. Н. Варникова, И. А. Кюришунова, С. Н. Смольников, Н. В. Комлева, Л. Н. Монзикова, Е. Н. Иванова, Н. В. Лебедева), источниковедение и историческая стилистика (О. В. Баракова, И. Н. Попова).

Ректор ВГТИ профессор В. В. Судakov открывает научную конференцию 1982 г.
В президиуме: С. С. Орлов, Г. В. Велимова, Ю. Н. Чайкина, С. Г. Изъенко,
П. А. Лекайт, А. В. Бондарко, Л. Я. Масимов.

Среди учеников.

И. А. Кюргишнова, Ю. И. Чайкина, Н. В. Комлева, Т. В. Бахвалова. 2004 г.

Профессор Ю. И. Чайкина с учениками – преподавателями кафедры русского языка ВГПУ: Е. П. Андреевой, Л. А. Цыцылкиной (сидят). Е. Н. Ивановой, Н. В. Комлевой, С. Н. Смольниковым (стоят). 2005 г.

Для своих учеников профессор Чайкина не только мудрый и опытный научный наставник. Школа Ю. И. Чайкиной – это, прежде всего, школа личности русского ученого. Юлия Ивановна Чайкина всегда является образцом высокого горения, бескомпромиссного служения своему делу.

И сегодня, встретив восьмидесятилетие, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры русского языка Юлия Ивановна Чайкина остается верна своему призванию, продолжает научное наставничество, руководит работой группы исследователей, служит науке и родному языку. Другой судьбы, другой жизни для нее нет.

С. Н. Смольников

ВВЕДЕНИЕ

В далеком прошлом Вологодская земля делилась на два региона: Белозерье и Заволочье. Белозерье – это западные районы края, граничащие с Бежецкой и Обонежской пятнами Новгорода Великого, на востоке граница проходила по линии озер Кубенское – Воже. Заволочье – центральная и восточная часть Вологодской земли. Так называли этот регион древние новгородцы: Заволочье – территория, находящаяся за волоками (волоки – расстояние между водными путями сообщения, по которому древние славяне волокли лодки и снаряжение). Главный волок располагался на территории современного Кирилловского района (ср. с. Волокославинское).

От далекого прошлого дошло огромное количество памятников, написанных на Вологодской земле. Как и на всей территории Русского государства, на интересующей нас земле производилась массовая перепись населения (писцовые, переписные, дозорные книги). Вместе с тем на Русском Севере в разное время было основано множество монастырей (Кирилло-Белозерский, Усть-Шехонский, Никитский, Спасо-Каменный, Спасо-Прилуцкий, Ферапонтов, Череповецкий Воскресенский, Новозерский, Корнилийев Комельский и другие). Многие монастыри являлись своего рода письменными центрами (Кирилло-Белозерский, Спасо-Прилуцкий, Ферапонтов и др.), поэтому сохранилось огромное количество памятников монастырской и церковной письменности (приходо-расходные, издержечные, посевные книги, акты и мн. другие). Характерно, что ряд источников относится к XIV-XV вв., периоду, от которого на большинстве других территорий отсутствуют памятники. Подавляющее большинство источников дошло до наших дней и хранится в центральных (РГАДА, АГПБ, АЛЮИИ и др.) и местных (ГАВО, АВОКМ) архивах. Все эти документы содержат богатейший материал по истории Вологодской земли.

Источники по топонимии края дают возможность показать расселение дославянского населения края. Известно, что до прихода славян Белозерье и Заволочье было населено прибалтийскими финнами (вепсами, карелами), проживали на этой земле саами, меря, пермичи и др. Очень рано (археологи доказывают, что с V в. н.э.) на эти земли приходят славяне, причем территория Белозерья заселяется славянами раньше, чем Заволочье.

В ряде разделов настоящих очерков рассматривается процесс освоения Белозерья и Заволочья славянами, ассимиляция ими прибалтийско-финских племен и саами. В очерках, в которых лексика анализируется методами лингвистической географии, даются ответы на вопрос, из каких территорий пришли славяне на Белозерье и Заволочье, причем новгородская колонизационная волна прослеживается более отчетливо и значимо, нежели ростовско-суздальская. Славяне принесли с собой более высокую культуру земледелия (не только подсечно-огневое, но и пашенное), об этом дают отчетливое представление многие лингвокарты.

Четкое государственное районирование территории Вологодской земли в прошлом также находит свое отражение в ряде очерков.

В хозяйстве многих монастырей Белозерья и Заволочья достигают значительного развития промыслы и ремесла (соляной, железоделательной, изготовление и вождение судов, строительство храмов, рыболовецкий и др.). Терминология промыслов и ремесел представлена в ряде очерков, посвященных исследованию специальной лексики. Кстати, следует отметить, что опубликованы два тома «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.», подготовленные группой ученых Вологодского, Поморского и Коми университетов. Выход в свет третьего тома планируется в 2006 г. Материалы такого значительного по объему «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.» дают возможность поставить вопрос о наличии в русском литературном языке XV-XVII вв. особого стиля – промыслово-ремесленного.

И наконец, исследованные в очерках материалы по ономастике обнаруживают то, что невозможно найти в других разделах лексики: особенности менталитета людей, живших на данной территории 400-500 лет тому назад, оценку ими того, что они считали плохим, а что хорошим.

По материалам ономастики Вологодской земли автором настоящих очерков подготовлены два словаря, выдержавшие несколько изданий: «Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь», Вологда, 1988 и 1993, «История вологодских фамилий. Опыт регионального словаря фамилий», Вологда, 1989 и 1995.

Раздел I

ИСТОРИЯ ЗЕМЛИ ВОЛОГОДСКОЙ ПО ДАННЫМ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ

ИЗ ИСТОРИИ ДИАЛЕКТНЫХ ГРАНИЦ В СВЯЗИ С ЗАСЕЛЕНИЕМ СЕВЕРНОЙ РУСИ

В последние десятилетия заметен бурный рост русской диалектографии. Широкое распространение получают методы картографирования материалов современных народных говоров. Рассматривая территориальное размещение языковых особенностей современных диалектов, лингвисты делают выводы о географическом распространении языкового материала в прошлом. Однако все чаще проводится мысль о том, что создавать русскую историческую диалектологию на базе одних современных говоров невозможно.

В связи с этим внимание языковедов привлекают материалы памятников письменности, которые в большинстве своем используются как побочный источник для проверки или уточнения показаний, получаемых путем применения методов лингвистической географии к данным современных территориальных единиц¹. В редких случаях письменные источники привлекаются к картографированию, а между тем «создание русской диалектографии, основанной на показаниях памятников,— задача вполне реальная»².

Ряд исследователей справедливо полагает, что проведение точных изоглосс по данным письменных источников весьма затруднительно. Возможность историко-ареального изучения языка определенного региона зависит в первую очередь от наличия достаточного количества документов, отражающих явления живой локальной речи разных синхронных срезов³. Однако даже при наличии значительного круга памятников одного синхронного среза ареалы тех или иных явлений очерчиваются на лингвистических картах иногда весьма приблизительно. Примерный характер ареалов объясняется тем, что сетка обследования на картах, составленных по материалам письменных источников (особенно ранних периодов), получается более разреженной в сравнении с картами этих же явлений, построенных по данным современных говоров. Обусловлено это тем, что крупные письменные центры (уездные города), в которых находились приказные, земские, губные избы, были удалены друг от друга иногда на значительные расстояния⁴. Поэтому при составлении карт по материалам письменных источников возрастает роль более мелких письменных центров (монастырей, имевших в течение ряда веков свой штат писцов), показания памятников письменности которых дают возможность сделать сетку обследования менее разреженной.

Отмечается вместе с тем неравномерность распределения знаков на картах, построенных по данным письменности, и наличие «белых пятен». Последнее определяется неравномерностью распространения в древности мелких письменных центров. Особенно были богаты монастырями некоторые уезды Русского Севера. По словам М. Н. Тихомирова, нигде монастыри не получили такого распространения, как в Вологодском и Белозерском уездах⁵.

Трудности картографирования материалов письменных источников усугубляются еще и тем, что самый факт наличия локального явления или тем более отсутствия его в памятниках письменности не всегда свидетельствует о наличии или отсутствии последнего в говоре соответствующего исторического периода. Лингвистические карты, построенные на материалах письменных источников, приобретают большую надежность при сопоставлении с картами тех же явлений, составленными по данным современных говоров. Такое сопоставление дает возможность подтвердить наличие той или иной местной особенности в системе диалекта определенного исторического периода.

Несмотря на известные трудности картографирования показаний памятников письменности, историко-ареальное изучение языка имеет и явные преимущества. Карты, построенные на материалах письменности, не лишены недостатков, однако они могут иногда дать более значительный материал для исторической диалектологии русского языка, чем картографирование данных современных говоров, поскольку известно, что позднейшие явления могут стирать или представлять в измененном виде более ранние явления. Реконструирование ареалов локальных явлений на разных синхронных срезах позволяет определить время появления их в системе диалекта, установить центр распространения данных инноваций и, наконец, рассмотреть дальнейшее развитие этих особенностей – расширение, сужение их ареалов, архаизацию, выпадение из активного обихода.

Спорным является вопрос о том, какая сторона письменных источников перспективнее для картографирования. Как нам представляется, предпочтение следует отдать лексике, в силу того, что особенности фонетики и грамматического строя в деловых источниках XV–XVII вв., т. е. периода, от которого дошло наибольшее количество документов, годных для картографирования, «обнаруживают себя неполно и к тому же не всегда прямым, а порою и косвенным образом»⁶. Лексические особенности регистрируются более последовательно, поскольку препятствий для проникновения локальных слов в язык деловых документов было меньше⁷.

Особого внимания заслуживают карты, на которых реконструированы ареалы не отдельных локальных слов (атомарный подход), а целых лексико-семантических групп (ЛСГ), т. е. дается системное описание лексики говора определенного исторического периода. Сопоставление лингвистических карт такого рода с материалами древней письменности этого же периода других территорий проливает свет на историю формирования рассматриваемых ЛСГ, и вместе с тем, может помочь в решении проблем, связанных с формировани-

ем этнического состава населения соответствующей территории. Сравнение ареалов слов, входящих в состав лексико-семантических групп на разных синхронных срезах, даст возможность проследить развитие данных ЛСГ на протяжении длительного исторического периода, т. е. установить взаимосвязь и взаимозависимость слов в составе группы, отграничить изменения слов, обусловленные «давлением» системы, от трансформаций, вызванных нивелирующим влиянием литературного языка или междialeктным контактированием.

Значительную ценность приобретают лингвистические карты, построенные на показаниях письменных источников, в тех случаях, если с их помощью реконструируются ареалы локальных слов, уже не отмеченных в словарном составе современных говоров. Такие карты позволяют установить период, в течение которого отмеченные локальные слова входили в речевой обиход говорящих, т. е. определить их «возраст». Восстановление ареалов локальных слов, не сохранившихся в словарном составе современных диалектов, важно для исторической диалектологии русского языка, поскольку способствует выявлению новых диалектных явлений в русском языке среднего и старшего периода.

Заслуживают внимания лингвистические карты с реконструированными по данным письменности ареалами топонимов – названий селений. В силу устойчивости северной деревни, ареалы топонимов, восстановленные по документам XV–XVI вв., часто совпадают с распространением этих же топонимических наименований в наши дни⁸.

К показаниям памятников письменности, проецированным на карту, может быть применен метод группировки изоглосс. Возникающие при этом пучки изоглосс (диалектные границы) обычно древнего происхождения. Составление такого рода карт с данными литературных источников по археологии, истории и материальной культуре соответствующего региона дает возможность пополнить наши сведения о выделении диалектных зон языка древнерусской (общеюго-славянской) и великорусской народности.

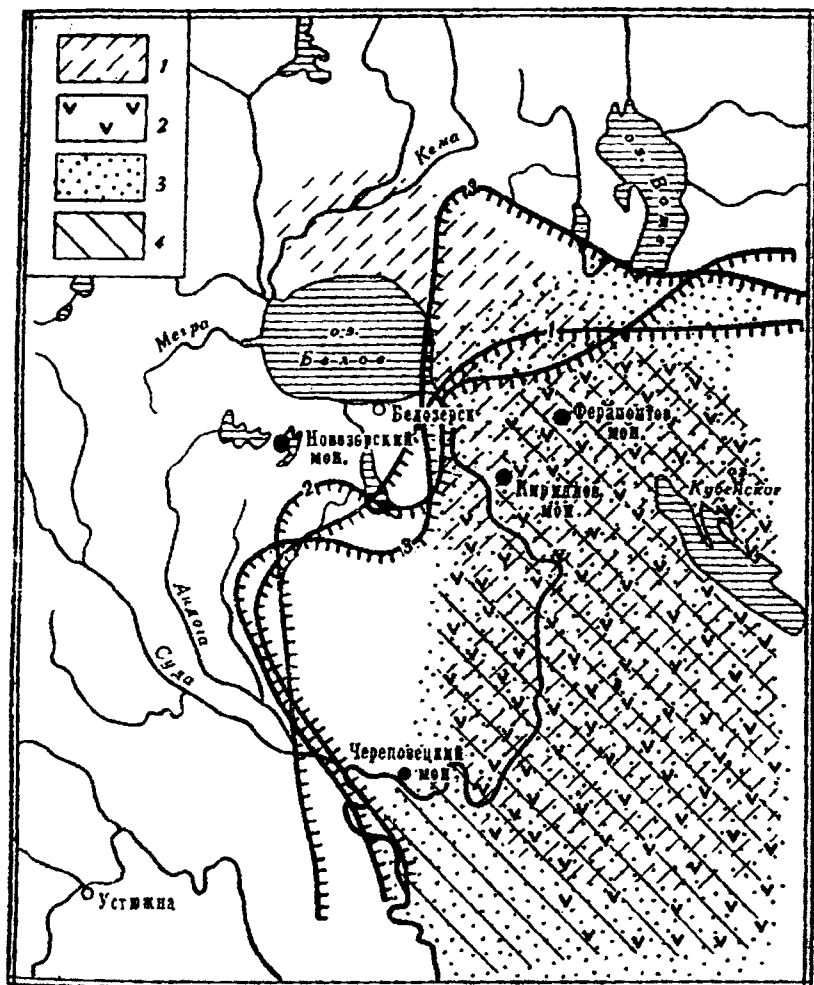
В настоящей работе делается попытка использования картографирования с применением метода группировки изоглосс к материалам белозерской актовой письменности XV–XVII вв. Если судить по публикациям, то от XIV в. сохранилось около 50 белозерских источников, от XV в. – несколько сотен. Количество источников, дошедших от XVI–XVII вв., практически не поддается исчислению. Историко-архивное изучение лексики Белозерья потребовало привлечения не только опубликованных местных документов. Для картографирования отбирались и рукописные материалы, хранящиеся в центральных архивах (ГПБ, ЛОИИ, ГАЛО, ГИМ, ЦГАДА), а также в краеведческих музеях Вологодской области (Череповец, Устюжна, Борисово-Судское)⁹. На карту проецируются только лексические особенности документов. Сохранность значительного числа точно локализованных и датированных источников (своего рода «массовость свидетельств»), написанных на сравнительно небольшой территории Белозерского уезда, дает возможность составить карты территориального распространения слов в Белозерье на двух син-

хронных срезах – XV и XVII вв. Ареалы слов по данным письменности сопоставляются с распространением их в современных белозерских диалектах. Следует отметить, что данная работа представляет собой один из первых опытов картографирования показаний письменных источников с учетом материалов современных говоров.

По своему происхождению и развитию белозерские говоры являются переходными. Межзональный характер этих территориальных единиц объясняется историей их формирования и развития. До прихода славян Белозерский край был районом расселения племени весь¹⁰. В конце первого тысячелетия н.э. Белозерье начинает заселяться выходцами из пределов Новгорода Великого, с XII – XIII вв. население края пополняется пришельцами из районов Верхнего Поволжья. Длительный исторический период территория Белозерья оставалась широкой пограничной полосой, отделяющей северо-западную диалектную зону от северо-восточной¹¹. Сводные карты Белозерья отражают разнообразные типы лингвистического ландшафта. Межзональный характер белозерских говоров определяет преобладание маргинальных диалектных зон. На карте 1 особого внимания заслуживают ареалы апеллятивов *под'ѣль*, *с'ѣча*, *дорь*, *рамень*, реконструированные по показаниям деловой письменности XV–XVI вв., а также изогlossы топонимов *Рамень*, *Дорь*, *Дора*, *Дорка*, *Дорино*, *Починок*.

Апеллятив *под'ѣль* имел значение «подсека»: *Дали есмѣ... деревню свою на Талицѣ, да под'ѣли Попели на р'ѣцѣ на Сезмѣ* (Данная Е. Пикина 1448; АСВР II № 117); *Отъ К'ѣргоозерца л'ѣтнимъ путемъ ... на Тарасову под'ѣль* (Отводная грамота Белозерья 1455; АСВР II № 165). Это слово было распространено на восточном побережье Белого озера и на левобережье р. Шексны (р-ны по течению р. Словенки, Уломы, Сизьмы – левых притоков Шексны; р-ны по р. Киуй, впадающей в Белое озеро с северо-востока; р-ны Долгого озера, Кергозера; д. Захарьино, Скоково, Милобудицы, Колкач, Талицы, Попел, Рукина Слободка и т. д.)¹². Помимо белозерской деловой письменности, слово *под'ѣль* с отмеченным значением регистрируется в XV в. по преимуществу в документах центральных районов Московского княжества – в суздальских, владимирских, московских источниках¹³. В памятниках других территорий, а также в КПОС, КСРГК, КАОС, КСВГ, КСРНГ это слово не отмечено. Не сохранилось оно в современных белозерских говорах.

Ареал апеллятива *с'ѣча* «подсека» в XVI в. тоже охватывал левобережье р. Шексны (волости Волочок Словенский, Усть-Угла, Пошехонье; районы по течению р. Порозобицы, Шелекши, Суслы, впадающих в Кубенское озеро; д. Рукина Слободка, Скоково, Чаромское, Костиевское, Непотягово, Демьянцего, Михайловское, Кукобой): *Сии суд судил Михаило Гн'ѣваш..., став на с'ѣчѣ на ози на Суселскаго л'ѣсу* (Правая грамота Ферапонтова монастыря 1502; АСВР II № 337); *Пов'ѣли... отъ березы да т'ѣмъ же путемъ людичкомъ через Костиевского починка розпаша и через с'ѣчу* (Правая грамота белозерского писца волости Усть-Угла 1505; ЛОИИ ф. 194, карт. 1, № 1, л. 5)¹⁴.

Карта 1. Сводная карта изоглосс топонимов и примерных ареалов апеллятивов по данным белозерских деловых документов XV–XVI вв.: 1 – примерный ареал апеллятива *под'ель*; 2 – примерный ареал апеллятива *рамень*; 3 – примерный ареал апеллятива *дорь*; 4 – примерный ареал апеллятива *с'чка*. Изоглоссы на карте: 1 – топоним *Починок*; 2 – топоним *Рамень*; 3 – топонимы *Дорь*, *Дорка*, *Дорицино*, *Дора*

По данным других источников в XV–XVI вв., эта лексема, как и слово *под'ель*, была распространена в основном в центральных районах Московской

Руси – в московских, владимирских, переяславских, дмитровских, тверских, кашинских актах¹⁵.

В КСРНГ, КПОС, КСРГК, КСНГ, КСВГ слово *сѣча* не отмечено, у В. Даля сопровождается пометами яросл., владимир., кашин. (IV, 382); в значении «паняня» это слово фиксируется в староукраинском языке (Акты Полтавского городского уряда 1667, 113 – Тимченко).

Апеллятив *дорь* имел значение «сенокосное угодье»: *А у меня... у Филиска, да у Макуты отвели доры, наших деревень покосы* (Правая грамота крестьян Волочка Словенского 1492; АСВР II № 285); слово *рамень* выступало в значении «участок леса»: *Повели...на край уголъ Гридина мху, да на рамень на тиховое* (Разъезжая грамота Кир.-Белоз. мон. 1555; Арх. Стр. I № 194). Эти слова были распространены в юго-восточных белозерских говорах, главным образом на левобережье р. Шексны (р-ны по ее левым притокам – Уломе, Сизьме, Ухтоме; волости Волочок Словенский, Сяма, Маслена, Пошехонье; р-н Долгого озера; д. Скоково, Рукина Слободка; с. Синдош, Воскресенское, Чаромское). В среднем течении р. Шексны зоны *дорь* и *рамень* частично заходили и на правобережье (волость Арбуй; д. Дальняя, Горка)¹⁶. Помимо белозерских источников, эти слова фиксировались в этот период в документах центральных уездов Московской Руси: *дорь* – в ярославских, костромских, рязанских актах¹⁷, *рамень* – в ярославских, переяславских, звенигородских и других документах¹⁸.

В современных диалектах с близким к отмеченному значением *дор* – слово северо-восточного и среднерусского ареала (архангельские, вологодские, владимирские и тверские говоры)¹⁹. Лексема *рамень* последовательнее сохранилась в говорах Восточной зоны – вологодских, владимирских, ярославских, вятских, пермских, поволжских, рязанских (КСРНГ). Эти слова не отмечены в КПОС, КСРГК.

Судя по данным карты 1, ареалы апеллятивов *подѣль*, *сѣча*, *дорь*, *рамень*, охватывая в XV–XVI вв. юго-восточную часть Белозерья, во многом совпадают. Привлечение материалов современных говоров, а также памятников письменности этого периода других территорий дает основание считать, что все эти лексемы были занесены на территорию Белозерья переселенческими потоками с юга – из пределов Ростово-Суздальского, а позже Московского княжества²⁰. Примерный характер ареалов этих слов не дает возможности сказать что-либо определенное о границах ростово-суздальской колонизации на территории Белозерья, поскольку материалы письменных источников, на основе которых они были воссозданы, характеризовали изучаемую территорию довольно неравномерно. Районы междуречья Шексны и Суды (особенно западная часть), не относившиеся к владениям белозерских монастырей, нашли более слабое отражение в актовой письменности.

Большой интерес в этом плане вызывает пучок изоглосс, образумый распространением топонимов *Рамень*, *Дорь*, *Починокъ*, являющихся названиями селений²¹.

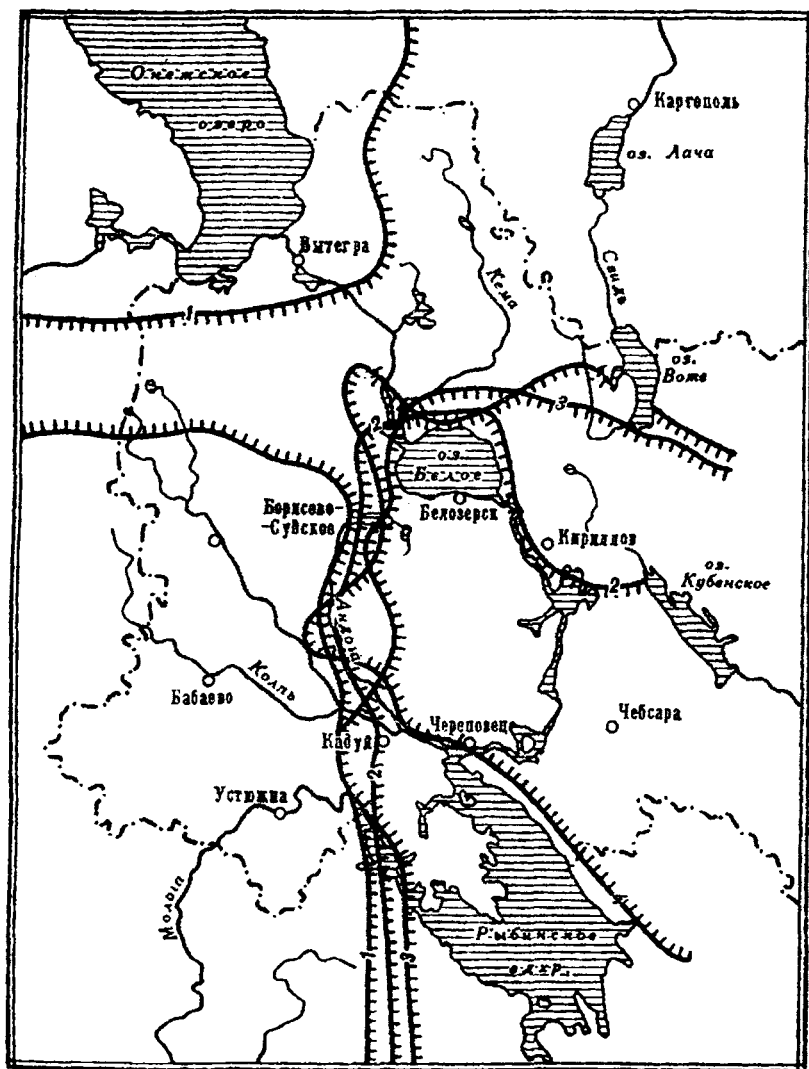
По материалам местной письменности населенные пункты, имеющие наименование *Дорь*, зарегистрированы в р-нах левобережья р. Шексны; в междуречье Ягрыш – Сизьма (1482, Шум., стр. 116), в Колкаче (1556, АСВР II № 316), в волости Маслена (1556, АСВР II № 316). Топонимы *Малый Дорь*, *Большой Дорь* отмечены юго-восточнее Кирилло-Белозерского монастыря (1577, Шум., стр. 138), *Доринское*, *Чистый Дорь*, *Дорино* – на северном и восточном побережье Белого озера (1495, АСВР II № 295; 1626, ПК № 591, 592), *Дорь*, *Дора*, *Дорка* – в междуречье Шексна – Андога (1556, АСВР II № 316; 1626, ПК № 591) ²². Почти все эти топонимические наименования сохранились до наших дней (КСБГ).

Названия селений *Раменье* (конец XV в., ЛОИИ № 32, тетр. 2, лл. 6 об. – 9; 1543; Арх. Стр. I, стр. 402; 1556, АСВР II № 316), *Елизарово Раменье* (1520, ГКЭ, 767 (66), *Семеново Раменье* (1529, ПК № 591) регистрируются в междуречье Шексна – Андога (верховья р. Шульмы и Ковжи). На южном и восточном побережье оз. Воже местные документы отмечают селения *Раменье* (1533, ААЭ № 176), *Большое Раменье*, *Малое Раменье* (1615, ЛОИИ № 81), на левобережье р. Шексны – *Великое Раменье* (1492, АСВР II № 289), *Романовское Раменье* (1556, АСВР II № 316). В источниках представлены также топонимы, однокоренные со словом *раменье*, но иного морфологического состава: *Раменейцо* (1492, АСВР II № 286), *Раменка* (1543, Арх. Стр. I, стр. 405), *Рамешка* (1601, ГПБ ф. 351, № 76/1315; ГПБ ДА А–I, № 16, л. 449 об.). Селения с такими названиями располагаются по среднему течению р. Шексны ²³.

Ареал топонима *Починокъ* в XVI в. во многом совпадал с территорией распространения топонимических наименований *Дорь* и *Раменье*. По данным письменности, топоним *Починокъ* фиксируется в р-нах левобережья р. Шексны – на р. Кодобое в Пошехонье (1490, АСВР II № 282), на р. Ягрыш (1556, АСВР II № 316), в Чароме (1556, АСВР II № 316), см. также: 1543, Арх. Стр. I, стр. 406; ГПБ ф. 351, № 70/1309, л. 39 об.; ГПБ ДА А–I, № 16. На восточном побережье Белого озера отмечены топонимы *Починокъ* (1615, ЛОИИ № 81, л. 232) и *Новый Починнокъ* (1584, ГПБ ДА А–I, № 16, л. 1600), во владениях Череповецкого Воскресенского монастыря – *Починокъ Холмъ* (1626, ПК № 591, л. 649) ²⁴.

Судя по материалам карты 1, изоглоссы рассматриваемых топонимов образуют пучок, оформившийся на территории Белозерья, по-видимому, в период замедления верхневолжской колонизации или сразу после ее завершения. Изоглоссы в составе пучка пересекают р. Мологу, нижнее течение Суды в районе впадения в нее р. Андоги и следуют на север по течению последней. Доходя до ряда озер (Новое, Азатское), расположенных южнее Белого озера, пучок изоглосс поворачивает на восток, огибает восточное побережье Белого озера и направляется к южному побережью оз. Воже. Полагаем, что отмеченный пучок изоглосс отражает глубину проникновения колонизационных потоков из районов Верхнего Поволжья в северо-западном направлении. Примерная граница между новгородской и ростово-суздальской колонизацией

XIV–XV вв. проходила по линии Белоозеро – Великий Устюг²⁵. Ее началом можно считать северную часть установленного нами пучка изоглосс, проходящего примерно по 60° с. ш. (южное побережье Белого озера и оз. Воже).

Карта 2. Сводная карта изоглосс апеллятивов по данным современных белозерских говоров: 1 – поскотина; 2 – удворина; 3 – нива «пашня», «поле с розью», «сенокосное угодье», 4 – подсека

Об устойчивости этой древней диалектной границы свидетельствует и карта 2, на которой показано распространение апеллятивов *удворина*, *нива*, *подсека*, *поскотина* в современных белозерских говорах.

Слово *удворина* отмечено в местных памятниках конца XVII в. в значении «участок пахотной земли около крестьянского двора»: *А отъ того столба на полдень же к елизаровъской удворинѣ* (Дело о размежевании церковной земли 1695; ЛОИИ ф. 260, оп. 1, № 609). Оно бытует в том же значении и в современных белозерских говорах (Кадуйский, Череповецкий, Шекснинский р-ны, южная часть Кирилловского и Белозерского): *На удворине лучше не сей, все курицы розгребут* (Романово Череповецкого р-на); *Всю удворину сама обработала* (Енино Белозерского р-на). Данные областных словарей свидетельствуют об узости ареала слова *удворина*.

Кроме Белозерья, в значении «дворище; место, занятое строением одного хозяйства; усадьба; поляны близ деревни» оно распространено в молотских, верхнекубенских, новленских говорах²⁶. Отмечена эта лексема в ярославских брейтовских, рыбинских, бугаевских диалектах (КСРНГ).

Ареалы апеллятивов *нива* и *подсека* на территории Белозерья в основном совпадают с территорией распространения слова *удворина* (см. карту 2). Слово *нива* в диалектах Кирилловского и восточной части Белозерского р-нов последовательно – «пашня» или «поле с рожью»: *Нива вспахана и огорожена* (Городище Белозерского р-на); *С нашей нивы много жита снимали* (Глухарово Кирилловского р-на). В говорах Череповецкого, Шекснинского, восточной части Кадуйского р-нов *нива* – «сенокосное угодье»: *На своей ниве два стога сена накосили* (Горка Кадуйского р-на).

По материалам картотек *нива* в значениях «поле», «пашня (не из-под леса)», «поле с посевами» более последовательно распространено в говорах центральных, восточных и юго-восточных областей (Ярославской, Костромской, Московской, Горьковской, Ивановской, Пензенской, Тульской, Рязанской)²⁷; в значении «сенокосное угодье» – в среднерусских и пограничных с ними диалектах (новгородских солецких, старорусских, окуловских – КСРНГ; калининских селижаровских, кушалинских, осташковских, пеновских²⁸; в ярославских некаузских, арефьевских, мышкинских, ростовских; курских скороднянских, льговских – КСРНГ).

Апеллятив *подсека* в юго-восточных белозерских говорах выступает в значении «разработанный под посев лесной участок»: *Мало земли было, дак подсеки жгли* (Липняки Белозерского р-на); *Секли подсеку, сияли рожью, хорошо растет* (Игумново Шекснинского р-на).

Что касается других севернорусских говоров, то это слово с отмеченным значением эпизодически регистрируется в некоторых архангельских; на территории Карелии – в пудожских; в ленинградских лодейно-польских (КСРГК); в вологодских междуреченских (КСВГ). В КПОС, КСНГ оно не отмечено. В ССРЛЯ (X, 592) слово *подсека* не локализовано и имеет помету «спец».

Лексема *поскотина* (*подскотина*) употребляется в череповецких, шексинских, белозерских, кирилловских, кадуйских говорах в значении «пастбище»: *Скотина ходит у нас в поскотине* (Малые Углы Череповецкого р-на); *Поскотину вся деревня огораживает* (Чистый Дор Кирилловского р-на). В отличие от слов *удворина*, *нива*, лексема *поскотина* известна и в говорах Вытегорского р-на (см. карту 2).

Поскотина (*подскотина*) имеет широкое распространение в других севернорусских диалектах. Согласно карте 344 (составитель Ю. С. Азарх) подготовленного к печати Институтом русского языка АН СССР «Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы», дающей распространение слов со значением «огороженное место для скота», ареал слова *поскотина* (*подскотина*) охватывает северную часть Вологодской группы говоров, северо-восточные районы Костромской и северные межзональные Белозерско-Бежецкие говоры.

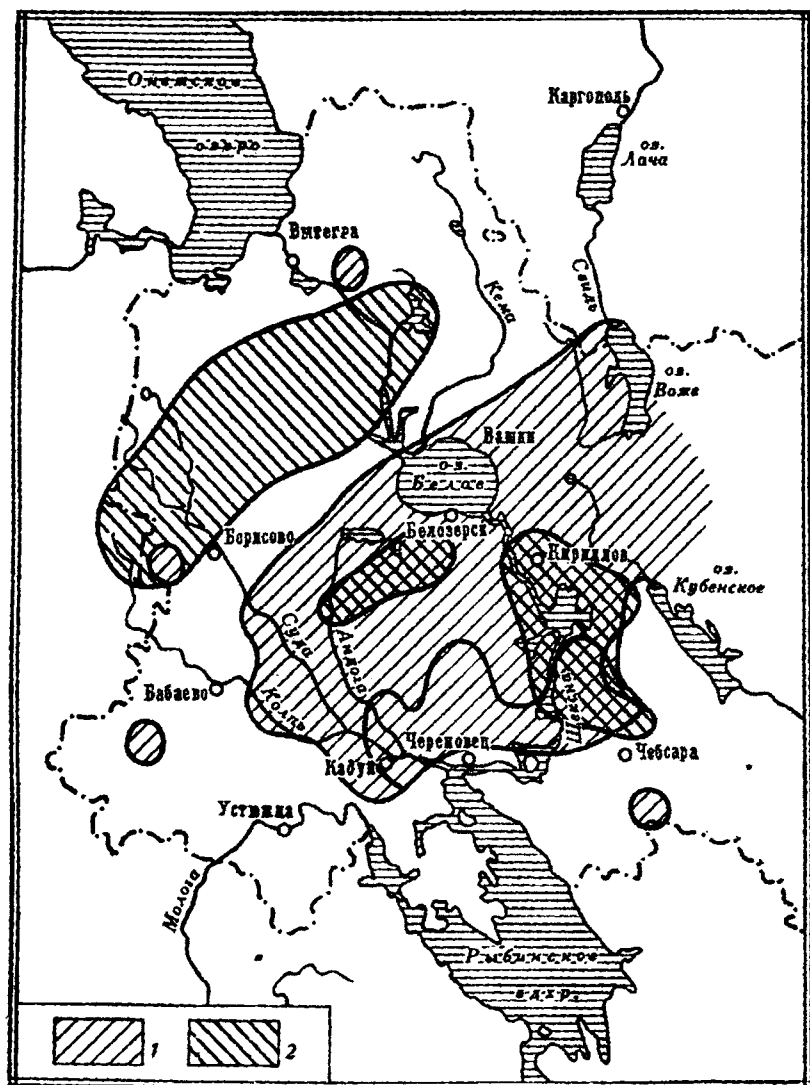
Сопоставление узких диалектных зон рассматриваемых апеллятивов с более широкими свидетельствует о том, что ареалы их на территории Белозерья разного происхождения. Лексема *удворина* является инновацией юго-восточных белозерских и пошехонских говоров. Проникновение апеллятивов *подсека* и *нива* («поле с рожью») в Белозерье определяется влиянием тех объединительных тенденций в области языка, которые связаны с центральными районами Московского государства. Иррадиация слова *поскотина* (*подскотина*) является заходом вологодской зоны.

Причины, вызвавшие распространение рассматриваемых слов в говорах Белозерья, были разными, однако их изоглоссы не являются беспорядочным переплетением линий, а образуют пучок. При наложении ареалов апеллятивов *удворина*, *нива*, *подсека*, *поскотина* на диалектные зоны топонимов *Дорь*, *Раменье*, *Починокъ* (карты 1, 2) обращает на себя внимание сходство в конфигурациях изоглосс в западной части пучка, в том и другом случае располагающихся по течению р. Андоги и ее притокам. Только в своей северной части изоглоссы апеллятивов охватывают, а не огибают западное побережье Белого озера, поворачивая затем на восток.

По данным истории, археологии и языка, распространению верхневолжской колонизации в западном и северо-западном направлении на территории Белозерья препятствовала сравнительно высокая плотность вепсского населения по течению р. Суды и ее притокам.

О расселении летописной веси на территории Белозерья в начале II тысячелетия н. э. до известной степени свидетельствуют реконструированные ареалы лексем субстратного происхождения *лыва* (*лывина*) и *мянда* (карта 3).

Лыва – заимствование из финских языков: фин., карел, *liiva* «ил, тина» (Kalima, 157; то же у Фасмера II, 539). В местных источниках это слово в значении «низкое болотистое место» фиксируется начиная с XVI в.: *Да прямо лывою в Долгое болото* (Межевая грамота Кир.-Белоз. мон. 1526; Арх. Стр. I № 115). В современных белозерских говорах оно последовательнее употреб-

Карта 3. Ареалы слов лыва (лывина) и мьнда в современных белозерских говорах:

1 – ареал слова лыва (лывина) «низкое болотистое место»;

2 – ареал слова мьнда «низкое болотистое место»

ляется в этом же значении: *У нас на болоте лыв нет, сухо* (Сиуч Кадуйского р-на); *Корова в лыву попала, еле вытащишьли* (Коварзино Кирилловского р-на). По данным карты 3 ареал слова *лыва* (*лывина*) охватывает в основном центральные говоры Белозерья. Островной реликтовый характер ареала данного слова в северных и западных районах Белозерья свидетельствует вместе с тем о том, что в прошлом оно было распространено и на этой территории. Помимо белозерских, слово *лыва* (*лывина*) широко представлено в говорах Северо-Восточной зоны (КСРНГ, КАОС, КСВГ). В северо-западных диалектах оно употребляется эпизодически в ряде олонецких (Водлозеро, Ведлозеро, Данилово)²⁹. В КПОС, КСРГК, КСНГ не обнаружено.

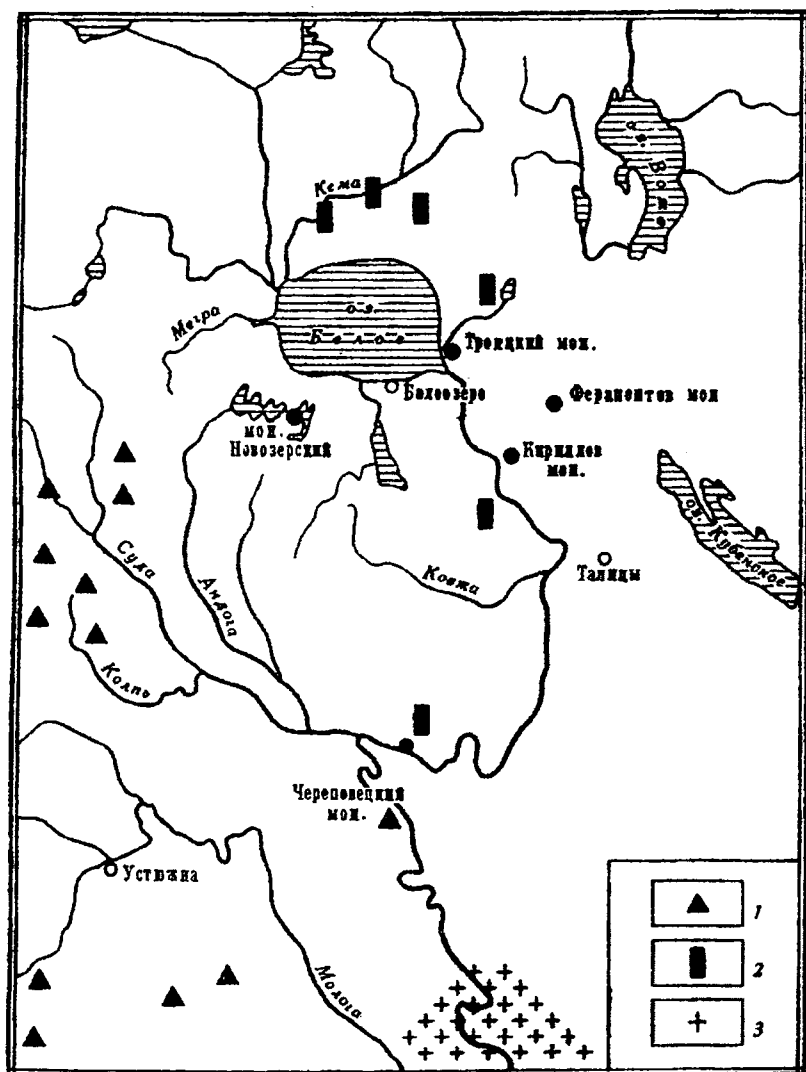
Мянда – слово финского происхождения, известное в диалектах многих прибалтийско-финских языков: фин. *mänty*, карел. *mändü*, ливв. *māndo*, лод. *mänd*, *mändü*, вод. *mänty*, эст. *mänd* «сосна», ливск. *mānD* «молодая сосна»³⁰. В диалектах вепсского языка слово *mänd* бытует в двух значениях: 1) «рыхлая заболонь» (обычно сосны) и 2) «сосняк на болоте»³¹. В вепсских говорах, расположенных в западных районах Белозерья (Бабаевский р-н), это слово употреблялось, по-видимому, и в значении «болото», поскольку отмечен апеллятив *muraškmänd* «сухой участок болота, поросший морошкой» (*murašk* «морошка»)³².

В современных русских говорах слово *мянда* в значении «низкое болотистое место» имеет узкий ареал: начиная с XVI в. оно известно только белозерским диалектам³³. В значениях «болотная сосна», «темноватые и водянистые верхние слои ствола сосны» апеллятив *мянда* употребляется в ряде севернорусских говоров. В архангельских *мянда* – «мелкий сосновый лес, растущий на болоте» (КСРНГ, КАОС).

Карта 3 показывает, что ареал апеллятива *мянда* («низкое болотистое место») претерпел в Белозерье существенные изменения. Если в наши дни он носит островной реликтовый характер, то в прошлом, по-видимому, был сплошным, охватывая территорию края в целом. Об этом свидетельствует наличие топонима *Мянда* в южных, западных и северо-восточных районах Белозерья, в говорах которых соответствующий апеллятив уже архаизировался и вышел (КСВГ).

Своеобразие ареалов терминов *лыва* (*лывина*) и *мянда*, построенных по данным современных говоров, дает основание считать, что в прошлом они были более значительными и охватывали территорию Белозерья в целом. Вряд ли является случайным почти полное совпадение ареала курганного и грунтового погребения веси (карта 4) и диалектных зон апеллятивов *лыва* и *мянда*. Согласно данным археологических и лингвистических карт, весь занимала в прошлом довольно значительную территорию вокруг Белого озера.

Из сказанного можно сделать некоторые общие выводы. Данные лингвогеографии, дополненные материалами истории и археологии, позволяют утверждать, что заселение славянами отдельных частей Белозерья происходило неравномерно, с различной интенсивностью, в результате чего ассимиляция веси в разных районах завершалась не в одно и то же время.

Карта 4. Схема расселения веси и ее финноязычных соседей в XI–XIII вв. по погребальным памятникам: 1 – курганные группы веси и отдельные курганы с весско-мерянскими элементами; 2 – грунтовые погребения веси; 3 – мерянские погребения и мерянские элементы в русских курганах (по кн. Л. А. Голубевой «Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв.». М., 1973)

Восточные районы Белозерья, по которым проходил оживленный торговый путь Шексна – Белое озеро, подверглись массовой крестьянской колонизации еще в конце I тысячелетия н. э., поэтому славянские элементы рано ассимилировали весь³⁴. Активно заселялись эти районы выходцами из пределов Новгородской земли, из Ростово-Суздальского, а позже Московского княжеств³⁵.

Иной характер имела славянская колонизация в западных районах Белозерья (течение р. Суды, Андоги, Колпи). Она не была такой массовой и шла в основном из пределов Новгородской земли. Верхневолжская колонизация если и затронула данную территорию, то весьма незначительно и в более поздний исторический период, поскольку лингвогеографическое описание Белозерья свидетельствует о том, что языковые инновации из этих мест, отмеченные в восточной части Белозерья в XIV–XV вв., не нашли распространения в западных районах.

Существует множество доказательств того, что весь на данной территории еще в XIII–XV вв. составляла этнически самобытный массив, не ассимилированный славянами. Одно из них – наличие курганных могильников по р. Суде, Колпи³⁶. Об этом же свидетельствует богатство субстратной микротопии западных районов в сравнении с восточными³⁷. Вепсский язык был активным средством общения в первой четверти XVI в., так как известно, что жители в бассейне р. Суды «имеют особый язык, хотя ныне почти все говорят по-русски»³⁸. Период билингвизма населения затянулся на длительное время; в середине XIX в. отмечалось, что жители Белозерского уезда (современные Бабаевский и Белозерский р-ны) «почти наполовину корела и чудь, но успели уже так обрусеть, что свободно изъясняются по-русски»³⁹.

Длительное существование в западных районах Белозерья отмеченного этнического субстратного массива объясняется тем, что население этих районов постоянно пополнялось переселенцами из Юго-Восточного Приладожья, коренными жителями которого, по утверждению Д. В. Бубриха, являлась весь⁴⁰.

Все сказанное позволяет считать, что полная ассимиляция вепсов в западных районах Белозерья завершилась намного позднее, чем в восточных. Если в восточной части Белозерья славяне ассимилировали вепсов еще в древнерусскую эпоху (в первые века II тысячелетия н. э.), то в западных районах этот процесс развивался уже в период становления языка великорусской народности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: A. Dauzat. La geographic linguistique, Paris, 1922; M. Bartoli, G. Vidossi. Lineamenti di linguistica spaziale, Milano, 1943; М. А. Бородина, Проблемы лингвистической географии (на материале диалектов французского языка), М.–Л., 1966, стр. 150–159; В. Я. Дерагин. Из истории лексических изоглосс в говорах Архангельской области, «Этимология. 1966», М., 1968.

2. С. И. Котков. Памятники русской письменности и историческая диалектография, ВЯ, 1975, 2, стр. 14. В языкознании уже имеются исследования подобного рода: Zd. Masařík, Zur spätmittelalterlichen Wortgeographie. Die Wochentagsnamen der deutschen Kanzleisprache des 14 – 16. Jahrhunderts in Mähren, «Zeitschrift für Mundartforschung», XXXIV Jg., 3/4, 1967; Н.С. Коткова. Историко-лингвистические свидетельства древней владельческой формулы, сб. «Русский язык. Источники для его изучения», М., 1971; Г. Ф. Благова. К методике историко-ареальных сопоставлений в топонимологии, ВЯ, 1972, 5.

3. О письменных источниках, пригодных для картографирования, см.: С. И. Котков. Памятники русской письменности и историческая диалектография.

4. См. карту в ст.: А. Н. Качалкин. Памятники местной деловой письменности XVII в. как источник исторической лексикологии, ВЯ, 1972, 1.

5. М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии, М., 1962, стр. 237.

6. С. И. Котков. Памятники русской письменности и историческая диалектография, стр. 18.

7. См. об этом: В. Я. Дерягин, Л. П. Комягина. Из истории диалектных границ в северной России, ВЯ, 1968, 6, стр. 119.

8. Об устойчивости северной деревни как сельского поселения см.: П. А. Колесников. Северная Русь, Вологда, 1971, стр. 10.

9. Подробнее об этом см.: К. К. Морозов, Ю. И. Чайкина. Рукописные материалы Белозерья XV–XVIII вв. в Череповецком краеведческом музее, сб. «Русский язык. Источники для его изучения».

10. А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, М., 1951, стр. 179; В. В. Пименов. Вспсы, М. Л., 1965.

11. Ю. И. Чайкина. Вопросы истории лексики Белозерья, «Очерки по лексике севернорусских говоров», Вологда, 1975, стр. 158.

12. Ареал слова *подъль* установлен также на основании документов АСБР II №№ 111, 120, 289, 290, 327; Арх. Стр. I № 196; Арх. еж. (1968), стр. 409; ГПБ ф. 351, № 69/1308.

13. Правая грамота Суздальского уезда 1470; АСБР I № 485; Духовная С. Корякина (Владимирский уезд) 1480; АСБР III № 105.

14. Ареал см. также и по АСБР II №№ 290 лл. 26, 28 об., 306, 310. 338; Арх. Стр. I № 100; АЮ № 263; ГПБ ДА – I, № 17, лл. 203–204.

15. АФЗХ I №№ 44, 51, 117; АЮ № 8; АЮБ I, стр. 673; АЮБ II, стр. 470, 576; Арх. Стр. I № 91; АГР I №№ 29, 35; АСБР II №№ 338, 338а, 405; АСБР III №№ 79, 209; ПКМГ II (Тверской уезд), стр. 347; Розыск. Шахл. IV, стр. 513.

16. Ареалы см. также и по АСБР II №№ 48, 65, 184, 223, 241, 263, 267, 275, 286, 288, 289, 290, 316; АСБР III № 224; АФЗХ I № 281; Арх. Стр. I №№ 116, 183; АЮ №№ 151, 263; ЛОИИ ф. 260, ст. I, № 400; ГПБ ф. 351, № 79/1318, л. 107; ГПБ ДА А – I, № 17, лл. 148, 177, 177 об., 203 об.

17. АЮ №№ 8, 11, 14; Мух. № 283; Ряз. П., 450 и др.

18. АСБР I № 110; АСБР II № 392; АСБР III №№ 67, 201, 224; АГР I №№ 50, 82, 102; АФЗХ I № 80; АЮБ I № 52, стр. 187; Мух. № 281; Ряз. П., 450.

19. Ю. И. Чайкина. Вопросы истории лексики Белозерья, стр. 80 – 81.

20. Как отмечает Ф. П. Филин, слово *рамень* в раннюю феодальную эпоху было широко распространено не только в центре, но и на севере (Ф. П. Филин. Древнерусские диалектные зоны и происхождение восточнославянских языков, ВЯ, 1970, 5, стр. 10). Можно полагать, однако, что в древненовгородских говорах это слово архаизировалось намного раньше, чем в диалектах других территорий. Об этом свидетельствует не только отсутствие апеллятива *рамень* в новгородской активной письменности, островной реликтовый ареал его в современных северо-западных говорах, но и активизация топонима *Рамень* в Северо-Западной Руси уже в XV в. (НПК VI. Указатель).

21. Топонимические данные для картографирования извлекались не только из местных источников. Значительную ценность представляют исторические карты, приложенные к кн. А. И. Копанева «История землевладения Белозерского края в XV – XVI вв.» (М. – Л., 1951), на которых реконструирована топонимика Белозерья трех исторических периодов – конца XV в. (Карта землевладения Белозерского края конца XV в.), середины XVI в. (Карта землевладения Белозерского края середины XVI в.), начала XVII в. (Карта землевладения Белозерского края начала XVII в.).

22. А. И. Копанев. указ. соч., стр. 214. См. также его карты 1, 2, 3.
23. Там же, стр. 239, карты 2, 3.
24. Там же, стр. 238, карты 2, 3.
25. С. Ф. Платонов. Прошлое Русского Севера, «Очерки по истории колонизации Поморья», Берлин, 1924.
26. С. А. Копорский. О говоре севера Пошехонно-Володарского уезда Ярославской губернии, Ярославль, 1929, стр. 197.
27. О. Г. Порохова. Пробные статьи Словаря, в кн.: Ф. П. Филин, Проект «Словаря русских народных говоров», М. – Л., 1961, стр. 190–194.
28. Т. В. Кириллова, Н. С. Бондарчук, В. П. Куликова, А. А. Белова. Опыт словаря говоров Калининской обл., Калинин, 1972, стр. 142.
29. Г. И. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия, СПб., 1898, стр. 51.
30. «Suomen kielen etymologinen sanakirja», I–IV, LSFU, XII, Helsinki, 1958 – 1968, стр. 359.
31. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Словарь вепсского языка, Л., 1972, стр. 344.
32. Там же, стр. 337.
33. Первая фиксация в Ободной грамоте Кирилло-Белозерского монастыря 1556 г. (АСВР II № 316),
34. Д. В. Бубрих. О двух этнических элементах в составе карельского народа, «Уч. зап. ЛГУ», Серия востоковедческих наук, 2, Советское финноугроведение, I, 1948, стр. 121. По словам археолога Л. А. Голубевой, в IX–X вв. «славянское население освоило все течение Шексны, а также южное и северо-восточное побережье Белого озера» (Л. А. Голубева, Славянские памятники на Белом озере, «Сборник по археологии Вологодской обл.», Вологда, 1961, стр. 34).
35. Подробнее об этом см.: Ю. И. Чайкина. Вопросы истории лексики Белозерья.
36. Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере, «Советская археология», 1962, 3, стр. 68–75.
37. А. К. Матвеев. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований, ВЯ, 1972, 3, стр. 77.
38. С. Герберштейн. Записки о московитских делах, СПб., 1908, стр. 123.
39. Н. Богословский. Новгородский сборник, I, Новгород, 1865, стр. 57.
40. Д. В. Бубрих, указ. соч., стр. 121.

СОКРАЩЕНИЯ

- ААЭ – «Акты, собранные Археографическою экспедициею АН», I, СПб., 1836.
- АСВР – «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.», I, М., 1952; II, М., 1958; III, М., 1964.
- АГР – А. Федотов-Чеховский, Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, I–II, Киев, 1860.
- Арз. А. – «Арзамасские поместные акты (1578–1618)», собр. и ред. С. Б. Веселовский. – Смутное время Московского гос-ва, 1604–1613, вып. 4 («Чтения ОИДР»), 1916, кн. 1).
- Арх. еж. (1968) – «Археографический ежегодник за 1968», М., 1970.
- Арх. Стр. I – «Архив П. Строева», I, Пгр., 1915.
- АФЭХ I – «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XV вв.», ч. I, М., 1951.
- АЮ – «Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, изд. Археографическою комиссиею», СПб., 1838.
- АЮБ – «Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси», ч. I – III, СПб., 1857–1884.
- ГААО – Государственный архив Архангельской области.
- ГАЛО – Государственный архив Ленинградской области.
- ГИМ – Государственный исторический музей.
- ГКЭ – Грамоты коллегии экономии (копии, хранящиеся в ЛОИИ).
- ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- Даль – В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, I–IV, М., 1955.
- ДА – Духовная Академия (название одного из фондов Рукописного отдела ГПБ).

Kalima – J. Kalima, Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen, Helsinki, 1919.

КАОС – Картотека Архангельского областного словаря (Диалектологический кабинет МГУ).

КПОС – Картотека Псковского областного словаря (Межкафедральный словарный кабинет, ЛГУ).

КСБГ – Картотека Словаря белозерских говоров (Череповецкий педин-т, кабинет русского языка).

КСВГ – Картотека Словаря вологодских говоров (Вологодский педин-т, кабинет русского языка).

КСНГ – Картотека Словаря новгородских говоров (Новгородский педин-т, кабинет диалектологии).

КСРГК – Картотека Словаря русских говоров Карелии (Кабинет русского языка, ЛГУ).

КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров Института русского языка АН СССР (Ленинград).

ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории.

Мух. – «Сборник Муханова», 2-е изд., дополненное, СПб., 1866.

НПК VI – «Новгородские писцовые книги, изд. Археографическою комиссией», VI, Книги Бежецкой пятины, СПб., 1910.

ПК № 591, 592 – Писцовая книга письма и меры князя Н. Шаховского и подьячего М. Козлова, 1626–27 (ЦГАДА).

ПКМГ – «Писцовые книги Московского государства XVI в.», СПб., 1872.

Розыск. Шакл. – «Разыскные дела о Ф. Шакловитом и его сообщниках, изд. Археографическою комиссией», I–IV, СПб., 1884–1893.

Ряз. П. – «Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв.», под ред. В. Н. Сторожева, т. 1, вып. 1–3, изд. Рязан. учен. архивн. комис., Рязань, 1898–1904.

СКЭ II – «Сборник грамот Коллегии экономии», II, Пг., 1922.

ССРЛЯ – «Словарь современного русского литературного языка», I – 17, М. –Л., 1950–1965.

Тимченко – Картотека Исторического словаря украинского языка XIV – XVII вв. Институт общественных наук АН УССР (Львов).

Фасмер – М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, I–IV, М., 1964–1973.

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов.

Шум. – С. Шумаков, Обзор грамот Коллегии экономии, II – Тексты и обзор белозерских актов (1395–1758), М., 1900.

ЕЩЕ РАЗ О СЛОВЕ КУЛИГА

Трудно встретить слово, о котором было бы столько противоречивых мнений, сколько о лексеме *кулига*.

О происхождении этого, издавна привлекавшего внимание языковедов слова писали многие, но по-разному. Одни лингвисты вообще отказываются от определения его этимологии (А. Г. Преображенский, М. Фасмер), другие настаивают на финском происхождении данной лексемы (А. Л. Погодин¹, М. П. Вессе², Я. Калима³), третьи говорят о том, что оно наследие древнерусского языка (Н. М. Шанский⁴, А. И. Федоров⁵).

Подобный разнобой во мнениях объясняется отчасти тем, что в современных русских народных говорах это слово имеет самые разнообразные, иногда очень далекие друг от друга значения. И в самом деле, если в шенкурских и пинежских архангельских говорах *кулига* – ‘крутой изгиб, поворот

реки'⁶, в вятских – 'лес, расчищенный, выкорчеванный, выжженный под пашню или пожню'⁷, в кадниковских, тотемских, вологодских – 'полоса, засеянная горохом, гороховище'⁸, в тульских – 'луговина, лужок'⁹, в вятских – 'деревня в лесу, починок'¹⁰, то в настоящее время трудно свести все эти разнообразные значения к единому семантическому центру.

Попытки Я. Калимы установить происхождение этого слова со всеми его значениями из фин. *külä* не дали желаемых результатов. Прав, на наш взгляд, М. Фасмер, считавший, что происхождение *кулига* из фин. *külä*, где *külä* обозначает 'деревню', не соответствует всем значениям этого слова в русском языке¹¹. Продолжая мысль Фасмера, можно сказать, что при установлении этимологии слова *кулига* было бы более целесообразным на первых порах говорить не о происхождении этого слова в целом, со всеми его значениями, а свести все разнообразие его значений по говорам к нескольким семантическим центрам, объединяющим слова с наиболее близким семантическим содержанием. Изучение происхождения каждой такой группы слов в отдельности должно быстрее дать желаемые результаты.

Как свидетельствуют материалы Картотеки Словаря русских народных говоров, все значения слова *кулига* по говорам можно свести, на наш взгляд, к трем семантическим центрам: 1) 'участок поля, луга или леса', 2) 'крутой изгиб реки, залив', 3) 'населенный пункт, деревня в лесу'.

Обращает на себя внимание тот факт, что в древнерусском языке XV – XVII в. данное слово используется с тремя основными значениями, причем каждое из них тяготеет к одному из трех семантических центров, о которых только что шла речь. По-видимому, из этих трех значений, путем трансформации их, развивается в дальнейшем по говорам все разнообразие смыслового содержания лексемы *кулига*.

Наиболее часто в памятниках XV – XVII вв. встречается *кулига* со значением 'участок земли' (луг, пожня среди пашен в лесу, поляна): ... а Федоръ Мамоновъ сказал про ту кулигу выменял де я ту кулигу у Федосѣя Самохваленского а становится на то кулиге сѣна копень по пятидесят нне тое кулигу выкосил Заузолениъ Ивашию Малининъ¹².

Кулига с этим значением – широко употребительное слово в древнерусском языке XV – XVII вв. Оно встречается в северных – беломорских¹³, двинских¹⁴, белозерских¹⁵ – памятниках, в документах средней полосы – московских, переяславских, ростовских¹⁶, в западных – псковских¹⁷, а также в южных – курских, орловских¹⁸.

Показательно, что *кулига* – с этим или близким к этому трансформированным значением – имеет чрезвычайно широкое распространение и в современных народных говорах. По данным Картотеки Словаря русских говоров, оно отмечено в Архангельской, Вологодской, Кировской, Пермской областях, на Урале, в Сибири, в Костромской, Владимирской, Ярославской, Псковской, Калининской, Брянской, Орловской, Курской, на Дону, в Саратовской, Куйбышевской и других областях.

Кулига со вторым значением не имело такой широты распространения в русском языке XV – XVII вв. Оно характерно было главным образом для восточных областей. Здесь *кулига* выступало со значением ‘залив реки, который летом (в малую воду) обсыхает и зарастает травой, пойменный луг на берегу’.... *а что, государь, за дорогу, что едят к Москва^х из Котельников, там... и туше водено, что ближе к пруду, а по сторонам, государь, кулигами, в яной кулиге сажени по 300 воды*¹⁹.

В современных народных говорах близкие к данному значения отмечены у слова *кулига* в вологодско-вятских, архангельских, брянских говорах, а также в Сибири и на Дальнем Востоке²⁰.

В статье делается попытка проследить происхождение и историю этого слова с третьим значением: *кулига* – ‘обособленная часть волости с рядом населенных пунктов, объединяемых церковью’, т. е. то, что позднее стало обозначаться словом *приход*.

Кулига с этим значением обнаружено в рукописных памятниках XVII–XVIII вв., хранящихся в Череповецком краеведческом музее: в столбцах Воскресенского Череповецкого монастыря²¹, в синодиках Филиппо-Ирапского монастыря²².

Многочисленные примеры из столбцов Череповецкого монастыря говорят об активном использовании этого слова в значении ‘часть волости’. Порядок расположения слов, с помощью которых конкретизируется название местности, указывает на более узкое содержание термина *кулига* в сравнении с *волость*, так как на первом месте в документах всегда *волость* как слово, обозначающее более крупную административную единицу, на втором – *кулига* как часть волости:

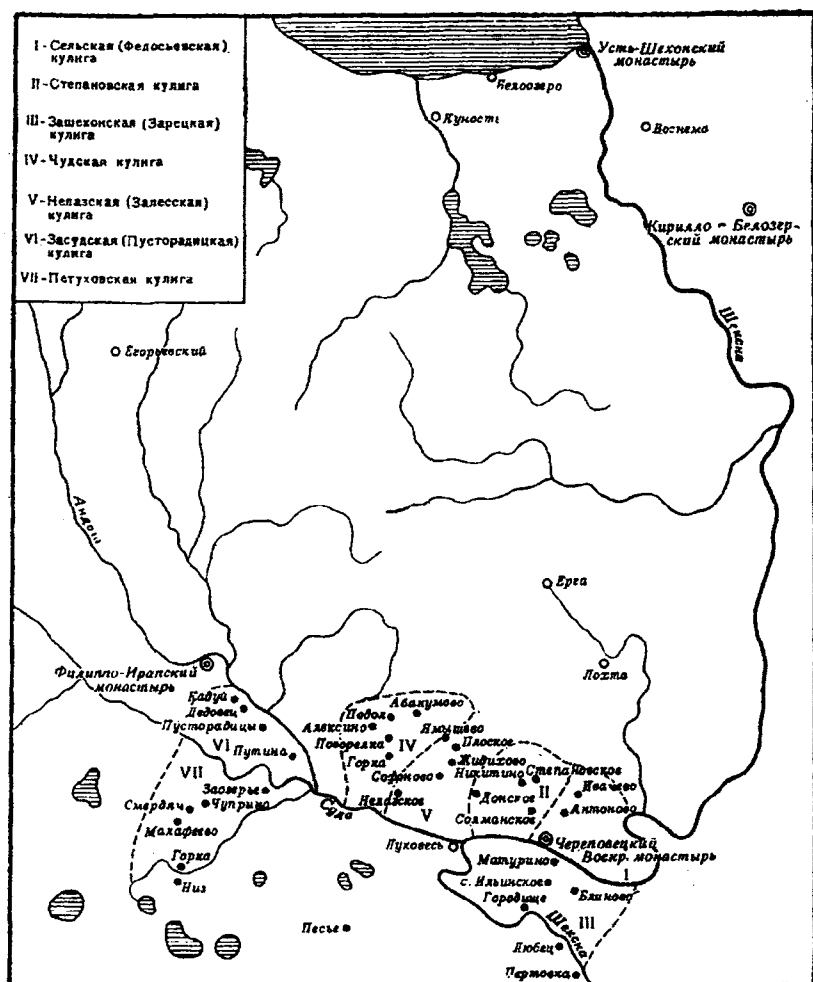
ср., например, столбец № 2, 1632 г.: *Череповецкие волости, Воскресенского монастыря, Степановские кулиги, деревни Паздерина*;

столбец № 6, 1640 г.: *...сирота, крестьянин Череповецкой волости, Чучкия кулиги (Чудской), деревни Голбина*;

столбец № 23, 1661 г.: *...нищей богомолец, Белозерского у^{ез}ду Натпорожского стану, Череповецкой волости, Туховские кулиги Никольской поп Никифорище*.

Прежде чем переходить к вопросу о происхождении слова *кулига*, необходимо более подробно познакомиться с соответствующей реальией.

По сведениям историков, на всем обширном пространстве Севера в XV – XVII вв. и позже наблюдался гнездовой тип поселений²³, заключающийся в том, что близлежащие деревни объединяются в специфические «гнезда». Столбцы Череповецкого и синодики Филиппо-Ирапского монастырей свидетельствуют, что часть волости с таким «гнездом» в средней и южной части Белозерья имела местное название – *кулига*. Деревни на территории *кулиги* – чаще всего находились в непосредственной близости друг от друга (1–2 км, иногда 3–4), так что *кулига* представляла собою как бы обособленное «гнездо». Одна *кулига* отделялась от другой пустыми, незаселенными лесными и болотистыми землями. В состав белозерской *кулиги* входило от пяти до двадцати деревень.

Белозерье XVII в.

Каждая кулига имела название, причем именовались они чаще по рекам, по течению которых располагались, или по центральному пункту, селу, где находилась церковь.

В столбцах Череповецкого монастыря встречается упоминание о четырех кулигах, находящихся в ведении последнего²⁴.

В синодиках Филиппо-Ирапского монастыря отмечены кулиги, именованные по рекам: Засудская (на р. Суде), Нелазская (на р. Нелазе), Петуховская (на р. Петух). Ср., например: *Род Игнатия Никифорова Нелазские кулиги деревни Иевлевы...*; *Род Петушской кулиги деревни Смердяч*.²⁵

Как отмечено выше, гнездовой тип поселения свойствен был обширнейшим территориям Севера. Привлечение документов XVII – XVIII вв. позволяет утверждать, однако, что распространение термина *кулига* со значением ‘часть волости с «гнездом» деревень’ характерно для ограниченной территории, расположенной по нижнему и среднему течению р. Суды с притоками и на одном из участков по течению Шексны²⁶ (см. карту).

Доказательства этому следующие. В северных новгородских пятинах, где поселения тоже располагались «гнездами», «гнездо» деревень в XVI–XVII вв. называлось *волосткой*: *всего въ Селетцком погосте и того погоста в волостках и въ Порозерской волостке*.²⁷

В памятниках письменности Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого Вологодского монастырей, расположенных на расстоянии всего 100 – 120 км от местности, где употребляется термин *кулига*, с этим или близким значением используется слово *ключ*. В «Росписи деньгам, собранным с вотчин Прилуцкого монастыря» (1612 г.), читаем: *деревня Околомонастырского ключа*. ., с *Сергеева ключа 2 рубля 14 алтын*.²⁸

В жалованной грамоте царя Ивана Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю (1557 г.) тоже есть упоминание о трех монастырских ключах – Колдомском, Кнутовском и Зарецком²⁹.

Слово *кулига* с интересующим нас значением в русском национальном языке XVII – XVIII вв. было узкоместным, диалектным. Не случайно, что в документах первой половины XVII в. одни и те же части Череповецкой волости называются по-разному. Называя районы Череповецкой волости, белозерский воевода Андрей Образцов ни разу не приводит термин *кулига*, употребляя вместо него описательные обороты или используя обобщенное название *кулиги* без соответствующего термина, так как в словаре северных белозерских говоров XVII в. это слово отсутствовало. Вот отрывки из «Отписки белозерского воеводы. . . о действиях литовских людей. . . в Белоозере» (1618 г.):

а нашли де они на лѣсу, то жь Шухтоские волости в Чудцѣ (т. е. в Чудской кулиге. – Ю. Ч.);

... и стали в Неласкихъ въ деревнѣ в Великомъ Дворѣ (т. е. в Нелазской кулиге. – Ю. Ч.)³⁰.

Совсем иное обнаруживается в «Поручной патриаршихъ крестьянъ села Федосьева...» (1641 г.), документе, написанном на «месте», в Череповецкой волости. Термин *кулига* используется здесь четко и последовательно: *Се язъ, Иван Онофриевъ... поручился по крестьянине Стефановские кулиги деревни Паздерина, по Федорѣ Поликарповѣ, в томъ, что жити ему за нашею поручкою въ той же Стефановской кулиге в деревнѣ Никитинѣ*.³¹

Данные современных говоров также свидетельствуют об узкой сфере бытования этого слова с интересующим нас значением в прошлом. Дело в том, что, кроме белозерских говоров, ареал этого слова, по данным Словаря Картолки народных говоров, с близким к нашему значению отмечен только в виде отдельных изолированных «островков» в вятских (*кулига* – ‘починок, деревня в лесу’) и в вологодских (*кулига* – ‘деревня, находящаяся далеко в стороне от погоста, деревня на отставе’).

Внелингвистические данные, а именно история края, где был распространен административный термин *кулига* в XVII – XVIII вв., хотя бы косвенно, но могут помочь в решении лингвистических вопросов – установлении этимологии этого слова.

Как известно, в конце VIII – начале IX в. в районе Межозерья (Ладожского, Онежского и Белого озер) жили вепсы, язык которых принадлежал к балтийско-финской группе финно-угорских языков. После расселения вепсов сразу же проникает в эти места мощный колонизационный поток славян.

По мнению историков и археологов, в XV – начале XVIII в. какая-то часть вепсов «...обитала в верховьях Суды»³². Есть свидетельства очевидца, который в первой четверти XVI в. встречался с вепсами в Судском стане Белозерского уезда: «Жители этой местности, – пишет он, – имеют особый язык, хотя нынче почти все говорят по-русски»³³.

Значительная часть вепсов, помимо течения рек Свирь и Оять, располагалась в верховьях Суды. Между тем интересующая нас территория, где бытовало ранее слово *кулига*, как сказано, была расположена восточнее, по среднему и нижнему течению р. Суды, а также по Шексне, при впадении в нее Суды. Следовательно, речь идет о территории, только прилегающей к области основного обитания вепсов. В этих местах проходила граница между вепсами и русскими, так что вепские поселения перемежались с русскими. Лингвисты и историки находят здесь большое количество топонимов вепского происхождения, с помощью которых славяне отмечали «соседство с собою иноязычного населения»³⁴.

Уже название одной из кулиг Череповецкого монастыря – Чудская – говорит о том, что на территории ее жили ранее вепсы, или чудь.

Итак, слово *кулига* в XVII – XVIII вв. распространено было в местности, где русские поселения располагались в непосредственном соседстве с вепскими.

Лингвистические данные более определенно говорят о финском происхождении слова *кулига* с этим значением. Важно отметить, что слова с этим корнем можно обнаружить в словарном составе не одного какого-то языка, а ряда языков прибалтийско-финской группы. Так, по словам Я. Калимы, «в финском *kylä* ‘деревня’, карельском *külä*, вепском *külä*, *küla* ‘вообще чужие сёла’, эстонском *küla* ‘село’ обозначают населенную местность, соседство»³⁵. В финских диалектах и в дальних родственниках языках *küla* обозначает ‘дом’³⁶. Таким образом, это не случайная, пришедшая извне лексема, а слово основного словарного фонда многих прибалтийско-финских языков.

При непосредственном и частом контакте русских и вепсов, живущих поблизости друг от друга, по-соседски, славяне легко могли усвоить вепс. *külä*, которым вепсы называли скопления («гнезда») славянских поселений, ведь по-вепски ‘чужие села’ – *külä*.

Интересно, что в языке современных вепсов, проживающих несколько севернее верховьев Суды, в Пондале (Бабаевский р-н Вологодской обл.), *külä* – ‘соседняя деревня’, а *külähine* – ‘чужой, житель соседней деревни’³⁷.

Сопоставление вепс. *külä* и русск. *кулига* свидетельствует, однако, о соответствии только части корневого состава этих слов. Откуда морфема *g-a*? По всей вероятности, слово подверглось на русской почве морфологическому освоению, такому же, как в беломорских говорах, где отмечен следующий закономерный процесс при заимствовании слов из угро-финских языков: «... в заимствованиях . . . которые в оригинале имели . . . согласный (h, k) или аспирацию. . . , появляется слог *-ga* (ср. *kare*, в беломорских говорах *карега* ‘порожек’; карельское *jame*, в беломорских говорах *ямега* ‘шпагат’))»³⁸. Морфологическое освоение вепсского слова, как видно, тоже состояло в добавлении слога *-ga* к *külä*.

Какова же история этого слова в Белозерье? Местные памятники свидетельствуют об активном бытовании его в XVII –первой половине XVIII в. Сопоставляя записи синодиков Филиппо-Ирапского монастыря, можно прийти к выводу, что *кулига* начинает постепенно выпадать из речевого обихода говорящих к концу XVIII в.

Забвение этого термина выражается в том, что он начинает заменяться словом *волость*. Например: *Род Чудской волости, дер. Маслова* (вместо Чудской *кулиги* – Ю. Ч.); *Род Нелаской волости, деревни Парфенки* (вместо Нелазской *кулиги*. – Ю. Ч.)³⁹.

На тех страницах синодиков, где записаны умершие в начале XIX в., термин *кулига* последовательно заменяется словом *приход*: *Род Покровского приходу деревни Починка*; *Род прихода Пусторадицкого* (вместо Пусторадицкой *кулиги*. – Ю. Ч.).

Несмотря на то, что в официальном сообщении с конца XVIII в. *кулига* уступает место слову *приход*, в живом употреблении с трансформированным значением оно продолжает сохраняться. На довольно ограниченной территории Череповецкого и Кадуйского р-нов Вологодской обл. (нижнее течение р. Суды и участок Шексны) в первой половине XX в. оно бытует с разным семантическим содержанием.

М. К. Герасимов зарегистрировал его в Череповецком уезде в начале XX в. еще со значением, близким к тому, которое имело это слово в XVII –XVIII вв.: ‘*кулига* – ‘местность, селения которой расположены по обеим сторонам небольшой реки, т. е. в группе, в куче’. Каждая *кулига* имеет название по реке, у которой она расположена (Кисовская, Андогская, Петуховская). Отсюда *кулижане* – жители кулиги»⁴⁰.

В самой южной части Череповецкого р-на *кулига* обнаружено с иным, трансформированным значением – ‘группа людей, «подозрительная» компания’. В Вочкоме значение слова осложняется эмоцией отрицательной оценки: «*Не хочу я и дела иметь с вашей пьяной кулигой*»; «*Вон кулига собралась – картежники*»; «*С этой воровской кулигой водички не стану!*» (записано в июне 1967 г. в дд. Харламовское и Пленичники)⁴¹.

На севере Череповецкого р-на *Кулигой* неофициально называют в наши дни лесистую, глухую местность на территории Дмитриевского сельсовета и др. По воспоминаниям, местные жители соседних приходов с некоторой настороженностью относились к людям, жившим в *Кулиге*.

Местность *Кулига* (одно время был даже Кулижский сельсовет) граничит с Кадуйским р-ном, в речи жителей которого до нашего времени сохранился фразеологический оборот *послать на кулигу*, употреблявшийся со значением ‘послать в глушь, в глухое, лесное место, неведомо куда’, синонимичный литературному *к черту на кулички*: *Послать бы его на кулигу, заистывал бы; Цего ты его слушаешь, пошли его к чёрту на кулигу*⁴².

Итак, в пользу вепсского происхождения *кулига* со значением ‘часть воности с группой близлежащих поселений’ говорит следующее: а) совершенно не случайно появление его в словарном составе средних и южных белозерских говоров, так как на территории, занимаемой этими говорами, русские издавна вступали в непосредственный и каждодневный контакт с вепсами; б) вепс. *külä* и русск. *кулига* сходны по звуковому облику и близки по значению; в) в значении *кулига* в современных череповецких и кадуйских говорах, правда, очень глухо и завуалированно, проскальзывает момент, сближающий семантику его с теми оттенками значения, которое имело это слово в начальный период своего бытования в русском языке. До сих пор оно означает группу людей или местность, чем-то отличающиеся от окружающих (*кулига* – это не просто компания, а какая-то особая, обособленная группа, «подозрительное» сборище; *Кулига* – это лесистая, глухая местность, с людьми, не такими, как в соседних местах).

По словам Я. Калимы, все многочисленные другие значения этого слова (‘участок луга, пашни’, ‘излучина реки’, ‘росчисть’ и мн. др.) «лучше возводить к этому»⁴³, т. е. близкому к тому, которое рассмотрено в настоящей работе. Однако окончательное решение этого вопроса требует специальных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. Л. Погодин. Севернорусские словарные заимствования из финского языка. «Варшавские университетские известия», вып. 4, 1904, стр. 187.

2. М. П. Веске. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1890, стр. 40, 46–48.

3. J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 140.

4. Трудно согласиться с этимологией этого слова, предложенной в «Кратком этимологическом словаре» под редакцией И. М. Шанского: «*Кулига* является образованием с суффиксом *-ига* от *куль*. См. *Кулик*. . . *Кулик* образовано с помощью суффикса *-икъ* от *куль*» (стр. 173).

5. А. И. Федоров. Общеславянская и древнерусская лексика в беломорских говорах. — «Уч. зап. ЛГУ», вып. 52, № 267, 1960, стр. 210.
6. Картотека Словаря русских народных говоров Института русского языка АН СССР, Ленинград (Картотека СНГ).
7. Даль II, стр. 554.
8. А. Дилакторский. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении, 1902, рукопись № 25-27. — Картотека СНГ.
9. Картотека СНГ.
10. Даль II, стр. 554.
11. Васнет II, стр. 410.
12. «Допросные речи старожилов. Собрание документов Нижегородской губернской Архивной комиссии XVI—XVII вв.» — Картотека ДРС.
13. И. Е. Елизаровский. Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958, стр. 37.
14. П. Я. Черных. Очерки русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 105.
15. J. Kalima. Указ. соч., стр. 140.
16. «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», т. II, М., 1958.
17. А. И. Лебедева. Значение топонимики для исторической лексикологии. — «Уч. зап. ЛГУ», вып. 52, № 267, 1960, стр. 168.
18. С. И. Котков. Из истории некоторых диалектных слов. — «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 3, М., 1962, стр. 159.
19. «Хозяйство Морозова, 1652, Материалы по истории феодально-крепостнического хозяйства», вып. 1—2. М. — Л., 1933—1936. — Картотека ДРС.
20. Картотека СНГ.
21. Столбы Воскресенского Череповецкого монастыря XVII—XVIII вв. Рукописный фонд Череповецкого краеведческого музея, Р 361/51; см. также: Б. С. Пушкин. Описание принадлежащих Л. М. Савелову документов. М., 1912.
22. Синодики Филиппо-Ирапского монастыря конца XVII—начала XVIII в. Фонд ЧКМ Р 361/51 (кн. рукописи.), № 17, 18.
23. М. В. Витов. Гнездовой тип расселения на русском Севере. — «Советская этнография» 1955, № 2.
24. Л. Ф. Афетов. Исторический очерк бывшего Череповецкого Воскресенского монастыря и его земельных владений. Череповец, 1895 (рукопись), фонд ЧКМ. В главе «Земельные владения монастыря» перечислены все деревни каждой из четырех кулиг. Например, в составе Зашехонской кулиги указаны дд. Матурино, Блиново, Малата, Милятино, с. Ильинское; в составе Чудской кулиги — 20 деревень и т. д.
25. Синодик Филиппо-Ирапского монастыря, № 17.
26. И в наши дни местное население Череповецкого района использует в обиходной речи эти общие названия частей прежних волостей, не употребляя слово *кулига*. Кисова, Вочкома, Улома и др. в Череповецком р-не — это не отдельные населенные пункты, а общие названия гнезд поселений, так как в Вочкоме, например, в наши дни четыре деревни (Харламовское, Минино, Грязливец и Ручьи), в Кисове — три (Большой двор, Верх, Карпово), в Уломе — свыше десяти (Кротово, Клопузово и пр.).
27. Материалы Поместного приказа по Новгороду и Новгородской области XVI—XVII вв. Рукописный отдел биб-ки им. В. И. Ленина, ф. 178, 6632. О термине *волостка* см.: М. В. Витов. Гнездовой тип. . . , стр. 34.
28. «Архив М. П. Строева», ч. II, Пг., 1917, стр. 223.
29. Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М. — Л., 1946, стр. 597; см. также: Из Романовы слободки привезли старосты дымные деньги съ Татаровского *ключа* съ тридцати вытей 5 алтын без деньги; да с Арбувского *ключа*. . . ; да с Конобовского *ключа*; да съ Зарѣцкоу *ключа*. — «Книги приходные Кирилло-Белозерского монастыря (XVI — нач. XVII в.)». Опубликовано в кн.: Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. II, вып. 1 и 2. СПб., 1910.
30. «Архив М. П. Строева», ч. II, стр. 469.
31. «Архив М. П. Строева», ч. II, стр. 1029.

32. До настоящего времени вепсы проживают в этих местах – в Борисово-Судском р-не Вологодской обл. (Н. И. Богданов. Народность вепсы и их язык. – «Труды Карельского филиала АН СССР», вып. 12. Петрозаводск, 1958, стр. 64).

33. С. Герберштейн. Записки о Московских делах. СПб., 1908. стр. 123.

34. Названия населенных пунктов и урочищ этой местности на весь: Череповесь, Арбуж-весь, Луковесь, Весь Ёгонская; названия деревень в Череповецком р-не: *Средняя Чудь*, *Задняя Чудь*, д. *Пертовка* – владение художника Верепагина (*per* по-вепски 'изба'). «Едва ли вызовет сомнение утверждение, что местные названия, содержащие этноним *чудь*, по большей части соответствуют действительному расселению чуди-вепсов, что за топонимами в данном случае стоит реально существовавшее население» (В.В. Пименов. Вепсы. М., 1965, стр. 183).

35. J. Kalima. Указ. соч., стр. 140–142.

36. Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. II, М., 1955, стр. 24.

37. Эти сведения любезно сообщены нам М. И. Зайцевой, сотрудником Карельского филиала АН СССР. В настоящее время М. И. Зайцева участвует в сборе материалов для составления диалектного словаря вепского языка.

38. И.В. Сало. Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. М., 1966, канд. дисс. (рукоп.), стр. 99.

39. Синодик Филиппо-Ирпальского монастыря XVIII в., № 17.

40. М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. – Сб. ОРЯС, т. 87. СПб., стр.

47. Ср. вепс *külähine* 'чужой, житель соседней деревни' и слово *кутижане* череповецкого говора, отмеченное М. К. Герасимовым.

41. С этим же значением обнаружено это слово в уломском и ваучском говорах: «*кулига* – собрание, сборище в смысле „подозрительной“ компании» (С. А. Еремин. Описание уломского и ваучского говоров. Пг., 1933, стр. 52).

42. Записано в с. Пусторадицы Кадуйского р-на в августе 1967 г.

43. J. Kalima. Указ. соч., стр. 140.

ИСТОРИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БЕЛОЗЕРЬЯ

Местная административная терминология русского языка среднего и старшего периода изучена еще весьма недостаточно. В работах историков рассматриваются обычно общерусские административные единицы¹. Локальные термины привлекают внимание историков и языковедов значительно реже и описываются попутно с другими группами лексики².

Разнообразие форм социально-экономической жизни Белозерья в XV–XVII вв., с одной стороны, неупорядоченность в системе официальной административной терминологии Московского государства, с другой, создавали известные условия для возникновения значительного количества локальных административных единиц. Специфика белозерской терминологии определялась еще и тем, что с давних пор Белозерье являлось территорией, на которой сталкивались интересы двух великих княжеств – Новгородского и Московского.

Как свидетельствует языковой материал, на протяжении длительного исторического периода белозерские говоры имели переходный, межзональный характер, поскольку территория Белозерья являлась широкой пограничной полосой, отделяющей северо-западную диалектную зону от северо-восточной³.

В настоящей работе подвергаются рассмотрению не отдельные административные термины (атомарный подход), а целые лексико-семантические группы (ЛСГ): а) термины, служащие для обозначения сельских населенных пунктов, б) единицы административно-территориального деления.

В работе ставятся следующие задачи: а) определить ареалы рассматриваемых слов на разных синхронных срезах, б) установить центры, из которых распространились данные инновации, в) отметить изменения в составе ЛСГ, отграничив процессы, обусловленные воздействием социально-экономических факторов, от изменений спонтанного характера.

I. ИСТОРИЯ ТЕРМИНОВ, СЛУЖАЩИХ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В БЕЛОЗЕРЬЕ

Главной отраслью экономики в Белозерье было сельское хозяйство. Главенствующее положение в связи с этим занимали сельские поселения. Деловая письменность Белозерья регистрирует значительное количество названий, служащих для обозначения сельских поселений (*село, слобода, погостъ, дворъ, деревня, починокъ, ново, (новцо, новишко)*). Одни из этих терминов возникли в более ранний период, до образования восточнославянской письменности (*село, слобода, погостъ, дворъ*), другие позже – (*деревня, починокъ, ново, (новцо, новишко)*).

§ 1. Названия селений ранней поры (*село, слобода, погостъ, дворъ*)

Село

Лексема *село*, восходящая по своему происхождению к диалектам праславянского языка, имеет однокоренные соответствия в других языках индоевропейской семьи (Пр. II 272 – 273; Ф. III, 596; Brückner 491). Специфичность мышления населения в эпоху родового строя приводила к тому, что в этот период, по мнению Ф. П. Филина, бывало одно недифференцированное понятие ‘земля и селение на этой земле’. Слово *село* выражало это недифференцированное понятие ⁴. Позже, в IX – XII вв., в южных областях Киевской Руси *село* – это ‘жилье’, ‘поселение сельского типа’, на севере – не только ‘населенный пункт’, но и ‘земельный участок, пашня, поле’ ⁵.

В новгородской деловой письменности XI – XIII вв. данное слово имело нерасчлененное, собирательное значение ⁶. *Село* – это ‘земельное владение в целом (неделимая совокупность мелких селений с земельными угодьями и центрального населенного пункта с принадлежащими только ему землями)’. В разных контекстах конкретизируются разные стороны этого собирательного единого значения – ‘земельный участок, земельное владение’, ‘земельное владение с селениями’, ‘центральное селение земельного владения’: *Се азъ князь великий Изяславъ Мъстиславичъ... испрошавъ есми у Новгорода... зем-*

лю село Витославиць и Смердь и поля Ушьково и до прости (Гр. в. кн. Из. Мст. 1146 – 1155; ГВНП № 82); Даю за все за то два села съ обильемъ (т. е. с урожаем – Ю. Ч.), и съ лошадьми, и с бортью, и съ малыми селищи (Дух. Клим. 1270; там же, № 105); Се другое село на Слудици..., и божница въ немъ святаго Георгия, и ниви, и пожни (Гр. Варл. Хут. 1192; там же, № 104).

В житийной литературе село – ‘земельный участок’ (Мин. ноябр. 1097, 277; см. также Пролог XIII, л. 7; Х. Ант. Новг. и т. д.). В новгородской колонии, Двинской земле, данное слово употреблялось в том же значении в документах более позднего времени⁷.

В XIV – XV вв. значение слова село в известной степени утрачивает синкретизм, поскольку понятие, выражаемое им, дифференцируется. Эти семантические сдвиги раньше, чем где-либо, протекают в Северо-Восточной Руси, однако ошибочно думать, что во всех без исключения московских актах данное слово выступает с четко вычлененными значениями⁸.

В документах центральной полосы оно регистрируется в 2-х значениях. В большинстве источников село – ‘земельное владение с селениями, получившее название по центральному населенному пункту’: *А яз... дал есми... в Дмитрове в Черпинском селе одиннатцать деревень* (Данная И. Поповки 1435; Ак. II № 89); *И те есмь все волости и села, и деревни тех сель, и езы дал есмь своей княгине* (Дух. гр. в. кн. Вас. Вас. 1461; ДДГ № 61). На данное значение слова село обычно указывает сочетание его с терминами деревня или починокъ: *Взял есмь у Савы село Верх-Дубенское, и с деревнями, и с починки, и с лесом, и со всем с тем, что потягло к тому селу, куды плуг ходил и соха и топор и коса* (Менов. в. кн. Дм. Ив. 1380; Ак. II № 304)⁹.

Другое значение слова село – ‘центральное селение земельного владения, поместья’: *Се яз... дал есмь свое село Ясенье... со всем, што к нему потягло, куде плуг ходил, куде топоръ ходил, куде коса ходила* (Данная Дан. Павл. Сузд. у. 1417; Ак. II № 434). Судя по материалам деловой письменности, это второе значение сохраняло нерасчлененность, синкретизм, ибо село – это не просто населенный пункт, а селение с относящимися к нему земельными угодьями: *Се яз, княгини Маріа... дала есми... свое село Омуцкое... со всем, что к тому селу потягло истарины, куды плуг ходил, куды соха, куды коса ходила* (Жалов. гр. кнг. Марии Сузд. у. 1444; Ак. II № 444)¹⁰. Только в XVII в. второе значение утрачивает синкретизм. По мнению С. С. Волкова, село – в первой трети XVII в. ‘крестьянское селение с церковью и двором феодала’¹¹.

Другое значение данного слова (‘земельное владение с селениями, названное по центральному населенному пункту’) сохранялось длительное время. В несколько измененном виде оно регистрируется и в национальный период. В словаре церковнославянского и русского языка первой пол. XIX в. село – ‘селение, в котором есть церковь’ и ‘округ, несколько деревень, принадлежащих одной волости’ (Сл. цсл. яз. IV, 117).

В белозерской актовой письменности XIV – XV вв. данное слово выступает в тех же двух значениях: ‘земельное владение с селениями’ и ‘центральное

селение поместья, имения, причем в первом значении термин *село* значительно частотнее: *Се яз... купил есми... село Вашкеи, его вотчинную землю боярскую, со всем с тем, что к тому селу потяглу и(с)старины, куды топор ходил, куды коса ходила, куды соха ходила. А отвод землям и пожням...* (Купч. П. Харитоновна 1340; Арх. еж., стр. 407). В грамотах белозерских князей слово *село* выступает в значении 'центральное селение' раньше, чем в документах, написанных другими лицами, проживающими в Белозерье: *А кого изумен посадит своих людей на той пустоши, и тем людям не надобе моя дань... А те люди потянуть к изуменову селу к Великому и судом и всеми дела* (Жал. тарх. белоз. кн. Андр. Дм. 1397; Ак. II № 24).

В местных источниках XVI – XVII вв. частотность лексемы *село* в значении 'населенный пункт' все более возрастает. Однако это не свидетельствует о том, что во втором значении 'сельский округ, находящийся в чьем-либо владении' данный термин архаизируется. Второе значение оказалось весьма устойчивым и дает о себе знать в местной письменности XVIII в.: *Родъ села Городищи деревни Иваньковы* (Син. Нвзр. XVIII в., л. 282); *Родъ села Таницъ деревни Тыртицы* (Там же, л. 283).

Слобода

Слово *слобода* получено путем диссимилиации в – в>л – б из *свобода* (Ф. III, 672). Оно бытует в других восточнославянских языках. В украинском *слобода* 'поселение' (Гринченко IV, 152), в белорусском *слобада* – тж. (Ф. III, 672). В иных славянских языках неизвестно. Возникает данное слово в диалектах языка древнерусской (общевосточнославянской) народности. И. И. Срезневский регистрирует два значения его: 'поселок', 'совокупность нескольких поселков' (III, 414). В документах актовой письменности XIV – XV вв. общепотребительное *слобода* (дериват *слободка*) употребляется в 2-х значениях: 'земельное владение с селениями, названное по имени центрального населенного пункта' и 'сельское поселение с земельными угодьями': *Что их села и деревни и селища в волости матери моей... в Маринине слободке Давыдовское село и з селищи и з бортью и с лесомъ и Дубровка с селищи и с лесомъ... не надобе моя дань.* (Жал. гр. в. кн. Вас. Вас. 1436; 673 Ак. III № 34); *Се яз... дал есми... луг Долгой под слободкою Ниской на оной стороне Нерли* (Данная Н. Д. Нарбекова Сузд. у. 1444; Ак. II № 445)¹². Как и *село*, слово *слобода* в XIV – XV вв. было полисемантическим, причем значения этих терминов как будто бы были очень близкими или даже совпадали. Судя по данным исторической литературы, значение *слобода* все же было специфичным, отличным от семантики лексемы *село*: «Слобода – поселение, жители которого пользовались льготами по несению феодальных повинностей»¹³.

С течением времени семантическое содержание данного слова изменяется. В документах XVII в. оно выступает в одном значении 'пригородное селение, торгово-промышленное или специального назначения'¹⁴. В современном

русском литературном языке как нарицательное наименование поселений не употребляется.

В актовой письменности Белозерья данный термин фиксируется, начиная с XV в., в 2-х значениях – ‘земельное владение’ и ‘центральное селение этого владения’: *Да яз, князь Федор, взял собе полслободы, а розвод тем землям река Шима* (Делов. кн. Ф.Д. Кем. 1508; Ак. III № 475); *Вверх по Шохстне пустот Голузино, да Нахта, да слободка в соснязе* (Данная на мон. Ник. 1432; АЮБ I № 443).

В связи с утратой различий в семантическом содержании административных терминов *село* и *слобода (слободка)*, последний с конца XV в. начинает архаизироваться и выпадать. В документах конца XV – XVI вв. один и тот же населенный пункт мог обозначаться терминами *слобода (слободка)* и *село*, что свидетельствует о постепенном стирании различий между соответствующими поселениями: *Почему вы ту слободку Крохинскую своею зовете, монастырскою? Се яз, князь Михаила Андреевич, пожаловал есми... ослободил есми их селяном Крохинского села болото чистити* (Пр. гр. на д. Крохинскую 1490; Ак. II № 332). Не случайно, что и топонимическая продуктивность данного слова начинается именно с конца XV в. Переход апеллатива *слобода* в топонимическое наименование можно наблюдать в актах Кирилло-Белозерского монастыря. В одном из них, написанном в середине XV в., *слобода* – еще апеллатив, в памятниках конца XV в. – уже топоним: *А отвод земле: от Бела озера за Лымбуемъ за речкою по первой вражок, от слободы межа, да сверхъ вражка через мохъ* (Жал. гр. Белоз. кн. Мих. Андр. 1448; Ак. II № 120); *И повели те отводчики... от Белаозера за Лымбоемъ за речкою по первой вражок от Слободы, межа, да вверхъ вражкомъ до мху до зыби* (Отводн. зап. кн. Кир.-Белоз. мон. 1492, л. 30 об.; Ак. II № 290). В актах XVI – XVII вв. слово *слобода (слободка)* обычно является частью составного топонимического наименования: *И всего село Романова Слободка с приселки да к тому селу и к приселком ОН деревень* (Кн. пер. Кир.-Белоз. мон. XVII в.; ГПБ ф. 351 № 70/1309, л. 50).

В местной письменности XVII в. термин *слобода (слободка)* употребляется в значениях ‘поселение торгово-ремесленного характера’ и ‘поселок у города или монастыря, пригород’: *В той же слободке монастырскихъ онъбарныхъ и судовыхъ сторожей дворы* (Пер. кн. Кир.-Белоз. мон. 1618; ГПБ ф. 351 № 77/1316, л. 8); *Дворъ пусть ямщика Игнашки Федорова живетъ въ ямской слободке* (Писц. кн. г. Белоозера XVII в.; ГПБ ф. 351 № 70/1318, л. 10).

В словарном составе большинства современных белозерских говоров апеллатив *слобода (слободка)* не отмечен. В юго-западных чагодошенских *слобода* – ‘сторона улицы’ (Мегрино) – КСВГ. Соответствующие топонимические наименования более активны. В Белозерском р-не известны топонимы – названия деревень *Слобода, Красная Слобода, Конец Слобода, Пустая Слобода*, в Бабаевском – *Ближняя Слобода, Дальняя Слобода*. В Вытегорском р-

не топонимы *Черная Слобода* и *Слобода* – названия двух сельских округов (КВО 1947).

В современных русских говорах данное слово употребляется с разными значениями; в московских, новгородских пестовских и окуловских, прионежских, кондопожских *слобода* – ‘ряд домов, составляющих в деревне одну сторону улицы’; в тульских, рязанских, вятских, пермских, соликамских – ‘большая деревня, состоящая из одной длинной и прямой улицы’; в вологодских грязовецких – ‘село’ (КСРНГ), в псковских себежских – ‘деревня’ (КПОС), в КАССР в Медвежьегорском р-не – ‘сельский округ’ (КСРГК).

Погость

Многие видные историки, изучая административное деление древней Руси, отмечали широту семантического диапазона слова *погость*¹⁵. По мнению лингвистов, *погость* – восточнославянское новообразование¹⁶. Значения его определил А. А. Потебня¹⁷. По предположению И. И. Срезневского, первоначально *погость* обозначало ‘сельбище вроде места, слободы, села’ а затем собрание таких сельбищ, причем одно было главным, а другие выселками, и позже уже получило значение религиозное – приходов и церквей, и гражданское – волостей и центров волостного правления¹⁸.

В новгородских документах XI–XIII вв. значение данного слова синкретично. *Погость* – это ‘сельский округ’, воспринимаемый как неделимая совокупность селений (центрального и мелких) с принадлежащими им земельными угодьями: *Се язъ князь великий Всеволодъ далъ есмь... Тертужскый погость Ляховичи съ землею, и съ людьми, и съ коньми, и съ лесъ, и борти, и ловища* (Гр. в. к. кн. Всев. Мст. Юр. мон. 1125–1137; ГВНП № 80).

В XIV–XV вв. *погость* – общеупотребительное многозначное слово. В значениях ‘населенный пункт с церковью, кладбищем, домами служителей и относящимися к этому селению земельными угодьями (*погост* – место)’ и ‘несколько деревень, принадлежащих к одной волости (*погост* – округ)’ оно употреблялось не только в документах Северо-Западной, но и Северо-Восточной Руси (Срезневский II 1017–1018).

В среднерусский период *погость* – место, т. е. ‘церковное сселение с принадлежащими ему земельными угодьями’, продолжает оставаться общеупотребительным административным термином (Кочин, 243). В пятинах и владениях Новгорода Великого в этот период *погость* – место почти не отличается от села, поскольку жителями погоста были не только служители церкви, но и крестьяне: *На погосте жь: дв. поть Ермола, дв. діякъ церковной Грихно Степанковъ, не пашуть, а хрестьянъ: дв. Федко да Гришка Ивашковы, дв. Матюкъ Ивашковъ, да Лашко Ивонинъ, дв. Родивонко Офонасовъ* (НПК III Вотская пят., 8)¹⁹.

В значении ‘сельский округ (несколько деревень, принадлежащих к одной волости)’ термин *погость* последовательнее сохраняется в северо-

западных Псковском и Новгородском уездах, а также в бывших новгородских владениях – в Двинской земле и Вологодском у.: *И после того отецъ его жилъ... въ Порховскомъ уезде въ Ясенскомъ погосте, въ деревни Горы добровольно* (Гр. порядн. 1671, стр. 326 – ИКПС); *И дали им... в Деревской пятине в Петровском погосте деревню Липицы две обжи, да деревню Яковлеве сельцо, две обжи* (Дело по челоб. Пантел. мон. 1595; Арх. еж. стр. 308); *Се купи Ивакъ Савинъ... погостъ, отчину ихъ... две деревни, дворы и дворища* (Купч. Акт. XV, 38). *Погостъ* – ‘округ’ отмечено и в некоторых документах Северо-Восточной Руси, но, по словам историков, это уже только «остатки прежних представлений» о старом административно-территориальном членении²⁰.

В национальный период распространение слова *погост* на большей части территории, занимаемой русским языком, существенно изменяется. Происходит дальнейшее сужение ареала термина *погост* – ‘округ’. По существу, *погост* – ‘округ’ сохраняется в качестве низшей административно-территориальной единицы только в Новгородской губернии, причем здесь она употребляется в течение всего XVIII – начала XIX столетий²¹. В середине XIX в. в словарях слово *погост* в значении ‘округ или несколько деревень, принадлежащих одной волости’ имеет уже помету «старинное» (Сл. псл. яз. III, 246). В современных новгородских говорах лексема *погост* в таком значении не отмечена (КСНГ).

Слово *погост* ‘селение’ оказалось значительно устойчивее. В словаре первой пол. XIX в. *погост* ‘церковь с кладбищем’ не имеет пометы (III, 246). Однако, как показывало описание Санкт-Петербургской губернии, проведенное в 1838 г., *погост* – место, т. е. ‘административный, культурный и религиозный центр округа’, уже не употребляется в говорах тех районов, которые относились в прошлом к Вотской, Шелонской и западной части Деревской пятин. Во всяком случае, населенные пункты, обозначавшиеся в прошлом словом *погост*, называются на данной территории в первой половине XIX в. терминами *село* или *деревня*²². *Погост* ‘селение’ сохраняется в этот период по преимуществу в более восточных районах, относившихся в прошлом к Оболенской и Бежецкой пятинам Новгорода Великого.

По данным современных картотек, *погост* – место, т. е. ‘селение с церковью’, ‘церковь с кладбищем’, отмечено в говорах Северо-Запада: в Псковской области – в Идовском р-не (Ульдига, Каменная Стража, Афанасово, Чудская Рудница), Псковском (Гора, Бобыли, Сельцо), Опочечском (Дроздово, Глубокое, Сидорове, Камено), Пушкиногорском (Вороницы, Лисицы, Подберезье), Красногородском (Зили, Блины, Наволок, Перлица), Островском (Еремичи, Поддубница, Свеклино, Каиново, Приезжево), Локненском (Михайлов Погост, Опоки), Великолукском (Нюссо, Кашевицы, Залучье), Лядском (Марьинское, Васильевщина), Пустошкинском (Станки) – КПОС; в восточной части Новгородской – в Любытинском р-не (Загвонье, Елисеева, Кременичи, Подберезье, Каменка), Мошенском (Берёзно, Петрово), Боровичском (Болонье), Пестовском (Горб) – КСНГ, в Ленинградской обл. в Лодейнопольском

(Ефремково, Пирозеро), Подпорожском (Хевроньино, Грибаново), Тихвинском (Сарожа, Бор, Никулкино, Ганьково), в КАССР в Медвежьегорском р-не (Бережное, Махново, Сибово, Космозеро, Житниково, Федотов, Ламбасручей), в Пудожском (Заозерье, Гакугса, Теребовская, Кривыи, Космостров, Авдеево), Прионежском (Ладва) – КСРГК. На Северо-Востоке оно известно в таком значении в горах, расположенных на территории бывших новгородских колоний; в Архангельской области в Плесецком р-не (Рыжково, Коневое), в Каргопольском (Озерко), Вельском (Судрома), Пинежском (Вельтово, Кеврола), Мезенском (Кимжа), Лешуконском (Вожгора), Красноборском (Верхняя Уфлюга) – КАОС; в Вологодской обл. в Кич-Городецком р-не (Сигово, Смольянка, Суд-Гора), в Никольском (Кокшеньга) – КСВГ.

На всей обширной территории Севера ареал слова *погост* в значениях ‘селение с церковью’, ‘церковь с кладбищем’ носит не сплошной, а размытый или кружевной характер. Он охватывает территорию, занимаемую ладогитихвинскими, онежскими, лачскими, вологодскими говорами. На западе ареал этого слова распространяется на территорию гдовских и псковских средне-русских говоров. Иными словами, в национальный период апеллятив *погост* с отмеченными значениями становится специфической особенностью словарного состава северных говоров.

В центральных и южных уездах Российского государства, куда, как известно, со временем перемещаются экономические, культурные центры и основные пути сообщения, значение данного слова сужается. *Погост* – это уже не ‘селение с церковью и кладбищем’ а просто ‘кладбище’. В таком значении оно известно в курских, орловских, тульских, калужских, брянских, смоленских, ярославских, пошехонских, мышкинских, московских, владимирских, юрьевских, нижегородских говорах (КСРНГ). Инновация *погост* ‘кладбище’, возникшая в диалектах центра и юга, распространяется в северо-западные и северные говоры. В Псковской обл. она фиксируется в Гдовском (Ветвеник), Дновском (Вышгород), Дедовичском (Городно), Холмском (Тухомичи), Красногородском (Синеникола), Островском (Чертовидово), Невельском (Осовик) районах – КПОС; в Новгородской – в Любытинском (Тальцы, Степкино), Старорусском (Росино), Новгородском (Холынья, Ильмень), Чудовском (Селище), Окуловском (Борок) районах – КСНГ; в Ленинградской обл. в Подпорожском (Ярославичи), Тихвинском (Палуя, Никульское, Сарожа, Мелихово, Новоандресвка), Бокситогорском (Колбеничи, Рудная Горка) районах; в КАССР в Медвежьегорском р-не (Губа); в Архангельской обл. в Каргопольском (Шушерينو, Ноколо, Масельга), Онежском (Тамица, Пурнема) – КСРГК, в Пинежском (Вальтево) районах – КАОС.

Итак, данные актовой письменности разных синхронных срезов, материалы картотек современных говоров свидетельствуют о постепенной архаизации и выпадении административного термина *погость*. Заметно, что ареал *погость* ‘округ’ сужался интенсивнее, чем диалектная зона *погость* ‘населенный пункт’. Если в древнерусский период в документах Северо-Западной

и Северо-Восточной Руси *погостъ* 'округ' и *погостъ* 'место' употреблялись с одинаковой степенью частотности, то в среднерусский регулярным на всей этой территории остается только *погостъ* 'место', поскольку *погостъ* 'округ' сохраняется в качестве единицы административно-территориального членения в Новгородском уезде и бывших новгородских владениях.

В письменности Белозерья слово *погостъ* фиксируется начиная с XV в. Нет сомнения, что данная лексема широко употреблялась и в более раннее время. В среднерусский период *погостъ* – 'округ' регистрируется в местной письменности реже: *Того ж Троецкого монастыря вотчина в Заозерском же стану: погост...*, а в нем дворъ попов да келья пуста; а к погосту 4 деревни да селище, а в них 10 дворовъ крестьянских (Вып. из доз. кн. 1580); *Да того жъ погоста церковная деревня Нелидова* (Писц. кн. г. Белоозера 1676; ГПБ ф. 351 № 81/1320, л. 184). В ряде челобитных *погостъ* – 'округ' выступает как административно-территориальная единица: *Бьетъ челомъ Белозерского уезда Угримовского погосту помещика... Нула Мартюхина человекъ* (Челоб. кр-на Надпор. ст. 1620; ЦГАДА ф. 1107 № 300, л. 7).

Значительно регулярнее это слово в значении 'церковное селение с принадлежащими ему земельными угодьями': *В Калашемской волости воровские люди на погосте дву человекъ ссekli* (Распр. речи 1613; ДАИ II № 12); *У Ильи пророка на погосте была у насъ мольба и тотъ Иванъ Хорламовъ на той молбе меня сироту бишь* (Челоб. кр. Ильин. пог. 1636; ЛОИИ ф. 194., карт. 9, № 60). Частотность слова *погостъ* с отмеченным значением в актовой письменности не случайна. По сведениям историков, в течение XV – XVII вв. в Белозерье появилось значительное количество новых населенных пунктов – погостов: к концу XV в. их было около 20, в начале XVII в. – свыше 70²³.

С течением времени населенные пункты – погосты в Белозерье теряют своеобразие. Еще в конце XVI в. пишущие не всегда различали значения терминов *погостъ* (дериват *погостецъ*) и *деревня*: *И как де оне били челомъ о селе о Мегре и ту де деревню погостецъ* Челяксу в челобитном приписали неведы, и нам бы их пожаловати велети про ту землю и про деревню погостецъ Чалексу сыскати (Д. опричн. 1578). Многие из погостов в XVII – XVIII вв. – это уже не погосты в полном смысле этого слова, а обычные села и деревни с церковью. Иными словами, старый погост обрастал «пристраивающимися» к нему крестьянскими дворами и превращался в обычную деревню, хотя и называвшуюся еще по традиции погостом: *Погост в Рамеень у озера Игнатовского, а в нем храм... деревня... и на погосте поп Еремей Алексеев..., церковной дьячек Микитко Алексеев..., да на погосте крестьянь дворы: Ивашко Федоров, Ивашко Омельянов, бобыль Юдка Федоров, пашни паханные худые земли* (Сп. Вск. нач. XVII в.).

Выпадение термина *погост* в значении 'селение с церковью' распространилось не на всю территорию Белозерья. В северной части (современный Вытегорский, северная часть Белозерского р-нов) это слово сохранилось в более древнем значении: *погост* здесь 'любое селение с церковью' или 'церковь с

кладбищем'. Мало того, данная лексема развивает на этой территории еще одно значение. Поскольку старый *погост*, т. е. церковь, кладбище, дома причта, оказывался в центре селения, вследствие того что крестьянские дворы пристраивались позднее, погостом стали называть и 'центр селения': *Подём на погост в лавку сходим* (Вытегорский р-н Алмозеро).

В западных районах, как и на севере Белозерья, в XVIII в. данное слово продолжало употребляться в значении 'населенный пункт с церковью и кладбищем'. В синодниках монастырей и пустыней, расположенных по течению р. Суды и ее притокам, наряду со словом *деревня*, указывается *погость* как селение, обитателями которого были и крестьяне: *Род Карголомской волости деревни Монастырской* (Син. Нвзр. XVIII в.; Р 361/51, к. р. № 88, л. 208); *но: Засуцкие волости Воскресенского погоста родъ Филиппа Курицына* (Син. Синоз, XVIII в.; Р 1056/26, л. 180); *Родъ Вадбальской волости Нового погосту Силуяна Борисова сына.* (С. Ф. – Ир. XVIII в.; Р 361/51, к. р. № 17, л. 82). В ряде современных диалектов западной части Белозерья слово *погост* 'селение с церковью' и 'церковь с кладбищем' фиксируется в наши дни.

В юго-восточной части края (Белозерский, Кирилловский, Череповецкий, Шекснинский, Устюженский р-ны) семантика данного слова сужается (*погост* 'селение с церковью и кладбищем' → 'кладбище'). Нет сомнения, что забвение старого значения *погост* происходило в говорах этих мест в течение длительного времени. Можно полагать, что только в XVIII в. слово в этом значении переходит в пассивный запас говорящих.

Как видно, сохранность апеллятива *погост* в значении 'селение с церковью' в северных районах Белозерья объясняется близостью этой территории к новгородским владениям. Нельзя забывать, что часть ее (север Вытегорского р-на) входила в состав Обонежской пятины. Распространение *погост* 'кладбище' именно в юго-восточной части Белозерья еще раз свидетельствует о том, что иррадиация языковых новшеств из центральных районов Московского государства охватывает в первую очередь территорию края, более близкую к центральной зоне и связанную с нею старым водным торговым путем Волга – Шексна.

Данные топонимии подтверждают эти выводы. Если посмотреть на карту Белозерья наших дней, то топонимы, в составе которых употребляется слово *погост*, сохранились только в северной части края, в Вытегорском районе. Там до сих пор имеются такие названия населенных пунктов, как *Салинский погост*, *Андожский погост*, *Тудозерский погост*, *Ундозерский погост*, *Бадожский погост*.

В средней и южной части Белозерья топонимические названия со словом *погост* отсутствуют, т. к. они подверглись изменению. Эти изменения двух планов. В ряде случаев происходило сокращение топонима за счет отпадения слова *погост*, первая лексема при этом грамматически оформлялась по-новому. Так, населенный пункт, который в первой четверти XVII в. назывался *Ухотский погост*, сейчас именуется *Ухта*, *Никольский погост* – село *Ни-*

кольское, Мезгорский погост – Мезра и т. д. Крайне редко на территории средней и южной части современного Белозерья сохраняются топонимы со словом *погост*. Можем привести, пожалуй, только одно наименование – *Комоневский погост* в XVI в. (1584) и сейчас деревня *Комоневский Погост* (КВО 1947).

Второй путь трансформации топонимов со словом *погост* – замена их именами собственными *Попово*, *Поповка* или *Поповское*. Эти изменения вполне объяснимы: старые погосты, ставшие обычными деревнями, начинают называться по профессии основателей этих населенных пунктов: *Киснемские волости погостъ на государеве земле... А у того погоста деревня Поповская, а в ней во дворе поп Сафронъ* (Сп. с писц. кн. Заоз. ст. 1626; ЦГАДА ф. 1209, к. 592, л. 65). Сопоставление карты Белозерья начала XVII в.²⁴ с современной картой Вологодской области доказывает, что на месте существовавших с XVII в. Мунского, Преображенского, Кьянского, Ломенского и многих других погостов сейчас расположены деревни под названием *Поповка*.

Судя по данным писцовых книг, топонимические наименования *Попово*, *Поповка*, *Поповское* раньше, чем в других местах, появились в центральных уездах Московского государства. По материалам ПКМГ, уже в XVI в. они были распространены в Московском уезде (*Попово* 55, 239, 264, 266, 28; *Поповка* 129; *Поповская* 1, 43, 96, 169), в Коломенском (*Попово* 487, 506, 530, 597), Звенигородском (*Попово* 681, 725, *Попково* 681), Тверском (*Попово* 76, 111, 120, 129, 136, 207, 235, 256, 277, 374; *Поповская* 45, 101, 108, 121, 207, 275, 279, 302), Каширском (*Попово* 1439, *Поповка* 1433, *Поповская* 1384), в Вяземском (*Попово* 640, 656, 659, 668; *Поповская* 605, 639, 743, 774, 794). В Орловском, Тульском, Дедиловском у.у. не отмечены (ПКМГ ч. 1, отд. 1. Указатель).

По данным НПК XVI в., топоним *Попово* фиксируется почти исключительно при описании юго-восточной части Бежецкой пятины (районы по течению р. р. Медведицы, Мологи, Волчины, Ривицы, Волдомицы и др.): «*Попово* д. 1 542, 821; III 18; IV 377; V 683; VI 145, 173, 227, 254, 263, 271, 300, 447, 450, 524, 623, 673, 747, 708, 807, 832, 859, 1008» (НПК VI, Указатель, стр. 189). С давних пор эта юго-восточная часть Бежецкой пятины граничит с центральными уездами Московского государства. Напоминаем, что по этой территории проходил торговый путь – от верхних притоков Волги на Мету²⁵. Естественно, что языковые новшества, распространяющиеся из центральных районов (в данном случае топоним *Попово*), проникали в говоры, расположенные на этой территории, раньше, чем в другие новгородские. Не случайно, что по современному диалектному членению диалекты на данной территории относятся уже не к севернорусскому наречию, а к среднерусским говорам – Селигеро-Торжковским и Калининской подгруппе Владимиро-Поволжской группы говоров. Как видно, эта близость говоров юго-западной части Бежецкой пятины к диалектам центральных уездов дает о себе знать уже в XVI в., а может быть, и ранее.

Топонимические наименования *Попово, Поповка, Поповское* впервые отмечены в Белозерье в конце XVI – начале XVII вв. Активизация данных топонимов падает, в основном, на национальный период – на XVII–XVIII вв., что подтверждается и семантическим развитием апеллятива *погост*.

Дворь

Слово *дворь* общеславянское индоевропейского характера (Ф. 1, 489; Mačhek 136, Brückner 105)²⁶. Еще в диалектах праславянского языка оно развивает значение ‘совокупность жилых и хозяйственных строений с земельными угодьями, усадьба’, поскольку отмечено в таком значении не только в старобелорусском²⁷ и староукраинском языках (Лит. евр. 196, 1519; Мат. коз. зем., 14, 1600 – КСУС), но в старопольском (Sl. stpII, 246–248) и староболгарском (Младенов, 511).

В работах видных русских историков сообщается о том, что крестьянский двор с приписанным к нему участком земли составлял в древнейшую эпоху в Северо-Западной Руси самостоятельное селение²⁸. Иными словами, апеллятив *двор* в дописменный период обладал известным синкретизмом, обозначая и ‘усадьбу’ и ‘населенный пункт’ одновременно. О том, что в древности данное слово могло служить для обозначения селения, свидетельствуют факты внешней истории. По мнению историков, господствующим типом поселения в древнерусский период была однодворная деревня²⁹. Рост числа дворов в деревне наблюдается только в XVI–XVII вв.

Однако в самых ранних из дошедших до нас памятниках слово *дворь* не сохранило уже значение ‘населенный пункт’. В источниках X–XV вв. семантическое содержание его довольно разнообразно (Срезневский 1, 642–643). Самое активное из значений – ‘совокупность жилых и хозяйственных строений и место, занимаемое ими’³⁰. Только в Новгородских писцовых книгах конца XVI в. семантика слова *дворь* в отдельных случаях идентична значению лексемы *деревня*: *А убыло въ той волости деревень 6, писаны были дворы деревнями (въ) вопчихъ разныхъ бояришиъ* (НПКV – Шелон, пят., 386); *А та деревня в старом письме писана была двором* (ПК. Об. П, 12).

В белозерской актовой письменности слово *дворь* фиксируется начиная с первой половины XV в. В источниках этого периода и позже апеллятив *дворь* более последовательно выступает с общеупотребительным значением ‘комплекс жилых и хозяйственных построек и место, занимаемое ими’: *А те деи пустоши лежат пусты от моря, а дворов деи на них нету ни кола* (Жалов. гр. бслз. кн. Мих. Анд. 1448; Ак. II № 111). Однако нет сомнения, что и в Белозерье это слово употреблялось в значении ‘селение’: *«дворь – ‘самое малое крестьянское поселение, новоселок в один дом (двор)’»*³¹.

Более древнее значение данного слова изредка дает о себе знать в источниках XV в. В Меновой 1460 г. сообщается о том, что А. Д. Монастырев выменял три двора в селе Михайловском. Приводим текст документа: *«Се яз...*

выменил есмь оу своеи матери... земли. И яз оу нее выменил... две деревни: Аристова, Ефимова, да в Михайловском селе три дворы с полосами: Васкове дворъ, а к тому двору полоса Кузнецова, другая Головинина, третья Логинова, да Федюнинъ дворъ, а полосы две Федюнины, а третья Власова, да Фарафоновъ дворъ, а полосы Фарафоновы две, а третья Путыгина» (Ак. II № 184). Как отмечено выше, село в XV в. – это ‘земельное владение с центральным населенным пунктом и тянущими к нему деревнями’. Судя по всему, слово *дворъ* употребляется здесь в значении ‘отдельное селение’, поскольку, по словам историков, во дворе ‘усадьбе’ могло быть несколько изб (хозяйств)³².

Доказательством употребления слова *дворъ* в прошлом в значении ‘селение’ служат также топонимические наименования деревень, отмеченные в местной письменности западной части Белозерья – *Верхний Дворъ*, *Средний Дворъ*, *Нижний Дворъ*, *Задний Дворъ*, *Львов Дворъ*, *Карповъ Дворъ*. Некоторые из них фиксируются и в наши дни (КВО).

§ 2. Названия селений, возникшие после образования восточнославянской письменности (*деревня, починок, ново (новцо, новишко)*)

Деревня

В работах А. А. Потебни весьма убедительно доказано, что первичное значение *деревня* (однокоренного с *дор*, *драть*, *раздирать*) – ‘очищенное место от леса для посева’³³. *Купить деревню* – означало ‘приобрести определенный комплекс земельных угодий’³⁴.

Это слово широко употреблялось в самых ранних деловых документах Белозерья (вторая половина XIV в.). Только в этот период и несколько позже *деревня* выступает с первичным этимологическим значением – ‘очищенное из-под леса место под посев, подсека’: *Купилъ есми... деревню Селиверстовскую роздель* (Купч. докл. Белоз. 1397; Ак. II № 33)35). *Деревня* в значении ‘подсека’ отмечено изредка и в памятниках XV в. На первичное значение слова указывает контекст, где данная лексема вступает в связь с глаголами *россекать*, *разделать*, *пахать*: *Се язъ, Феодоръ Микитинъ, дал есми... въ Кирилов монастырь... деревню, что розделать Гридя Щеть* (Данная Ф. Никитина 1482); *А от деревни, что росеклъ на молоде Калинка* (Разводн. гр. Белоз. 1489; Ак. П. № 281); *Жалоба нам на того старца Якимъ пишет у нас те деревни Лучкино и Красную Горку силно... А Лучкино деревня изстари отцы ее наши пахали*» (Пр. гр. белоз. писц. 1511; АФХЗ I № 309). Отмечено слово *деревня* с первичным значением и в местных документах XVI в., но они, как правило, являются списками с более древних документов.

В памятниках XV в. слово *деревня*, кроме древнего ‘подсека’, имеет два значения: 1) ‘комплекс земельных угодий, владение’, а не просто ‘пахня в

лесу', 2) 'комплекс земельных угодий с селением на нем'. Выступая в значении 'комплекс земельных угодий, владение, имение', слово *деревня* оказывалось синонимичным лексеме *земля*:

Купил есми у ижумена у Орсенья землю Олектеевскую и с пожнями, што к ней потягло, куде коса ходила, куде топорь ходить (Куп. Кир.-Белоз. 1420; Ак. II № 63).

Купил есми поддеревни Васюковские Телибанова со всем тем, что к той полудеревне потягло, куды топор ходил, куды соха ходила, куды коса ходила (Куп. Кир.-Белоз. 1448; Ак. II № 146).

В белозерских документах XV в. *деревня* употребляется и во втором значении 'комплекс земельных угодий с селением на нем'. Это значение данного слова синкретично. Оно определяется тем, что дворовое хозяйство и жилье земледельца территориально не были оторваны от возделываемой земли, «образуя совершенное единство первоначальной деревни»³⁶.

Слово *деревня* ('земельные угодья с селением') часто сочетается с глаголами *посадить*, *изоставить*: *Как посадили те деревни старцы Кирилова монастыря тому сорок лет* (Прав. гр. Кир.-Белоз. 1492; Ак. II № 286); *А старцы Кириловские те деревни изоставили на великого князя лесехъ на иужтовскихъ* (Пр. гр. Кир.-Белоз. 1492; Ак. II № 288).

Длительный период значение данного слова оставалось синкретичным (*деревня* 'земля и селение на ней'). Современное значение 'крестьянское селение' слово *деревня* получает в Белозерье, видимо, не ранее XVIII в., т. к. в памятниках XVII в. оно обычно сохраняет старое семантическое содержание – 'селение с комплексом земельных угодий': *Деревня Маковая на Ярьбозере, а в ней дворъ Ивашко Ананинь, дворъ Степановъ, дворъ пусть Ондрошка Давыдова... пашни паханные худые земли семь четей да перелогом три чети, сена межъ полей · Л · копень* (Кн. пис. и доз. Кир.-Белоз. 1615 г; ГПБ, ф. 351, № 76/1315, л. 15)³⁷.

Итак, в самых ранних белозерских источниках XIV–XV вв. слово *деревня* – 'расчищенный под посев участок леса, подсека', в документах XV в. – еще 'угодья в совокупности, владение' и 'земельные угодья с селением', в актах XVI–XVII вв. – 'селение с принадлежащими ему земельными участками'.

Однако ареал слова *деревня* не ограничивается территорией Белозерья. Впервые отмечено это слово в духовной московского в. кн. Ив. Дан. Калиты в 1339 г. По мнению видного историка Г. Е. Кочина, только гибелью основной массы древних памятников письменности можно объяснить столь позднюю фиксацию этого слова в документах Северо-Восточной Руси³⁸. По показаниям памятников, в центральных районах Московской Руси *деревня*, начиная с XIV в., выступает не с первичным, а по преимуществу уже со вторичными значениями – 'комплекс земельных угодий, владение и селение с земельными угодьями': *Измерить... землю деревню Лихорадовскую в Сельцехъ. И въ той деревне пашни в всех трехъ полехъ тридцать десятинъ, а сена двадцать копень въ техъ же десятинахъ* (Выпись о паш. земле, Моск. у. 1498; АФЗХ I

№ 52); *А заложилъ есмь в томъ серебре деревню свою Михайловскую. А за ростъ поселскоу симоновскую косит сено в той деревне* (Заемн. каб. Дмитр. у. 1462; Ак. II. № 376)³⁹.

Что касается новгородской актовой письменности, то, по словам Г. Е. Кочина, в Новгородской земле слово *деревня* 'селение с земельными угодьями' распространилось и привилось намного позже, чем в Северо-Восточной Руси. В собственно новгородских источниках оно отмечено лишь с середины XV в. и притом в малом количестве⁴⁰ в псковских – с XVI в. (ИКПС)⁴¹.

Еще позднее фиксируется это слово в памятниках, написанных в новгородских колониях. По свидетельству В. Я. Дерягина, *деревня* 'селение с угодьями' в двинской письменности XV в. встречается очень редко, активнее – в XVI–XVII вв.⁴²). Более того, в памятниках, написанных на территории бывших новгородских владений, *деревня* длительное время сохранялось с первичным этимологическим значением, чего нельзя сказать о документах Белозерья: *А тое ихъ деревню учили орать и сеять насылством сами на себя* (Прав. гр. Двин. 1612; СГКЭ II № 430).

Ф. П. Филин называет лексему *деревня* специфически русским словом, т. е. она отсутствует в других славянских языках⁴³. В диалектах белорусского языка отмечено однокоренное *дзерван, дзярван* 'залежь, целина' (Яшкін, 59), М. Фасмер приводит однокоренные соответствия в балтийских языках (лит. *dirva* 'пашня, нива', *dirvonas* 'пашня, оставленная под луг', лтш. *dirva* 'пашня', Ф. I, 501). Р. Траутман считает лит. *dirva*, лтш. *dirvans* и рус. *деревня* балто-славянскими образованиями⁴⁴.

Починокъ

Сходные пути развития имела в Белозерье и лексема *починокъ*. Это слово, бесспорно, славянское с корнем *ча*, который употребляется только в связанном виде: *начать, зачать, начало, початок, почин, починок*. Однокоренные слова бытуют в современных славянских языках (Ф. III, 347; WPR; PSC; БРС; СХРС).

На восточнославянской почве оно развивает специфические значения, не отмеченные в других славянских языках. По мнению А. А. Потебни, этимологическое значение его тоже «относится к закладке не поселения, а новой пашни в лесу»⁴⁵.

По дошедшим до нас самым ранним памятникам Белозерья можно судить, что значение этого слова в конце XIV в. было нерасчлененным: *починокъ* – это и 'расчищенный под пашню участок леса' и 'селение на таком участке': *Что роздели Милобудские починки розделать Еска да Климъ с товарищи на Словенке и на Оулومه, и язъ те починки дал Пречистой в домъ и с лесы и с пожнями* (Жалов. гр. Белоз. 1397; Ак. II № 46); *Купил у Феропонтья пустошь Городищо да Мигачевский починокъ, и кого на ту пустошь изумень посадить людей, или кто имеет жить в починке* (Жал. гр. Белоз. 1397; Ак. II № 9).

В связи с наступлением парового земледелия в памятниках XV – XVI вв. значение слова *починок* постепенно меняется. Смысловый объем слова расширяется, наполняется новым содержанием. С одной стороны, *починок* используется и в старом нерасчлененном значении ‘подсека и селение в ней’: *Посеки лес... Усть-Угольские волости по конец поля нашего починок и починок начали ставить, садится на нем жить Ефремко Макаров* (Прав. гр. Кир.-Белоз. 1505; Ак. II № 310). С другой стороны, оно приобретает два новых значения, которые создаются на базе более древнего, вытекают из него, тесно с ним связаны. *Починок* – это 1) ‘запустевшая незаселенная подсека, участок пустой земли, пустошь’ и 2) просто ‘небольшое селение’: *Дал есми... на Ирдьме Товские пустоши: Кошеевская пустошь, да Романовская пустошь, да Уварова пустошь... да Мервинов починок* (Жал. гр. Белоз. 1450; Ак. II № 153); *А без пашни починок; починок Тарасов, поч. Максимов, поч. Омельянов* (Ободн. гр. Кир.-Белоз. 1556; Ак. II № 316).

В ряде памятников конца XV – XVI вв. семантическое содержание слова *починок* не имеет достаточной четкости и определенности. В одном и том же документе слово *починок* употребляется и в значении ‘земельное угодье, роспашь’ и ‘селение на подсеке’: *Отвели у меня, у Савки, починок кь своей пустоши... Михайло да Голова... сказали, что починок тот посажень на лесу* (Прав. гр. Кир.-Белоз. 1492; Ак. II № 285); *Тот починок их роспаша волосная, и тот старец Пасея у них тот починок отнял сильно, а их из того починка выбил вон, да посажал своих христиан* (Сп. с пр. гр. Ворбозом. 1544; Ак. гр. р. I № 65).

Последовательнее все же в источниках XV – XVI вв. *починок* употребляется в значении ‘селение на подсеке’.

Тем самым, одно и то же понятие ‘комплекс земельных угодий с крестьянским селением на нем’ обозначается в письменности Белозерья указанного периода по сути дела двумя словами *починок* и *деревня*: *Называет, господине, тот старец Ермак починок Середников монастырским, а та, господине, деревня Середникова ездовая* (Суди. гр. Арбужевесь 1549; Ак. гр. р. I № 63).

Последнее приводит к тому, что писцы вынуждены иногда оговариваться, о каком населенном пункте идет речь: *А се деревни новые, что чернецы на лесех поставили: дер. Дмитров починок, дер. Рогов починок, починок на дору, починок на ельнике, починок Иванин... Искали на вас Колкача пяти деревень старых, да десяти деревень новых* (старая деревня – деревня, новая деревня – починок – Ю. Ч.) – Отводн. сп. Белоз. 1492; Ак. II № 289.

В большинстве случаев в XV – XVI вв. значение слов *деревня* и *починок* в памятниках Белозерья все же различалось, т. к. соответствующие реалии еще не совпадали. Починок и деревня – населенные пункты с земельными угодьями. Но у починка «земельная база еще не была достаточно прочной, так как пахотные угодья были в начальной стадии разработки»⁴⁶. Наличие разработанного пахотного поля – это уже обязательный признак деревни. Белозер-

ские писцы старались тщательно зафиксировать все починки, т. к. вследствие слабой земледельческой базы жители починков в отличие от жителей деревни не облагались налогами, имели льготные «от тягла» годы – от 5 до 20 лет⁴⁷. Ср., например, материалы вытных книг Кирилло-Белозерского мон. (конец XVI в.): *Льготные починки, починок Шутило во лготе Шумило Тюрень ржы д че* (ГПБ, ф. 351, № 69/1308, л. 70); *Починок Злобинъ во лготе живец Лука* (там же, л. 106).

Начиная с конца XV в. в Белозерье имеются случаи перехода соответствующих реалий – починка в деревню. В памятниках это явление нашло отражение в виде неразличения в ряде случаев значений слов *деревня* – *починок*: *Даль на Вологде в Маслене, деревни, и починок, и пустоши – деревню Талицу, да деревню Макаровскую, да деревню починок Михеев* (Жал. гр. Белоз. 1485; Ак. II № 267).

В XVII в. продолжается процесс запустения починков, последние превращаются в пустоши. В связи с этим в памятниках письменности *починок* начинает выступать или составной частью топонима или в качестве самостоятельного топонима: *Да на Паштацкихъ крестьянх взято оборку с пустоши с починок 9 алтынь* (Пр. расх. Кир.-Белоз. 1603; Ник.); *В Озацкой же влети пустошь Якимово починок тожъ* (Писц. кн. Кир.-Белоз. 1618; ГПБ ф. 351, № 79/1318, л. 134).

С течением времени слово *починок* выходит из активного запаса говорящих. Только в некоторых районах Белозерья оно сохраняется с древним значением⁴⁸.

В связи с архаизацией апеллятива *починок* на территории Белозерья, начиная с XVI в., появляется большое количество деревень, обозначающихся топонимом *Починок* (Кадуиск.: р.д., *Починок, Вахонькин Починок, Жуков Починок, Новый Починок*; Череп.: д. д. *Починок, Петропочинок, Горелый Починок* и т. д.).

Нельзя объяснить случайностью район распространения топонима *Починок* на территории современного Белозерья. Ареал данного топонимического наименования охватывает только юго-восточную часть края (главным образом, междуречье Суды и Шексны).

Видно по всему, что на территорию Белозерья апеллятив *починок* занесен на позднем этапе развития языка древнерусской народности выходцами из районов Верхнего Поволжья. Севернее озера Кубенского (местность по течению рр. Порозобицы, Суслы), там, где наши материалы определяют наличие выходцев из пределов Ростово-Суздальской земли, топоним *Починок* тоже фиксируется. Отсутствие его в западных районах края ((Бабаевском, зап. части Вытегорского) объясняется более поздним заселением этих мест⁴⁹. Русское население, начавшее осваивать эти районы, уже не имело в своем активном запаса апеллятива *починок*.

Отсутствие топонима *Починок* в восточной части Вытегорского р-на, а также по берегам Белого озера и по нижнему течению Шексны связано с ран-

ними колонизационными потоками (ранний этап древнерусского периода) из пределов Новгорода Великого. В словаре древних новгородцев, заселивших эти места, апеллятива *починокъ* еще не было.

В языке великорусской народности XVI в. *починок* 'селение с земельным участком' – общеупотребительный термин. Он последовательно и активно используется в памятниках центральных областей Московского государства, в северо-западных – новгородских, псковских, в северо-восточных – вятских, костромских, южных – орловских, тульских, воронежских⁵⁰.

В московских деловых документах лексема *починокъ* отмечена, как и в Белозерье, с конца XIV в. (Срезневский II, 1326). Судя по памятникам актовой письменности, в говорах центральной полосы изменение семантического содержания слова *починокъ* развивалось в такой же последовательности, хотя несколько опережало идентичные процессы в диалектах Белозерья⁵¹.

В новгородской деловой письменности лексема *починокъ* отмечена только с XV в. В писцовых книгах новгородских пятин конца XV в. апеллятив *починокъ* употребляется в исключительно редких случаях (НПК I, НПК II, НПК IV, НПК V). Значительно возрастает частотность данного слова в НПК середины XVI в. (НПК VI, Писц. кн. Шелон, пят. 1552–1553)⁵². С конца XV в. фиксируется в этих документах и топоним *Починокъ* (*Починокъ*, д. 112, 127, 148, 816, II 130, 417, 728, 768; VI 8, 52, 53, 80, 95, 163, 214, 254, 304, 306, 313, 324, 334, 346, 367, 378, 406, 490, 576 – НПК VI. Указатель, стр. 190). Как видно, в Деревской и Шелонской пятинах (конец XV в.) данное топонимическое наименование употребляется еще изредка. Зато в южной части Бежецкой пятины – в районах по течению рр. Медведицы, Мологи и ее притокам – в середине XVI в. оно весьма активно. Можно полагать, что здесь сказывается и близость центральных уездов Московского государства, и влияние постоянно функционирующего водного торгового пути Северо-Восточная Русь – Новгород (Волга – Молота – Мста; Волга – Медведица – Мста).

В памятниках, написанных в бывших новгородских колониях, слово *починокъ* в ряде мест еще в XVII в. сохраняет первичное значение 'подсека': *Версты на три и на четыре и больши починки непаханные* (Вып. Важ. у. 1618; СГКЭ II № 214); *Они к той пустыни починки роспахивали и розчищали* (Гр. на Вагу 1618; СГКЭ II № 213).

Как видно из сказанного, термины *деревня* и *починок* в XIV–XVII вв. в деловой письменности Белозерья изменили свое семантическое содержание. Те трансформации, которым подвергаются данные лексемы в Белозерье, определяются по преимуществу воздействием норм языка центральных районов Московского государства. Семантическое содержание апеллятивов *деревня* и *починокъ* развивается в том же направлении, но с некоторым запозданием в сравнении с идентичными процессами, нашедшими отражение в московской письменности.

Ново в письменных источниках Белозерья выступает в разном морфологическом оформлении: *ново – новцо – новишко*.

Впервые фиксируется это слово в местных памятниках второй половины XV в. в значении 'вновь разделанный под пашню земельный участок': *Да Гридкина деревня на нове* (Данная А. Внукова 1471; Ак. II № 208). В XVI – XVII вв. происходит изменение семантики данной лексемы. Относясь к лексико-семантической группе слов, обозначающих в прошлом названия земельных участков (ср. *деревня, починок*), оно в своем развитии подчиняется тем же закономерностям, что и вышеуказанные слова⁵³: сначала *ново* – 'вновь распаханый участок леса, луга', затем – 'вновь распаханый земельный участок с селением на нем'.

Судя по памятникам письменности, эти семантические процессы протекают в разных районах Белозерья асинхронно. Во владениях Кирилло-Белозерского монастыря данное слово сохраняет нерасчлененное значение 'вновь распаханый земельный участок с селением на нем' только в XVI в.: *Ново Морыгино Морыга сеет пол в чь ржы овса, Ново Долматово посиел г четь ржы* (Сп. ст. сем. Кир.-Белоз. мон. XVI в.; ГПБ ф. 351, № 92/1330, л. 10). Естественно, что в этот период семантика слов *ново (новцо)* и *починок* различается далеко не всегда: *Да в Милобудове починок новцо Власово* (Ободн. гр. Кир.-Белоз. 1556; Ак. II № 316); *Что старцы называют Холмомъ деревни и то не Холмомъ, то словеть Михайловское ново, а в середкахъ стоит Костино ново... Починокъ Михайловской, починокъ Костинъ поставилъ Третьякъ на своемъ лесу* (Суди. гр. Арбужевесь 1549; Ак. гр. I № 63). В XVII в. в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря и на «черных» землях аппеллятив *ново (новцо)* выпадает из активного запаса. В памятниках письменности этого монастыря, а также в «Писцовых и дозорных книгах г. Белоозера» (1618) *ново (новцо, новишко)* – только составная часть ряда топонимов, являющихся названиями пустошей: *В Озацкой волости пустошь новишко Чулково* (Писц. кн. Кир.-Белоз. 17 в.; ГПБ ф. 351 № 79/1318); *В той же слободке пустошь Пажетцки пустошь новишко Новоселове, пустошь новишко Злобино, пустошь новишко Соболево за Ивановомъ...* (Там же).

В документах другого, Кирилло-Новозерского монастыря, продолжавшего расширять свои земельные владения, *ново (новцо, новишко)* в значении 'вновь распаханый земельный участок с селением на нем' употребляется значительно позже. В приходе-расходных книгах XVII в. это один из активнейших терминов: *Взято... с новишокъ с пестова да с рукина по мирскому разводу... кд алтынъ* (Пр.-расх. кн. Кир.-Новоз. 1606; ЛОИИ ф. 115, № 662, л. 8); *Взял казначей Феларетъ да старец Андрей с Тюнкина новишка у Терешки...* (Там же).

Ново в таком значении не отмечено в памятниках, написанных в других уездах Московского государства. *Ново* повсеместно используется только как

нарекание со значением 'вновь', 'впервые'. Напр.: *Починок Рамцы Петровской же да Павловской же: дв. Федко Родионовъ, селъ ново, пашни нетъ* (НПК III, стр. 391)⁵⁴.

В других славянских языках оно отсутствует. Областными словарями *ново* не зафиксировано; нет его в картотеках ПОС, СРНГ, СРГК, СНГ, АОС, СВГ, СБГ.

На большей части территории Белозерья это слово выпало из речевого обихода. Как исключение регистрируется *ново* 'деревня' в восточной части края: *Раньше я в другой нове жила* (Шексн. Дерягино). На юго-западе Белозерья *ново* – 'вновь распаханная земля, целина': *Картошка на нове хорошо растёт* (Череп. Б. Двор; то же Гоша) – КСБГ. О распространении данного слова в прошлом свидетельствует топонимика: в наши дни в Белозерском, Череповецком, Кирилловском р-пах насчитывается свыше 20 деревень, имеющих названия *Ново, Нова, Новишки*.

Как видно из сказанного, *ново* – узко местное, локальное слово, результат спонтанных процессов, характерных для XV–XVI вв., периода, в течение которого происходило становление белозерских говоров как самостоятельной единицы.

Анализ истории развития административных терминов, служащих для обозначения селений, приводит к следующим выводам:

1. Славянские по происхождению административные единицы возникли в разные периоды развития языка.

а) Слово *село* развивает значение 'земля и селение на ней' в диалектах праславянского языка.

б) Слова *слобода, погостъ, дворъ* возникают с отмеченным значением в говорах языка древнерусской (общевосточнославянской) народности до образования письменности.

в) Слова *деревня, починок, ново (новцо, новишко)* появляются после возникновения восточнославянской письменности.

2. Ареалы ряда рассматриваемых терминов на разных этапах развития языка не совпадали. В древнерусский период *село, слобода, погостъ* – общеупотребительные слова, ареал лексемы *дворъ* охватывал собственно новгородские говоры, ареалы *деревня* и *починокъ* на позднем этапе древнерусского периода – ростово-суздальские. В среднерусский период *село, погост, деревня, починок* с более общим значением 'селение с земельными угодьями' – общеупотребительные термины, диалектная зона *ново (новцо)* охватывала говоры центральной части Белозерья. В национальный период термины *село, деревня* 'селение' остаются общеупотребительными, лексемы *слобода, починок, погост* с более общим значением 'селение' приобретают локальный характер.

3. Установление ареалов позволяет уточнить источники, из которых происходило пополнение данной ЛСГ в говорах Белозерья. Слово *двор* 'селение' было занесено на территорию Белозерья выходцами из пределов Северо-

Западной Руси, лексемы *деревня*, *починок* появляются в период колонизации края из районов Верхнего Поволжья. Апеллятив *ново* (*новцо*) – инновация складывающегося в языке великорусской народности диалектного объединения – юго-восточных белозсрских говоров.

4. Сопоставление материалов деловой письменности и данных современных говоров дает возможность определить изменения в составе ЛСГ с более общим значением ‘земля и селение на ней’ на разных синхронных срезах⁵⁵.

а) На раннем этапе древнерусского периода данная ЛСГ в говорах Белозерья состояла из 4-х терминов – *погость*, *село*, *слобода*, *дворь*. Значения их четко различались, что давало им возможность сосуществовать. *Погость* означало ‘земля и селение с церковью, кладбищем и домами служителей’, *село* – ‘земля и центральное селение с владельческим двором (усадебой феодала)’, *дворь* – ‘земля с двором (хозяйством) крестьянина’, *слобода* – ‘земля и селение, освобожденные от налогов’. Итак, *погость* – в древнерусский период церковное селение, *село* – селение феодала, *дворь* – крестьянское поселение.

б) На позднем этапе древнерусского периода состав рассматриваемой ЛСГ в говорах Белозерья был представлен терминами *село*, *погость*, *слобода*, *деревня*, *починок*, *ново*. Апеллятивы *село*, *погость*, *слобода* продолжают употребляться в прежнем значении. В связи с ростом славянской колонизации из районов Верхнего Поволжья древненовгородское *дворь* (‘земельный участок с селением на нем’) архаизируется и выпадает. ‘Земельное угодье с крестьянским селением’ обозначается апеллятивами *деревня* и *починок*, занесенными из северо-восточной диалектной зоны, и словом *ново*, возникшим в говорах центральной части Белозерья.

Термины *деревня*, *починок*, *ново* имеют в этот период сходное, но не одинаковое значение. *Деревня* – это ‘крестьянское поселение с разработанным пахотным полем’ (старое поселение), *починок* – ‘крестьянское поселение, пахотные угодья которого в начальной стадии разработки’ (новое поселение). Вместе с тем, соответствующие реалии не совпадали и по размерам: *деревня* крупнее *починка*, *починок* – обычно ‘однодворное поселение’.

Ново и *починок* – слова с наиболее близкими значениями, в деловой письменности эти лексемы не всегда различались. *Починок* – обычно ‘новоселок на расчищенном от леса участке’, ‘новоселок на подсеке’. Значение слова *ново* было более широким, поскольку оно означало ‘новоселок на любом вновь распаханном месте’. *Починок* – общеупотребительное слово, *ново* – местное, локальное. Апеллятив *ново* активизируется в тот период, когда общеупотребительное *починок* начинает архаизироваться и выпадать.

в) В среднерусский период в составе ЛСГ происходят существенные изменения, что определяется как внелингвистическими факторами, так и внутрилингвистическими. Селения *погост* и *слобода* перестают отличаться от села. Дальнейшее укрепление пашенного земледелия приводит к тому, что населенные пункты *деревня* и *починок*, лишившись основного различительного признака (наличие разработанного пахотного поля), теряют специфику. Под

влиянием объединительных тенденций, идущих из центральных районов Московского государства в XVII в., начинается архаизация и выпадение узко локального термина *ново* и распространение общеупотребительного *хутор*.

г) В результате отмеченных выше изменений в национальный период наиболее активны в говорах Белозерья общеупотребительные термины *село* и *деревня*. Значение их различается: *село* – ‘более крупное крестьянское поселение с церковью’, *деревня* – ‘мелкое крестьянское селение’. Лексемы *починок* и *ново* в значении ‘селение’ выпадают на всей территории Белозерья, *погост* и *слобода* сохраняются в некоторых говорах западной и северо-западной части края.

II. ИСТОРИЯ ТЕРМИНОВ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ В БЕЛОЗЕРЬЕ

§ 1. Термины административного деления государственных «черных» земель

(территориальные единицы областного и городского членения)

В местной актовой письменности, начиная с XV в., фиксируются лексемы *волость*, *стань*, *погость*. *Волость* и *стань* возникают в диалектах праславянского языка (*волость* – PSČ VI, 1044; WPR; Ф. I, 344; *стань* – Гринченко IV, 196; Носович 613; PSČV, 672; SSJIV, 224; Mucke II, 515; Pleteršnik II, 566; И. И. Толстой 567; Ф. III, 745), но в качестве территориальных единиц, как и *погость*, начинают употребляться в диалектах языка древнерусской (общевосточнославянской) народности. В древнерусский период *волость*, *стань*, *погость* – общеупотребительные термины областного деления (Срезневский I, 293; III, 492; Кочин 53,340). Общее значение этих лексем – ‘сельский округ’. Помимо общности, в семантике их дают о себе знать признаки, по которым данные слова размежевывались, что давало им возможность сосуществовать. По вопросу о сущности этих основных административных единиц древнерусского периода имеется большая историческая литература. Наиболее распространенным является мнение о том, что *погость* – это ‘церковный округ’, *волость* – ‘совокупность нескольких населенных пунктов, объединенных общей выборной организацией’, а *стань* – ‘совокупность известного количества населенных местностей и пустошей, составлявших одно целое только территориально’⁵⁶.

По мнению историков, в XVII в. значение данных административно-территориальных единиц уже не различалось⁵⁷, что привело в национальный период к архаизации и выпадению терминов *погост* и *стань*.

Помимо общеупотребительных *погость*, *волость*, *стань*, являющихся наиболее крупными единицами территориального деления, в актовой письменности Белозерья регистрируются и более мелкие административные тер-

мины, имеющие, как правило, локальный характер. Речь пойдет о словах *волостка, треть, улусь, сорок*.

Волостка

По мнению Г. Е. Кочина, *волостка* – ‘мелкая административная и территориальная единица; трудно разграничима с волостью’ (53). В новгородских источниках это слово фиксируется ранее, чем в документах других территорий. *Волостка* в новгородских актах XIV в. мелкая территориальная единица, равная части *погоста* – округа: *Изъ Великого Новагорода Юрьева монастыря вотчина возли Онега озера Спаской погостъ... волостки техъ же погостовъ Негижимская и Отаозирская* (Кн. меж. Юр. мон. 1391; АЮБ II № 146). Арел данного слова в этом же значении в XVI–XVII вв. охватывает территорию Новгородской земли, а также бывшие новгородские колонии (Каргопольский у., течение Онеги, Двинской у.)⁵⁸. В документах Белозерья *волостка* выступает в качестве мелкой территориальной единицы, равной части волости. Показательно, что в источниках юго-восточной части края этот термин архаизируется и выпадает значительно раньше, чем в актах северных районов, граничащих с новгородскими землями. Поздняя фиксация термина *волостка* в письменности юго-восточных районов – конец XV в.: *Те деревни Марташовская, да Дудино, да Раменеицо... да пустошь Сысовое – то были земли великого князя, а словет то волостка* Арбуи, а тянуло къ Ярогомжу, а Ярогомжъ был вотчина Семенова Лихорева (Прав. гр. Кир.–Белоз. 1492; Ак. II № 285). В памятниках северных районов данный термин широко употребляется в XVII в.: *Все крестьяне Белозерского уезду Заозерского стану Ухотские волости выставки Павловские волостки* (Челоб. кр. Ухот. вол. 1659; Оп. св. Влг. в. 11).

Термин *волостка* отмечен в староукраинском языке: *Бояре Полоцкіи держать волостку Дрисецкую* (АЗРІ, 1499, 199 – КСVC). В современных русских говорах и других славянских языках он не обнаружен. Можно полагать, что возникает данный термин в говорах западной зоны языка древнерусской (общевосточнославянской) народности; на территорию Белозерья занесен выходцами из пределов Новгорода Великого. В XVII в. арсал слова *волостка* наиболее последовательно охватывает территорию, на которой формируются межзональные онежские и лачские говоры. В северных районах Белозерья наблюдается южное окончание ареала данного термина.

Треть

По словам Ю. Готье, между уездом, как крупной административной единицей, с одной стороны, и волостью и станом, с другой, существовали, хотя и не везде, промежуточные деления⁵⁹. К числу таких делений относится весьма распространенный термин *треть* (Срезневский III, 991; Кочин, 366). Фикси-

руется он, начиная с XV в., в псковских, новгородских, вологодских, костромских, московских источниках: *Такожь о том же Ошевскомъ погосте у Будкинской трети Королю дани идетъ пятьдесятъ рублевъ* (Дан. Рж. 1488; Мух. № 29); *Что порубили Тошита въ поралье, выдале голець Федору Тимофееву въ семи сорокахъ, въ Каргонемской да въ Низовской трети* (Дух. Новг. 14 – 15 вв.; Срезневский I, 541); *Пожаловать есмь... своими митрополичими деревнями в Вологодскомъ уезде, в Воскресенской трети, в Томошском стану, деревню Вондожскую* (Жал. гр. митр. Дан. 1527; АФЗХ I № 314); *А называет нашу Нуренские земли третъ своею* (Судн. сп. Галиц, у., 1501; Ак. III № 250); *Которая третъ болши и люду въ ней, оттуль дани болше идетъ, а которая меньша третъ, съ тое и дани меньше* (Дог. гр. Ив. Вас. и мож. кн. Ив. Андр. 1461; Срезневский III, 991). Особенно активен этот термин в документах Вологодского, Устюжского и Двинского у. у., где последовательно употребляется довольно продолжительный период (XV – XVIII вв.): *Отмерили поместья въ Вологоцкомъ уезде въ волости въ Тошне въ Васильевской трети Якову Сидорову* (Писц. вып. 1540; Ак. Юшк. № 137).

Судя по данным местной письменности, термин *треть* в Белозерье имел узкий ареал. Территория его распространения в XVI в. – Заозерский стан (районы по течению р. Кемы). Слово *треть* употреблялось в Белозерье в ином значении. Это более мелкая территориальная единица, равная части волости: *В Кеме монастырские деревни: в Порецкой трети дрв. Баскаково, дрв. Кузнецове, дрв. Петрово... Да въ Кеме жъ въ Ярбозерской трети дрвни: дрв. Тимонино, дрв. Бубново... Всехъ деревень в Кеме в трехъ третехъ* .чг. дрвни (Кн. сем. и обр. Кир.-Белоз. мон. XVI в.; ГПБ ф. 351 № 91/1329, л. л. 262, 268, 270).

В современных русских говорах и других славянских языках слово *треть* с отмеченным значением не фиксируется. Значение мелкой территориальной единицы, равной части волости, слово *треть* развивает в диалектах языка великорусской народности. В Белозерский уезд этот термин распространился из соседнего Вологодского.

Улусъ

В XIII – XV вв., в период татаро-монгольского нашествия, слово *улусъ* в общем употреблении выступало в значении ‘селение у кочующих народов’: *Где наедеть на поле на сей стороне Волги улусы Ногайские, и ему о томъ пытати, которого мырзы улусы* (Гр. в. кн. Вас. Ив. 1508; Пам. дипл. МГ с Кр., Ног., т. 2, № 1) – Срезневский III, 1198 – 1199. В то же время данное слово являлось административно-территориальным термином (Кочин, 375). В языке татар *улусъ* ‘подвластный округ’ – крупная административная единица, в известных случаях синонимичная русским словам *княжество* или *вотчина*: *Тахтамышъ царь Воложскій... рекъ ему сице: «азъ улусы своя самъ знаю, и*

каждо князь Русскій на моемъ улусе, а на своемъ отечестве, живетъ по старине (ПСРЛ, Ник. III, 1383, 84).

Несмотря на то, что русские летописи подчеркивают принадлежность ашеллятива улусъ татарской административной терминологии (ЛН I 325, 406, 407, 481, 488; ЛТв. 440, 442, ЛС 96, 130, 139, 171, 172 и т. д.), можно утверждать, что он проникает и в состав русских территориальных единиц. Доказательством тому служит употребление данного слова в белозерских источниках XVII – XVIII вв. На русской почве рядом с термином улусъ активное распространение получает дериват улусецъ. Улусъ (улусецъ) в Белозерье – мелкая административная единица – ‘часть волости’. Она имеет весьма узкий ареал, поскольку отмечена только на северном побережье Белого озера и западном побережье озера Воже: *Жалоба... мне Белозерского уезду Кемозерския волости Оржальскаго улуса на крестьянина на Панку* (Челоб. 1619; ЛОИИ ф. 194, карт. № 3, № 35); *Улусецъ Солза, улусецъ Тордокса* (ПК Чаронд. округи 1624 – 1629; САС II, стр. 116).

Что касается других областей Московского государства, то улусецъ в таком значении употребляется только в документах соседнего с Белозерским Вологодского у.: *Се азъ, Малафии Офонасьевъ сынъ, Вологоцкаго уезда, Троецкие трети, Давыдовские волости, Софоноваго улуса из деревни Глотихи* (Челоб. Малаф. 1603).

Судя по материалам картотеки СРНГ, слово улус было распространено в древности шире. Значение, близкое к отмеченному, оно имеет не только в вологодских говорах (улус – ‘ряд сконцентрированных деревень’ – в вологодских кадниковских гонорах – КСРНГ), но и в олонечских. В районе Мошинского озера, по словам Г. Куликовского, «улус – отдельная группа деревень, истария определенная. Это чисто церковное деление, каждый улус группируется около своей часовенки. Улус состоит из многих отдельных общин». В других говорах это слово имеет иное значение: в архангельских шенкурских улус – ‘узкая длинная полоса пахотной земли’; в псковских, тверских оставшихся – ‘закоулок’, ‘пристанище’; в рязанских – ‘область, участок’ (только в детских играх).

В картотеках ПОС, СРГК, СНГ, АОС, СВГ, СБГ данное слово не отмечено. Не обнаружено оно в других славянских языках. По мнению В. Даля, «улус – имя монгольское, у батыевых татар аул называется улусом» (Д, IV, 489). В ДТС *ulus* – 1. ‘селение’, 2. рел. ‘местопребывание будд’ (ДТС, 611). Можно полагать, что в качестве административного термина слово улус стало выступать на Севере еще в период татаро-монгольского нашествия. Для XVII в. оно уже явный архаизм, поскольку сохраняется в употреблении только в некоторых глухих районах Белозерья.

Сорокъ

Территориальная единица *сорокъ* была в ходу в самом городе Белоозеро и на государственных «черных» землях. В XVII в. г. Белоозеро делится на уча-

стки или районы, называвшиеся *сороки*: *А въ техъ ему деньгахъ заложилъ дворъ свои на Белоозере на посаде Воскресенскомъ сороку* (Закладн. г. Белоозера 1635; ЛОИИ ф. 194, карт. 5, № 41); *На Белоозере на посаде в Захарыне сороку в Полавной улице место пустое дворовое* (Пер. и доз. кн. г. Белоозера 1641; ЛОИИ ф. 194, карт. 6 № 26).

Находящиеся несколько южнее г. Белоозера государственные «черные» земли Азатской волости тоже делились на сороки, причем *сорокъ* – это ‘часть волости’: *В Озайкой же волости в Жолобовском сороку пустошь Юдино* (Писц. кн. Белоозера 1618; ГПБ ф. 351, № 79/1318, л. 134).

Можно полагать, что в самом городе, а также на государственных «черных» землях, находящихся в непосредственном подчинении Москвы, не мог употребляться узко местный административный термин. И в самом деле, – слово *сорокъ* отмечено в документах других территорий Московского государства. В XVII в. – начале XVIII вв. это довольно ходовой церковный термин. Во всяком случае, он чаще используется в распоряжениях и указах церковных властей: *Сию память прочитати старостам поповским и попам... и имъ наказывати о томъ накрепко, чтобы они койждо у себя, в своих сороках, о том, против сей памяти, о благочинии церковнемъ по всемъ церк-вамъ священникамъ наказывали»* (Память тиуну Ман. 1636; АЭ I, стр. 405).

В Словаре церковнославянского языка (перв. пол. XIX в.) *сорок* – ‘часть церковного управления, состоящая из сорока церквей, подчиненных одному поповскому старосте (благочинному)’ (Сл. цел. яз. IV, 189). Толкование этого слова дает и В. Даль: «в Москвс... разделены они (церкви) по сорокам на староства и благочиния, хотя в сороке и менее сорока церквей» (Д. IV, 275).

Если в Москве *сорокъ* – церковный термин, обозначающий ‘совокупность определенного количества церквей, штат которых находился под управлением одного должностного лица’, то в г. Белоозеро, по всей вероятности, это уже административный термин. Знаменательно, что используется он в «мирских» книгах – в материалах Белоозерской воеводской избы (ЛОИИ ф. 194), а также в «Писцовых и дозорных книгах г. Белоозера» (ГПБ ф. 351, № 79/1318). О многом говорят названия сороков Белоозера – *Захарын сорок, Логинов сорок, Белобородов сорок, Жуков сорок* и т. д. Сороки получают наименования по фамилиям и прозвищам жителей города. Только два сорока имеют название церковного характера – Воскресенский и Георгиевский. Из «Писцовых и дозорных книг г. Белоозера» (1618) видно, что *сорок* – ‘участок, район города с одной церковью’, причем за этим районом закреплено определенное количество дворов или дворовых пустых мест: *В Новиношном сороку в подгорье съ места с Ондрюшки кузнеца... оборку четыре алтына* (Оброчн. зап. 1632; ЛОИИ ф. 194, карт. 5, № 31).

Термин *сорокъ* был известен в этот период и в Вологде, поскольку город Вологда также делился на районы – *сороки*: *Се язъ Борись... вологжанинъ Кириловского сороку... да язъ Василей Ивановъ сынъ вологжанин Федоровского сороку* (Поручн. 1659; Оп. св. Влг., в. X).

В словарном составе современных русских говоров, а также в других славянских языках это слово с отмеченным значением не регистрируется. Можно полагать, что возникает оно в период существования языка великорусской народности.

§ 2. Термины административного деления монастырских владений

Село, слобода

Укрупнение земельных владений ряда белозерских монастырей (Кирилло-Белозерского, Череповецкого Воскресенского, Ферапонтовского) начинается в XV в. Основными территориальными единицами монастырского землевладения в этот период являлись слова *село* и *слобода* (*слободка*), выступавшие, как уже было отмечено, в значении 'сельский округ, находящийся во владении монастыря или частного лица и называемый по центральному населенному пункту': *Се яз... дал есми... в Кириллов монастырь село свое Бережное* (Духов. И. Лопатина 1448; Ак. II № 105); *Кому то ведомо, что те деревни Марташевская, да Дудино, да Раменейцо, да Починок..., да пустошь Сысоевская ваши земле монастырские Васильевские слободки?* (Правая гр. Кир.-Белоз. 1492; Ак. II № 285).

Значение терминов *село* и *слобода* в XV в. еще различалось, поскольку слово *слобода* означало только такой сельский округ, жители которого освобождались на определенный срок от несения феодальных повинностей⁶⁰. С течением времени различие между этими терминами стирается. Судя по документам, победу одерживает слово *село*, вытеснившее апеллятив *слобода* (*слободка*). В деловых документах белозерских монастырей XVI–XVII вв. *село* продолжает употребляться в значении 'сельского округа, в состав которого входило определенное количество населенных пунктов с земельными угодьями': *Да въ селе въ Талице высеяно на крестьянские десятины и на козачью пашню... ржи 28 чети* (Тет. сем. 1606; Ник.). Земельные владения Кирилло-Белозерского монастыря делились на такие сельские округа для большего удобства при сборе оброка: *Ись села съ Колкача и съ Милобудова привезли оброчные ржи 42 чети..., села Сизмы оброчные ржи 105 чети..., села Кемы оброчные ржи 54 чети съ осминою* (Кн. прих. 1605; Ник.).

По свидетельству монастырской деловой письменности, *село* в качестве территориальной единицы в XVI–XVII вв. начинает вытесняться терминами локального характера. Речь пойдет о словах *ключь*, *кулига*, *уголь*.

Ключь

В хозяйственных книгах Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. употребляется термин *ключь*. *Ключами* назывались такие обособленные сельские округа с «гнездами» деревень, которые находились в непосредственной

близости от монастыря (район около монастыря)⁶¹ и являлись более ранними приобретениями последнего: *Ключ Кнutowский дер. Огурцово вы Юшко на пол вы сее ржы..., др. Богатыреве 2 вы Терпай на пол вы... Нечай на пол вы...* (Кн. вытн. Кир.-Белоз. мон. 16 в.; ГПБ ф. 351 № 69/1308, л. 28).

Земельные вотчины, пожалованные монастырю крупными феодалами, сохраняли название сел. В ряде случаев, однако, значение терминов *село* и *ключ* не различалось: *Въ селе на Сизме высеяно... на крестьянские десятины* (Тет. сем. 1605; Ник.); *Сиземской ключ др. Дорь Деминь..., др. Дорь Бардаковъ* (Кн. вытн. Кир.-Белоз. мон. XVI в.; ГПБ ф. 351, № 69/1308, л. 28). Можно заметить, во всяком случае, что *ключ* – это термин по преимуществу внутримонастырского общения, поскольку фиксируется в документах, имевших хождение в пределах монастырской вотчины (приходо-расходные, вытнные, переписные книги). Ключи имели названия, причем обозначались они обычно по названию более крупного селения (села): *Ключ Чюровской др. Окоемово... др. ...Ключ Колкацкой ...Ключ Санниковской* (Сп. ст. сем. Кир.-Белоз. мон. XVI в.; ГПБ ф. 351, № 92/1330, лл. 23, 60, 66, 83).

В таком же значении употребляется данный термин в документах вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, владения которого граничили с земельными угодьями Кирилло-Белозерского: *Се язъ Терентей... Домшинского ключа изъ деревни Смитицына крестьянинъ Прилуцкого монастыря занялъ есми... у келаря тритцать алтынъ* (Заемн. Т. Филиппова 1585; АЮ № 250).

Апеллятив *ключ* в значениях, близких к отмеченному, – древнее по своему происхождению слово. Оно фиксируется в русских летописях: *И заповеда Олег... дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключ* (ПСРЛ I; Лавр, лет., стр. 31; См. также ЛИп. 18, ЛВ IV 19, ЛНУ20, ЛВ1 272, Ник. 1 18 и т. д.). Толкование значения слова *ключ* в данном контексте дает В. Даль: «Людейная сила Олега, вероятно, делилась на ключи по волостям, откуда лодьи были выставлены» (Д II» 122). По сведениям историков, деление светских и церковных вотчин на участки-ключи было широко распространено и позднее, в XV – XVI вв.⁶² И. И. Срезневский приводит ряд значений этой лексемы – ‘руль’, ‘кормило’, ‘багор’, ‘запор’, и в том числе ‘волость’: *Послано... 2 колоде меду пресного съ ключа Луцкого*. Упом. кн. Тверск. 1489 (Сб. Мух. 13) – 1, 1233.

Административный термин *ключ* известен в староукраинском языке: *Село Пески въ ключу Любенскомъ за Сулою лежачое* (Ген. Сл. Луб. п. 1677, стр. 73 –КСУС). В говорах украинского языка *ключ* до сих пор – ‘несколько деревень и хуторов, составляющих одну общину или одно имение’ (Гринченко II, 254). В старобелорусском языке XVI в. *ключ* тоже «древняя административная единица, равная части графства или староства, площадью 250 тыс. кв. десятин. Позднее ключом называли папское владение, большой двор» (Яшкін, стр. 94). В старочешском языке однокоренное *kluče* – ‘выкорчеванный участок, целина’ (Sl. stč. II, 55). Одно из значений слова *klucz* в польском языке, сопровождаемое пометой ‘устарелое’ – ‘владения, поместья, вотчины’

(WPR 304 –305). Можно полагать, что *ключ* – наследие диалектов праславянского языка, однако в качестве территориальной единицы это слово начинает употребляться позже, – в диалектах языка древнерусской (общевосточнославянской) народности.

Кулига

Территориальной единицей Череповецкого Воскресенского монастыря (южная часть Белозерья) являлось слово *кулига*. Судя по материалам местной деловой письменности, *кулига* в качестве административного термина употребляется во владениях данного монастыря не раньше XVI в., поскольку во второй половине XV в. в этом значении фиксируется общеупотребительное слово *село*: *Что митрополич монастырь Воскресение и села и деревни в моей отчине в Череповси, Федосьевское село, да Степановское, да Чюдца.* (Жал. гр. белоз. кн. Мих. Андр. 1473; АФЗХ1 № 284). В документах XVII в. речь идет уже о Федосьевской, Степановской, Чудской *кулигах*.

Период активного бытования административного термина *кулига* в южном Белозерье падает на XVI – начало XVIII вв.: *Даль вкладу Чуцкия кулиги деревни Еремиева крестьянинъ Оситъ Ивановъ мерина савраса* (Вкл. ин. Воскр. Чер. мон. XVII в.; ГИМ ф. 450, № 943, л. 1); *За Федоромъ Дмитреевымъ сыномъ... въ поместье в Турховской кулиге дер. Леонтьева, а в ней крестьян* (Писц. кн. Чер. вол. 1678; ЦГАДА ф. 1209, № 12757, л. 62). Особую активность приобретает слово *кулига* в XVII в. Показательно, что в этот период оно вовлекается в систему территориальных единиц, связанных с уездным административным делением. В челобитных жителей Череповецкой волости, адресованных не только властям Воскресенского монастыря, но и в Москву, *кулига* – это уже ‘часть волости’. Порядок расположения слов, с помощью которых конкретизируется название местности, указывает на более узкое содержание термина *кулига* в сравнении с *волость*, так как на первом месте в документах всегда *волость* как слово, обозначающее более крупную административную единицу, на втором – *кулига* как часть ее: *Нищей богомолец, Белозерского уезду Натпорожскаго стану, Череповецкой волости, Туховские кулиги Никольской поп Никифорище»* (Челоб. попа Никиф. 1661; СЧВМ № 23).

Во второй половине XVIII в. административный термин *кулига* начинает постепенно выпадать из речевого обихода. Забвение его выражается в том, что *кулига* заменяется словом *волость*: *Род Чудской волости дер. Мислова* (вместо Чудской *кулиги* – Ю. Ч.) (Син. Ф. – Ир. I, XVIII в.).

Распространение данного термина было характерно для ограниченной территории, расположенной по нижнему и среднему течению р. Шексны.

Данные современных говоров также свидетельствуют об узкой сфере бытования этого слова с отмеченным значением в прошлом. По материалам КСРНГ, ареал лексемы *кулига* с близким к нашему значением зафиксирован в

виде отдельных изолированных «островков» в вятских (*кулига* – ‘починок, деревня в лесу’) и в вологодских (*кулига* – ‘деревня, находящаяся далеко в стороне от погоста, деревня на отставе’), а также в новгородских пестовских (*кулига* – ‘деревня, расположенная вдали от других населенных пунктов’). В Белозерье, на довольно ограниченной территории Череповецкого и Кадуйского р-нов Вологодской обл. (нижнее течение р. Суды и участок Шексны), в первой половине XX в. оно бытует с разным семантическим содержанием. М. К. Герасимов зарегистрировал его в Череповецком уезде в начале XX в. еще в значении, близком к тому, которое имело это слово в XVII в.: «*кулига* – ‘местность, селения которой расположены по обеим сторонам небольшой реки, т. е. в группе, в куче’. Каждая кулига имеет название по реке, у которой она расположена (Кисовская, Андогская, Петуховская). Отсюда *кулижане* – жители кулиги» (Герасимов, 47). В южной части Череповецкого р-на *кулига* обнаружено и с более древним значением ‘сельская округа’, и с трансформированным – ‘группа людей, подозрительная компания’. С этим же значением бытует данное слово в уломском и ваучском говорах: «*Кулига* – собрание, сборище в смысле «подозрительной компании»»⁶³.

Апеллятив *кулига* – финского происхождения. Важно отметить, что слова с этим корнем можно обнаружить в словарном составе не одного какого-то языка, а ряда языков прибалтийско-финской группы. Так, «в финском *kylä* ‘деревня’ карельском *külä*, вепсском *külä* ‘вообще чужие села’, эстонском *kulä* ‘село’ обозначают населенную местность, соседство». (Калима, 140–141). В финских диалектах и в дальних родственных языках *kulä* обозначает ‘дом’⁶⁴. Таким образом, это не случайная, пришедшая извне лексема, а слово основного словарного фонда многих прибалтийско-финских языков. В говорах современных вепсов, проживающих в Пондале (Вологодская обл. Бабаевский р-н), в районе Шимозера (Вологодская обл. Вытегорский р-н), в Озерах (Ленинградская обл. Подпорожский р-н) одно из значений *külä* – ‘село (группа деревень)’ (Зайцева, 256), иначе – ‘сельский округ’: «*Miiden küläs kuz de-ruunad*». (В нашем селе шесть деревень) – Баб. Пондала. В этих же говорах *külähiine* – ‘житель села, центральной деревни, погоста’. При непосредственном и частом контакте русских и вепсов, живущих на территории Белозерья по соседству, славяне легко могли усвоить вепсское *külä*⁶⁵.

Уголь

Если в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря употреблялся административный термин *ключ*, во владениях Воскресенского Череповецкого – *кулига*, то на землях Кирилло-Новозерского монастыря (юго-западное побережье Белого озера) – слово *уголь*: *Взято с Замосшского угля... масляных денег рубль... Да с Новозерского угля техъ же денег полтора рубли*. (Пр.-расх. кн. Новозер. мон. 1623; ЛОИИ ф. 115, № 662, л. 88, 205). Это слово фиксируется в деловых документах Кирилло-Новозерского монастыря XVII в. В конце

XVII в. оно начинает заменяться словом *волость*: *Замошского угла со крестьянъ взято у старосты Дениса Бенедиктова... оброку одиннадцать рублевъ... Того же числа взято Замошские волости деревни Фокина* (Пр.-расх. кн. Новозер. мон. 1682; ЛОИИ ф. 115, № 662, л. 398).

В деловой письменности более раннего периода апеллятив *уголь* бытовал в значении 'клин, часть, доля' (Срезневский III, 1142).

В ярославских, суздальских, переяславских, ростовских, московских актах данное слово издавна употребляется в значении 'доля, часть земельного владения', 'сельский округ с населенными пунктами, находящийся в чем-либо владении': *Се яз, князь Олександр Федоровичъ, пожаловалъ есмь... променил есмь им земли Зайганов Угол, Поповскую землю, Дозорскую землю* (Жал. гр. мен. яр. кн. 1440; Ак. III № 264); *Те селища... земли великого князя, а тянули, сказывают, к Ивашову Углу* (Пр. гр. Переясл. у. 1462); *А мне Федору, достало Китовской угол: (д) Китово, (д) Балакиреве, (д) Изройкино* (Дел. Сузд. у. 1519; АФЗХ I № 164); *А рубежь и межа княжне Овдотье со княземъ Семеномъ княжнинныхъ деревень Илкина угла межъ князей Семеновыхъ деревень Манишина угла* (Судн. сп. Богоявл. мон. 1539; Ак. гр. р. I № 82).

Со временем ареал слова *уголь* с отмеченным значением расширяется, охватывая Белозерский и Вологодский у.у.: *Мне ся князю Костянтину достало въ Согорзе Тутановское село... да Серковъ уголь* (Разд. кн. Кем. 1529; Арх. Стр. I № 121); *Да въ Троецкомъ углу село Лоптуново на речке на Лосте* (Сп. с писц. гр. Сп.-Прил. мон. 1627; Суворов, стр. 11).

В диалектах современного русского языка и в других славянских языках лексема *угол* в таком значении не фиксируется. Можно думать, что терминологическое значение у слова *уголь* в вотчинах Кирилло-Новозерского монастыря развивается в среднерусский период не без влияния ярославско-суздальско-московского *уголь* 'доля, часть земельного владения', 'сельский округ'.

Анализ терминов административно-территориального деления дает возможность сделать следующие выводы:

1. Подавляющая масса терминов славянского происхождения – *стан, волость, село, слобода, погост, треть, ключ, сорок, угол*. Исключение составляют слова *улус* (тюрко-татарского происхождения) и *кулига* (прибалтийско-финского).

Возникновение их относится к двум синхронным срезам.

а) Лексемы *волость, волостка, стан, погост, ключ, село, слобода* начинают употребляться в качестве административных терминов в период существования языка древнерусской (обшевосточнославянской) народности.

б) Лексемы *сорок, улус, треть, кулига, угол* закрепляются в качестве мелких территориальных единиц в говорах языка великорусской народности.

2. Слова *волость, стан, вотчина, село, слобода* относились к числу общеупотребительных территориальных единиц.

Ареалы локальных терминов областного членения совпадали далеко не всегда.

а) *Погост* в значении 'сельский округ' – в древнерусский период общепотребительное слово, в среднерусский – регулярнее употребляется в Северо-Западной Руси.

б) *Волостка* в древнерусский период употребляется в северо-западных диалектах, в среднерусский – распространяется шире, охватывая северные говоры в целом.

в) Ареалы терминов *треть*, *сорок*, *улус* в среднерусский период охватывают территорию западных районов Вологодского и части Белозерского у.у., диалектные зоны апеллятивов *кулига*, *угол* – юго-восточные районы Белозерского у.

3. Территориальные единицы находятся в сложных и многообразных семантических взаимоотношениях. На разных синхронных срезах состав данной ЛСГ подвергается определенным изменениям.

а) XV в.

Территориальные единицы областного членения	Единицы частного землевладения
<i>волость, погость, станъ</i>	<i>село, слобода, вотчина</i>

В XV в. в говорах Белозерья употреблялись термины *волость*, *погость*, *станъ*, *село*, *слобода*, *вотчина*, имевшие хождение на всей территории Московской Руси. Значения этих единиц четко различались: *волость* – 'крестьянский самоуправляющийся округ', *погость* – 'церковный округ', *станъ* – более крупная территориальная единица, состоящая из волостей и погостов, *село* – 'сельский округ, находящийся во власти феодала', *слобода* – 'сельский округ, находящихся во власти феодала, но освобожденный на определенный срок от феодальных повинностей'.

б) XVI–XVII вв.

	Территориальные единицы областного членения	Единицы монастырско-го землевладения
официальные общеупотребительные	<i>волость, погост, стан</i>	<i>село</i>
местные	<i>треть, улус, сорок</i>	<i>ключ, кулига, угол</i>

В XVI–XVII вв. состав терминологии областного деления в Белозерье значительно изменяется. С одной стороны, постепенно стирается различие

между официальными территориальными единицами *волость* и *погость*. Последние сохраняются в силу привычки, традиции. В этот же период происходит пополнение терминов областного членения за счет местных единиц. Рост численности населения края, заселение большинства пустовавших ранее районов способствует тому, что система территориальных единиц, сложившаяся ранее, перестает удовлетворять потребностям общения. В сельских округах, обозначаемых терминами *волость* и *погость*, количество населенных пунктов (иногда имеющих одинаковые названия) возрастает в такой степени, что возникает настоятельная необходимость в дальнейшем, более мелком членении соответствующих единиц. Отсутствие единого централизованного руководства со стороны Москвы создавало условия для возникновения в каждом уезде на государственных «черных» землях своих узко местных терминов, обозначающих, по сути дела, одну и ту же более мелкую в сравнении с волостью территориальную единицу. В Белозерье этими терминами являлись слова *треть*, *улус*, *сорок*.

Подвергается изменениям и состав территориальных единиц монастырского землевладения. В этот период стирается различие между земельными владениями, обозначаемыми терминами *село* и *слобода*. Семантика данных слов перестает различаться, в связи с чем аппеллятив *слобода* архаизируется и выпадает.

Все большая активизация слова *село* в общем употреблении в значении 'сельское поселение с церковью' способствовала тому, что в каждом замкнутом монастырском владении возникала своя местная территориальная единица, с помощью которой монастырская вотчина делилась на более мелкие округа (Кирилло-Белозерский монастырь – *ключ*, Череповецкий Воскресенский – *кулига*, Новозерский – *угол*).

4. Пополнение состава административно-территориальной терминологии в Белозерье шло не по линии создания новых слов, но путем переосмысления старых. Значение всех этих терминов в говорах Белозерья переосмысливается, приспосабливается к нуждам городской, уездной или монастырских канцелярий. В широком употреблении все эти слова являлись более крупными территориальными единицами, в белозерских говорах значение их сужается, поскольку все они выступают в значении 'часть волости'.

Неупорядоченность в системе официальной административной терминологии Московского государства, отсутствие болес мелкой в сравнении с волостью общерусской территориальной единицы приводит к тому, что все локальные термины, использовавшиеся вначале в пределах того или иного замкнутого владения, начинают употребляться со временем в документах белозерской уездной канцелярии, непосредственно связанной с московскими приказами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Семантика ранних по происхождению терминов *село*, *слобода*, *погост* отличалась нерасчлененностью, синкретизмом. В древнерусский период в сознании говорящих представления об отдельном, ограниченном чем-то земельном участке и селениях (или селении) на нем выступали как нечто целое, трудно членимое. Слова *село*, *слобода*, *погост* выражали близкие понятия, причем последние отличались широким объемом и диффузностью⁶⁶. *Село*, *слобода*, *погост* – это и ‘сельский округ (находящийся во владении феодала – село, слобода или не являющийся частным владением *погост*) как совокупность селений и земельных угодий, принадлежащих этим селениям’ и в то же время это и одно ‘центральное селение с относящимися только к нему земельными угодьями’. В новгородских документах XI – XIII вв. еще дают о себе знать разные типы конкретизации этого нерасчлененного единого значения.

Несмотря на отсутствие письменных свидетельств, можно полагать, что слово *двор* в тот период тоже не просто ‘селение, состоящее из одного двора (хозяйства)’, а ‘земельный участок с двором’.

Развитие семантики данных терминов шло по пути постепенного устранения нерасчлененности, синкретизма. Судя по материалам деловой письменности в XIV – XV вв., *село*, *слобода*, *погост* – это уже лексемы с оформившимися, но пока еще не в окончательном виде, полисемантизмом. В этот период они выступают с двумя значениями: ‘сельский округ’ или ‘земельное владение’ и ‘центральное селение сельского округа или земельного владения’. Второе значение оставалось синкретичным, поскольку *село*, *слобода*, *погост* не просто центральный населенный пункт, а селение с принадлежащими ему земельными угодьями. Как известно, на позднем этапе развития языка древнерусской народности данная ЛСГ пополняется вновь возникшими административными терминами *деревня*, *починок*. Характерно, что значение их в этот период тоже нерасчленено, ибо они обозначают не просто ‘селение’, а ‘комплекс земельных угодий с селением на нем’.

До сих пор речь шла об официальных общеупотребительных терминах. Возникающие в разных районах Московской Руси локальные административные термины, пополняющие отмеченную ЛСГ, имеют то же нерасчлененное значение. Примером может служить лексема *ново* (*новцо*, *новшико*), семантическое содержание которой в белозерских говорах XV – XVII вв. явно синкретично. Судя по всему, в сознании носителей языка поселение продолжало оставаться неотделимым от возделываемой земли, составляло с нею одно целое.

Этот нерасчлененный характер значения рассмотренные термины сохраняли в Белозерье длительный период. Пожалуй, только в XVII – XVIII вв. общеупотребительные *село* и *деревня*, а также лексемы островного ареала *погост*, *ново*, *починок* стали выражать одно дифференцированное понятие ‘се-

ление', хотя начало этой дифференциации относится к концу XV – XVI вв. Согласно источникам, уже тогда наметилась семантическая эволюция этих слов, выразившаяся в том, что в составе соответствующего недифференцированного понятия произошло перемещение «центра тяжести»: 'комплекс земельных угодий с селением на нем' → 'селение с комплексом земельных угодий'.

Длительный исторический период слова *погост*, *село*, *слобода*, *деревня*, *починок* были полисемантичными. Развитие семантики этих лексем шло не только по пути устранения синкретизма, но и многозначности.

2. Тяготение Белоозера к Ростову, а позднее к Москве определило в известной мере состав и развитие административной лексики в говорах Белозерья. Только в древнерусский период административная терминология пополняется рядом апеллятивов, занесенных выходцами из районов Новгорода Великого (*двор* 'селение с земельными угодьями'). Новгородское влияние ощущалось, правда, и позднее, в XVI – XVII вв., но уже как результат междialeктного общения (ср. бытование терминов *волостка*, *погост* 'селение' в части северных и западных говоров, граничащих с новгородскими).

Определяющее влияние на складывание административной терминологии Белоозера имел язык московских канцелярий. Семантическая эволюция общеупотребительных терминов *село*, *слобода*, *погост* в говорах центральных районов Московской Руси и Белозерского у. протекала в одном и том же направлении и в то же время синхронно. По-иному развивались эти процессы в Новгородском у. (*погост*) и в бывших новгородских владениях (отсутствие *село* в значении 'населенный пункт' в диалектах по течению Сев. Двины). Семантические сдвиги в значениях лексем, пополнивших административную терминологию в более поздний период (*деревня*, *починок*), происходили в говорах Белозерья в такой же последовательности, как и в диалектах центральной полосы. Своеобразие проявлялось, по сути дела, только в более замедленном темпе развития отмеченных семантических процессов. Судя по памятникам, семантическая эволюция этих терминов в говорах Белозерья «отставала» от идентичных процессов в диалектах центра примерно на 50 – 100 лет (термины *деревня*, *починок* бытовали в Белозерье в конце XIV в. в значении 'очищенный под посев участок леса, подсека', в диалектах центральной полосы они употреблялись в XIV в. уже со вторичным, более поздним значением 'селение с комплексом земельных угодий'). Кстати, в новгородских, псковских, двинских говорах это «отставание» было более значительным.

Заметно далее, что влияние объединительных тенденций в области языка, идущих из центральных уездов Московского государства, наиболее последовательно охватывает говоры юго-восточных районов Белозерья, расположенных по среднему и верхнему течению р. Шексны. Именно здесь в первую очередь изменяется семантика лексемы *погост* ('селение с церковью и кладбищем' → 'кладбище'), распространяются топонимы *Попово*, *Поповка*, *По-*

повское, Починок. Говоры северных и западных районов обнаруживают в этом плане большую архаичность, поскольку *погост* в них сохраняется с более древним значением 'сселение с церковью', *волостка* 'часть волости'.

3. Складывание той части административно-территориальной терминологии Белозерья, которая рассмотрена в настоящей главе, весьма сложный и подчас противоречивый процесс. Несмотря на усилившееся воздействие общерусских языковых тенденций, состав территориальных единиц продолжает пополняться узко местными словами. Это обстоятельство находит объяснение в остатках разобщенности отдельных вотчин, которая так характерна была для более раннего времени – периода феодальной раздробленности.

Создание мелких территориальных единиц – результат сознательной целенаправленной деятельности человека. Судя по всему, названия местных территориальных единиц впервые вводились в речевой обиход служителями уездных и монастырских канцелярий. Понятно в связи с этим, почему такие местные административные термины, как *волостка*, *треть*, *улус*, *сорок*, *ключ*, *угол* оказались не «случайными» словами, но являлись территориальными же единицами, имевшими хождение в Вологодском у. Совершенно не случайно, что примером для подражания стала местная административная терминология Вологодского у. Во второй половине XVI – XVII вв. Белозерский у. занимает уже периферийное, подчиненное положение по отношению к Вологодскому. Центр торговли переместился в Вологду, оказавшуюся вместе с Устюгом Великим на торной торговой дороге, соединяющей центральные города Московского государства с другими землями⁶⁷. Только незначительная часть местных административных единиц возникает в Белозерье за счет узко местных слов, не имевших отношения к административной лексике (*кулига*, *ново* (*новцо*, *новишко*)).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что влияние соседних групп говоров (в данном случае Вологодской) на формирование словарного состава межзональных белозерских говоров особенно усилилось в период становления языка великорусской народности.

4. Перемещение торговых и экономических центров Московского государства в национальный период в южные районы создает условия для консервации в словарном составе диалектов Вологодской группы говоров таких лексем, которые в диалектах центральной зоны подвергались архаизации и выпали (*треть*, *улус*, *сорок*).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских в XVI в. Записки РГО, оп. 8, СПб, 1853; А. М. Гнеушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения ее к Москве, Киев, 1915; М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., I, М., 1909 и мн. др.

2. Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 80, Л., 1949; И. Я. Черных. Очерк русской исторической лексиколо-

гии. МГУ, 1956; Н.С. Бондарчук. Лексика северодвинских грамот XIV – XV вв. Канд. дис. М., 1954 и др.

3. Ю. И. Чайкина. Вопросы истории лексики Белозерья. Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975, стр. 158.

4. Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнерусской эпохи, стр. 151. См. об этом же А. Я. Ефименко. Исследование народной жизни, вып. 1. М., 1884, стр. 231 – 232.

5. Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнерусской эпохи, стр. 151.

6. О синкретичности древнего значения см. Л. С. Ковтун. О неявных семантических изменениях (К истории значения слов). ВЯ 1971, № 3.

7. Н. С. Бондарчук. Значение и история некоторых терминов северодвинских грамот XV в. Уч. зап. КГПИ, т. 53. Калинин, 1968, стр. 118 – 119.

8. По утверждению С. Б. Веселовского, село в документах XIV – XVI вв. означало то 'селение', то 'населенную территорию', то в Северо-Западной Руси – 'участок земли' ('Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV – XVI вв.', М. – Л., 1937, стр. 22). Отголоском древнего прошлого считает Г. Е. Кочин смещение в документах XII – XIV вв. в одном слове село двух разных понятий – село как селения с селом, означающим земельное владение («Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства с конца XIII до начала XVI в.», Л., 1965, стр. 108). По словам А. Д. Градовского, в прошлом село не только селение; село, как и волость, выступало в качестве административной единицы: «Все духовные грамоты делают различие между волостными землями и селами, как частным владением князей». А. Д. Градовский. История местного управления в России. СПб., 1899, стр. 133.

9. В таком же значении выступало слово село в старобелорусском языке: «Ино мы... дали есмо... тоє село... Сєнно... со всеми уходы и приходы... зь приселки, и зь сєлицы, и зь нивами, и пашнями, и зь лєсы... и таки што вь томъ именъи собе промыслити на новомъ корєни посадити» (АЖМ, 1, 7, 1445). По словам И. В. Шадуурского, это значение идет от общерусской языковой основы, где оно было одним из основных самостоятельных значений. И. В. Шадуурской. Сельскохозяйственная лексика в старобелорусском письменном языке. Канд. дис. Минск, 1967, стр. 152.

10. Как считает В. В. Богачук, село закрепляется в своем основном значении 'сельский населенный пункт' в XIV – XV вв. В. В. Богачук. Наричательные наименования населенных пунктов и их частей в памятниках русской народности XIV – XV вв. Канд. дис. Киев, 1972, стр. 14.

11. С. С. Волков. Изменения в лексике делового языка Московской Руси первой трети XVII в. Канд. дис. Л., 1961. Словарь, стр. 333.

12. См. об этом же: В. В. Богачук. Наричательные наименования населенных пунктов и их частей в памятниках русской народности XIV – XV вв., стр. 22.

13. Народы европейской части СССР, I. М., 1964, стр. 135. «Слово свобода есть испорченное свобода. Князь «освобожал», т. е. разрешал частному лицу или коллективу лиц «сесть», т. е. поселиться на участке пустой княжеской земли, заводить хозяйство. Князь давал льготы на 10 – 20 лет». С. Б. Веселовский. Топонимика на службе у истории. «Исторические записки», 1946, № 17, стр. 47. См. также: Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935, стр. 37–40; П. Я. Черныш. Очерк русской исторической лексикологии. МГУ, 1956, стр. 65.

14. С. С. Волков. Изменения в лексике делового языка Московской Руси первой трети XVII в. Словарь, стр. 344.

15. К. А. Невалин. О пятинах и погостах новгородских в 16 в.; В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. V. М., 1956, стр. 69; Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм удельной Руси, т. 3. СПб., 1910, стр. 28; А. М. Гнеушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения ее к Москве, стр. 114 – 126; Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси и т. д.

16. Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М. – Л., 1962, стр. 288.

17. А. А. Потемба. Этимологические заметки, стр. 4.

18. И. И. Срезневский. Исследования Невалина К. А. о пятинах и погостах новгородских. – «Изв. Имп. АН по отд. русского языка и словесности», т. 2. СПб., 1853, стр. 260 – 261.

19. Новгородский погост-место – это административный, культурный, религиозный центр погоста-округа. А. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв., МГУ, 1962, стр. 99.

20. В ПКМГ XVI в. сообщается о 74 *погостах* старого типа, т. е. *погостах* 'округах', в Московском, Владимирском, Коломенском, Тверском, Тульском у. у. Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения, стр. 28. См. об этом же С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси в XIV–XVI вв., стр. 20.
21. В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. V, стр. 69. Э. Г. Истомина. Границы, население, города Новгородской губернии (1727-1917). Л., 1972, стр. 5, 147.
22. К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских в XVI в., стр. 4, 235.
23. А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края в XV–XVI вв. М., 1951. См. карты № 1 и № 3.
24. А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края в XV–XVI вв. См. карты.
25. Ю. А. Кизилов. Географический фактор в истории средневековой России. ВИ, 1973, № 3, стр. 54.
26. А. Мейе. Общеславянский язык. М, 1951, стр. 397.
27. И. В. Шадурский. Сельскохозяйственная лексика в старобелорусском письменном языке, стр. 116, 119; Е.З. Марченко. Бытовая предметная лексика в старобелорусских памятниках деловой письменности XV–XVI вв. АКД. Вильнюс, 1965, стр. 5.
28. А. М. Гнеушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения ее к Москве, стр. 131; А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914, стр. 31; М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., I, стр. 161.
29. А. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв., стр. 121, 142; Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм удельной Руси, т. III, стр. 9.
30. А. А. Потебня. Этимологические заметки, стр. 6; Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, стр. 157.
31. Т. И. Осьминский. Очерки по истории Белозерского края. Череповец, 1940, стр. 52.
32. А. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья, стр. 124.
33. А. А. Потебня. Этимологические заметки, стр. 118.
34. С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв., стр. 12.
35. В современных белозерских говорах однокоренное *разди́рок* до сих пор используется в значении 'подсека': «Весной *разди́рок* сделаем, ржи наростёт» (Бабаевский р-н, Ракита).
36. Н. Н. Воронин. К истории сельских поселений феодальной Руси, стр. 73.
37. На территории современной Архангельской области значение 'многодворное крестьянское поселение' у слова *деревня* появляется также не ранее XVIII в. В. Я. Дерягин. К истории слов *село* и *деревня* в русском языке.
38. Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства, стр. 106. По словам историка Н. Н. Воронина, термин *деревня* появился в XIV в., но сама «деревня» как конкретная форма поселения появилась раньше, на дописьменном этапе истории, в форме поселения «семьи», ее двора и пашни на общинной земле. Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси, стр. 71.
39. См. также: Ак. I №№ 2, 7, 9, 12, 17, 19, 21–23, 2, 7, 32, 35, 44, 52, 69 и т. д.; Ак. II №№ 380, 402, 405, 488, 489, 420, 424 и т. д.
40. Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства, стр. 106.
- Явно недостаточно пока, на наш взгляд, свидетельства одной новгородской берестяной грамоты № 311, датированной рубежом XIV–XV в., в которой фиксируется слово *деревенка*, чтобы утверждать о том, что лексема *деревня* в XIV в. была распространена и в новгородской письменности. См. об этом: С. И. Котков. Об исследовании источников по истории говора Москвы. Сб. Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971, стр. 89.
41. Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского, белорусского языков. Л., 1972.
42. В. Я. Дерягин. О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов. АКД. М., 1966, стр. 13.
43. Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского, белорусского языков. Л., 1972, стр. 619.
44. R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

45. А. А. Потебня. Этимологические заметки, стр. 22.
46. Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства, стр. 116, 127.
47. Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. I, вып. 2, СПб, 1910, стр. 34.
48. В с. Старос Усть-Кубинского р-на *починок* – ‘пашня, сенокос, расположенные в лесу на расчищенном месте’, в Череповецком р-не – ‘деревня’ (Пленишник), в Кирилловском р-не – ‘хутор, крестьянский двор в стороне от деревни’ (Пантелеево) – КСБГ.
49. Ю. И. Чайкина. Вопросы истории лексики Белозерья, стр. 139–140.
50. Ю. И. Чайкина. Из истории слов *починок* и *хутор* в сб. «Очерки по русскому языку и истории его развития. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 370, Л., 1969, стр. 178.
51. «Из истории слов *починок* и *хутор*», стр. 173, 177.
52. А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли, стр. 185–192.
53. А. А. Потебня. Этимологические заметки, стр. 22–23. См. также нашу статью «Из истории слов *починок* и *хутор*», стр. 176.
54. См. также: Писцовые книги Рязанского края 17 в. Изд. Ряз. уч. арх. ком. Рязань, 1898, стр. 416; ПКМГ (1684–1586); С. Шумаков. Сотницы 1537–1597, грамоты и записи. Чтения ОИДР, 1902, кн. 2, стр. 56; Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Материалы по ист. феодал.-креп. хоз. вып. 2, М. –Л., 1931–36, стр. 71 и т. д.
55. Ф. П. Филин. О лексико-семантических группах слов. Сб.: «Языковедски наследование в чест на академик Стефан Младенов». София, изд. на Бълг. акад. на науките, 1957.
56. А. С. Липто-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб, 1890, стр. 83; А. Д. Градовский. История местного управления в России, стр. 363; Ю. Готье. Замосковский край в 17 в. Соцэкгиз, 1937, стр. 93–96; М. Н. Тихомиров. Россия в 16 столетии. М., 1962, стр. 28 и др.
57. «Для 17 в. нельзя указать положительно никаких различий между округами, обозначаемыми терминами *погост*, *стан*, *волость*, – ни по размерам, ни по географическому положению, ни по административному устройству». М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в 17 в., т. I, стр. 29.
58. В XVII в. наместились волости в некоторых погостах Яренского у. и некоторых станах Хлыновского у. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в 17 в., стр. 42–46.
59. Ю. Готье. Замосковский край в 17 в., стр. 106.
60. «Се аз... велел семи им копить *слободу*... на Жабне на верхнем на лесе на стари и на пустошах... А кого перезовут людей, а посадят на лесе на стари, и тем лгота на двадцать лет, а на пустоших посадят людей, и тем лгота на двадцать лет» (Жал. льг. г. тв. кн. Мих. Бор. 1483).
61. Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. I, ч. 2, стр. 60.
62. Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М. –Л., 1946, стр. 676; М. Н. Тихомиров. Россия в 16 столетии, стр. 60. «*Ключ* – круг подведомственной ключнику части вотчины или иного владения (светского или церковного)». Ак. III, стр. 636.
63. С. А. Еремин. Описание уломского и ваучского говоров. Пг., 1933, стр. 52.
64. Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. II, М., 1965, стр. 24.
65. Сопоставление вепс. *küic* и русск. *кулига* свидетельствует, однако, о соответствии только части корневого состава этих слов. Откуда морфема *г-а*? По всей вероятности, слово подверглось на русской почве морфологическому освоению. См. подробнее об этом в нашей статье «Ещё раз о слове *кулига*». Сб. «Этимология, 1968». М., 1971, стр. 183–184.
66. «Понятия, обозначаемые терминами *погост*, *село*, *селище*, не имели в XI–XIII вв. вполне определившегося содержания». А. В. Успенская. М. В. Фехнер. Поселения древней Руси. Сб. «Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.» М., 1956, стр. 11.
67. М. Н. Тихомиров. Россия в 16 столетии, стр. 241.

СОКРАЩЕНИЯ

Источники

1. Ак. – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV –нач. XVI вв., т. I, М., 1952; т. II, М., 1958; т. III, М., 1964.
2. Ак. гр. р. – А. Федотов-Чеховский. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней Руси, т. I – II. Киев, 1860.
3. Ак. Юшк. – Акты 13 – 17 вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал А. Юшков. Чтения ОИДР. 1898, кн. 2 – 3.
4. Арх. еж. 68 – Археографический ежегодник за 1968. М., 1970.
5. Арх. Стр. – Архив П. Строева, т. I. Пгрд, 1915; т. II Пгрд., 1917.
6. АФХХ I – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XV вв. ч. I. М., 196Д.
7. АЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографического экспедиции АН, т. I, 1294 – 1598. СПб, 1836.
8. АЮ – Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, изд. Археографического комиссией. СПб, 1838.
9. АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси, ч. I – III. СПб, 1857 – 1884.
10. ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. – Л., 1949.
11. ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографического комиссией. Т. I – 12. СПб, 1846 – 1875.
12. ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М. – Л., 1950.
13. Мух. – Сборник Муханова. Изд. 2. СПб, 1866.
14. Ник. – Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. СПб, 1910, т. I, вып. 2.
15. НПК – Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссией.
НПК I – Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г., первая половина. СПб, 1859.
НПК II – Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г., вторая половина. СПб, 1862.
НПК III – Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 г., первая половина. СПб, 1868.
НПК IV – Переписные оброчные книги Шелонской пятины 1498. СПб, 1886.
НПК V – Книги Шелонской пятины. СПб, 1905.
НПК VI – Книги Бежецкой пятины 16 в. СПб, 1910.
16. Оп. св. Влг. – Описание свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище, вып. I – 13. Вологда, 1899 – 1917.
17. ПКМГ – Писцовые книги Московского государства 16 в. СПб, 1872.
18. ПК Об.П – Писцовые книги Обонежской пятины (Материалы по истории народов СССР. Л., 1980).
19. ПСРЛ – Полное собрание русских летописей, изд. Постоянною Историко-археографическою комиссией АН СССР. Изд. 2-е, Л., 1926 – 1928.
20. САС II – Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник, вып. 2. Вологда, 1972.
21. СГКЭ – Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. I, Пбг, 1922.
22. Син. Нвзр. – Синодик Кирилло-Новозерского мон. XVII в. ЧКМ.
23. Син. Синоз. – Синодик Синеозерской пустыни XVII – XVIII вв. ЧКМ.
24. Сп. Вег. – Список с писцовых книг письма и меры С. Давыдова 1617. «О селе Веси Егонской». Весьегонск, 1911.
25. Суворов – Суворов. Сборник актов Северного края XVII в. Вологда, 1926 (Вологодская обл. библиотека, машинопись).
26. С. Ф. – Ир. – Синодик Филиппо-Иранской пустыни XVII – XIX вв. ЧКМ.

1. БРС – Българско-руски речник. София, 1960.
2. Герасимов – Герасимов М. К. Словарь уездного Череповецкого говора. Сб. ОРЯС, т. 87. СПб.
3. Гринченко – Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Т. I – IV. Кисв, 1907 – 1909.
4. Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I – IV (перепечатано с изд. 2, 1880 – 1882).
5. ДТС – Древнесторский словарь. Л., 1969.
6. Зайцева – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.
7. ИКПС – Историческая картотека Псковского словаря (Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина, ЛГУ).
8. КАОС – Картотека Архангельского областного словаря (Диалектологический кабинет МГУ им. М. В. Ломоносова).
9. Кочин – Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М. – Л., 1967.
10. КПОС – Картотека Псковского областного словаря (Межкафедральный словарный кабинет, ЛГУ).
11. КСБГ – картотека Словаря белозерских говоров (Череповецкий пединститут, кабинет русского языка).
12. КСВГ – Картотека Словаря вологодских говоров (Вологодский пединститут, кабинет русского языка).
13. КСНГ – Картотека Словаря новгородских говоров (Новгородский пединститут, кабинет диалектологии).
14. КСРГК – Картотека Словаря русских говоров Карелии (Кабинет русского языка ЛГУ).
15. КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров Института русского языка АН СССР (г. Ленинград).
16. КСУС – Картотека Исторического словаря украинского языка XIV – XVII вв. Институт языкознания АН УССР (г. Львов).
17. Младенов – Младенов С. Български тълковен речник с оглед към народните говори. Т. I. София, 1951.
18. Носович – Носович И. И. Словарь белорусского языка. СПб, 1870.
19. Пр. – Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. I – II. М., 1910 – 1914.
20. РУС – Русско-украинский словарь. М., 1948.
21. Сл. цел. яз. – Словарь церковнославянского и русского языка, т. I – IV. СПб, 1847.
22. Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I – III. СПб, 1898 – 1903.
23. СХРС – Речник српскохрватско-руски. Београд.
24. Толстой – Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. М., 1970.
25. Ф. – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения Трубачева О. Н., т. I, 1964; т. II, 1967; т. III, 1971; т. IV, 1973.
26. Яшкін – Яшкін У. Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971.
27. Brückner – Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Krakow, 1957.
28. Kalima – Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.
29. Machek – Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
30. Mucke – Mucke E. Wörterbuch der niederwendischen Sprache und ihrer Dialekte. B. I. St.-Peterburg-Prag, 1911 – 1915, 1926; B. II. Prag, 1928.
31. Pleteršnik – Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. I – II. Ljubljana, 1894 – 1895.
32. PSC – Priručni slovník jazyka českého, I – VIII. Praha, 1935 – 1957.
33. Sl. stč. – Gebauer J. Słownik staročeński, Die I – II. Praha, 1903 – 1916.
34. Sl. stp. – Słownik staropolski. Wrocław – Warszawa, I – VI, 1954 – 1971.
35. WPR – Wielki słownik polsko-rosyjski. Warszawa – Moskwa, 1967.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА И МИКРОТОПОНИМИЯ СТАРОРУССКОГО ГОРОДА

Исследования последних десятилетий свидетельствуют о все возрастающем интересе историков языка к речи старорусского города. Особое внимание привлекает городская речь в начальный период становления русского национального языка¹. Изучение материала писцовых и переписных книг старорусских городов второй половины XVII – начала XVIII вв. позволяет исследовать своеобразие письменно-деловой речи старорусского города и одновременно с этим особенности обиходно-разговорной речи горожан в писцовых и переписных книгах.

В исторической лексикологии неоднократно отмечалась плодотворность сопоставительного изучения группы деловых документов, принадлежащих к одной и той же жанровой разновидности, но созданных в разных письменно-областных центрах².

Задачей настоящей работы является сопоставительное рассмотрение административно-территориальной лексики и топонимии в документах городов: Балахны, Устюга Великого, Москвы, Ростова Великого, Вологды, Вятки, Устюжны Железопольской.

В писцовых и переписных книгах как особой разновидности деловой речи Московского государства регистрируется городское «тягловое население»: приводится полная формула именования горожанина, иногда – его возраст, профессия, сообщается о размерах двора и огорода, о детях, жене, родственниках, постояльцах, работниках, иногда о жилых и хозяйственных строениях. Книги содержат сведения о районах города, улицах, переулках, реках и ручьях, протекающих по его территории, о географических объектах и пр., в связи с чем обращение к административно-территориальной терминологии и микротопонимии города оправданно: именно эта лексика в данных документах представлена наиболее разнообразно. Известная ценность исследований такого рода возрастает еще и потому, что в исторической лексикологии довольно незначительно число работ, посвященных анализу административной лексики и микротопонимии средневекового русского города.

В качестве источников привлекаются книги, составленные в конце XVII – начале XVIII вв. в городах, прошедших длительный путь развития, которые возникли еще в общевосточнославянский период (Ростов и Устюжна – в XI в., Москва, Вологда, Устюг – в XII в., несколько позднее Вятка XIV в. и Балахна – начало XV в.)³. Естественно, что в них нашла отражение административная лексика и микротопонимия города не только начального периода становления русского национального языка, но и более древнего времени – эпохи формирования древнерусского и старорусского языков.

Исследуем вначале административно-территориальную лексику, отражающую членение старорусского города на районы. В период составления

писцовых и переписных книг отсутствовало единое официальное общерусское название района города. Почти в каждом письменном областном центре употреблялся свой местный термин для обозначения района: в Вологде и Балахне – *сорокъ*, в Москве и Устюге – *сотня* и *полусотня*, в Ростове – *сотня* и *десятина*, в Устюжне – *четвертакъ*. Судя по названиям районов: *Никольской сорокъ*, *Мироносицкой сорокъ* (Син. Вол., л. 333 об., л. 333 об.), *Покровская десятина*, *Введенская десятина* (ПК Рост., 9, 21), *Пречистенская сотня*, *Вознесенская сотня* (ПК Уст., 201, 226), *Пречистенской четвертакъ*, *Никольской четвертакъ* (ПК Устж., л. 62 об., 74) и пр. – все эти термины в прошлом относились к сфере церковного районирования.

Сорокъ – часть церковного управления, состоящая из сорока церквей, подчиненных одному поповскому старосте (благочинному) (Сл. цсл. яз., IV, 189). Толкование этого слова дает и В. Даль: «В Москве... разделены они (церкви) по сорокам на староства и благочиния, хотя в сороке и менее сорока церквей» (IV, 275). В ряде северо-восточных городов XVII–начала XVIII в. семантика данного слова сужается, *сорокъ* – это участок, район города с одной церковью, по которой он получает название. За районом закрепляется определенное количество дворов и дворовых пустых мест. В результате слово пополняет группу административной терминологии официально-деловой речи средневекового города. Во второй половине XVII–начале XVIII в. в Вологде, Белоозере, Балахне некоторые сорока получают названия уже по личным именам и фамильным прозваниям жителей города, в ряде случаев сорока именуются русскими географическими терминами: *Григорьевской сорокъ* (Син. Вол., л. 333 об.), *Новиношной сорокъ* (ПК Бал., 80), *Бѣлобородовъ сорокъ*, *Жуковъ сорокъ* (ПК Белоз., № 31, л. 37) и др.

Слово *сотня* в древности выступало в значениях 'войсковое подразделение' и 'союз купеческий, гильдия' (Кочин, 336; Даль, IV, 282). В древнем Новгороде и Пскове однокоренные *сто* и *сотня* употреблялись в значении 'улица, часть, район города'. По словам Н. Д. Чесчулина, «в то время жители улиц составляли нечто целое ...; в большинстве случаев связью служило, по-видимому, отношение к своей церкви, потому что значительное число улиц имело свои церкви...»⁴ В XVII–начале XVIII вв. *сотня* сохраняется в составе административной терминологии в ряде письменно-областных центров, в том числе и в Москве, Ростове, Устюге. Как свидетельствуют названия районов, термины *сотня* и *полусотня* относились в этот период или к церковному районированию (*Спасская сотня*, *Вознесенская сотня*, *Георгиевская сотня*, *Петра и Павла полусотни* – ПК Уст., 214, 226, 235, 264; *Покровская сотня*, *Срѣтенская сотня* – ПК Моск., 8 и др.) или указывали на деление населения по промыслам (*Гостиная сотня*, *Полумясницкая сотня*, *Кожевницкая полусотня* – ПК Моск., 7, 8, 10).

В Ростове районы города именовались не только *сотнями*, но и *десятьями*: *десятина Покровская*, *десятина Всесветская*, *десятина Введенская* и др. (ПК Рост., 9, 13, 21). *Десятина* и *сотня* – термины с эквивалентным семантическим

содержанием ('район с церковью и относящимися к ней дворами', причем число дворов не было ограничено каким-то определенным количеством), один и тот же район города мог называться двойко: *Горицкая сотня* и *Горицкая десятина* (ПК Рост., 3), *Стефановская сотня* и *Стефановская десятина* (там же, 35). Все ростовские *десятни* именовались по церкви, лишь одна имела название *Варницкая* (там же, 76). Термин *десятина* зафиксирован в других разновидностях письменно-деловой речи XVII в. в значении 'десять человек или хозяйств, находящихся в ведении десятка' (Сл РЯ XI-XVII вв., IV, 235). В таком значении это – официальный общерусский административный термин. В ростовской же письменно-деловой речи значение его расширяется.

Десятня относится к группе однокоренных слов, которые с давних пор функционировали в сфере административной терминологии. Так, слово *десятокъ* еще в общевосточнославянском языке выступало в значении административно-территориальной единицы (ССУМ, I, 299). Например, в новгородской Деревской пятине *десятокъ* – 'мелкая территориальная единица': *Добрецкою десятокъ в волости Велицъ* (Кочин, 97), *Заечковъ десятокъ* (НПК, VI, 737, 856).

В переписной книге Устюжны 1713 г. район города с населением, тяготеющим к одной церкви, обозначался словом *четвертакъ*: *Пречистенскои четвертакъ*, *Козмодемьянскои четвертакъ*, *Могилицкои четвертакъ*, *Никольскои четвертакъ*, *Петровскои четвертакъ* (ПК Устж., л. 62 об., 71, 74). В исторических и областных словарях термин *четвертакъ* не отмечен, хотя однокоренное *четверть* употреблялось в значении меры площади (Кочин, 393). В. Даль приводит старое значение слова *четверть* 'область, округ и место' (IV, 601). Полагаем, что административный термин *четвертакъ* 'район города' являлся дериватом *четверть* (*четь*). Об этом свидетельствуют писцовые книги Устюжны, в которых город делился на *концы* и *чети* (СК Устж., 1567).

Переход терминов церковного районирования в состав административно-территориальной лексики, характерной для официально-деловой речи старорусского города, привел к активизации низшей церковно-административной единицы *приходъ* в значении 'община, принадлежащая по духовным требам к одной церкви' (Даль, III, 457); *Васильевскои приходъ*, *Троицкой приходъ* (К. Рост. ПИ, 137); *в приходе у Прчстые бдцы, в приходе у церкви Ильи пророка* (Москв. купч., 194, 185); *Петровского приходу улица Ямская... а Краильниковъ въ улице в Благовещенском приходъ* (СК Устж., 1567 г.); и др.

Наряду с рассмотренными терминами к единицам территориального городского членения в исследуемых источниках относилось общерусское слово *слобода* в значении 'пригородное селение, подгородный поселок'. Названия слобод говорят о том, что жителями их были обычно люди одной профессии или одной социальной группы: *Хамовная слобода* (ПК Моск., 13), *Басманная слобода*, *Огородная слобода* (там же, 10); *Пищальная слобода* (ПК Рост., 63), *Рыболовская слобода* (там же, 58), *Сокольниковъ слобода* (там же, 59); *Сол-*

датская слобода (ПК Вол., л. 175), Ямская слобода (там же, 175); Владышняя слобода (там же, л. 271) и др. С расширением границ города слободы обычно входили в его состав, превращаясь в улицы.

Отдельные исследуемые источники включают и неофициальную лексику районирования, свойственную обиходно-разговорной речи горожан этого периода. Неофициальными названиями района (части) города являлись *конец* и *сторона*. В древнерусском (общеславянском) языке территориальная единица *конец* 'район города' была широко распространена в Северо-Западной Руси. Первая фиксация этого слова относится к 1171 г. Сл РЯ XI-XVII вв., VII, 273). Оно активно употребляется в летописях, в новгородских писцовых книгах и др. жанрах деловой письменности. Многие древнерусские города делились на концы. В Новгороде Великом, например, выделялись *Гончарский, Неревский, Словенский* и др. *концы* (НПК, VI, 173). Слово *конец* продолжает активно употребляться и в документах более позднего времени – писцовых книгах XVI в. Ладоги, Орешка, Яма, Корфлы, Русы, Пскова, Устюжны⁵, а также Центральных и южных городов – Тулы, Каширы (ПКМГ I, с. 1301). В XVII – начале XVIII в. этот термин уже выходит из официального употребления, поскольку в писцовых и переписных книгах части города, именовавшиеся ранее *концами*, называются по-иному. Ср:

Сотная книга Устюжны 1567 г.	Переписная книга Устюжны 1713 г.
<i>Космодемьянской конец</i> (с.138)	<i>Космодемьянской четвертак</i> (л. 65 об.)
<i>Успенской конец</i> (с.145)	<i>Успенской четвертак</i> (л. 136)

Слово *конец* 'район города' сохраняется в данный период в разговорно-обиходной речи горожан. Писцовые и переписные книги отражают отдельные вкрапления данного термина. В переписной книге Ростова Великого, например, там, где активен термин *десятина*, встречается упоминание о Чудском конце (ПК Рост., 74). По сведениям историков, эта часть города носила такое название с XII в. (СНМРИ Яр, XVII). Можно полагать, что во второй половине XVII в. она, как и все другие районы города, официально именовалась *десятиной* с указанием на церковь, но в памяти народа сохранилась со старым названием. Наряду с официальными названиями типа *Пречистенская сотня, Спасская сотня* и др. в писцовых книгах Устюга Великого 1676 г. тоже сохранилось наименование *Верхней конец* (ПК Уст., 144) или *Верхней Леонтьевской конец* (там же, 85),

Второе народное название части города *сторона* отмечено в устюженской сотной книге 1567 г.: *Заворожская сторона* (СК Устж, 150; *Ворожа* – название реки).

Помимо анеллятивов *конецъ* и *сторона* 'часть, район города', в речевом обиходе горожан активны были микротопонимы, названия конкретных городских районов. Думается, что в ходе общения горожане предпочитали именно эти, идущие от далекого прошлого, названия частей города официальным наименованиям: *Спасская сотня*, *Пречистенская десятина* или *Мироносицкой сорок* и т.д.

Рассмотрим микротопонимы, приведенные в городских писцовых и переписных книгах второй половины XVII–начала XVIII в.

Ростов Великий: *Сполье* (ПК Рост., I), *Заровье* (там же, 63), *Ямы* (там же, 80), *Засолье* (там же);

Устюг Великий: *Осыть* (ПК Уст., 107), *Песокъ в Надозерьѣ* (там же, 108), *Кокуи* (там же, 130); *У гостина двора на Вымлѣ* (там же, 135; апеллятив *вымоль* был известен в значении 'намытая водой возвышенность у реки' – Сл РЯ XI–XVII вв., III, 223);

Вятка: *Земляной Городъ* (ПК Вятк., 60), *Засора* (р. *Сора*), *Острогъ* (там же, 4);

Вологда: *Ленивой Торгъ* (ПК Вол., л. 225), *Рощенье*, *Новинки*, *Ехаловы Кузнецы* (там же, л. 112 об.), *Смольня* (там же, л. 58), *Болото* (там же, л. 69 об.), *Сполье* (там же, л. 4);

Балахна: *Вымоль* (ПК Бал., 104). *На правой сторонѣ черезъ Крестецъ* (там же, л. 108), апеллятив *крестецъ* выступал в значении 'перекресток, пересекающиеся под углом дороги, улицы' (Сл РЯ XI–XVII вв., VIII, 41);

Владимир: *Лохань въ Гончарахъ* (К. Влад., ПИ, л. 41 об.), *Галѣя* (там же, л. 107 об.), *Прогонъ* (там же, л. 108), *Крилки* (там же, л. 130);

Устюжна: *Зарядье* (ПК Устж., 133); и др.

Народные названия отдельным частям (районам) города давались по геолого-почвенным признакам и рельефу (*Песокъ*, *Болото*, *Осыть*, *Ямы*, *Лохань*, *Крестецъ*, *Вымоль*), по профессии, деятельности горожан (*Ехаловы Кузнецы*, *Гончары*, *Смольня*, *Засолье*), по месторасположению района (*Сполье*, *Зарядье*, *Засора*, *Заровье*, *Прогон*) и пр. Традиция официального и неофициального именования частей города сохранилась до наших дней.

Перейдем к рассмотрению названий более мелких единиц территориального деления старорусского города. Описывая членение городских районов, составители писцовых и переписных книг прибегали прежде всего к общерусским официальным терминам *улица*, *переулокъ*, *площадь*. Если говорить о названиях улиц, то известно, что в каждый исторический период вырабатываются свои принципы и способы именования данных географических объектов. В XVII–начале XVIII в. во всех рассмотренных письменно-областных центрах улицы получали наименования по церквям, фамильным прозваниям горожан, по особенностям самих географических объектов. Только в Устюге Великом отмечены названия оценочного характера. Ср:

Распределение апеллятивов по принципам номинации

город	названия улиц			
	по церквям	по фамилиям горожан	по особенностям самой улицы	оценочного характера
Устюг Великий (ПК Уст.)	Рождественская (с. 90) Никольская (с. 90) Петровская (с. 117)	Корчагина (с. 105) Шишерина (с. 109) Шергина (с. 192) Барсуковская (с. 140) Пушкариха (с. 118) и др.	Девяткина (с. 87) Выставка (с. 104) Заозерная (с. 108) Поперешная (с. 96) Клин (с. 93)	Гулыня (с. 98) Здыхальня (с. 88) Ленивица (с. 124) Адова (с. 94) и др.
Ростов Великий (ПК Рост.)		Воевоцкая (с. 61)	Проезжая	
Балахна (ПК Бал.)	Петровская (с. 37)		Выползова (с. 104)	
Вятка (ПК Вятк.)	Воскресенская (с. 67) Успенская (с. 81) Вознесенский (с. 3) Пятницкая (с. 4)	Горошников (с. 4) Тряпицынь (с. 3) Чечудина (с. 4) Бритовская (с. 3) Морозовская (с. 4) и др.		
Вологда (ПК Вол.)	Ильинская (л. 207) Никольская (л. 228) Троицкая (л. 247 об.) Вознесенская (л. 125) Пятницкая (л. 187) Петровская (л. 35 об.) Фроловка (л. 90 об.)	Цыпихинская (л. 213) Галкынъ пер. (л. 82 об.) Иконникова (л. 216) Пашурина и др.	Мостовая (л. 41 об.) Тесная (л. 225 об.) Большая (л. 67 об.) Широкая (л. 203 об.) и др.	

Названия первых трех групп являлись официальными, характерными для деловой лексики того или иного письменно-областного центра. Наименования улиц, свойственные обиходно-разговорной речи горожан, нашли отражение лишь в писцовых книгах Устюга Великого: улицы *Гулыня* (*гульный* 'праздный, незанятый, бестягольный' – Даль, I, 407), *Здыхальня*, *Ленивица*, *Адова* и др. По всей вероятности, эти улицы имели и официальные названия, поскольку в книге одна из них значится то как *Гулыня*, то как *Гулыня Спаская* (ПК Уст., 100).

Вместе с общерусскими терминами *улица*, *переулок*, *площадь* в состав административно-территориальной терминологии разных письменно-областных центров входили слова, которые в основном своем значении не относились к административной, терминологии. Пополняя семантический ряд *улица* – *переулок* – *площадь*, они приобретали специализацию в значении и соответственно особенности в лексической и синтаксической сочетаемости.

К такого рода словам в переписной книге Вологды 1711 г. относились *берегъ*, *звозъ*, *крюкъ*, *ровъ*, *ручей*. Сближаясь в своем значении со словами *улица*, *переулокъ*, эти слова вступали в сочетание с именами собственными: *Дмитриевскои берегъ* (ПК Вол., л. 271), *Изосимовскои звозъ* (там же, л. 64), *Афанасьевскои ровъ* (там же, л. 70 об.) и др. Первое из рассматриваемых слов *берегъ* употреблялось в значении 'улица, расположенная по берегу реки; набережная'. Напоминаем, что общерусский термин *набережная* появился позднее. Ср. *Мироносицкои берегъ* (ПК Вол., л. 284), *Пречистенскои берегъ* (там же, л. 53), *Сретенскои берегъ* (там же, л. 287). Как видно, *набережные* получали название опять-таки по церквям. Слово *взвозъ* (*звозъ*) в общем употреблении в старорусском языке имело значение 'въезд, подъем (от реки, моста, перевоза)' (Сл РЯ XI-XVII вв., II, 44). В составе административной терминологии *взвозъ* (*звозъ*) – 'улица, поднимающаяся от реки или моста к более возвышенному месту': *Булдаковъ звозъ* (ПК Вол., л. 64), *Каменскои звозъ* (там же, л. 261), *Изосимовскои звозъ* (там же, л. 64). *Крюкъ* – это 'переулок, но не прямой, а изогнутый': *Бѣсовъ крюкъ* (там же, л. 70 об.), *Изосимовскои крюкъ* (там же, л. 64). Ср. также: ... *въ Еремѣевскомъ Ручью на лѣвои сторонѣ дворъ посажкои вдовы...* (там же, л. 314 об.).

В переписных книгах Балахны к таким словам относились лексемы *заводъ* и *грива*. Первая – в значении 'односторонняя улица или ряд домов, расположенных по берегу залива': *Юрьева заводъ* (ПК Бал., 121), вторая – в значении 'улица на возвышенной гряде': *Боровая грива* (там же, 104). В общем употреблении термин *грива* на русском Севере издавна имел значение 'хребет, гребень, несколько возвышенная гряда местности по низменности, болоту; поросшая лесом полоса' (Даль, I, 395).

В книгах Устюжны пополняли территориальную терминологию слова *взвозъ* (*Лычной взвозъ* – ПК Устж., 151) и *лука*: *Миховская лука* (там же), *Чирецкая лука* (там же, 154), *Лычная лука* (там же, 151). *Лука* в севернорусских говорах среднерусского периода 'излучина, залив, образуемый изгибом берега' (Сл РЯ XII-XVII вв., III, 296).

Рассмотренные слова (*берегъ, возъ, крюкъ, заводъ* и др.) свидетельствуют о неупорядоченности административно-территориальной лексики письменно-областных центров. Формирование общерусской официальной административной терминологии в более поздний период связано со строгой очерченностью границ этой лексико-семантической группы, за пределы которой все отмеченные слова были выведены. Вследствие этого в микротопонимии ряда городов возникают составные названия, одним из компонентов которых становится административный термин: *Изосимовской крюкъ > улица Изосимовской Крюкъ; Афанасьевской ровъ > улица Афанасьевский Ровъ; Булдаков возъ > улица Булдаковъ Возъ* и т. д.

В административном членении старорусского города конца XVII–начала XVIII в. нашли отражение занятия жителей сельским хозяйством – земледелием и скотоводством. Поскольку в черте средневекового города располагались участки пашни и сенокоса, в писцовых и переписных книгах, помимо названий улиц, переулков, возов, крюков и др., приводятся наименования сенокосных и пахотных участков. В разных письменно-областных центрах сенокосный участок именуется по-разному: в Ростове Великом – *пустошь* или *пустошь сѣнокосная*, в Балахне – *огородъ сѣнокосной*, в Устюге Великом – *полянка* или *поскотина*, в Вологде – *огородъ косебнои*, *мѣсто огородное косебное* и т. д. Сенокосные и пашенные участки именуются обычно по владельцу: *Биричева пустошь* (ПК Рост., 12), *Кокушинская пустошь* (там же, 36), *полянка Зрогова* (ПК Уст., 114), *полянка Симонова* (там же, 44), *мѣсто косебное посадского человека Матвѣя Чадова* (ПК Вол., л. 315) и пр. В ряде писцовых и переписных книг приводятся сведения о промысловых предприятиях старорусского города – варницах, рассольных трубах (скважинах), кожевнях, солодовнях и др. (Балахна, Ростов, Вологда, Устюг). Названия предприятий обычно не сообщаются. Исключением является писцовая книга Балхны, в которой подробно перечисляются названия всех варниц и рассольных труб. В конце XVII–начале XVIII в. существовали свои специфические способы номинации этих объектов. В основе названий варниц лежат, например, личные мужские неканонические имена: варницы *Найденъ* (ПК Бал., 124), *Замятня*, *Поспелъ* (там же, 125), *Добрыня* (там же, 126), *Новикъ* (там же, 128), *Тверитинъ*, *Чурило* (там же, 133); женские личные имена: *Любава* (там же, 124), *Кунава* (там же, 125), *Хорошава* (там же, 128), *Красава* (там же, 128), *Богдана* (там же, 133), *Наталья* (там же, 133), *Олена* (там же), *Палага* (там же, 133); названия животных и птиц: *Соболь*, *Орелъ* (там же, 124), *Медведь* (там же, 126), *Соколь*, *Корова*, *Лебедь*, *Соловей*, *Орелъ*, *Лебедка*, *Левъ*, *Бѣлуга* (там же, 133). Значителен круг названий варниц оценочного характера: *Бурная*, *Веселко*, *Прибылой*, *Зажега*, *Частуха* (там же, 126), *Самородокъ*, *Доброхота*, *Потеха*, *Прибытокъ*, *Шумиха*, *Дорогуша*, *Волокита*, *Базаръ* (там же, 133). Наименования рассольных труб напоминают ойконимы: трубы *Киселиха*, *Каменка* (там же, 137), *Толстуха* (там же, 139), *Золотуха* (там же, 142), *Гавриловская* (там же, 139), *Поспеловская* (там же, 146), *Сергиевская* (там же, 147) и т. д.

В писцовой книге Устюга отмечено только одно название такого рода: *винокуренная поварня назвищемъ Лѣна гостя Василия Грудцына* (ПК Уст., 124).

Анализ довольно ограниченного лексического материала писцовых и реписных книг (административно-территориальная терминология и микропонимия старорусского города) свидетельствует о том, что в начальный период становления русского национального языка под влиянием объединительных тенденций, характерных для этой эпохи, намечаются общие пути формирования и развития данной лексики во всех письменно-областных центрах.

В ходе анализа апеллятивной лексики со значением 'район города' было отмечено, что источник ее во всех городах один – церковно-административная терминология.

Таким образом, в начальный период становления русского национального языка почти каждый из рассматриваемых письменно-областных центров имел в официальном обиходе свой местный административный термин со значением 'район, часть города'. Все они восходили по происхождению к единицам церковного районирования. Одни из этих терминов употреблялись еще в деловой письменности древнерусского (общевосточнославянского) языка (*сотня*), другие возникли в период существования языка великорусской народности путем семантической деривации (*сорокъ, десятя*) или аффиксации (*четвертакъ*). Интересно, что в конечном счете все они восходят к именам числительным. Выявлены единые для всех письменных центров принципы номинации таких географических объектов, как улица, переулок, площадь и др. (см. таблицу). Однако, если тенденции формирования апеллятивной лексики и принципы номинации ономастической едины, то сам рассматриваемый лексический материал применительно к разным письменно-областным центрам остается специфичным. Отмечено значительное пополнение круга административной терминологии письменно-деловой речи разных городов местными локальными словами.

В связи со становлением и укреплением общерусских норм в начальный период формирования национального языка намечаются значительные расхождения письменно-деловой и разговорно-обиходной речи старорусского города. В работе было выявлено наличие разных апеллятивов со значением 'район города' в письменной и разговорной речи, обнаружена специфичная для каждой разновидности система городской микропонимии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горшкова К. В. Из истории московского говора в конце XVII–начале XVIII вв. Язык писем и бумаг Петра Великого: Автореф. канд. дис. // Вестн. Моск. ун-та, 1947, № 10; Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1947; и др.; Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джеймса (1618-1619 гг.). Л., 1959; Ивашко Л. А., Мжельская О. С. Названия членов человеческого тела по данным псковско-

немецкого разговорника 1607 г. // Севернорусские говоры / Под ред. Н.А.Мещерского, А.С. Герда. Вып. 2. Л., 1975; *Мжельская О.С.* Вариативность в разговорной речи русского средневекового города // *Русская историческая лексикология и лексикография* / Под ред. С.С. Волкова. Вып. 3. Л., 1983; и др.

2. *Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII в. Л., 1974. С. 10.

3. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в XIV-XV вв. М., 1984. С. 58, 214.

4. Здесь же историк замечает: «Сотни тут не числовые, а бытовые деления и поэтому – неравны по числу» (*Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С.152); свидетельство другого ученого: «В Новгороде каждый конец делится на две сотни. Сотня подразделялась на улицы.» (*Любавский М.* Древняя русская история до конца XVI в. М., 1918. С. 194)

5. *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства ... С. 48.

СОКРАЩЕНИЯ

К. Влад. ПИ – Книга записей купчих владимирской приказной избы 1692 г. // *Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край.* М., 1984.

К. Рост. ПИ – Купчие ростовской приказной избы 1693 г. // *Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край.* М., 1984.

Москв. купч. – Московские купчие XVII в. // *Московская деловая и бытовая письменность XVII в.* М., 1968.

НПК, VI – Новгородские писцовые книги. Указатель к первым шести томам. (I – VI). Пг, 1915.

ПК Бал. – Писцовая книга г. Балахны 1674-76 гг. // *Действия Нижегородской губ. ученой архивной ком.* Н. Новгород. 1913. Т. XV. Вып. 1.

ПК Белоз. – Писцовые книги г. Белоозера 1618 // ГПБ, ф. 351, № 79/ 1318, л. 134.

ПК Вол. – Книга переписная г. Вологды с мерой 1711 и 1712 гг. переписи и меры И. Шестакова и В. Пикина // ГАВО, ф. 2 р., № 7847.

ПК Вятк. – Переписная книга г. Вятки 1710 г. // *Вятка: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий.* М., 1887.

ПК Моск. – Книга переписная Московского Китай-города в XVII в. (по описи 1655 г.) / Сообщил А.И. Зерцалов. // *Чтения ОИДР.* 1893. Кн. 2. Отд. 1.

ПК Рост. – Переписные книги Ростова Великого вт. пол. XVII в. // РИБ. Т. 2. СПб., 1889.

ПК Уст. – Писцовая книга Устюга Великого 1676 г. // *Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий.* М., 1883.

ПК Устж. – Переписная ландратская книга Устюжны Железопольской 1713 г. // *Аграрная реформа Европейского Севера СССР.* М.; Л., 1970.

ПКМГ I – Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. I. Отд. 2. СПб., 1877.

Син. Вол. – Синодик Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря 1745 г. ВОКМ, № 2013.

СК Устж. – Сотная книга Устюжны 1567 г. // *Крестьянство Северной России в XVI в.* / под ред. Ю.С. Васильева. Вологда, 1984.

СНМРИ Яр – Списки населенных мест Российской империи по сведениям 1859 г. Ярославской губ. СПб., 1855.

ССУМ I – *Словник староукраїнської мови XIV-XV ст.: В 2 т.* Київ, 1978.

ГЕОГРАФИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ РУССКОГО СЕВЕРА (на материале ойконимии Вологодской области)

Начиная с 60-х годов XX в. внимание лингвистов привлекают проблемы лингвогеографического описания топонимии¹. Исследуя имена собственные отдельных регионов, ученые обращаются в первую очередь к ойконимии, поскольку именно названия населенных пунктов обладают высокой этнолингвистической информативностью.

В современной топонимике наблюдается пока еще слабая изученность географии славянских топонимических словообразовательных моделей отдельных замкнутых территорий Русского Севера². Значительно полнее исследована с этих позиций субстратная топонимия северного региона³.

В настоящей статье сделана попытка рассмотрения географии словообразовательных моделей славянских по происхождению ойконимов на территории Вологодской области. Материалами послужили 10 тысяч названий сельских поселений (сел, деревень, починок, хуторов, местечек), отраженных в справочнике «Вологодская область. Административно-территориальное деление» – Северо-Западное книжное издательство, 1974 (Далее Вол. АТД). Привлекались к исследованию местные писцовые и переписные книги, частью опубликованные, частью хранящиеся в ЦГАДА (ф. 1209) и ГАВО.

Как считают историки, основная масса сельских поселений на данной территории возникла в XIII – XVI вв.⁴. Исследуемый регион характеризуется известной общностью почвенно-климатических, исторических и социально-экономических условий. Обладая единством в физико-географическом и социально-экономическом планах, разные районы данной весьма обширной территории имели вместе с тем и существенные различия, которые не могли не найти отражения в языке, и прежде всего в области лексики. Различия были связаны с тем, что заселение разных регионов данной территории славянами началось не в одно и то же время и осуществлялось, как известно, из разных мест – Новгорода Великого и Ростово-Суздальской, а позже Московской земли. Вследствие обширности территории далеко не одинаковой была близость разных районов исследуемого региона к центральным уездам Русского государства. И, наконец, своеобразие отдельных областей определялось складыванием в данном регионе на протяжении веков ряда административно-территориальных единиц. В XIII – XIV вв. здесь располагались Белозерское, удел Ярославского, Бохтужское, Авнежское, Ростово-Суздальское княжества, значительны были новгородские владения. В дальнейшем часть земель оставалась во владении Новгорода Великого, только Вологодская и Устюжская земли рано вошли в состав Московского княжества. По административному делению XVII в. здесь значились Белозерский, Пошехонский, Вологод-

ский, Тотемский, Устюжский уезды, частично относились к данному региону Чарондская округа, Важский уезд и в его составе Устьянские волости.

В работе выявляются ареалы посессивных ойконимов, т. е. названий селений, восходящих по происхождению к календарным или некалендарным личным именам с формантами: а) *-ово(-ево), -ино (-ыно)* – д.д. *Сергеево, Бурцево, Клыжово, Данилино*; б) *-ская(-овская, -евская, -инская)* – *Баранская, Дурневская, Никитинская*; в) *-ское(-овское,-евское, -инское)* – *Тихонское, Ивановское, Гридинское*; г) *-иха* – *Семениха, Лобаниха*; д) *-щина* – *Надеевщина, Аксеновщина*; е) *-ка* – *Назарка, Панфилка*.

В современной лингвогеографии существуют различные пути определения ареалов. Далеко не всегда ученые прибегают к составлению лингвистических карт. Выявление ареалов тех или иных языковых явлений возможно с помощью схем с одновременным использованием математического метода. Выводы настоящей работы основываются на материалах схемы № 1, в которой показана продуктивность той или иной словообразовательной модели в разных районах Вологодской области. В связи с тем, что районы в схеме располагаются не по алфавиту, а по принципу территориальной близости, они объединяются в три группы – западные, центральные и восточные. Процент употребительности ойконимов с тем или иным формантом подсчитывается от общего числа селений в районе.

В работе В. А. Никонова «География русских суффиксов» на территории Европейской части СССР выделяются две зоны. Первая – к северу от линии Брянск – Тула – Горький – Казань – с необычайно продуктивным макротипом *-ово (Иваново, Лаптево)*, и южная – с очень продуктивным формантом *-ка*

Схема 1

Общее число селений	111	265	384	330	209	332	243	615	640	444
районы	Чагодош.	Устюж.	Бабаев.	Вытегор.	Калудск.	Белозер.	Вашкин.	Кирилл.	Черепов.	Шексн.
<i>-ово, (-ево), -ино</i>	52 50%	144 50%	220 60%	144 40%	85 40%	194 60%	160 66%	390 60%	332 50%	270 65%
<i>-ская</i>	13 11%	–	20 5%	61 18%	31 15%	14 4%	21 9%	42 7%	13 2%	2 –
<i>-ское</i>	4 3%	17 6%	4 1%	4 1%	4 1,5%	–	3 1%	21 3,6%	35 5%	30 7%
<i>-иха</i>	2 2%	6 4%	–	–	–	–	–	–	–	–
<i>-ка</i>	–	–	–	1	1	1	–	3	11	6
<i>-щина</i>	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Схема 1 (продолжение)

Общее число селений	1159	641	265	484	332	447	208	343
районы	Вологод.	Грязов.	Междуреч.	Соколовск.	Усть-Кубен.	Харов.	Сямж.	Вохгод.
-ово, (-ево),	643	409	189	296	157	83	53	42
-ино	50%	60%	60%	60%	47%	18%	20%	12%
-ская	—	1	1	1	50	111	67	187
	—	—	—	—	15%	24%	33%	55%
-ское	71	23	16	41	31	18	2	—
	6%	3%	8%	9%	9%	4%	—	—
-иха	8	3	—	12	21	121	25	27
				3%	6%	28%	12%	8%
-ка	20	24	8	8	—	1	1	5
	1,7%	4%	4%					
-щина	—	—	—	—	—	—	—	—

Схема 1 (продолжение)

Общее число селений	270	312	186	271	171	626	415	269
районы	Верховж.	Тарног.	Нюкс.	Тотем.	Бабушк.	Великоуст.	Кичм.-Город.	Никольск.
-ово, (-ево),	51	14	54	99	176	373	194	133
-ино	18%	0,4 %	30%	38%	43%	60%	47%	50%
-ская	141	233	17	48	3	21	17	—
	50%	75%	9%	17%	2%	3%	4%	—
-ское	1	—	2	11	—	3	—	4
				4%				1,5%
-иха	6	9	6	24	8	—	—	—
	2%	3%	3%	9%	4%			
-ка	—	1	1	6	2	2	2	3
-щина	—	—	—	—	—	—	22 5%	—

(Ивановка, Лаптевка) – к югу от данной линии ⁵. Как видно, территория Вологодской области находится в центре северной зоны с продуктивным ойконимическим типом на -ово, -ево. Схема № 1 свидетельствует о высокой продуктивности данной топонимической модели на исследуемой территории в далеком прошлом. В западных районах, на большей части центральных и не-

которых восточных такие топонимы составляют половину от общего числа названий населенных пунктов, а иногда даже 60% (Чагодошенский, Устюженский, Бабаевский, Белозерский, Вашкинский, Череповецкий, Кирилловский, Шекснинский, Вологодский, Грязовецкий, Междуреченский, Сокольский, Великоустюгский, Никольский районы). О продуктивности форманта *-ово(-ево)* свидетельствуют вторичные образования на *-ово(-ево)*, *-ино(-ыно)*. Так, в переписной книге Вологодского уезда 1678 г.⁶ значатся д.д. Становище, Казнакурье, Слободища, Глазатое, Старая и др., в паши дни они именуются Становищево (Гряз.), Казнакурьево (Сок.), Слободищево (Сок.), Глазатово (В.-У.), Старово (Сок.) – Вол. АТД.

Однако судя по схеме, ойконимы с формантом *-ово(-ево)*, *-ино (-ыно)* не образуют на исследуемой территории сплошного ареала одинаковой плотности. В ряде северо-восточных районов Вологодской области частотность их сравнительно невелика. Так, в Тарногском районе ойконимов на *-ово (-ево)*, *-ино (-ыно)* менее одного процента от общего числа селений, в Вожегодском – всего 12%, в Харовском и Верховажском – 18%, Сямженском – 20%, в Нюкенском – 30%, Тотемском – 38%.

Итак, на территории почти всех северо-восточных районов наблюдается низкая частотность ойконимов с формантами *-ово (-ево)*, *-ино (-ыно)*. Исключение составляет лишь крайний северо-восточный Великоустюгский район, употребительность отмеченных названий селений в нем составляет 60%.

Низкая частотность названий селений на *-ево (-ево)*, *-ино (-ыно)* объясняется активностью на данной территории ойконимов с формантом *-ская (-овская, -евская, -инская)* типа Александровская, Дурневская, Ефимовская, Комлевская и пр. Особенно высокой концентрации названия на *-ская* достигают в Тарногском районе (75%)⁷. В Вожегодском и Верховажском районах ойконимы на *-ская* составляют половину от общего числа селений, в Сямженском – 33%, в Харовском – 24%, в Тотемском – 17%, в Усть-Кубинском – 15%. Иными словами, ареал ойконимов на *-ская* охватывает в основном северо-восточные районы области. В центральных и западных районах такие названия или вообще не отмечены (Устюженский, Шекснинский, Вологодский, Грязовецкий, Междуреченский, Сокольский), или процент их употребительности не высок (от 2 до 11%). Некоторую активность обнаруживают они в западных Вытегорском и Кадуйском районах (18 и 15%).

Ойконимы на *-ская* в северо-восточных районах идут от далекого прошлого. В XV–XVII вв. на рассматриваемой территории они составляли более обширный и более плотный ареал. Сопоставление писцовых книг прежде всего Устюжского, Тотемского и даже Белозерского уездов XVII в. с данными административного справочника Вологодской области за 1974 г. свидетельствует о том, что в составе многих ойконимов формант *-ская* в национальный период был вытеснен иными морфемами. Особенно активно эти процессы протекали на территории, относящейся в настоящее время к Великоустюгскому району (д.д. *Афонинская* > *Афонино*, *Буслаевская* > *Буслаево*, *Давы-*

довская > Давыдовское, Зиновковская > Зиновково, Золотавцевская > Золотавцево, Зуевская > Зуево, Исаковская > Исаково, Офуринская > Афурино и пр.), Тотемскому (д.д. Мосеевская > Мосеево, Оникиевская > Аникин Починок, Игошевская > Игошево), Харовскому (д.д. Демушинская > Демушиха, Денисовская > Денисиха, Ершовская > Ершиха, Жерлицинская > Жерличиха, Ивачинская > Ивачино, Ракульская > Ракульское и пр.). Отмечены такого рода процессы и на пограничной по отношению к северо-востоку территории (Ср., например, Ескинская > Ескино, Выдринская > Выдриха (Сям.), Дроздовская > Дроздово, Оксеновская > Аксеново (Нюкс.).

Судя по памятникам письменности второй половины XVI в., ойконимы на -ская были характерны и для центральной части Вологодского уезда (совр. Вологодский, Сокольский районы), где в наши дни они полностью отсутствуют. В переписной дозорной книге 1589 г. в волостях Угла, Катрома, Валга, погостах Лещовском, Ивановой Слободе фиксируется значительное количество таких названий (МИЕС). Преобладают названия на -ская в переписных книгах Кокшенигской чети (современный Тарногский район). Так, например, в Ромашевской волости из 30 наименований селений 27 оформлены на -ская (СР, 11, с. 49–97).

Выйдем за границы Вологодской области, рассмотрим ареал ойконимов на -ская на территории Севера и Центра Европейской части СССР. Напомним, что наиболее частотны названия на -ская в Тарногском, Вожегодском и Верховажском районах Вологодской области, причем данный ареал распространяется к северу и охватывает районы Архангельской области.

Схема 2 дает представление о распространении ойконимов на -ская на территории Архангельской области (Арх. АТД).

Схема № 2

Общее число селений	428	259	93	168	151	264	243	335	258
районы	Холмогор.	Плесец.	Онеж.	Конош.	Няндом.	Каргоп.	Устьян.	Вельск.	Шенкур.
-ская	18 4%	22 9%	25 26%	68 40%	60 40%	135 50%	130 53%	187 56%	232 90%

Общее число селений	285	386	87	144	314			
районы	Верхнетойм.	Краснобор.	Виноград.	Ленск.	Котлас.	Лешукон.	Пинеж.	Мезен.
-ская	173 60%	210 55%	34 40%	40 35%	46 14%	—	—	—

По данным схемы, половина и свыше половины названий на -ская от общего числа сселений отмечено в Шенкурском (90%), Верхнетойменском (60%), Вельском, Красноборском, Устьянском, Каргопольском районах. Иными словами, наиболее плотный ареал топонимов на -ская охватывает южные районы Архангельской области, граничащие с Вологодской. Меньше названий на -ская в средней и северной части Архангельской области; в Лешуконском, Пинежском и Мезенском районах они не зафиксированы вовсе.

Помимо выявленного крупного северо-восточного ареала, на территории Севера и Центра до наших дней сохранилось еще несколько изолированных островных ареалов на -ская. В первую очередь следует отметить сохранность таких ойконимов на северо-восточном и южном побережье Онежского озера: в Медвежьегорском районе К АССР 10% селений сохранили названия на -ская, имеются такие топонимы в Пудожском районе; 20% от общего числа названий отмечено в Надпорожском районе Ленинградской области (Кар. АТД, Лен. АТД). Вторая основная диалектная зона отмечена в Ярославской области (в Мышкинском районе – 9% названий на -ская, в Пошехонском – 2,5%) – Яр. АТД.

Сохранились островные ареалы на территории Северо-Востока: в Кировской области в Афанасьевском и Лузском районах (24 и 25% наименования на -ская), в Корткеросском и Усть-Цилемском районах Коми АССР отмечены единичные названия (Кир. АТД, Коми АТД).

В XIV–XVII вв. ареал топонимов на -ская охватывал более значительную территорию, причем он был не островным, а сплошным. В XIV–XV вв., по данным АСВР (I, II, III), наряду с ойконимами на -ово (-ево), -ино, названия на -ская имели многие деревни, земли, пустоши в центральных уездах (Дмитровском, Владимирском, Звенигородском, Рузском, Переяславском, Московском и др.): д. Степуриная, Нерононская, Князевская, пустошь Микулинская и др. (АСВР, II, № 348, 1445 г.). Отмечены они в источниках Ярославского, Белозерского, Вологодского уездов, Устюга Великого, Вычегды: д. Матфеевская, Савастьяновская Теряева (АСВР, III, № 206, 1472 г.); д. Волковская, земля Волковская (АСВР, II, № 11, 1397); Сергеевская деревня, Сергеевская земля (АСВР, III, № 276, 1499); А се земли святого Покрова: ... дру-

гая (земля) Родивоновская, третья Токаревская..., шостая Кокосиловская (АСВР II, № 252, 1436 г.). Названия на -ская зафиксированы в двинских источниках XV в.: *Захаркиньская земля* (с. 210), *Ларивоновская земля* (с. 216), *Михалевская земля* (с. 272) – ГВНП. На Северо-Западе, в Новгороде Великом и Пскове, слово *деревня* в общевосточнославянский период не было известно, поэтому в памятниках письменности топонимов на -ская меньше, причем отмечены они в сочетании со словами *ораница* «пахотная земля», *пятина* и *земля*: *Юрьевская ораница*, *Ушаковская ораница* (ГВНП, № 82, 1146 г.), *Двинская земля*, *Шелонская пятина* и пр. (Там же).

Таким образом, в XIV–XV вв. названия на -ская (не только со словом *деревня*) были известны на всем Русском Севере, а также и на территории Северо-Восточной Руси.

Документы XVI–XVII вв. свидетельствуют о дальнейшем активном формировании ойконимов на -ская и географии их на Русском Севере. В писцовых книгах Обонежской пятины конца XV в. такие названия еще отсутствуют (ПКОП, 1496 г.), зато в источниках первой половины XVI в. на северо-восточном и южном побережье Онежского озера они преобладают. Формируются такие наименования наиболее активно в первой половине XVI в. В документах обычно приводится или старое название селения и возникшее в этот период повое или личное имя основателя деревни: *д. в Каковичах словеть Патракеевская*, *д. в Каковичах, словеть Ермаковская* (ПКОП, с. 90, 1563), *д. на Вирозери же словеть Софоновская, а в ней Софонко Патровъ* (Там же) и др.

В сотных севродвинских монастырях (Михайло-Архангельского, Антониново-Сийского, Николо-Корельского), в переписных книгах, составленных в Поонежье, в Каргопольском уезде, т. е. в источниках массовой переписи населения XVI в., ойконимы на -ская явно доминируют в сравнении с топонимами на *ово* (-ево), -ино. Так, например, в Матигорской луке, Емецком стане (современный Холмогорский район Архангельской области) все приведенные названия деревень оформлены формантом -ская: д.д. Теробовская, Кривоносовская, Воронцовская, Долгининская и мн. др. (Сотн. Ант.-Сийск. м. 1578; МИЕС, с. 227). Все селения Николо-Корельского монастыря имеют названия такой же структуры (Там же, с. 238 и далее). В сотных Каргопольского уезда имеется множество подтверждений того факта, что наиболее активно именовании на -ская формировались в первой половине XVI в.: *д. Обакумовская, а в ней Никитка Обакумовъ..*, *д. Бастинская, а в ней Иванко да Митка Бастины* и мн. др. (Там же, с. 303, 306 и др.).

В западных уездах (Вяземском) при явном преобладании ойконимов на -ово (-ево), -ино фиксируются и названия на -ская: *д. Олешковская, Мямлинская; Федоровская, а Сидоровская Пыжова то жъ* и др. (ПКМГ, с. 786, 794). Отмечены образования на -ская в Тверском и Дедиловском уездах (там же).

В Рязанском уезде в XV–XVI вв. топонимы на -ск- были также активны, как и названия на -ово (-ево), -ино⁸.

Итак, судя по материалам деловой письменности XIV–XVII вв., в княжествах, а позже уездах центральной зоны в этот период при наличии названий на *-ская* преобладающий характер имели ойконимы на *-ово (-ево), -ино*, в северной же зоне доминировали топонимы на *-ская*.

Сопоставление лингвистического ландшафта северной и центральной зон в донациональный и национальный периоды свидетельствует о сокращении ареала на *-ская* прежде всего в центральной зоне, где в наши дни отмечены лишь небольшие островные ареалы в Ярославской и отчасти Костромской областях.

На территории Севера названия на *-ская* оказались устойчивее, в результате чего до наших дней сохранилась обширная зона ойконимов на *-ская*, протянувшаяся полосой и охватывающая верховья С. Двины, бассейн Ваги, верховья Онеги и побережье Онежского озера. Своей южной частью эта зона заходит на территорию Вологодской области.

Переходя к интерпретации лингвистического ландшафта, отражающего распространение ойконимов на *-ская*, следует отметить, что формирование данного ареала и изменение, т. е. сужение, его объясняются разными, хотя в основном и собственно лингвистическими факторами.

Активизация ойконимов на *-ская* в XV–первой половине XVI вв. на территории центральных и особенно северных земель Русского государства определяется тенденциями развития самой топонимической системы. Существует несколько мнений по вопросу о причинах продуктивности форманта *-ск-*. Одни ученые, исследуя нарицательные имена, отмечают близость притяжательных и относительных прилагательных, употребление последних в притяжательном значении в языке XVI–XVII вв.⁹ Другие находят специфику в семантике относительных прилагательных с суффиксом *-ск-*, выражение ими неличной принадлежности, которая перестает осознаваться как принадлежность¹⁰. Материалы памятников письменности XV–XVI вв. подтверждают правильность этой второй мысли. Действительно, в сочетаниях типа д. *Родивоновская*, д. *Токаревская*, д. *Савиньская* ойконим, как нам кажется, указывает на принадлежность данного селения лицу в прошлом, в момент же написания документа слова *Родивоновская*, *Токаревская*, *Савиньская* обозначают лишь то, что данные селения имели отношение к *Родивону*, *Токарю*, *Савве*. Особенно показателен следующий пример: *земля Трофимовская, куды Трофимов топор, соха и коса ходила* (АСВР III, № 50, 1428). Полагаем, что в сочетании *Трофимов топор* имя прилагательное выражает личную принадлежность, в сочетании *земля Трофимовская* оно указывает лишь на отношение предмета к определенному лицу, Трофиму, разработавшему данный лесной участок.

В старорусском языке суффикс *-ск-* был продуктивен в образовании не только ойконимов, но и антропонимов, выступая в составе одного из компонентов сложного официального именования женщины. Например: *вдова Татьяна Овдокимовская жена* (ПК Рост., с. 57). На Северо-Востоке Русско-

го государства значительную частотность имели фамилии с данным суффиксом: *Башаровской, Кушевской, Торокановской* (ПК Уст. 1630). В писцовых книгах уездных центров отмечены названия улиц и пустых дворовых мест с данным суффиксом: *улицы Бритвинская, Спенцинская* (ПК Вятк.), *посацкое мѣсто Добрынинское Бирючова, Фоминское мѣсто сыромятника* (ПР Рост., с. 71, 72).

Таким образом, формирование ареала на *-ская* объясняется продуктивностью аффикса *-ск-* в процессе образования топонимов в среднерусский период.

Сокращение ареала на *-ская* определялось двумя языковыми процессами: а) подравниванием ойконимов на *-ская* под активную модель на *-ово (-ево), -ино*, приобретшую характер общерусской нормы, б) потерей зависимости рода топонимов от рода апеллятивов, что вызвало вытеснение форманта *-ская* формантом *-ское*.

В древнерусском и старорусском языках существовала ярко выраженная тенденция к строгой зависимости рода топонима от рода апеллятива (д. Иванова, д. Семенкова, земля Ивановская, с. Ивановское, починок Савинь), в результате чего топонимы сохраняли до известной степени признаки имени прилагательного. Данная закономерность оказалась столь устойчивой, что в некоторых отдаленных от центра регионах подобные названия сохранились до наших дней. Ср., например в Красновшерском и Усольском районах Пермской области названия типа д. Антипина, д. Абрамова, д. Арефина, д. Ванькова и др. (Перм. АГД).

В преднациональный и национальный периоды в связи с субстантивацией топонимов и ярко выраженным стремлением к размежеванию их с апеллятивами ойконимы начинают закрепляться в форме среднего рода (д. Иваново, д. Семенковское, починок Петряево). В Бежецкой и Шелонской пятинах Новгорода Великого ойконимы на *-ское* отмечены уже в конце XV–XVI вв. (НПК, VI, Указатель).

Из сказанного выше следует, что ареал на *-ское* в Вологодской области сложился в тех местах, где ранее были активными ойконимы на *-ская* и где они стали оформляться с помощью суффикса *-ск (ое)*. Названия на *-ское* не образуют плотного ареала. По данным схемы № 1, они не отмечены в ряде восточных районов, в отдельных западных. На большей части территории плотность их составляет от 1 до 4% от общего числа названий селений. Только в центральной части она несколько выше: в Сокольском и Усть-Кубенском районах достигает 9%, в Междуреченском – 8%, Шекснинском – 7%, Вологодском – 6%, Череповецком – 5%. Слабая плотность ареала свидетельствует о начальном этапе его формирования.

Если выйти за пределы Вологодской области, то в наши дни названия на *-ское* более активны в Ярославской области, причем частотнее они в северных и центральных районах – Рыбинском (10% названий на *-ское* от общего числа ойконимов), Пошехонском (10%), Первомайском (9%), Ярославском

(9%). Отмечены такие названия в Большесельском, Даниловском и других районах (Яр. АТД). Менее частотны образования на *-ское* в Костромской области (Чухломский район – 24 названия, Нерехтский, Красносельский, Шарьинский и др.) – Костр. АТД. В Карельской АССР и Архангельской области отмечаем единичные названия на *-ское* (Кар. АТД, Арх. АТД), в незначительном количестве фиксируются они в Горьковской области (Горк. АТД), отсутствуют в Коми АССР, Кировской и Пермской областях (Коми АТД, Кир. АТД, Перм. АТД).

Таким образом, основной массив ойконимов на *-ское* располагается в Ярославской области, северной оконечностью он заходит на территорию Вологодской области.

Сопоставление административных справочников наших дней и середины XIX в. по Ярославскому региону весьма убедительно свидетельствует о значительном росте названий на *-ское* за столетие. Ойконимия Пошехонского района пополнилась, например, десятью названиями на *-ское*; в Ярославском уезде они были единичными, сейчас их 9% от общего числа названий, возросло число названий на *-ское* в Даниловском, Рыбинском и других районах (Яр. АТД, СНМРИ Яр.).

В заключение, выявляя причины сокращения ареала на *-ская* и расширения диалектной зоны ойконимов на *-ское* в центральных губерниях, следует отметить, что у подвергшихся субстантивации топонимов в составе словосочетаний типа д. *Балуевская* до сих пор сохраняются формальные признаки имени прилагательного (согласование родового с видовым), утраченные ойконимами в сочетаниях типа д. *Балуевское*, что соответствует общерусской норме национального периода. С этих позиций ареал топонимов на *-ская* в современном русском литературном языке более архаичен, нежели диалектная зона топонимов на *-ское*. Поэтому вполне логично, что ойконимы на *-ская* были вытеснены названиями на *-ское* или на *-ово (-ево)*, *-ино* прежде всего в центральных, а потом уже в ряде других соседних областей.

Сохранность столь значительной по протяженности диалектной зоны на *-ская* на Русском Севере объясняется, по-видимому, не только отдаленностью этих мест от Центра. По сведениям историков, именно на данной территории местное неславянское население не было ассимилировано славянами более длительный период (вплоть до XIV–XV вв.)¹¹. Полагаем, что в регионах такого рода не только апеллятивная лексика, но и топонимия отличается большей архаичностью.

Помимо ареалов географических названий на *-ская* и *-ское*, на территории Вологодской области очерчивается диалектная зона топонимов на *-иха* типа *Власиха*, *Бажеиха*, располагающаяся в центральной части исследуемой территории (бассейн р. Кубены, Верхняя Сухона). Наивысшая плотность ареала на *-иха* отмечена в Харовском районе (28% от общего числа названий селений), несколько ниже в Сямженском (12%), Тотемском (9%), Вожегодском (8%), Усть-Кубенском (6%), Устюженском (4%) районах (схема № 1).

Помимо кубено-верхнесухонского ареала, названия на *-иха* отмечены на правобережье Меты и Тверцы (территория бывш. Бежецкой пятины), в Котласском районе Архангельской области (7%), единичные примеры фиксируются в Вилегодском, Няндомском, Холмогорском районах (Арх. АТД), а также в Подосиновском районе Кировской области (Кир. АТД). Максимальное сгущение ойконимов на *-иха* наблюдается в междуречье Волги и Клязьмы (территория современной Ивановской, Владимирской, Костромской, Горьковской областей)¹².

Обращаясь к деловой письменности Вологодского края XV–XVII вв., можно сделать вывод о том, что наиболее активно процесс формирования ойконимов на *-иха* протекал в бассейне Кубены и Верхней Сухоны в XVI – первой половине XVII вв. Именно в это время фиксируется значительное количество названий селений па *-иха*. Не менее активным в погостах Фроловском, Лещовском, волостях Катромской, Кумзерской и др. был процесс образования названий пустошей на *-иха*: *п.п. Сивчиха, Евсучиха то жь; Сидориха, Лаптиха, Потиха, Иваниха, Осечиха* и пр. (МВУ, II, с. 144–147). Многие пустоши в этот период имеют двойные названия, причем с помощью форманта *-иха* оформляется обычно второе, более позднее название, что косвенно свидетельствует об активности данной словообразовательной модели в начале XVII в.: *п. Тарасково, Тарасиха то жь; п. Чупрово, Чуприха то жь; п. Быковская, Бычиха то жь, ио п. Федориха, Демчиха то жь*. Ср. также *д. Ларивоновская, Ларивониха то жь; д. Зар'фье, Архитиха то жь* (МВУ, II, с. 36, 39, 44, 46).

На периферии кубено-верхнесухонского ареала активное формирование ойконимов на *-иха* относится к более позднему времени. Подравнивание под данную топонимическую модель в Тотемском, южной части Вологодского уездов наблюдается в национальный период. В писцовых книгах уездов XVII в. ряд названий не имел форманта *-иха* (д.д. *Баженова, Глазовская, Одолево, Заломаево, Тихоновская, Лобаново, Сластниковская, Зуевка* и др.), в официальных источниках XX в. они значатся как *Бажениха, Глазиха, Одолеиха, Тимониха, Лобаниха, Сластничиха, Зуиха* (Вол. АТД). На территории современного Тарногского района Вологодской области названия на *-иха* появились в национальный период (поч. *Нестеровский > д. Нестериха*, поч. *Черепановский > д. Черепаниха*, поч. *Гусин > д. Гусиха* и пр.).

Для среднерусского периода выявлен еще один ареал ойконимов на *-иха* – Бежецкая пятина, на которую, по словам С. А. Полковниковой, приходится 85% этих географических названий в сравнении с другими пятнами¹³.

Формирование кубено-верхнесухонского и бежецкого ареалов связывают обычно с миграцией славянского населения в период татарского нашествия из пределов междуречья Волги – Клязьмы в XIII–XIV вв. Некоторые историки и языковеды придерживаются иного мнения. Поскольку Нижегородское княжество не знало топонимов на *-иха* вплоть до XVII в., эти ученые считают,

что активизация данной топонимической модели обусловлена спонтанными языковыми процессами, протекавшими параллельно на разных территориях¹⁴.

Не претендуя на окончательное решение вопроса, обратим внимание на то, что кубено-верхнесухонский ареал на *-иха* почти полностью совпадает с границами удельного Ярославского княжества, которое было расположено в XIV в. на восточном побережье Кубенского озера и по течению р. Кубены¹⁵. Формирование бежецкого арсала на *-иха* также можно связать с миграцией в XIII–XIV в. из Владимира, Переяславля, Суздаля, Юрьева и их округи в результате ордынских нападений¹⁶.

Возможно, что названия на *-иха* у переселенцев вначале были немногочисленны и носили неофициальный, разговорно-обиходный характер. Активизация их падает на XV – первую половину XVII вв.

Ойконимы на *-щина* отмечены в крайнем восточном Кичм.-Городецком районе, расположенном на границе с Кировской областью (схема № 1). В XVII–XVIII вв. диалектная зона на *-щина* была шире и охватывала часть территории современного Никольского района (СР, II, с. 118–124). По свидетельству местных источников XVII в., все эти ойконимы восходят по происхождению к общей для всsx или большинства жителей фамилии. Например: *дрв. Михѣвская, а Хомяковищина то жъ: в ней дворъ Якушка, Петрушка Максимовъ Хомяковъ, дворъ Якушко Яковлевъ Хомяковъ, въ томъ дворѣ племянникъ его Ивашко Ивановъ Хомяковъ*¹⁷.

Памятники письменности XV–XVI вв., справочники XIX–XX вв. устойчиво связывают топонимы на *-щина* с территорией Северо-Запада (НПК, VI, Указатель; СНМРИ Тихв. у., Арх. губ., Кар. АТД, Арх. АТД и др.). Обращаем внимание на значительное число названий на *-щина* в Нижнем Подвинье (современный Холмогорский район) и на Ваге: д.д. Овечинская (*Зуевщина*), Пурышевская (*Казаковищина*), Бронницкая (*Сергеевщина*); Пукаловская (*Трофимовщина*), Филинское (*Бобровщина*) и др. (СНМРИ Арх. с. 77, 100). Названия на *-щина* отмечены в ряде районов Кировской области (Халтуринском – 38 наименований, Даровинском – 32, Юрьянском – 20, Кирово-Чепецком – 18 и т. д.) – Кир. АТД. Тем самым на территории Вологодской области располагается западное окончание ареала, основная территория которого в Кировской области.

Топонимы на *-щина* фиксируются также в Белоруссии, северо-востоке Польши, северо-западе Украины¹⁸.

Вряд ли следует связывать ойконимы на *-щина* в Кировской области и на юго-востоке Вологодской с миграцией славян непосредственно из пределов Новгородской земли в XI–XIII вв. Скорее всего наличие данного ареала объясняется переселением потомков древних новгородцев, проживавших в Нижнем Подвинье и по Ваге, в более позднее время.

Топонимические наименования на *-ка* отантропонимического происхождения фиксируются далеко не на всей территории Вологодского края, а как и ойконимы на *-ское*, в южных районах центральной части области (в Грязо-

вешком районе отмечено 24 названия, в Вологодском – 20, Череповецком – 11, Междуреченском и Сокольском – по 8, Шекснинском и Тотемском – по 6 – схема № 1). Обращение к материалам переписной книги Вологодского уезда XVII в. дает возможность сделать вывод об активизации данного топонимического типа в национальный период, поскольку ряд названий селений изменяет свой морфемный состав именно в это время (д. *Кузьмодемьяновское* > д. *Кузьмодемьянка*).

Модель на *-ка* с иной производящей основой весьма активна на юге области и в наши дни. Так, ряд новых поселков лесорубов в Грязовецком районе получил названия *Каменка*, *Новостойка*, *Стеглянка*, *Шпалорезка* и др. (Вол. АГД).

Арсал ойконимов на *-ка* имеет продолжение в соседних Ярославской и отчасти Костромской областях, что свидетельствует о заходе данной диалектной зоны, расположенной южнее, на территорию Вологодской области. По данным административного справочника середины XIX в., в Пошехонском уезде Ярославской губернии отмечено 45 названий на *-ка*, в Мышкинском – 36, Даниловском – 20, Любимском – 18 и т. д. (СНМРИ Яр.).

Помимо вологодско-ярославского ареала, единичные названия на *-ка* фиксируются в Карельской АССР, Архангельской, Пермской, Кировской областях, в Коми АССР.

Установлено, что ойконимы на *-ка* отантропонимического происхождения активизируются, начиная с XVI в. Причина активизации – углубление словообразовательных различий между существительными – топонимами и апеллятивами¹⁹.

Итак, все вышеизложенное свидетельствует о том, что на территории Вологодской области отмечены четыре окраинных, периферийных ареала, центральные зоны которых располагаются севернее (ареал на *-ская*), южнее (на *-ское* и на *-ка*) и восточнее (на *-щина*). Один из рассмотренных ареалов (на *-иха*) носит островной характер. Происхождение его спорно.

Полагаем, что наличие значительного числа окраинных ареалов объясняется рядом причин, и в том числе тем, что в течение длительного времени по данной территории (по р. Сухона) проходила граница, отделявшая новгородские владения от ростово-суздальских, а позже московских.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Никонов В. А. География русских суффиксов. – *Onomastica*, 1959, № 9; Воробьева И. А. Словообразование русской топонимики Западной Сибири в связи с историей ее заселения. – ФН, 1965, № 1; Постелов Е. М. Картографирование как метод исследования субстратной топонимии. – ВЯ, 1967, № 1; Власова И. В. Ареалы топонимов с формантом *-иха* и *-ата*, *-ята* в Заволжье и междуречье С. Двины и Волги. – В кн.: Этнография имен. – М., 1971; Смолицкая Г. П. Топонимический ареал и вопросы реконструкции лексической системы языка. – ВЯ, 1978, № 4; Лемтюгова В. П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения. – Минск, 1983 и мн. др.

2. Исключением является обстоятельная работа Головиной Э. Д. Топонимия бассейна р. Молмы. КД. М., 1973.

3. Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории Европейской части СССР. ДД. – М., 1970 и др.
4. Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII – начала XVI вв. – М.; Л., 1965, с. 117 – 118; Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. т. I. – М., 1909.
5. Onomastica, 1959. – № 9.
6. Водарский Я. Е. Вологодский край в XVII в. – АИЕС.
7. Селения Тарногского и Верховажского районов Вологодской области имеют обычно по два названия: официальное и неофициальное, разговорное. По нашим подсчетам, среди последних названий на -ская меньше.
8. Никулина З. П. Из истории словообразования названий населенных пунктов. – В сб.: Изучение географических названий. – М., 1966, с. 119.
9. Валгина И. С. Причастительные прилагательные в памятниках русской письменности XVI–XVII вв. – М., 1953.
10. Никонов В. А. Славянский топонимический тип. – В сб.: Географические названия: Вопросы географии, № 58. – М., 1962, с. 27; Зверковская Н. П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. – М., 1986, с. 51–52.
11. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. – М., 1951, с. 107.
12. Никонов В. А. История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии. – В сб.: Вопросы географии, № 50. М., 1960; Власова И. В. Ареалы топонимов с формантами -иха и -ата, -ята; Она же. Топонимы на -иха в Сев. Заволжье. – В сб.: Русская ономастика. – Рязань, 1977; Никонов В. А. Белое пятно на карте. – В сб.: Лексика и фразеология севернорусских говоров. – Вологда, 1980 и др.
13. Полковникова С. А. Географические названия Новгородских писцовых книг XV–XVI вв. (Однокоренные названия с разными суффиксами). – М., 1970, с. 73.
14. Кучкин В. А. Некоторые вопросы исторической интерпретации топонимов на -иха. – В сб.: Ономастика Поволжья 3. – Уфа, 1973; Азарх Ю. С. Слова на -иха в русском языке. – Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1977. – М., 1979.
15. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984 (см. карту).
16. Любавский М. Древняя русская история до конца XVI в. – М., 1918, с. 216; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси, с. 316.
17. Выпись из земельных книг Утмановской волости Устюжского у. ВОКМ, № 2134, л. 56.
18. Никонов В. А. Введение в топонимику. – М., 1965, с. 74.
19. Карпенко Ю. А. Становление восточнославянской топонимии. – В сб.: Изучение географических названий. – М., 1966, с. 17.

СОКРАЩЕНИЯ

- АИЕС – Аграрная история Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970. АСВР I–III – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.: в 3-х т. – М., 1952–1964.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М. – Л., 1949.
- МБУ – Сторожев В. К. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду. в. I. – СПб, 1906; в. 2. – Пгд, 1918.
- МИЕС – Материалы истории Европейского Севера СССР, вып. 2. – Вологда, 1972.
- НПК, VI, Указатель – Новгородские писцовые книги: Указатель к первым шести томам. – Петроград, 1915.
- ПКВят. – Переписные книги Вятки 1710 г. – В кн.: Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М., 1887.
- ПКМГ – Писцовые книги Московского государства XVI в. / Под ред. Н. В. Калачова, ч. 1, отд. 2. – СПб, 1877.
- ПКОП – Писцовые книги Оболенской пятины. – Л., 1930.

ПК Рост. – Переписные книги Ростова Великого второй пол. XVII в.: Русская историческая библиотека, т. 11. – СПб, 1889.

ПКУст. – Цисцовая книга Устюга Великого 1676 г. – В кн.: Устюг Великий: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М., 1883.

СР, II – Колесников П. А. Северная Русь, вып. 2. – Вологда, 1973.

СПРАВОЧНИКИ

Арх. АТД – Архангельская область. Административно-территориальное деление. Архангельск, 1984.

Горьк. АТД – Горьковская область. Административно-территориальное деление. Горький, 1975.

Кар. АТД – Карельская АССР. Административно-территориальное деление. Петрозаводск, 1960.

Кир. АТД – Кировская область. Административно-территориальное деление. Киров, 1978.

Коми АТД – Коми АССР. Административно-территориальное деление. Сыктывкар, 1968.

Костр. АТД – Костромская область. Административно-территориальное деление. Ярославль, 1983.

Лен. АТД – Административно-территориальное деление Ленинградской области. Лениздат, 1973.

Перм. АТД – Пермская область. Административно-территориальное деление. Пермь, 1982.

Яр. АТД – Ярославская область. Административно-территориальное деление. Ярославль, 1976.

СНМРИ Арх. – Списки населенных мест Российской империи: Архангельская губерния. По сведениям 1859 г. – СПб, 1861, т. 1 – 2.

СНМРИ Новг. – Списки населенных мест Российской империи: Новгородская губерния. – Новгород, 1907, в. 1; Новгород, 1911, в. 7 – 8; Новгород, 1912, в. 9 – 10.

СНМРИ Яр. – Списки населенных мест Российской империи: Ярославская губерния. По сведениям 1859 г. – СПб, 1865, т. XLIX.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ПАМЯТНИКАХ ВОЛОГОДСКОЙ ЗЕМЛИ

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVII –XVIII вв. (НАЗВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ)

Развитие торгово-промышленной деятельности в Российском государстве, зарождение в нем капиталистических отношений падает на XVII–первую половину XVIII в. В связи с появлением новых отраслей производства и усложнением старых уже во второй половине XVII в. возникает настоятельная необходимость в технической терминологии.

Отсутствие устойчивых норм в лексике русского языка второй половины XVII в., а тем более устойчивых терминологических систем приводило к тому, что носители языка прибегали к разным языковым средствам при наименовании близких или даже одних и тех же реалий.

Обозначая ту или иную новую реалию, говорящие обращались прежде всего к привычной для них бытовой лексике, используя лексемы, так сказать, "целиком", без всякого изменения их семантики и внешнего облика. Стремление же к совершенствованию системы обозначения технических понятий приводило к выработке особых типов деривации – синтаксическому и морфологическому образованию новых терминов.

Значительный интерес в этом плане представляет эволюция названий промысловых и ремесленных предприятий с ручным процессом труда и предприятий механизированного типа. В XVII в. состав этой микрогруппы был довольно значительным и неупорядоченным, названия отличались отсутствием единообразия, терминологическая лексика обнаруживала в тот период самые тесные связи с бытовой. Существовало несколько способов именования промысловых и ремесленных предприятий. В связи с тем, что особые названия для обозначения предприятий отсутствовали, использовались обычные названия строений: *изба, анбар, сарай, омшеник, келья* и др. Носители языка осознавали условный характер этих наименований. Не случайно, что в деловых текстах после употребления такого рода слов обычно следовало описание трудовых процессов, осуществляемых в таких строениях: *сарай дѣлати, въ чемъ кирпичъ дѣлати и чѣмъ его обжигать* (ААЭ-1, 450. 1595 г. – КДРС); *изба, где свѣчи мечють, изба, где сало зорять* (Вологда, № 186, 1711 г.) Однако подобный способ обозначения промысловых предприятий не

экономен, ибо для того, чтобы разъяснить, о каком конкретно предприятии идет речь, приходилось сопровождать лексемы *изба*, *анбар*, *сарай* и др. подробными описаниями.

В ходе создания производственной терминологии значительную активность получает образование соответствующих терминов синтаксическим способом, т.е. путем присоединения к соответствующим именам существительным определений, уточняющих их семантическое содержание. Одни из этих определений содержат общее указание на производственный характер строения, не вскрывая его конкретного назначения (например: *надобно вновь построить при адмиралтействѣ... и мастеровыя многия избы, анбары и сараи* (Петр, VII, 215 – КДРС)), другие уточняют производственное назначение сооружения: *кожевенная изба*, *кирпичной сарай*. Особенно последовательно в качестве опорного слова выступала в составе словосочетаний лексема *изба*. Еще в памятниках XVI в. сущ. *изба* с определениями активно употреблялось для обозначения помещений, предназначенных для различных ремесленных работ: *изба кожевная, портная, тушечная, сапожная, скорняжная, токарная, чулочная* и т.п., см. СлРЯ XI – XVII вв. По традиции составные термины с опорным словом *изба* продолжают употребляться в XVII, изредка в XVIII в.: *хамовные ж избы мыит, куплено моху на гривну* (МДБП, 158. 1634 г.). В Переписной книге Вологды 1711 г. речь идет об *избушке токаренной* (№ 2), *избушке войлочной* (№ 1523), *избе масляной* (№ 20), *избе строгальной* (№ 345) и т.д.

Менее активны в деловой письменности XVII–первой половины XVIII в. словосочетания с опорными существительными *анбар*, *сарай*, *келья*, *поварня*: *Да в кирпичномъ сарае обжигательную печь съ горы... занесло всю землю* (ААЭ – III, с. 47. 1643 г. – КДРС); *два сарая прядильные рубленые* (Вологда, № 489. 1711 г.); *келья кожевная* (Кн. пер. Свир. м., № 37, 74. 1584 г. – КДРС); *санная келья* (ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 190, 53; Оп. имущ. Сп.-Прил. м. 1737 г.); ср. также *дуботолчной анбаръ* (Вологда, № 1230. 1711 г.); *кузнечной анбаръ* (Кн. Тул. и Каш. зав., 121. 1690 г.) и др. Рассмотренные словосочетания не были устойчивыми, так как семантическим центром их являлись определения. Поскольку именно они раскрывали смысл составного термина, то опорное с точки зрения грамматики слово в составе словосочетания могло заменяться. Например, *дуботолчной анбар* – *дуботолчной сарай*, *кожевная изба* – *кожевной анбар* – *кожевной сарай* – *кожевная келья*. Более того, в одних и тех же документах определяющие компоненты терминологических словосочетаний могли различаться своим фонетическим обликом и морфемным строением: *изба кожевенная* и *изба кожевная* (Вологда, № 1677. 1711 г.); *анбаръ прядильной* и *анбаръ прядиленной* (там же, № 492, 497).

Однако и эти наименования в силу своей неустойчивости, неупорядоченности не могли в полной мере удовлетворить потребности общения. Совершенствование терминологической системы шло по пути активизации субстантивации или образования специальных производственно-технических

терминов с помощью словообразовательных средств. Отпадение опорного слова в терминологических сочетаниях типа *мастерская изба*, *мастерская горница*, *мастерская палата* и т.п. приводило к субстантивации определяющего слова *мастерская*: *Взять тотъ шолкъ въ верхъ въ мастерскую* (Кн. прих.-расх. Каз. пр., 86, 1614 г. – СлРЯ XI–XVII вв.).

Формирование производственных терминов за счет словообразовательных средств наблюдалось и в более ранние периоды развития русского языка. Так, термины *варница* 'заведение, оборудованное для изготовления чего-либо путем варки' и *домница* 'предприятие для выплавки сыродутного железа' отмечены в рукописных источниках XIV–XV вв. – СлРЯ XI–XVII вв.; в документах XVI в. фиксируются *молодежня* (*молодожня*) 'постройка, предназначенная для изготовления солода', *домня* 'предприятие для выплавки сыродутного железа', *кожевня* и др. – СлРЯ XI–XVII вв.

В деловой письменности XVII–первой половины XVIII в. активны образования от глагольных основ с суф. -льн-: *обжигать* – *обжигальня*, *плавить* – *плавильня*, *прядь* – *прядильня*, *строгать* – *строгальня*, *отжигать* – *отжигальня* и т.п.: *Ивашко Тетерин бревна сек к отжигальни* (Д. Олон. зав., 54. 1671 г.); *на конце двора кожевня, противу ее изба строгальня съ перерубомъ* (Вологда, № 245. 1711 г.)

Помимо промысловых предприятий с ручным процессом производства, на Руси имелись предприятия механизированного типа, обозначавшиеся словом *мельница*. В первичном значении 'устройство, на котором используется для размола зерна сила воды, ветра или конная тяга' этот термин отмечается в памятниках письменности с XII в. В переносном значении 'предприятие, подобное мельнице, с конным или водяным приводом для размалывания, измельчения чего-либо твердого, для кузнечных или других работ' он употребляется уже в документах второй половины XVI в. – СлРЯ XI–XVII вв. Закрепление за словом *мельница* вторичного значения связано с тем, что вначале соответствующие реалии были, по-видимому, смешанного характера, поскольку на них производился не только помол зерна, но и другие процессы, связанные с механизацией труда; ср.: *На рѣкѣ Нарвѣ великая каменная зѣло изрядная мельница, въ ней на вся кия потребы растирають лѣсъ и всякия хлѣбныя запасы мелють* (Оп. путей, 659. 1701 г. – КСлРЯ XVIII в.).

В документах XVI–XVII вв. значение данного слова уточнялось с помощью контекста: *они мельницы на рѣкахъ поставятъ и желѣзо учнутъ плавить и ковать* (Гамель. Прибавл., 2. – Гр. Мих. Фед. 1632 г.). Обычно же специфику механизированного предприятия подчеркивало зависимое определение к слову *мельница*: *Велить мельницы дѣлати желѣзные для руды* (Ст. сп. Флетчера, 28. 1589 г. – СлРЯ XI–XVII вв.). В письменности XVII в. активно употреблялись словосочетания: *пороховая мельница* (Куранты, 72. 1646 г.); *сахарная мельница* (там же, 108); *кузничная мельница* (Гамель. Прибавл., 4. 1648 г.); *ствольная мельница* (там же, 31. 1649 г.); *молотовые ковальные мельницы* (Кн. Тул. и Каш. зав., 25–26. 1662 г.)

В лексикографической литературе словосочетания со словом *мельница* фиксируются начиная с XVIII в. Словари отражают наиболее активные, установившиеся сочетания с данным термином. Заметно, что в основу одних положено различие в движущей силе соответствующих предприятий, в основу других – своеобразие их производственного назначения. В Лексиконе Ф. Поликарпова приводятся термины *вѣтрѣная мельница*, *водяная мельница*, *бумажная мельница* (170), в Вейсманновом Лексиконе – *конская мельница* (509), *вѣтрѣная мельница* (757), *водяная мельница* (739), *тильная мельница* (516), *масляная мельница* (458).

Анализ приведенного материала свидетельствует об одной характерной особенности микрогруппы с общим значением 'предприятия' – избыточности обозначений: в производственной терминологии XVII–начала XVIII в. одно и то же понятие обозначается обычно несколькими терминами. Так, предприятие по выделке кожи могло называться *избой* – *кожевной избой* – *анбаром* – *кожевным анбаром* – *кожевным сараем* – *кожевной мельницей* – *кожевной*; мастерская по выделке пряжи – *прядильным анбаром* – *прядильным сараем* – *прядильней* и т.д. Такого рода многоименность присуща терминологическим системам в период их формирования.

В XVIII в. намечается перерастание ряда промысловых и ремесленных предприятий в предприятия капиталистического типа. Именно в этот период начинается процесс утраты дублетных обозначений, стремление к единообразию названий, более строгой системности рассматриваемой лексикосемантической группы. Упорядочение системы названий промышленных предприятий связано с архаизацией и утратой большинства старых способов обозначений и названий (более устойчивым оказалось слово *мельница*) и пополнение данной микрогруппы терминами *завод*, *фабрика*, *мануфактура*.

Раньше других входит в активное употребление в этом значении слово *завод*. В источниках XVII в. оно полисеманлично. Более раннее значение данного слова – 'обзаведение, оборудование, снаряжение': *А будетъ ихъ Семена и Савина той мельницы держат мочи не будет, и имъ Семену тою мою мельницу со всѣмъ мелничным заводом на ходу во всякой цѣлости отдадъ мнѣ поту Лукѣ* (Калуж. а., 63. 1687 г. – КДРС). В таком значении слово *завод* выступает в XVII в. в составе словосочетаний *домовой заводъ* (Столб. Шавк., 220 – КДРС); *монастырской заводъ* (Гр. Кевр. и Мез., 629. 1676 г. – КДРС); *крестьянский заводъ* (А тяг. I, 45 – КДРС); *пашенной заводъ* (Кн. пер. Нил. Столб. III, 86. 1663 г. – КДРС); *поваренной винной заводъ* (АХУ –3, 102. 1632 г. – КДРС) и т.д. В этом значении оно продолжает употребляться и в документах XVIII в. Например, в Переписной книге Вологды 1711 в.: *на огороде салодовной заводъ солодежня да овинъ анбаръ двоужирной* (№ 74); *на огороде кожевонной завод, изба кожевенная да анбар дубной* (№ 46).

Судя по памятникам, еще в первой половине XVII в. у данного слова начинается формироваться значение 'промышленное предприятие', причем процесс этот был весьма длительным и сложным. Контексты вычлениают это зна-

чение обычно нечетко, поскольку оно осложняется дополнительными оттенками значения. В одних контекстах слово *завод* выступает в значении 'промышленное предприятие' и одновременно 'дело, производство, промысел'. В челобитной А. Виниуса (1648 г.), например, одно и то же нерасчлененное значение 'промысел, производство, предприятие' выражается то одним словом *завод*, то двумя *завод* и *промысел*, то одной лексемой *промысел*: *указалъ ты, государь, тѣмъ Тульскимъ желѣзнымъ заводамъ переписать на себя, ихъ пожаловать тѣми Тульскими желѣзными заводами, выгородя меня, холопа твоего, отъ того заводу и промыслу..., тѣми желѣзными промыслами владѣть мнѣ холопу твоему* (Гамель. Прибавл., 4). Взаимозамена лексем *завод* и *промысел* характерна и для эпистолярной письменности конца XVII в.: *Известно тебѣ буди ѿ Тинчюринскомъ заводе винокуренномъ. ..., чтобъ намъ не остоновитъ винокуреннаго промыслу* (Грамотки, 192–193).

В некоторых текстах нерасчлененное значение 'завод, производство, промысел' слово *завод* выражает в составе словосочетания *заводы заводить* и *строить*. В этих случаях к привычному словосочетанию *завод* (т.е. 'дело, производство') *заводить* начинает добавляться глагол *строить* (*заводъ заводитъ* и *строить*), поэтому слово *завод* обозначало одновременно и 'дело, производство', и 'промышленное предприятие'. Например: *в Олонецкомъ и Пустозерскомъ уезде..., где напередъ сего государевую казною медные заводы заводилъ и строилъ и ведалъ гость Семенъ Гавриловъ* (Д. Олон. зав., 161. 1684 г). В новгородских говорах сохранилось устойчивое словосочетание *заводы заводитъ* в значении 'начинать дело': *А на эти вот на деньги Онъ заводы заводилъ, Палапушки становилъ* (Киреевск. – СРНГ).

В других контекстах лексема *завод* выражала нерасчлененное значение 'место, где обнаружены полезные ископаемые' и 'промышленное предприятие, построенное на данной территории'. Например: *новоприисканные железные заводы, которые они иноземцы приискали и построили в Олонецкомъ уезде и всякой заводъ [т.е. 'дело, промысел'] завели* (Д. Олон. зав., 141. 1685 г.).

Диффузность семантики слова *завод* находит отражение в лексикографической литературе XVIII в. В некоторых словарях подчеркивается, что данная лексема стоит в одном синонимическом ряду со словами *дѣло*, *мастерство*, *рукодѣльная*: *Мастерство, или дѣло, заводъ* (РГЛ, 110. 1717 г.); *желѣзное дѣло, или заводы желѣзные* (Там же, 55); *Рукодѣльная, заводъ* (Сл. 1763, 130).

Перегруженность семантического содержания лексемы *завод*, недостаточно четкая расчлененность семантических вариантов создавали известные неудобства, поскольку в ряде контекстов не всегда отчетливо осознавалось значение данного слова. Например: *по нашему де указу велѣно имѣ дѣлать въ Тульскомъ уѣздѣ всякой желѣзной заводъ ['промысел, дело?'] и ныне ѣдутъ изъ Голанской земли Французене желѣзного дѣла мастера* (Гамель. Прибавл., 16. Гр. Мих. Фед. 1636 г.).

Документы второй половины XVII в. свидетельствуют о том, что словом *завод* обозначалось в тот период пока еще не любое предприятие, а крупное промышленное предприятие металлургического цикла, представленное целым комплексом отделений, или цехов. В памятниках письменности речь идет обычно о *железных, медных, укладных (молотовых), серебряных заводах*, причем подробно описывается устройство отделений, или цехов: *Ростись... железнному заводу... изба 3-х сажен печатных, домница 3-х сажен печатных с полуарином, а в ней 2 горны, баня (Арх. Гамеля, № 59, сст. 7. 1646 г. – Сл РЯ XI –XVII вв., 4, 309); а на том заводе было: плотина 40 саж... Под тою плотиною... устроена кузница молотовая..., а в ней ковали прутовое и ствольное и связанное железо..., 2 горна большие... На том же заводе кузница дубовая ветха... Онбаре угольной, изба с комнатою..., живут мастера (Кн. Тул. и Каш. зав., 21. 1662 г.)*.

В связи с тем, что на территории заводов располагались жилые строения, значение соответствующего термина расширяется. В некоторых регионах он выступает в значении 'населенный пункт с промышленным предприятием', т.е. слово *завод* пополняет микрогруппу *деревня, село, город, починок* и др. Вот, например, описание Пороховского завода, сделанное стольником А. Фонвизиним в 1663 г.: *Плотина 50 саж. Подле той же плотины ларь воденой, вертельня 4-х саж. дубовая, сверлить в ней пушки..., ниже вертели домня..., а по конец тово набару изба черная..., а снизу по конец угольнова сараю изба белая, а посторонь тое избы приделана к забору конюшня..., позади избы огород, а в огороде сад да пруд..., горница столовая¹*. Как и другие виды селений, заводы имели названия: *Соломыковский завод* (Кн. Тул. и Каш. зав., 128. 1690 г.); *Чернцовский завод* (Там же, 122); *Петровские заводы* (Геннин. Переп., 20. Олонец, 1714 г.) и др. В специальной литературе XVIII в. лексема *завод* иногда ставилась в один ряд со словами, обозначающими населенный пункт: *Перекрестовъ... населить себѣ въ подданство изъ здѣшнихъ же жителей многия села, деревни и всякие заводы* (МЗК, ч. 14, 7 – КСлРЯ XVIII в.). Традиция называния заводами населенных пунктов с промышленными предприятиями сохранилась в XIX в. на Урале. Например: *В Балчуговском заводе у старика Зыкова был собственный дом* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Золото.).

В самом конце XVII–начале XVIII в. *заводом* начинают обозначать не только крупное предприятие механизированного типа, но любое, в том числе и промысловое с ручным способом производства, то, которое историки называют «расширенной ремесленной мастерской»². В словарях начала XVIII в. приводятся, с одной стороны, словосочетания типа *железный заводъ* (РГЛ, 55. 1717 г.; ВЛ, 160. 1731 г.); *серебряные заводы* (ВЛ, 581); а с другой – *соляной заводъ*, или *здѣ земляную соль добываютъ* (РГЛ, 208); *заводъ горшечный, здѣ горшки дѣлають* (Там же, 271); *кирпичный сараи, заводъ* (Там же, 774); *свинцовый заводъ, изба, где свинець делаютъ* (там же, 101) и т.д.

В научных и научно-популярных трудах, в работах по географии, экономике, в публицистических произведениях XVIII в. наряду с терминами *оружейный заводъ* (Вед., II, 304. 1719 г.); *тильный заводъ*, *доменный заводъ* (Рдшв ПСС, III, 109, 115); *мѣдный заводъ* (Геогр. 1719, 68) отмечены терминологические сочетания *кожевенный заводъ*, *салфеточный заводъ* (Кирил. ЦС, I, 75. 1727 г.); *красильный заводъ* (Геогр. 1719, 247); *шелковый заводъ* (Сойм. КМ I, 494, 1763 г. и пр. – по КСлРЯ XVIII в.).

Повышение активности слова *завод* в XVII – XVIII вв., глубокие изменения семантического содержания данной лексемы содействовали вовлечению ее в сферу деривационных отношений. Одни дериваты от слова *завод* носили в тот период местный характер. В документах Олонекских заводов находит отражение слово *заводец*, употреблявшееся в значении 'старший над рабочими': *Угольным заводцам Лопских: Захарку Ильину дано за угольную работу за 7 недель рубль..., заводце того же погоста Ивашку... дано за 4 недели рубль... Да с ними были работники первые недели* (Д. Олон. зав., 10. 1669г). В источниках других территорий данное слово не отмечено.

Дериваты *заводной* и *заводской* 'относящийся к заводу' имели широкое распространение: *[Андрей Фомин] ведает на всех заводах платинное и оцинкованное и всякое заводное деревянное дело* (Кн. Тул. и Каш. зав., 34. 1662 г.); *А на том новом заводе построено завоцкого строения и наготовлено к тому заводу лесу* (Там же, 145. 1690 г.) и др.

Бурное развитие слова *завод* оказало влияние и на судьбу однокоренных лексем. В начале XVIII в. у однокоренного *заводчик*, употреблявшегося в значении 'организатор, начинщик', появляется новое значение 'владелец, хозяин завода'³. В Рукописном лексиконе первой половины XVIII в. *заводчик* – 'содержатель завода'. В Словаре Академии Российской оно имеет значение 'учредитель или содержатель завода' (САР-П).

С первого десятилетия XVIII в. в русском литературном языке начинает употребляться лексема *фабрика*. Она фиксируется в Лексиконе 1762 г. и Российском Целлариусе 1771 г. В самом начале XVIII в. слово *фабрика* выступало в значении 'мастерство, качество работы': *Третьей домъ адмиралтейской, и сдѣланъ не малой и фабрики хорошей, на которомъ дѣлають корабли военные стату галанскаго* (АК, Дн. 1703 г., 134 – КСлРЯ XVIII в.). С конца первого десятилетия семантическое содержание данного слова расширяется, лексема употребляется в нескольких значениях: 'производство, изготовление чего-нибудь', 'завод, предприятие, выпускающее какие-либо изделия' и 'сами изделия, их род, ассортимент'⁴. Приведем пример употребления слова *фабрика* в значении 'предприятие': *по челобитью шелковой фабрики содержателя англичанина Самуила Вилькенса о выездѣ изъ Англии съ прочими его братьею шелковыми фабриканами и о дачѣ имъ, фабриканамъ, на учреждение шелковой фабрики... заимно на 15 лѣтъ* (Бум. КМ. IV, 134, 1735 г. – КСлРЯ XVIII в.).

В 30–40-х годах XVIII в. активизируется употребление данного слова в значении 'отделение, цех крупного промышленного предприятия, завода': *поѣхала е. и. в. отъ сюду въ Сестрорецкия заводы для осмотра тамошнихъ фабрикъ* (Слб.в., 130. 1735 г.). Особенно широко употребляется слово *фабрика* в значении 'цех' в специальной технической литературе, и в частности в работах В. Геннина: *железорезная и плющильная фабрика, в ней 2 курioзных машины* (Геннин, 76); *проволошная фабрика, в ней десятеры клещи* (Там же); см. также *якорная фабрика, жестяная фабрика, лудильная фабрика, меховая фабрика* (Там же).

Активизация слова *фабрика* обусловила закрепление в общем употреблении лексемы *фабрикант* (варианты – *фабрикан* и *фабрикер*), выступающей в значении 'содержатель одной или нескольких фабрик' (САР-I): *Фабриканты разоряются отъ вывозныхъ такихъ же товаровъ* (ПСЗ VII, № 4345, 1723, с. 150 – КСлРЯ XVIII в.); *жителей въ семь городѣ [Вологде]... духовныхъ, военныхъ, приказныхъ... фабрикероу... около 3590 душъ* (Засецкий, 67).

Третья лексема *мануфактура* (манифактура), пополнившая микрогруппу со значением 'предприятие', зафиксирована впервые Ф. Поликарповым в самом начале XVIII в. В эпоху Петра I это слово употреблялось в значении 'промышленное предприятие': *Шолковые, штофные..., чолошные, такожде и шерстяные манифактуры въ добромъ порядкѣ происходятъ* (Вед., 2, 303. – КСлРЯ XVIII в.) Наряду с *мануфактура* в письменных источниках XVIII в. отмечена лексема *мануфактурист* в значении 'владелец мануфактуры': *Заводчикъ..., которые имѣютъ свои собственные заводы..., мануфактуристъ тот, который рукоуѣльной, а фабрикантъ, который воденые и тому подобные заводы имѣетъ* (ЛТ III, 7 – КСлРЯ XVIII в.).

Помимо новообразований *завод, фабрика, мануфактура*, в составе микрогруппы со значением 'предприятие' продолжало сохраняться слово *мельница*. Терминологические сочетания с этим словом активны в специальной литературе – военной, топографической, географической, технической, сельскохозяйственной, экономической: *пороховая мельница* (УВМ, XIV, 369. 1715 г.); *пильная мельница, проволошная мельница* (Геннин, 76 – 77); *шелковая мельница* (Шум., 551.1721 г.); *масляная мельница* (ТВЭО III, 239. 1766 г.); *валяльная мельница, молотобойная мельница* (ЖК, 75. 1747 г.); *сахарная мельница* (Сл. нат. ист., I, 243. 1788 г.) и др. Фиксируются они в мемуарной литературе – *суконная мельница* (Пох. Журн., 297. 1711 г.); *кожевная мельница* (Пох. Журн., 112. 1714 г.), эпистолярной – *пиловальная мельница* (ПБП I, 645), в записках путешественников – *лѣсотильная мельница* (Пут. Леп. II, 18. 1772 г.); *лошадиная мельница* (Зап. Блтов. I, 710 – КСлРЯ XVIII в.) и др.

Термины *завод, фабрика, мануфактура, мельница* активны в разных стилях русского литературного языка XVIII в. – в производственно-технических текстах, экономических, канцелярских, публицистических, эпистолярных, в художественной литературе, мемуарах. Они постепенно оттесняют на задний план старую неупорядоченную систему обозначений промышленных пред-

приятый, характерную для XVII и начала XVIII в. Однако, судя по источникам XVIII в. разных жанров, четкое различие в семантике данных слов длительный период отсутствовало, они входили в состав одного синонимического ряда. Синонимичность этих терминов можно подтвердить рядом иллюстраций начала, середины и конца XVIII в.: *велѣно имѣ на тои ихъ тилной мельницѣ лѣсъ ростирать досками... И они де на томъ своемъ заводѣ тесь ростирали* (Петр, I. 325. 1700 г.); [*Петр I был*] *на мельницѣ кожевной* (Пох. Журн., 112. 1714 г.); *на рѣкѣ Назѣѣ кожевный заводъ* (ДПС II, 375. 1712 г.); *Нѣкоторые изъ купцовъ содержатъ кожевные и мыльные заводы не въ худомъ порядке: но другихъ мануфактуръ никакихъ не имѣется* (Пут. Леп. I, 12. 1768 г. – КСлРЯ XVIII в.) и др. Не различал лексемы завод и фабрика В. Геннин: *послать в Сибирь для строения и размножения медныхъ и железныхъ заводовъ и протчихъ фабрикъ* (Геннин, 74). Составители лексиконов также иногда отождествляли значение этих слов: *Fabrica I. Завод, фабрика* (ЛЦ, 93. 1746 г.). Едва ли всегда четко различал данные лексемы А.Н. Радишев. Ср.: *О заводахъ рудоконныхъ и другихъ фабрикахъ, мельницахъ и проч. рукоделіяхъ* (Рдшв. ППС, III, 158. – КСлРЯ XVIII в.).

Произведения разных стилей отражают конкуренцию терминов мельница – завод – фабрика – мануфактура. В научно-популярных произведениях М. Чулкова, А.А. Засецкого, Щекатова, Ф. Полунина и др. во второй половине XVIII в. различие между этими словами часто не проводится, предприятия одного и того же типа называются то заводом, то фабрикой, то мануфактурой, то мельницей. Например: *сальной заводъ* (Чулков, 286) – *сальная фабрика* (Щекатов, 1246); *скляной заводъ* (Чулков, 191) – *стеклянной заводъ* (Полунин, 383) – *стеклянный заводъ* (Засецкий, 66) – *стеклянная фабрика* (Чулков, 323 – КСлРЯ XVIII в.); *парусиновый завод* (Полунин, 383) – *парусная фабрика* (Чулков, 323); *доменный заводъ* (Щекатов, 1247) – *доменная фабрика* (Геннин, 156); *шелковая мануфактура* (Вед., 2, 303. 1708 г. – КСлРЯ XVIII в.) – *шелковый заводъ* (ЕС, 494. 1763 г. – КСлРЯ XVIII в.) – *шелковая фабрика* (Чулков, 187; Полунин, 462); *медной заводъ* (Полунин, 194) – *медоплавительной заводъ* (Чулков, 210; Щекатов, 251) – *медоплавительная фабрика* (Геннин, 448) и др.

Уже в первой половине XVIII в. наблюдаются попытки разграничить значение данных слов. Вот как определял содержание соответствующих понятий В. Татишев: *Завод... бывают двоякие; одни людьми, другие водою или ветром действуют, и первымъ всякие великие фабрики, яко суконныя, полотняныя, селитренныя, стеклянныя и тому подобн., сии гречески называются мануфактуры..., ко вторымъ все крушцовыя, золотыя, серебряныя, медныя... и сии Французы фабриками, немцы Верк называют, обоя точно Руски работа* (ЛТ. III, 3–4 – КСлРЯ XVIII в.).

Во второй половине XVIII в. намечается закрепление названий завод – фабрика – мануфактура за определенными типами предприятий. Предприятия по изготовлению и выделке тканей обычно называются уже фабриками,

реже мануфактурами: гарусная фабрика, набоешная фабрика, полотняная фабрика, ситцевая фабрика, бумажная фабрика, шелковая фабрика и др. — (Чулков, Полунин); предприятия, связанные с выплавкой металлов, производством кожи, кирпича, свечей, мыла, пива, вина и др. имеют название завод: железодобывательный завод, медной завод, юфтяной завод, кожевенный завод, кирпичной завод и др.

Уточнение семантики терминов завод — фабрика — мануфактура, дальнейшее разграничение сферы их употребления происходит уже в XIX в. В. Далью принадлежит попытка выделить специфичное в значении этих слов: Завод — заведение или устройство для машинной выделки чего-либо; различается от фабрики тем, что на последней работа идет более руками. Завод медный, стеклянный, винный; Фабрика — рабочее заведение для выделки чего, завод, фабриками зовут такие заводы, где огонь (накалка, плавка, варка) не занимает первого места. Чугунный, поташный завод, полотняная фабрика; Мануфактура — рукодельня; ремесловое заведение, фабрика, особенно; прядельня, ткацкая и пр. Мануфактурный — фабричный, рукодельный. В. Даль свидетельствует о сохранности в XIX в. в составе рассматриваемой микрогруппы слова мельница: Мельница — машинное устройство без жерновов... Мельница пороховая, красочная, аптечная, костомольная... Мельница пильная.

Ошибочно было бы думать, что старая система обозначения промышленных предприятий была быстро вытеснена в русском литературном языке XVIII в. инновациями завод — фабрика — мануфактура. Сами эти термины конкурировали друг с другом, так что понадобился значительный период времени для разграничения семантики и сферы употребления их. Об отсутствии устойчивости в терминологической лексике свидетельствует варьирование названий предприятий одного типа. Например: железодобывательный завод — железодобываемый завод — железной завод (Чулков, 290) и др. Процесс преодоления избыточности обозначений протекал в XVIII в. медленно и непоследовательно. Можно отметить случай обращения к старым названиям промышленных предприятий. Например: кожаный завод и кожаня (Докл. в Сенате I, 375. 1712 г. — КСЛРЯ XVIII в.); мыльный завод и мыловарня (Чулков, 223); белильная фабрика и белильня (Чулков, 268, 221) и др. Изредка авторы работ наряду с новой терминологией прибегали к старым терминологическим словосочетаниям. Ср., например, употребление словосочетаний меховая светлица 'предприятие, изготавливающее меха для домен' в работах В. Геннина (Геннин, 472), свечная изба (Чулков, 253) и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бакланов Н.В., Мавродин В.В., Смирнов И.И. Тульские и каширские заводы в XVII в. М.; Л., 1934. С. 35–36.

2. Заозерская Е. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России XVIII в. // Вopr. истории, 1949, № 6. С. 78.

3. Щеглова Н.А. К истории слов *работник, рабочий, мастеровой, заводчик* // Исследования по лексикологии и словообразованию. Красноярск, 1970. С. 157.

4. Биржакова Е.Э., Воинова Л.Л., Кутина Л.Л. Очерки исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 143.

СОКРАЩЕНИЯ

АК – Архив кн. Ф.А. Куракина (1661 – 1727) / Под ред. М.И. Семевского. СПб., 1890 – 1902. Кн. 1–10.

Арх. Гамеля – Собрание Гамеля. ЛОИИ, ф. 175. 1598 г. – к. XVII в.

А. тяг. I – Дьяконов М. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. I. Крестьянские порядные. Юрьев, 1895.

АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархии, кн. 3 (РИБ, т. 25, СПб., 1908) 1621 – 1680, 1692 гг.

Бум. КМ – Бумаги кабинета министров имп. Анны Иоанновны 1731 – 1740 гг. / Собр. и изд. под ред. А.Н. Филиппова. Т. 1 – 6. – Сб. РИО. Юрьев, 1898 – 1904.

Вед. – Ведомости времени Петра Великого (1703 – 1719). М., 1903 – 1906. Вып. 1 – 2.

ВЛ – Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.

Вологда, 1711 – Переписная книга г. Вологды 1711 г. – ГАВО, ф. 2 р, № 7847.

Гамель. Прибавл., 2 – Гамель И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. СПб., 1826.

Геннин – Де-Геннин. Описание уральских и сибирских заводов. (1735). М., 1937.

Геннин. Персп. – Геннин В. И. Материалы для истории казенного горного дела в Олонском крае. Петрозаводск, 1902.

Геогр. 1719 – Гюбнер И. Земноводного круга краткое описание, из старья и новая география... Через Ягана Гибнера собранное: Пер. с нем. М., 1719.

Гр. Кевр. и Мез. – Грамоты Кеврольского и Мезенского уезда XVII в. (Сб. грамот Коллегии экономии. Т. II. Л., 1929) 1615 – 1695 гг.

Д. Олон. зав. – Олонские медные и железные заводы // Крепостная мануфактура в России. Т. II, Л., 1931. 1669 – 1698 гг.

ДПС – Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого (1711–1716) / Под ред. Н.В. Калачова, СПб., 1880–1901. Т. 1–6.

ЕС – Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755–1764.

Зап. Блтв. – Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков // Записки А.Т. Болотова. 1738 – 1795, СПб., 1871–1873. Т. 1–4.

Засецкий – Засецкий А.А. Исторические и топографические известия о Вологде. М., 1782.

Калуж. а. – Маркевич А.И. Калужские купцы Дехтеревы. Одесса, 1892, 1636 – 1792 гг.

Кирил. ЦС – Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства (1727). М., 1831. Кн. 1–2.

Кн. пер. Нил. Столб. III – Переписные книги Ниловой Столбенской пустыни. Рукоп. Смоленск, пед. ин-та, III – 1663 г.

Кн. пер. Свир. м. № 37 – Переписная книга Александрово-Свирского монастыря 1660 г. ЛОИИ, ф. 3, оп. 2, № 37 (1660 г.).

Кн. прих.-расх. Волокол. м. № 2 – Приходо-расходная книга Иосифова Волоколамского монастыря 7081–7082 (1573–1574), ЛОИИ, № 284, № 1/2.

Кн. прих.-расх. Каз. пр. – Приходо-расходные книги Казенного приказа 1613 – 1614 гг. (РИБ, т. IX, СПб., 1884, с. 1–381).

Кн. Тул. и Каш. зав. – Книги Тульских и Каширских железных заводов // Крепостная мануфактура в России, ч. 1, Л., 1930, с. 1 – 186, 1645 – 1690 гг.

Коз. Рас. – Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании соч. Я. Козельским. СПб., 1788, ч. 1.

Куранты – Вести-Куранты. 1645 – 1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов; Под ред. СИ. Коткова. М., 1980.

ЛК – Экстракт Саварисва лексикона о коммерции... с фр. на рос. яз. перев. сия книга Академии наук секретарем С. Волчковым, в 1743 и 1744 гг... СПб., 1747.

ЛП – *Поликарпов Ф.П.* Лексикон трехязычный. Сиречь речений славенских, сллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.

ЛТ – Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Соч... В.Н. Татишевым. СПб., 1793. Ч. 1–3.

ЛЦ – Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом. СПб., 1746.

МЗК – Материалы Екатерининской законодательной комиссии (1767–1769) Ч 14 –Сб РИО. Пг., 1915. Т. 147.

Оп. путей – Описание трех путей в Швецию арх. Афанасия Холмогорского. (1701) // *Верхотурский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды. СПб., 1908. С. 656–665.

Оп. имущ. Сп.-Прил. м. – Опись имущества Спасо-Прилуцкого монастыря 1737 г. ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 190. 53.

Отч. Шум. – Отчет, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–22 гг. – Пек., т. 1.

ПБП – Письма и бумаги имп. Петра Великого (1688–1712) СПб.; М, Л.; М., 1887 – 1964, 1975–1977. Т. 1–12.

Петр – Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. 1–7, СПб.; М.; Л., т. 7 (Январь – Июнь 1708) 1918–1946.

Полунин – *Полунин Ф., Миллер Г.Ф.* Географический лексикон Российского государства. М., 1773.

Пох. Журн. – Походный журнал 1695... 1726 г. СПб., 1853–1855 (вып. 1: 1695; вып. 2: 1696 г.; вып. 3: 1697 г.; вып. IV: 1698; вып. 5: 1698–1699 гг.). ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7, 1723–1727.

Пут. Леп. – Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта И. Лепехина по разным провинциям Российского государства... СПб., 1771–1805. Ч. 1–4.

РГЛ – *Брюс Я.В.* Книга лексикон и собрание речей по алфавиту с русского на голландский язык. СПб., 1717.

Рдщв ПСС, III – *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1938–1952. Т. 1–III.

РЛ – Рукописный лексикон первой половины XVIII в. / Подгот. к печати и вступ. ст. А.П. Аверьяновой. Л., 1964.

Сл. 1763 – *Полевика Г.А.* Словарь на шести языках: русском, греческом, латинском, французском, немецком и английском... СПб. 1763.

Сл. нат. ист. – *Леклерк де Монлино Ш.А.* Словарь ручной натуральной истории, содержащей историю, описание и главные свойства животных, растений, минералов; перев. с фр. яз... В. Левшиным. М., 1788. Ч. 1–2.

Сойм. КМ – *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря (30-е гг. XVIII в.). ЕС 1763, ч. 1–2.

СПб. в. – Санктпетербургские ведомости. 1728–1800, СПб., 1728–1800.

Столб. Шавк. – Столбцы дер. Шавкуновской. (Труды Вятск. учен. арх. ком. 1914, вып. 1, отд. II) 1612–1700 гг.

Ст. сп. Флетчера – Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Е. Флетчера (Врем. ОИДР, 1850. Кн. 8, с. 1–96) 1588–1589 гг.

ТВЭО – Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. СПб., 1765–1775, 1779–1798. Ч. 1–52.

УВМ – Устав о войсках морских и о их арсеналах. Людовика четвертого надесять короля французского и наварского. (Перев. с фр. К. Зотов) СПб., 1715. Чулков – *Чулков М.* Историческое описание Российской коммерции. М., 1786.

Щекатов – *Щекатов.* Географический словарь Российского государства. М., 1801.

ПРОМЫСЛОВАЯ (РЕМЕСЛЕННАЯ) ЛЕКСИКА В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (на материале деловой письменности Северо-Восточной Руси)

Публикация монографии О.Н. Трубачева «Ремесленная терминология в славянских языках» (М., 1968), посвященной исследованию лексики кузнечного, гончарного, ткацкого промыслов, а также обработки леса, способствовала привлечению внимания к промысловой лексике русского языка XV–XVII вв. В 60-х–первой половине 80-х гг. XX в. подвергается изучению строительная, рыболовецкая терминология, лексика соляного, судового дела, термины охотничьего промысла и т.д. (Богородский, Вакуров, Гончаров, Ставшина и др.)¹.

Опираясь на материалы письменных источников XV–XVII вв., исследователи устанавливали состав промысловой лексики, подвергая ее в основном этимологическому и историко-лексикологическому анализу. Многих интересовала проблема терминологизации бытовой лексики старорусского языка. Затрагивались вопросы ареальной характеристики терминов. В центре внимания в тот период оказывались в основном семасиологические и социальные аспекты изучения промысловой лексики.

Во второй половине 80-х–90-х годах в связи с активной разработкой проблем ономасиологии данная лексика активно изучается с точки зрения принципов, признаков и способов номинации. В 90-е годы начинается более глубокое изучение промысловой лексики, связанное с исследованием ее внутренней структуры, т.е. системных связей и отношений.

В настоящей работе к рассмотрению привлекается лексика разных промыслов и ремесел Русского Севера: рыболовецкого, соляного, железного (кузнечного), корабельного, строительного, смолокурения, гончарного, кожевенного, валяльного, бондарного, лесного и пр.

Основная задача работы – дать анализ промысловой лексики разных разрядов с точки зрения ономасиологии, выявив в то же время некоторые признаки системности ее, показать промысловую лексику как отдельное исторически сложившееся множество в лексико-семантической системе старорусского языка.

Исследованию подвергается лексика, отмеченная в источниках, относящихся к Белоозеру, Вологде, В. Устюгу, Тотье, Устюжне, Мезени, Пустозерску, Яренску, Соловкам, Кевроле, Каргополю и др., к территории, охватывающей бассейн Сев. Двины. Этот регион в экономическо-культурном и духовном планах представлял собой нечто единое. Это единство в значительной степени определялось сходными природными условиями, общей исторической судьбой народа, живущего на данной территории, а также важным водным торговым путем (Шексна – Сухона – Сев. Двина), соединявшим центр Русского государства с Севером, Сибирью и зарубежными странами².

По словам О.Н. Трубачева, уже в дописьменный период существовала система народной терминологии. Большинство ремесел выделяется из земледелия. Раньше всех, примерно в VII–VIII вв. н.э. из рамок домашнего обихода выделилось железное (кузнечное) дело. Другие промыслы (гончарное, ткацкое дело, обработка дерева, т.е. строительное, бочарное дело и др.) более длительный период сохраняют свой домашний характер, чем объясняется сложность отграничения данной промысловой лексики от общеупотребительных слов разговорной речи. Расселившиеся в конце I–середине II тысячелетия н.э. на Русском Севере славяне пополнили лексику рыболовецкого, моржового, нерпичьего, охотничьего промыслов, которые были активны у прибалтийско-финских племен, живших на данной территории до прихода славян. После расселения получает дальнейшее развитие лексика соляного, судового дела, смолокурения, кожевенного и др. промыслов.

Переходя к ономаσιологическому описанию промысловой лексики старорусского языка, следует отметить, что менее активным из 4-х способов номинации (аффиксация, синтаксическая деривация, семантическая деривация, заимствования) оставался последний. К заимствованным относятся отдельные названия из нескольких десятков тысяч терминов. Это в основном названия северных рыб (*шеврига*, *кумжа* и др.), рыболовецких и других видов судов (*буса*, *шайма*, *шияк*, *каюк* и др.), названия некоторых тканей (*аглин*, *адаманка*, *гарус*, *бумазя* и др.). В основной своей массе промысловая лексика старорусского языка исконная по своему происхождению.

Самым активным способом номинации в лексике всех исследуемых промыслов является аффиксация, а из разновидностей ее, как и в бытовой общеупотребительной лексике, – суффиксация и префиксация. Ср., например, явления аффиксации в лексике кузнечного дела: *пробой* – *пробоец* – *пробойка*, *гвоздь* – *гвоздить* – *гвоздильня* – *гвоздарь* – *гвозденик* и др.; рыбной ловли: *лов* – *ловить* – *ловище* – *ловля* – *ловчий* и пр.

Независимо от того, к каким терминосистемам относятся названия профессий, одни словообразовательные суффиксы обнаруживают значительную активность, другие дают единичные образования, что свидетельствует, видимо, об общих закономерностях словообразования в старорусском языке. Так, наиболее активны два суффикса *-щик* и *-ник* (*бѣллыщикъ*, *весновальщикъ*, *гребенищикъ* и др.; *башмачникъ*, *бѣчевникъ*, *верчельникъ*, *драничникъ* и др.). Менее активен суффикс *-чик* (*кибитчикъ*, *медведчикъ*, *присадчикъ* и др.). Архаичны для XVII в. в промысловой лексике суффиксы *-ар* и *-арь* (*бочарь*, *дегтарь*, *пешарь*, *золотарь* и др.). Только отдельные наименования отмечены с суффиксами *-ец* (*весецъ*, *ловецъ*, *мелецъ*), *-тай* (*ношатай*), *-аль* (*шваль*).

Заметна группа названий профессий, оформившихся за счет сложения основ (*гроботес*, *коневал*, *кошковад*, *назымовозъ*, *печемаз*, *соловар*, *щевар* и др.).

К номинативным единицам, которые выделяют промысловую терминологию в составе общеупотребительной бытовой лексики старорусского языка в особую систему, относятся две группы слов: а) термины, в лексическом зна-

чении которых отмечается категориально-грамматическая сема «опредмеченная процессуальность» и б) сложные слова с первым компонентом, выраженным именем числительным. Слова первой группы наличествуют далеко не во всех разрядах промысловой лексики. Образуются они от глаголов с помощью суффиксов *-ени*, *-ани*, *-к* и характерны для лексической системы устоявшихся, играющих заметную роль в экономике региона промыслов: железного (кузнечного), соляного, корабельного, строительного, лесного, отчасти – рыболовецкого. Ср. железное дело: *точить* – *точение*, *хитить* – *хитение*, *плавить* – *плавление* и др., соляное дело: *варить* – *варение*, *сливать* – *сливание*, *солить* – *соление*, *чистить* – *чищение*, *отрясать* – *отряска*, *вязать* – *вязка*, *высыпать* – *высыпка*, *волочить* – *волочка* и др. В лексике строительного дела значительную активность имеют номинативные единицы с суффиксом *-к*: *тесать* – *теска*, *выкрушить* – *выкрушка*, *павозить* – *павозка*, *выволочка*, *выметка*, *выкладка*, *здымка*, *поплавка* и др.

Почти полностью отсутствуют термины с такими суффиксами в составе лексики охотничьего промысла, метрологии, ткацкого, гончарного, портняжного дела и др.

Ко второму множеству, выделявшему промысловую лексику в составе лексико-семантической системы старорусского языка в особую группу, относятся сложные слова, первым компонентом которых является количественное или собирательное числительное. Такого рода номинативные единицы характерны в первую очередь для лексики железного (кузнечного) дела (*двоеличный замок*, *двоеручный молот*, *двоетесный гвоздь*, *двоетес*, *четверогранное желѣзо*, *одноручный ковш* и др.), а также для лексики строительного (*троеплечная чешуя*, *троесаженный лес*) и корабельного дела (*двоенабойница*, *друговесельник*).

Поскольку известно, что слова с количественными показателями имеют большое значение для производственно-технической сферы, совершенно не случайно, что они характерны для лексического состава наиболее развитых, достигших в XVII в. значительного развития промыслов (железного, соляного, строительного и т.д.).

К аффиксальному способу номинации относится также довольно большая группа имен существительных с суффиксами субъективной оценки. Данные слова отмечены в лексике железного дела (*топор* – *топоренок*, *кузнец* – *кузнчишко*, *тупица* – *тупичишко*, *замок* – *замчишко*, *гвоздь* – *гвоздочик*, *напарья* – *напареца*, *долото* – *долотцо* и др.), корабельного (*барка* – *барочка* – *барчонка*, *дощаник* – *дощаничек* – *дощаничишко*, *лодка* – *лодочка* – *лодейка* – *лодченка* и др.) т.е. в составе наиболее сложившихся, разветвленных терминистем старорусского языка.

Относить эти слова к коннотативной (эмоционально-оценочной) лексике нет оснований, поскольку, на наш взгляд, у большинства из них в лексическом значении отсутствуют коннотативные семы: 'эмоциональная оценка', 'степень интенсивности признака', 'образность'. Суффиксы субъективной

оценки выражают в данном случае семы, характерные для предметно-понятийного макрокомпонента лексического значения этих слов, и указывают на размер реалии: незначительный, малый (*замчишко, лодченка, хлевец, долотцо, бочурка*), на качество ее: старый, износившийся, выходящий из употребления (*попонишка, клетенко, хлевishко, дощаничишко, суденко* и др.), на возраст: слишком юный или старый (*кузнечишко* и пр.).

Второй по степени активности способ номинации – синтаксическая деривация. Активизацию данного способа вызывает потребность в номинации новых реалий. Способ синтаксической деривации – это создание составных наименований (СН), состоящих из нескольких компонентов (чаще двух), выражающих единое целостное понятие и являющихся устойчивыми. Этот способ является традиционным, поскольку существовал в русском языке и в более ранний период, характерен он и для современной русской терминологии. Преимущество его в том, что СН наиболее полно и четко обозначают составляющие производственные понятия, зависимый компонент обычно уточняет родовое понятие, указывая на назначение реалии (*короб соляной, корыто грузильное, труба соляная*), на различие в выработке, способе изготовления продукта труда (*жельзо опарочное, олово прutowое*), на сорт, а тем самым на качество изделия (*овчина д'кланая – овчина нед'кланая, телятина сырая*), на материал (*стр'кмена жельзные – стр'кмена деревянные*) и т.д.

Прежде чем приступить к анализу СН, различающихся по структуре, отметим в исследуемой промысловой лексике незначительное количество фразовых наименований (ФН), представляющих собой обороты, состоящие из имени существительного с зависимым от него определительным придаточным предложением. ФН – это своего рода первичные наименования, предварительный этап создания промыслового термина. По словам Н.И. Мигириной, по структуре они представляют собой предикативную единицу, но не выражают суждения. Они тождественны лексической номинации³. Характерны ФН главным образом для лексики железного дела: *кирка, что камень тешет; клещи, коими держат крицы; сарай, где содержится железная руда*, и пр. Ср. в лексике кожанного дела: *кольцо, чем сыромять бьют*. В ряде ФН союзные слова отсутствуют: *амбар в нем к молотовому делу уголь* (позже – *угольный амбар*).

По структуре СН делятся на двучленные, трехчленные, четырехчленные. Наиболее активны двучленные именные СН, состоящие из существительного и согласованного с ним прилагательного (С+П или П+С)⁴. Так, например, названия разного рода промыслов и ремёсел представляют собой именно такого рода СН с опорным словом *дело*: *соляное дело, укладное дело, сечное дело, подъемное дело, каменное дело, езовое дело, мячинное дело, колокольное дело* и пр. Выделялись в данном множестве родовые и видовые СН, например: *соляное дело* (род.) – *варничное дело* и *трубное дело* (вид.); *железное дело* (род.) – *кузнечное дело – сковородное дело – ствольное дело – укладное дело* и др.

Самое значительное число именных двучленных СН отмечено в лексике промыслов, достигших высокого по тем временам развития – железного, соляного, стороительного и корабельного дела. СН с опорным словом *желѣзо* насчитывается, например, свыше 60 (*желѣзо бѣлое*, *ж. буровое*, *ж. веретенное* и др.), СН со словом *замок* – около 30 (*замок бубенчатый*, *з. веретенной, з. вислой* и пр.). Ср. также в лексике судового промысла – *карбас двоевесельный*, *к. извозный*, *к. крытый*, *к. неводный*, *к. поездной*, *к. подбечевой* и др.

Помимо именных словосочетаний, состоящих из существительного и зависящего от него прилагательного, в промысловой лексике отмечены двучленные словосочетания иного состава, но количество их незначительно. Составные наименования, оба компонента которых выражены именем существительным, характерны для лексики железного дела, охотничьего промысла: *желѣзо обушник*, *желѣзо петельник*, *котел братынец*, *желѣзо в досках*; *бобр подлыжник*, *бѣлка казымка*, *песец-копанец* и др.

В лексике ряда промыслов наличествуют словосочетания со стержневым словом-глаголом: *делать сыромять*, *снимать дубу*, *строгать кожи* и др. (кожевенное дело); *соль намѣтывать*, *прятать мѣсто*, *починивать мѣсто* (соляной промысел); *езь бить*, *езь забродить* (рыболовный промысел); *рубить углом*, *рубить в зубец*, *творить извест* (строительное дело) и др.

В составе лексики железного дела отмечены трехчленные словосочетания: *желѣзо цренное котельное*, *ж. кришное*, *замок висячий копытчатой* и пр.

Третий по степени активности способ номинации в системе промысловой лексики Русского Севера – семантическая деривация (вторичная номинация), связанная с появлением нового лексико-семантического варианта у общепотребительного слова. К явлениям семантической деривации относятся все изменения, основанные на связи между членами одной и той же парадигмы, т.е. расширение, сужение значения, явления семантического сдвига. Однако наше внимание привлекают изменения, основанные на связи между членами разных парадигм, т.е. явления метафоризации. Метафора, как известно, служит средством обозначения тому, чему нет названия, она играет огромную роль в пополнении состава промысловой лексики.

В исследуемой лексике метафоризация осуществляется за счёт реализации трех семантических моделей: 'часть тела человека' > 'предмет', 'животное / часть тела животного' > 'предмет', 'предмет (бытовой)' > 'предмет, связанный с промыслом', причем активнее всего семантическая деривация осуществляется за счет первой семантической модели.

Рассмотрим их по порядку. Значительная часть переносов значения осуществляется за счет модели 'часть головы человека' > 'предмет': *голова* (мельн.), *щека* (сол.), *ухо* (сол., жел.), *язык* (жел.), *зуба* (сол.), *череп* (строит.), *шея* (сол., строит.), *бородка* (жел.), а также 'часть туловища' > 'предмет': *хребтина* (строит.), *пятка* (строит.), *пятка* (мельн.), *ножка* (сол.), *лодыжка* (жел.), *голень* (сол., кораб.).

По модели 'животное' > 'предмет' осуществлялись переносы типа: *жабка* (мельн.), *баран* (сол., строит., кожев.), *бык* (мельн.), *векша* (сол.), *вепрь* (строит.), *коза*, *козел* (рыбол.), *свинка* (жел.), *лисица* (жел.), *собака* (сол.), *курица* (строит.), по модели 'часть тела животного' > 'предмет': *лапка* (сол.), *хвост* (сол.), *рог* (сол.), *зуб* (сол.), *чешуя* (строит.) и др.

Модель 'предмет (бытовой)' > 'предмет, связанный с промыслом' лежит в основе наименований *чулок* (сол.), *гайтан* (сол.), *полотенце* (строит.), *сковородник* (сол.), *колодязь* (сол.), *ворота* (рыбол., мельн.), *труба* (сол., ткац., метрол.), *чердак* (кораб.), *веретено* (строит., сол.), *яблоко* (сол., строит.), *дудка* (жел.) и др.

Активная реализация семантической модели 'часть тела человека' > 'предмет' легко объясняется тем, что человек чаще всего познает окружающее через самого себя. Не меньшую активность, помимо антропоморфных метафор, имеют и зооморфные, возникшие по модели 'животное (часть его тела)' > 'предмет'. Говорящие ориентируются в данном случае на хорошо известные им признаки животных: *свинья*, *свинка* – символ бесформенности, тяжести, *вепрь*, *бык* – стойкость к удару, *лапка* – опора, на которой что-то стоит, *собака* – что-то подвижное, бегущее и т.д.

Ни в какое сравнение с числом номинативных единиц, образованных способом семантической деривации, не идет метрологическая лексика исследуемой территории. Из 300 метрологических терминов только 80 образованы с помощью иных способов номинации, причем 47 из 80 сформированы за счет аффиксации, развивающейся в результате активизации словообразовательных приставок *пол-* и *полу-*: *ползарода*, *полполицы*, *полулокоть*, *полуаршин* и пр.

Вся основная масса метрологической лексики (250 слов) сложились в результате семантической деривации на базе таких лексем, как *бадья*, *батог*, *безмень*, *блюдо*, *боровъ*, *бочка* и пр. Самая активная семантическая модель представлена элементами 'посуда' > 'единицы измерения' (*блюдо*, *блюдечко*, *бочечка*, *бочурка*, *ведро*, *извара*, *кувшин*, *квашня*, *склянка*, *ковш*, *стакан*, *котел*, *горшок*, *криночка* и мн. другие). Активно реализуются модели 'корзина' > 'единица измерения' (*лукошко*, *короб*, *бурак*, *зобница*, *зобня*, *корзина*, *коробейка*), 'совокупность чего либо' > 'единица измерения' (*копна*, *зарод*, *стог*, *груда*, *волочуга* и др.), 'штучный предмет' > 'единица измерения' (*брус*, *камень*, *заколина*, *крица* и пр.).

Как видно из анализа, наибольшее число слов, возникших за счет вторичной номинации, в первую очередь характерно для метрологии, однако оно значительно и в таких системах промысловой лексики, как соляное, железное, строительное и отчасти мельничное дело, т.е. для лексики четырех (пяти) сложившихся в XVII в. разветвленных терминосистем, формирование которых обусловлено эволюцией и совершенствованием технологии самих этих промыслов.

Единичны подобные номинативные единицы в лексике кожевенного дела, рыболовецкого промысла и пр.

В связи с тем, что разные промыслы сосуществовали и развивались в одном и том же регионе, а также в связи с общностью ряда трудовых процессов, одни и те же номинативные единицы могли входить в терминосистемы разных ремесел либо в одном и том же значении, либо изменяя свое семантическое содержимое. Такого рода слова способствовали объединению промысловой лексики в единую систему, составляя ее периферию. В работах по исторической лексикологии их обычно называют "сквозными" терминами.

К «сквозным» терминам, употребляющимся в разных промыслах в одном и том же значении, в основной своей массе относятся названия инструментов: *тиски*, *сверло*, *буравъ*, *напарья*, *долото*, *крюк*, *троезубецъ*, *тесла* (кузн., строит., сол.), *веретено* (сол., мельн., строит.), *бечева* (сол., строит., рыб., кораб.), *ворот* (строит., сол., рыб., мельн.), *бочка* (строит., бондар., метр.), а также наименования строительных деталей: *стягъ*, *срубъ*, *перекладъ* (строит., сол.), *брусъ* (строит., сол., метр.), *порубень* (строит., кораб.) и др.

В ряде случаев «сквозные» термины являются опорными словами в составе СН, которые обозначают специфическое для той или иной терминосистемы производственное понятие: *боранъ трубный* (сол.) – *боранъ красный*, *боранъ бѣлый*, *боранъ дѣланой* (кожев.) – *желѣза 12 борановъ связныхъ* (жел.), *веретено мельничное* – *веретено колесное* – *веретено часовое* – *веретено точильное* и др.

Как отмечают многие исследователи, для лексико-семантической системы старорусского языка характерна вариативность. Отмечена она и в исследуемой лексике. Причин вариативности несколько: близость промыслово-ремесленной лексики к общеупотребительной народно-разговорной, отсутствие в тот период письменной закреплённости терминов, недостаточная грамотность писцов и, наконец, нахождение ряда промысловых лексических терминосистем пока еще в процессе становления, формирования.

Показательно, что в лексической системе промыслов и ремесел, находящихся на более высокой стадии своего развития, варианты немногочисленны. Например, в лексике соляного дела варианты *водолей* – *водолив*, *отряса* – *отряска* – *отрясь*, *варецъ* – *варникъ* и др. в основном связаны с употреблением данных лексем на разных территориях Русского Севера. То же характерно для лексики кузнечного дела (*гвоздарь* – *гвозденик* – *гвоздырь*, *гвоздильница* – *гвоздильня* – *гвоздихня* и др.).

Наиболее активная вариантность в лексике дровяного промысла (*возчик* – *возак* – *возник* – *возовщик*, *весная дель* – *веснодѣль*), бондарного (*бочар* – *бочарник* – *бочкарь* – *бочешной мастер*), кожевенного и валяльного (*шерстобит* – *волнотеп* – *шерстобой* – *войлошник*; *потяга* – *потяг*, *тупок* – *тупченко*). Отмечены варианты в рыболовецкой лексике (*бродчик* – *бродник* – *бредник* – *бредец* – *бречец* и др.).

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что состав промыслово-ремесленной лексики старорусского языка был не единообразен. В центре данного лексического множества располагалась лексика нескольких высоко-

организованных для своего времени промыслов: соляного, железного, строительного и корабельного. Она имела особенности, выделяющие ее в особый класс специальных слов в лексико-семантической системе старорусского языка. Можно полагать, что именно эта лексика легла в основу формирования производственно-технической профессиональной лексики в начальный период развития русского национального языка. Другая часть промыслового словаря (ткацкий, гончарный, портняжный, кожевенный, валяльный, бондарный и другие промыслы) была ближе к бытовой общеупотребительной лексике, хотя и имела некоторые специфические особенности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Богородский Б.А.* Русская судоходная терминология в историческом аспекте. ДД, Л., 1964; *Вакуров В.Н.* Производственная предметная лексика в русском языке XIV—XVI вв. КД, М., 1960; *Гончаров В.И.* Лексика промыслов русского языка XVII в. (рыбная ловля, охота). КД, Киев, 1983; *Ставицина Н.А.* Лексика соляного дела Русского Севера (На материале деловой письменности Спасо-Прилуцкого монастыря XVI—XVII вв.). КД, Вологда, 1986.

2. Материал извлекался из памятников, опубликованных в сборниках ААЭ, АГР, АИ, А. писм. д., Арх. Стр., АСВР и др. (См. указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI - XVII вв. М., 1984), а также из рукописных источников, хранящихся в центральных (АГПБ, ЛОИИ, РГАДА) и местных архивах (Архив Череповецкого краеведческого музея, Государственный архив Вологодской области, Архив Вологодского краеведческого музея, Государственный архив Архангельской области и др.).

3. *Мигирина Н.И.* Типы номинации для обозначения статусов лица в современном русском языке. Кишинев, 1981. — С. 38.

4. *Голев Н.Д.* Естественная номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. С. 92.

НАЗВАНИЯ ЛИЦ ПО РЕМЕСЛУ И ЗАНЯТИЯМ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ РУССКОГО СЕВЕРА XVI—XVII вв. (на материале прихода-расходных книг Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей)

В последние десятилетия внимание языковедов все более привлекает деловая письменность среднерусского периода. Вызывает значительный интерес историко-стилистический аспект изучения деловых источников, не менее перспективно исследование их со стороны лингвистической содержательности и информативности.¹ Не утратило актуальности изучение деловой письменности XVI—XVII вв. и с точки зрения отражения в ней особенностей народно-диалектной части, поскольку, по словам В. В. Виноградова, «письменно-деловая речь... одним краем касается литературного языка, а другим уходит в гущу народно-разговорной диалектной речи».² Исследование деловых документов XVI—XVII вв. в плане отражения в них особенностей диалектной речи дает возможность затронуть многие нерешенные вопросы истории рус-

ского языка, и в частности вопрос о диалектном членении языка великорусской пародности.

По мнению историков, в XVI–XVII вв. в Русском государстве наблюдаются значительные экономические сдвиги, активно развиваются и укрепляются ремесла и промыслы. Отличительной особенностью ремесла в этот период явилась «его большая дробность, наличие в нем очень мелких специальностей».³ Расцвет промыслов и ремесел, появление новых, сравнительно узких специальностей не могли не отразиться на словарном составе русского языка данного периода. Бурное развитие производительных сил способствовало активному формированию общерусских и локальных инноваций.

Деловой язык являлся одной из функциональных разновидностей (стилей) народно-литературного языка.⁴ Естественно, что обращение к активным источникам XVI–XVII вв. позволит пролить свет на процессы формирования русского литературного языка в начальный период его развития. Среди разных жанров деловой письменности наибольшей близостью к народно-диалектной речи отличаются хозяйственные книги крупных вотчин (в том числе и монастырских).

Предметом настоящего исследования явилась профессиональная лексика – названия лиц, занятых в кузнечном, бочарном и строительном деле, – в хозяйственных приходе-расходных книгах XVI–XVII вв. северных монастырей – Спасо-Прилуцкого и Кирилло-Белозерского.

Человек, занятый кузнечным промыслом, не имел единого, устойчивого наименования. К названиям с более общим значением относились *кузнецъ*, *црѣнный мастеръ* и *котельникъ*. Самым активным является общеупотребительное слово *кузнецъ*: *Зубил кузнец 34 серпы, дали от дела 5 алт.* (РТП, 1585 г. – ВХК, I, 29); *Дѣлал ферапонтовский кузнец Ивашко Пухта 20 кос горбуш* (РК-БМ, 1605 г. – Ник.). *Кузнецъ* – восточнославянское образование, И.И. Срезневский фиксирует его в памятниках XI в. (Срезневский, I, 1360). Особая группировка мастеровых-кузнецов существовала в Киеве в XII в.⁵ Значение устойчивого сочетания *црѣнный мастеръ* близко слову *кузнецъ*. В ряде случаев данные термины отождествлялись: *Тотемские соли посацкой человек црѣнной мастер кузнец Купреян Дмитриев сын Рохлецов дал вкладу 5 руб. денег* (ПС-ПМ, 1577 г. – ВХК, II, 292). *Котельникъ* в значении 'кузнец' употребляется эпизодически, последовательно все же это слово выступает в значении 'работник, который делает или чинит котлы': *Ширяю Котельнику дал от подѣлки пол полтины, подѣлал... котел большой квасной. Михалку кузнецу от дѣла 4-х терпугов дал 4 деньги* (РК-БМ, 1567 г., л. 12 об. – Ник.). Вместе с тем различие в семантике этих слов в ряде контекстов стирается. Ср., например: *Два казака з белозерским кузнецом подѣлывали котел... квасной* (РК-БМ, 1581 г., л. 19. – Ник.). Об отсутствии в среднерусский период четкого профессионального различия между кузнецами и котельниками писали историки и языковеды.⁶ В документах Кирилло-Белозерского монастыря данный термин выступает в двух вариантах – *котельникъ* и *котельный*: *Поп-*

ку Котельнику (РК-БМ, 1603 г., л. 50 об. – Ник.), Попку Котельному (там же, л. 109). Примечательно, что название человека по профессии в данном случае обнаруживает тенденцию к переходу в прозвищное фамильное именование.

В XVI–XVII вв. уже существовала узкая дифференциация кузнечного труда. Рядом с названиями *кузнецъ*, *црѣнный мастеръ* в исследуемых документах употребляются лексемы *дульщикъ*, *домщикъ*, *дмець*, *поковщикъ*, *молотникъ*, *гвоздарь*, причем степень активности этих терминов в расходных книгах монастырей не была одинаковой.

Названия *дульщикъ*, *домщикъ*, *дмець* не различались семантически, все они обозначали 'раздувальщика мехов в кузнице'. Варьировались эти термины территориально: *дульщикъ*, *домщикъ* отмечены в документах Спасо-Прилуцкого монастыря, *дмець* – в хозяйственных книгах Кирилло-Белозерского: *Дано Федоту Яковлеву кузнецу три рубля денегъ, дано Палки дульнику два рубля денегъ, дано Осипу дульнику два рубля денег* (ПРС-ПМ, 1653 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 42, л. 112 об.); *Дал домщику кузничному Галкѣ въ годовой наемъ пят(ь) алтын* (ПРС-ПМ, № 30, 32 об., 1605 г. – Сл РЯ XI–XVII, 6, 313); *Митька Волочянинъ дмець* (РК-БМ, 1608 г. – Ник.); *Дмецы Елка Губин, Петрушка Купринъ* (Переписная кн. слуг Кир.-Бел. мон., 1697 г. – ГПБ, ф. 351, № 82/1321, л. 53). Слово *дмець* – узкоместное, оно не отмечено в памятниках письменности иных, кроме Кирилло-Белозерского, монастырей. Судя по материалам областных словарей, *дмець* известно лишь череповецким диалектам XIX в. в значении 'раздувальщик мехов в кузнице' (СРНГ, 8). Термин *домщикъ* в диалектах старорусского языка выступает в значении 'подсобный рабочий в кузнице', причем в Сл РЯ XI–XVII вв. приводится единственная иллюстрация из хозяйственных книг начала XVII в. Спасо-Прилуцкого монастыря (6, 313). Полагаем, что у обоих терминов *дмець* и *домщикъ* значение 'раздувальщик мехов в кузнице' в диалектах среднерусского языка было уже вторичным. Первоначальное значение того и другого слова связано с железоделательным промыслом, с выплавкой железной руды в домницах. *Дмець*, *домщикъ* – 'человек, который дует криши в домницах' (Череп. у. – КДРС). Узкоместной являлась и лексема *дульщикъ*. Локальный характер ее подтверждается тем, что ни в исторических, ни в областных словарях она не значится.

Поковщикъ, по свидетельству Даля, в старину имело значение 'кузнец' (Ш, 242). Исследуемые документы дают возможность установить более точное семантическое содержание данного слова. В расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря *поковщикъ* – это 'кузнечный работник, специализирующийся на ремонте цренов (металлических котлов, в которых вываривали соль)'. Поковщикъ "заковывал гвозди и полицы в црен": *Заковали: РЛ гвоздей дано от кузла и с поковщики семнатцет алтынъ* (ПРС-ПМ, 1628 г. – ГАВО, ф. 512, оп. I, № 29, л.7); *Поковывали в казеной варнице црѣнь заковано двисти гвоздеи... да поковщикомъ дано на три дни двема члвом шесть алтынъ* (ПРС-ПМ, 1638 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 10, л. 6 об.). В таком же значении

данный термин фиксируется в документах Онежского Крестного монастыря: *Кузнецу Федке за работу что он работал у моря на ямах црѣнов починивал... да дву члом поковщикам дано дватцетъ алтын.*⁸

Работник с ручным молотом, молотобоец обозначался лексемой *молотникъ*. Это слово частотно в хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря конца XVII в.: *молотнику Федору Шишову платил за молотничество за десять дней шесть алтын* (РТП, 1695 г. – ДП, 70); *дано кузнишнымъ молотникамъ двумъ члкамъ подепчины два алтына* (ПРС-ПС, 1698 г. – ГАВО, ф. 512, оп. I, № 160, л. 77 об.). В Словаре Даля *молотник* с пометой "стар." – 'помощник кузнеца, работник с ручным молотом, молотобоец' (II, 343). В том же значении это слово употреблялось в источниках Онежского Крестного монастыря: *Да дву молотником что они у того же цреного кузла были в поковщиках... дано...*⁹, – а также в документах Устюжны, Ярославля и других городов.¹⁰ В местных вологодских источниках начала XVII в. отмечен вариативный термин *молотчикъ*: *Молотчиком двѣма члкамъ дано найму · В · рубля з гривною* (ПРС-ПМ, 1612 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 13, л. 9); *Оковал на лode около дерева жѣлезом обруч дал найму и с молотчиком кузнецу · З · алтнъ* (там же, л. 15). В хозяйственных книгах монастырей северо-западной зоны идентичное значение имел термин *молотовщикъ*: *У кузнеца молотовщикъ* (Список Софийских дворцовых служителей 1576-1583 гг.);¹¹ *молотовщикъ Аверка* (Приходо-расх. кн. Волоколам. мон., 1606 г. – АК, 342).

'Кузнец, делающий гвозди', имел название *гвоздарь*. В таком же значении это слово отмечено в Словаре Даля (I, 347). Данный термин регистрируется лишь в источниках Спасо-Прилуцкого монастыря: *Дал Степычу гвоздарю 15 алт obroку* (РС-ПМ, 1567 г. – ВХК, II, 299); *Гвоздарю Гурью Григорьеву дано денежного жалованья...* (Расход. кн. Волог. архиерейского дома, 1663 г. – Суворов, 95). *Гвоздарь* – широко употребительная в старорусском языке лексема, она зафиксирована в тверских, псковских, новгородских, холмогорских, устюженских, московских, волоколамских, суздальских, ярославских, костромских, вятских, рязанских источниках.¹² В переяславских актах в таком значении употреблялось однокоренное *гвоздочник*: *В. Власко Семенов сын гвоздочник* (Вып. 1519 – АФХЗ I, № 23), в тульских – *гвоздильникъ*¹³. Лексема *гвоздарь* активна в языке XVIII в.,¹⁴ входит в словарный состав современного литературного языка (ССРЛЯ, 3). Помимо русского языка, известна польскому.¹⁵

В деловой письменности XV–XVII вв. 'мастер, изготовляющий бочки' обозначался лексемами *бочарникъ*, *бочарь*, *бондарь*, *бочечникъ* (*бочесникъ*), *бочечкаръ*, *бочкаръ* и др.¹⁶ Первые три термина являлись наиболее употребительными. Слово *бочарникъ*, по свидетельству С.И. Коткова, в XVII в. имело широкое распространение и к локальным не относилось. Н. Д. Чечулин отмечает его в письменных источниках XVI в. ряда городов Московского государства – Кореле, Ладоге, Орешке, Устюжне, Коломне, Можайске, Казани и др.¹⁸ В словарях Срезневского, Кочина, Дювернуа, Даля оно отсутствует. Лексема

бондарь (от *бодня* 'бочка') фиксируется с XVI в. В период формирования терминологии национального русского языка слово *бочарник* вытесняется лексемой *бондарь*.¹⁹ Широкое распространение в среднерусский период имело и слово *бочарь* (новгородские, московские, холмогорские, курские и др. говоры).²⁰ В исследуемых монастырских хозяйственных книгах эти общеупотребительные лексемы не отмечены. Сошлемся на единичное, пожалуй, употребление слова *бочарникъ*: *Дал бочарнику от набою от бочекъ и от чанов... сорок алтын денег* (ПРС-ПМ, 1633 г. – ДП, 4). 'Работник, изготовляющий бочки', обозначался в местных документах терминами *бочарь* и *тишанникъ*. *Бочарь* частотно в источниках Кирилло-Белозерского монастыря: *Дружинко бочарь, Гордѣй бочарь* (РК-БМ, 1605 г. – Ник.); *Да... ниже воротъ анбарь... а в немъ делаютъ бочари [бочки]* (Переписи. кн. Кир.-Бел. мон., 1601 г. – ГПБ, ф. 351, № 71/1310, л. 376); *Отпущень в лѣсъ обручей сѣчь бочкаръ* (ПРК-БМ, XVII в. – ГПБ, ДА, А I, № 18, л. 611). В источниках Спасо-Прилуцкого монастыря не фиксируется, лишь в хозяйственных книгах Вологодского архиерейского дома отмечен вариант *бочкаръ*: *Бочкару Ларке Прокофьеву на шесть бочек тивных дубовых семдесят пять обручей наложил дано полтора рубли* (1664 г. – ГАВО, ф. 883, оп. 1, № 38, л. 4). Судя по материалам картотеки Сл РЯ XI-XVII вв., слово *бочкаръ* в среднерусский период имело ограниченный ареал и охватывало северно-восточную диалектную зону, поскольку бытовало в московских, владимирских, ярославских, нижегородских, арзамасских актах.²¹ Современные говоры дают тот же ареал (СРНГ, 3, 142). *Тишанникъ* (варианты *тчанникъ*, *чанникъ*, *шанникъ*) – узкоместная лексема, регистрируемая по преимуществу в документах Спасо-Прилуцкого, Кирилло-Белозерского монастырей, а также в таможенных книгах Устюга Великого: *Ивану шаннику дан пуд соли* (ПРС-ПМ, 1624 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 24); *Да Новые Ерги тишанникъ Дмитрий Максимовъ да Елизарова Раменья Давыдъ Кирсановъ дѣлали ... тишанов* (Кн. большого строителя Кир.-Бел. мон., 1646 г. – ГАЛО, ф. 251, оп. 1, № 250, л. 46); *С обѣда стали на дѣло шанники села Яргомжа* (ПРК-БМ, XVII в. – ГПБ, ф. ДА, А I, № 18, л. 76). В картотеках Сл РЯ XI-XVII вв. и СРНГ это слово отсутствует, в словаре Даля и областных не отмечено.

Значительное число названий лиц по профессии относилось к строительному делу. 'Строитель сооружений из камня и кирпича' обозначался общерусским словом *каменщикъ* или словосочетанием *каменного дела мастеръ*: *Каменщики дѣлали предъ шегнушею лесницу и кѣлю служебную каменную* (РК-БМ, 1608 г., л. 50 – Ник.); *Платил каменщикам что дѣлали каменное дѣло снимали мнстрскую стѣну что от рѣке в... из Водяной башни* (ПРС-ПМ, 1671 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 73, л. 71); *Старец Власей дал церковного каменного дела мастеру Тимофею наиму 12 руб. денег* (ПРС-ПМ, 1588 г. – ВХК, II, 309).²²

'Работник, изготовляющий кирпичи' в исследуемых документах назывался *кирпичникъ* и *кирпищикъ*: *Сверх того дано имъ кирпичикомъ... за тыся-*

что... цена за сто кирпичей по два алтына по пяти денег (ПРС-ПМ, 1653 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 42, л. 54 об.); *Кирпичники Федор Лыко с товарищи зделали двѣ пѣчи кирпичю* (РК-БМ, 1581 г., л. 12 об. – Пик.); *Старец Феодосей наймывал бѣлозерских кирпичиковъ Ортюшу Ильина с товарищи рѣзали ѿ кирпичю... от тысячи дано по К алтынъ* (ПРК-БМ, 1614 г. – ЛОИИ, ф. 260, оп. 1, № 40, л. 31).²³ По мнению Ж.А. Закупры, термин *кирпичникъ* возник в языке великорусской народности.²⁴ *Кирпичникъ* – общерусское слово, оно отмечено в актах Волоколамского монастыря, южновеликорусской письменности.²⁵ *Кирпишникъ* регистрируется в источниках ряда северных монастырей, в деловой письменности таких городов, как Белоозеро, Каргополь, Вологда, в новгородских памятниках.²⁶ А.И. Соболевский считает его севернорусским диалектизмом.²⁷

К лексике строительного дела относились еще *творильщикъ* и *подымщикъ*. *Творильщикъ* – 'рабочий, замешивающий в творах известъ' (*творило* 'деревянный поддон под ушатом с водою' (Шенк.) – Подвысоцкий, 171). Этот термин отмечен в расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря: *Того ж дни дал от... стенного дѣла творильщикомъ и от кирпичной носки робятамъ что носили к дѣлу мастеромъ* (1633 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 42, л. 152).²⁸ В таком же значении употребляется он в московской письменности средневекового периода: *Наемными каменщиками и подвыщиками и творильщиками*.²⁹ *Подымщикъ* (варианты *подымьщикъ* и *подъемщикъ*) 'работник, поднимающий или переносящий что-либо, грузчик' отмечено в актах Кирилло-Белозерского и соседнего с ним Новозерского монастырей: *От того жъ каменного дѣла подымщикомъ сельскимъ хрстьянемъ дано...* (Кн. большого строителя Кир.-Бел. мон., 1648 – 1648 гг. – ГАЛО, ф. 251, оп. 1, № 250, л. 18); *Сколько раз дано в наймы денег работникамъ у церковного каменного дѣла были в подымщикахъ* (Приходо-расх. кн. Новозерск. мон., 1685 г. – ЛОИИ, к. 115, № 662, л. 438). *Подымщикъ* – название профессии, связанной не только с каменным делом. *Подымщикъ* (*подъемщикъ*) 'грузчик' отмечено в книгах соляного промысла: *Дали веску и подъемщикомъ рубль денег* (Приходо-расх. кн. Холмогорск. торга, 1549 г. – ВХК, I, 125). Ср. также: *В таможене казакомъ подымщикомъ медъ вѣсили дал гривну от того ж меду* (РК-БМ, 1568 г., л. 22 об. – Ник.). В актовом письме Спасо-Прилуцкого монастыря данный термин не употреблялся. Слово *подмыщикъ* последовательно заменяется словосочетанием *подъемный казакъ* (*Да они же взяли у казначея... 5 руб. на подъемные казаки и на харч* – 1585 г., ВХК, I, 57) или описательными оборотами типа *«робята, кои носятъ к камянному дѣлу мастеромъ кирпич и известъ»* (ПРС-ПМ, 1655 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 45, л. 27), *«робята от кирпичной извисной носки»* (ПРС-ПМ, 1653 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 42, л. 152).

Не имел единого, общего названия работник, который клал и ремонтировал печи. В документах Кирилло-Белозерского монастыря он обозначался словом *печкаръ*, в источниках Спасо-Прилуцкого – *кирпишникъ*, *печемазъ* и

известный мастеръ, в памятниках Вологодского архиерейского дома – каменщикъ: Печкарю Бычку за шубу дал 10 алтынъ (РК-БМ, 1581 г. – Ник.); Фома печкаръ (РК-БМ, 1605 г. – Ник.); На дворѣ работникъ печкаръ Яким Федоровъ (Опись подмонастыр. слободы Кир.-Бел. мон., 1710 г. – ГПБ, ф. 351, № 113/1348, л.17); Дал кирпичиком что дѣлали пич про мнтрской обиход гальячаномъ пять рублов (ПРС-ПМ, 1655 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 45, л. 21); Печемазу старцу Варламу дал 2 руб. и 6 алтынъ (ПРС-ПМ, 1578 г. – ВХК, II, 299); Дано извисному мастеру Ивану Гаврилову сну Кастину от четьрех печей от кладки и от обжегу по полтора рубля (ПРС-ПМ, 1653 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 42, л. 139); Каменщику Афонасю Ларионову в поповѣ кѣлѣ печь клал да в полотных сѣнях и на крылцѣ мостъ починивать и в нижней полотѣ... поды кирпичные настилать... за работу семнадцать алтынъ (Приходо-расх. кн. Вологод. архиерейского дома, 1664 г. – ГАВО, ф. 883, оп. 1, № 38, л. 5 об.).³⁰ В памятниках других территорий слово *печкаръ* 'печник' не регистрируется, но зато оно известно современным говорам северо-западной зоны – тверским, ржевским, псковским, себежским, великолукским, опочецким, островским, невельским, белозерским, вашкинским, бабавским (КСРНГ). В северо-восточных, архангельских не отмечено (Подвысоцкий). *Печемаз* и *известный мастер* в деловой письменности и известной нам лексикографической литературе не фиксируются.

Подведем итоги.

1. Привлеченные к рассмотрению названия лиц по ремеслу позволяют выявить некоторые закономерности формирования профессиональной лексики в языке великорусской народности. В XVI–XVII вв. промысловая терминология отличалась крайней неупорядоченностью. Наряду с общерусскими словами (*кузнецъ*, *бочарникъ*, *каменникъ*, *кирпичникъ* и др.), семантическое содержание которых не обладало четкостью и однозначностью, в словарном составе диалектных зон формировалось значительное количество местных инноваций, являвшихся названиями узких профессий (например, *кузнечное дело* – *дмець*, *дульщикъ*, *домщикъ*, *молотникъ*, *поковщикъ*, *гвоздарь*). В связи с тем, что в среднерусский период лицо получало название обычно по предмету, продукту труда, локальные различия этой лексики сводились в основном к специфике словообразовательных средств (аффиксов): *молотникъ* – *молотчикъ* – *молотовщикъ*, *гвоздарь* – *гвоздочникъ* – *гвоздильникъ*, *кирпичникъ* – *кирпичикъ* – *кирпичищикъ*, *печкаръ* – *печемазь* и др. В одной и той же диалектной зоне наблюдалась как избыточность инноваций, так и значительное варьирование. Ср., с одной стороны, *молотникъ* – *молотчикъ*, *кирпичникъ* – *кирпичикъ*, с другой – *подъемщикъ* – *подымщикъ*, *тишанникъ* – *шанникъ* – *чанникъ* и др.

2. Почти все рассмотренные названия лиц по ремеслу (*молотникъ*, *молотовщикъ*, *дульщикъ*, *домщикъ*, *дмець*, *тишанникъ*, *бочарникъ*, *печкаръ*, *печемазь*, *творильщикъ*, *подымщикъ* и др.) сформировались в среднерусский период, что свидетельствует не о нивелировании и отмирании, а об известном

росте локальных особенностей в языке великорусской народности, причем не только в речи сельских жителей, но и населения, проживающего в городах и в особенности в подмонастырских слободах, т.е. населенных пунктах полугородского типа.

3. Как подсказывают подсчеты, количество локальных инноваций в исследованных хозяйственных книгах неодинаково: в документах Кирилло-Белозерского монастыря 5 слов (*дмець, бочкарь, тианникъ, печкарь, подымщикъ*), в источниках Спасо-Прилуцкого – 11 (*дульщикъ, домщикъ, поковщикъ, молотникъ, молотчикъ, гвоздарь, тианникъ, печемазь, извѣстный мастеръ, кирпичикъ 'печник', творильщикъ*). Это обстоятельство еще не говорит о том, что в кирилловской диалектной зоне соответствующие узкие специальности не имели наименований. Локальные названия лиц по ремеслу, бесспорно, имелись, различия же в количественном составе и частотности их в письменной деловой речи объясняются разной степенью литературной обработанности хозяйственных книг. Судя по всему, степень литературной обработанности документов Кирилло-Белозерского монастыря была более высокой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дерягин В.Я. Русская деловая речь на Севере в XV–XVII вв.: Автореф. докт. дис. М., 1980; Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.
2. Виноградов В.В. Основные проблемы образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, с.111.
3. Бахрушин С.В. Предпосылки всероссийского рынка в XVI в. – Научные труды, 1952, т. I, с. 29.
4. Виноградов В. В. История русского литературного языка. – В кн.: Избранные труды. М., 1978, с.106.
5. Закупра Ж.А. Номинация лиц по профессии в памятниках письменности русской народности XIV–XVI вв. (строительное дело и ремесло). Канд. дис. (машинопись). Киев, 1973, с. 71.
6. «Часто в расходных документах кузнецы числились котельниками» (*Колесников П.А. Город Тотьма в XVII в. Канд. дис. (машинопись). М., 1965, с. 298*). См. о том же: Котков С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII вв. М., 1970, с. 230.
7. См. также: ПРС-ПМ, 1612 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 9, л. 63; ПРС-ПМ, 1615 г. – там же, № 45, л. 82 об. и др.
8. Столбцы из архива Онежского Крестного монастыря. – ЦГАДА, ф. 1195, оп. 3, 1658. – Употреблялось это слово и в московской актовой письменности, однако контекст не дает возможности вскрыть его семантику: *И которые посадские же люди съ тязла вышли въ басманники, и въ Кадашево, и во псарь, и въ становники... и въ поковщики... и тѣхъ всѣхъ свозити на старые ихъ посадские мѣста* (Перепис. кн. сысковых дел, 1648 г. – КДРС).
9. Архив Онежского Крестного монастыря. – ЦГАДА, ф. 1195, оп. 1, 1675.
10. Арциховский А.В. Новгородские ремесла. – В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. VI. Новгород, 1939, с. 9.
11. Греков Б.Д. Монастырское хозяйство XV–XVII вв. Л., 1924, с.157.
12. Дозорная книга г. Твери 1616 г. Изд. Тверск. учен. комисии. Тверь, 1890, с. 25; Псков и его пригороды, кн. 2. – В кн.: Сборник москов. архива Мин. юстиции, т. VI. М., 1914, с. 205; Память слугам Соловецкого монастыря, 1677 г. – ДАИ VII, с. 159; Приходо-расх. кн. Холмогорск. архиерейского дома, 1696 г. – ЛОИИ, ф. Арх. губ. канц., оп. 3, № 16, л. 124; Приходо-расх. кн. Волоколамск. мон., 1573–1574 гг. – ЛОИИ, ф. 284, № 1/2, л. 120 об.; Владимирский сборник: Материалы для статистики, истории и археологии Владимирской губ. М., 1857, с. 183; Ярослав-

ские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Труды Ярославск. учен. архивной комиссии, 1913, кн. 6, вып. 3, 4, с. 153; Опись дел Вятской земской избы, 1702 г. – Труды Вятской комиссии, 1912, вып. I, с. 239.

13. Щеглова Н.А. Названия «сквозных» профессий с суф. –*ик(-ник)* в терминологии оружейного дела XVII-XVIII вв. – В кн.: Вопросы истории русского языка, вып. 41. Новосибирск, 1971, с. 31.

14. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. I-VI. СПб., 1806-1822.

15. Польско-русский словарь /Под ред. М.Ф. Розвадовского. М., 1960.

16. Железнова Р.В. Словообразовательно-этимологическая характеристика слов *бочар – бочкарь – бочечкарь – боднарь – бондарь* в русском языке. – В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. III, М., 1976, с. 72-81.

17. Котков С. И. Очерки по лексике ... с. 220.

18. Чежулин Н. Д. Города Московского государства XVI в. СПб., 1889, с. 52, 68, 171, 226.

19. Закутра Ж. А. Номинация лиц по профессии... с. 156.

20. Челобитная иноземца Л. Семенова. 1647 г. – АЮ, № 41; Кн. Иверского Валдайского мон., 1662 г. – ЛОИИ, ф. 181, оп. 2, № 22; Кн. приходо-расх. Холмогорск. архиерейского дома, 1692-1695 – ЛОИИ, к. 11, № 102, л. 80 об.; Котков С.И. Очерки по лексике..., с. 232; Словарь Академии Российской, ч. I-VI. СПб., 1789-1794.

21. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Сенате, 1714 г. / Изд. АН, т. IV, СПб, 1901, с. 663; 814, 816; Владимирский сборник: Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губ. М., 1857, с. 145; Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в., с. 105; Писцовая и переписная книга XVIII в. по Н.-Новгороду. – РИБ, 1898, т.17, с. 170; Приходо-расх. кн. Волоколамск. мон., 1606 г. – АЕ, с. 368.

22. См. также: РС-ПМ, 1576 г. – ВХК, II, 297; ПРС-ПМ, 1653 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 42, л. 152; ПРС-ИМ, 1655 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 45, л. 193 об.; ПРС-ИМ, XVIII в. – ГАВО, № 24.

23. См. также: РС-ПМ, 1576 г. – ВХК, II, 306; ПРС-ПМ, 1653 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 42, л. 112; ПРС-ПМ, 1655г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 45, л. 195 об.; ПРС-ПМ, 1671 г. – ГАВО, № 73, л. 68.

24. Закутра Ж.А. Номинация лиц по профессии ... с.47.

25. Приходо-расх. кн. Волоколамск. мон., 1606 г. – АЕ, 359; Котков С. И. Очерки по лексике... с. 215.

26. Писцовые и дозорные кн. г. Белозера, 1618 г. – ГИБ, ф. 351, № 79/1313, л. 9; Переписная кн. г. Каргополя, 1712 г. – ЛОИИ, к. 115, оп. 1, № 305, л. 23; Выпись из новгородск. писц. кн. – В кн.: Греков Б. Д. Монастырское хозяйство... с. 155 и др.

27. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 106.

28. См. также: Расх. кн. Сп.-Прилуц. мон. 1655 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 45, л. 27, 106.

29. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы / Собр. И.Е. Забелиным, ч. 1-2. И., 1884-1889, с. 563.

30. См. также: Приходо-расх. кн. Новозерск. мон., 1682 г. – ЛОИИ, к. 115, № 662, д. 7, 409; РК-ВМ, 1581 г., и др.

СОКРАЩЕНИЯ

ПРК-БМ – Приходо-расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря.

ПРС-ПМ – Приходо-расходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря.

ПС-ПМ – Приходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря.

РК-БМ – Расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря.

РС-ПМ – Расходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря.

РТП – Расходные книги Тотемского соляного промысла.

НАЗВАНИЯ РАБОТНИКА В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КНИГАХ СПАСО-ПРИЛУЦКОГО МОНАСТЫРЯ XVI–XVII ВВ.

(К вопросу о нормах в русской письменно-деловой речи XVII в.)

Формирование словарного состава литературного языка в начальный период образования русской нации является одним из актуальнейших вопросов современного языкознания. В ряде исследований данная проблема решается на материале письменно-деловой речи, ибо язык деловой письменности сыграл значительную роль в развитии русского литературного языка.

Отличительной особенностью письменно-деловой речи как разновидности литературного языка донационального периода была близость ее к разговорной народно-диалектной речи, что обусловило широкие и вольные колебания норм всех уровней языка деловой письменности¹.

В период, непосредственно предшествующий национальному, а также в начальный период становления русской нации процесс «национализации русского литературного языка» как раз и дает о себе знать усилением степени обязательности норм. В XVII в., по словам В. В. Виноградова, завершается «вытеснение письменных территориальных диалектов московским приказным языком, претендовавшим на значение общенациональной русской нормы»².

В настоящей работе прослеживается эволюция лексико-семантической группы с общим значением 'работник' в деловой письменности Спасо-Прилуцкого монастыря последней четверти XVI–XVII вв. Развитие и укрупнение монастырских хозяйств и вотчин светских феодалов, обусловленное оживлением социально-экономической жизни русского общества в XV–XVII вв., определило значительное пополнение словарного состава русского языка названиями лиц по ремеслу и занятиям. Наряду с появлением специализированных названий лиц по тому или иному промыслу и ремеслу, в памятниках деловой письменности данного периода фиксируется большое количество разнообразных терминов, обозначающих людей, занятых неквалифицированным трудом, т. е. наемных работников, разнорабочих.

Монастырский работник в хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря последней четверти XVI–XVII вв. обозначался не одной строго определенной лексемой, а имел целый ряд названий: *казакъ, дѣтенышъ, робенокъ, наймитъ, дѣловецъ, трудникъ, служебникъ, наемной человекъ, работной человекъ, дѣловой человекъ* и т. д.

Самым частотным в значении 'работник, нанимаемый на определенный срок, разнорабочий' было локальное слово *казакъ*. В источниках последней четверти XVI – начала XVII вв. это своего рода универсальный термин. Контекст обычно уточняет, какую именно работу выполнял казакъ: *Дал старику Макарью на казаки назем возили рубль 8 ден.* (Расх. кн. Тот. пр. 1576; ВХК, II, 297); *Измолотили рожь и овес издержали казакомъ денег 22 алтына* (Расх.

кн. Тот. пр. 1582; ВХК, I, 22); *Дал казаком найму от анбаров от крытья и от запору от починки пять алтнь* (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1604; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 3, л. 16 об.) и т. д.³

В ряде случаев слово *казакъ* сочетается с именем прилагательным, уточняющим, на какой срок нанимался работник (*лѣтней казакъ* – 1612 – ГАВО, ф. 512, оп. I, № 13, л. 9; *вешней казакъ* – 1582, ВХК, II, 278; *мисячные, недельные и поденные казаки* – 1588, ВХК, II, 310), а также характеризующим деятельность его (*подъемной казакъ* – 1599, ВХК, II, 236; *сѣнокосной казакъ* – 1604, ГАВО, ф. 512, оп. I, № 3, л. 13; *лоденной (лодейной) казакъ* – 1597, ВХК, I, 151) и т. д.

Казакъ 'наемный работник' весьма частотно в деловой письменности соседнего Кирилло-Белозерского монастыря. Самая ранняя фиксация данного слова (конец XIV в.) как раз и характерна для документов именно этого монастыря. Ср.: *а монастырьских люди был: Иван Коцѣвъ, да Олюша Филиповъ, да слуг(а) монастырской казак* (Разъезж. гр. Кир.-Б. м. 1395; АБЮ, I, № 53, с. 244)⁴. Отмечено оно в писцовых книгах г. Белоозера и источниках другого белозерского монастыря – Новозерского: *Иванку казаку А алтнь* (1563, ЛОИИ, к. 115, № 662, л. I)⁵ и т. д.

Судя по материалам деловой письменности, слово *казакъ* закрепило значение 'наемный работник' в древнерусский период в словарном составе древненовгородского диалекта⁶. Локальный характер оно сохраняло и в старорусском языке, по скольку ареал его в XV–XVII вв. охватывал территорию Севера и Центра⁷.

В этом же значении оно известно современным севернорусским по происхождению диалектам – псковским, новгородским, онежским, архангельским, белозерским, вятским, костромским, ярославским, тверским, рязанским, касимовским (СРНГ XII, 307).

В хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря слово *казакъ* 'работник' активно употребляется по преимуществу в по следней четверти XVI – самом начале XVII вв. В документах 20-х годов XVII в. и более поздних оно регистрируется эпизодически⁸. В источниках второй половины XVII в. почти не фиксируется⁹. Чем объяснить выпадение данного, столь частотного слова из монастырской актовой письменности, тем более что в челобитных крестьян оно продолжает употребляться и во второй половине XVII в.? Сошлемся на такие примеры: *а мужъ мой был въ гуляхъ, жилъ в людяхъ въ казакахъ, а ныне мужъ мой въ поземъ свой хочетъ быть жить* (Челоб. кр-ки Лежск. Волока 1668; ОСВ, в. 9, 54); *лежъ онъ спать подъ овинъ на своемъ поле съ сыномъ своимъ Миткой да съ казакомъ съ Трошкой* (Допр. речи кр-на Лежск. Волока XVII в.; ОСВ, в. 7, 47).

Причиной выпадения этого слова из монастырской деловой письменности могли послужить разные факторы. Известно, что в общем употреблении в XVII в. слово *казакъ* имело иное, в сравнении с русским Севером, значение – 'вольный человек окраины Русского государства, ищущий богатства в добы-

ках на войне'¹⁰. В первой четверти XVII в., в период польско-литовского нашествия, на русском Севере возрастает активность слова *казакъ* в значении 'воин польско-литовского отряда'. Ср.: *в ночь наехали на нас... незнанные люди и назывались казаки и меня холопа твоего переграбили донага* (Челоб. кр-на Белоз. у. 1616; ЛОИИ, ф. 194, карт. 2, № 84). В памятниках письменности Вологодского и соседнего Белозерского уездов можно обнаружить приемы, к которым прибегали пишущие для того, чтобы разграничить значения данного слова. В одних документах слово *казакъ* 'воин' сопровождается прилагательными *ратною* или *служилою*, в других – 'наемный работник' обозначается словом *казачокъ*, а 'воин' – лексемой *казакъ*: *Дали ратному казаку... за три мѣсеца пять рублевъ денег* (Кн. учета денег Тот. пр. 1606; ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 93); *дал мнѣ Калининке служилою казакъ Петровъ зовут лошадь отвести ездока* (Челоб. кр-на Белозер. у. 1614; ЦГАДА, ф. 1107, № 101); *поѣхашъ... у меня у Митки на мельницу казачекъ мой Онтонко въ село въ Кунонь на мельницу... постигли того моего казачка Онтонка казаки, которые были на Бѣлѣозерѣ, а сказали, что они ѣдутъ въ село въ Мѣзру* (Явка Д. Кункина 1615; Арх. Стр., I, № 212).

Трудности в словесном разграничении двух понятий не явились, вероятно, основной причиной снижения активности слова *казакъ* 'работник' в хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря, поскольку в словарном составе вологодских говоров это слово в таком значении сохранилось. Основными факторами, способствующими выпадению локального *казакъ*, следует считать возросшее влияние языка московских приказов, становление и укрепление норм русского литературного языка в монастырской деловой письменности, активизировавшееся в первой половине XVII в. и приведшее к закреплению в ней общеупотребительного *казакъ* 'воин'.

Помимо слова *казакъ*, в значении 'монастырский работник' в исследуемых документах употреблялись словоформы *робенокъ* и *дѣтенышъ*. Известно, что более древними формами ед. ч. этих слов были *робя* и *дѣтя*, входившие в группу имен существительных со значением невзрелости. Первичное значение их в древнерусский период 'младенец, дитя' (Срезн. III, 126; I, 798). Во второй половине XVI в. словоформы ед. ч. с формантом *-ят/-ат-* утрачиваются и заменяются однокоренными образами с суффиксом *'-онок/-онок*, например, *робя робенокъ*¹¹. Судя по памятникам деловой письменности XVI в., словоформа *дѣтя* могла заменяться тождественными по семантике вариантными формами *дѣтенекъ* и *дѣтенышъ*¹². Новые словоформы *робенокъ* и *дѣтенышъ* (*дѣтенекъ*) отличались от старых *робя* и *дѣтя* не только грамматическим родом (имеют форму муж., а не ср. рода), но и формами множественного числа: у словоформы *робенокъ* наряду со старой формой множественного числа *робята* развивается новая *робенки*, у *дѣтенышъ* (*дѣтенекъ*) – старая форма *дѣти*, новая – *дѣтеныши* (*дѣтенки*). Новые словоформы теряют связь с группой имен существительных со значением не-

взрослости. В деловой письменности второй половины XVI–XVII вв. они последовательно употребляются в новом значении 'монастырский работник'.

В документах Спасо-Прилуцкого монастыря данные слово формы различаются по степени активности. Наиболее частотны словоформы *дѣтенышъ* – *дѣтеныши* – *дѣти*, причем активность их возрастает в источниках XVII в.: *Дали Мартыну дете нышу оброку на год... полтину денег* (Пр. кн. Тот. пр. 1581; ВХК, I, 27); *Куплено детем мяса на 10 ден.* (Расх. кн. Тот. пр. 1591; ВХК, I, 80); *В мѣе маие дано по подрядным книгамъ дѣтенышем и всяким наемным людемъ Г рубли* (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1612; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 9, л. 61)¹³.

Судя по документам, *дѣтенышъ* – 'работник, живущий в монастыре на «дѣтине двора» постоянно или нанимаемый на длительные сроки': *Наняли детеныша во дворе жити на год..., дали найму полтора рубли денег* (Расх. кн. Тот. пр. 1585; ВХК, I, 38); *Дал на дворец детенышу кабальному Федкѣ Ермолину десять алтъ* (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1604; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 3, л. 14 об.)¹⁴.

Старая форма мн. ч. *дѣти* употреблялась в качестве компонента устойчивого фразеологического сочетания *жить в дѣтѣхъ*, т. е. 'жить в монастырских работниках': *Наняли 2 человека во дворе жити в дѣтѣхъ Матвейка да Первушу... дали найму полтора рубли денег* (Расх. кн. Тот. пр. 1585; ВХК, I, 39); *жили в подворе в дѣтѣхъ вологжени Оска Борисовъ да Семейка Терентьев от николина дни* (Кн. учета ден. Тот. пр. 1606; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 6, л. 86).

Словоформы *дѣтенышъ* (*дѣтенюкъ*) – *дѣти* – *дѣтеныши* (*дѣтенки*) в значении 'монастырский работник' являлись общерусскими и употреблялись в деловой письменности XVI–XVII вв. ряда монастырей. Наиболее ранняя фиксация формы *дѣтенышъ* (первая половина XVI в.) в этом значении связана с документами Иосифо-Волоколамского монастыря¹⁵. В хозяйственных книгах этого монастыря употребительны оба тождественных по семантике варианта *дѣтенышъ* и *дѣтенюкъ*: *на Белкова взял прикащикъ Игнатей на два детеныша по 2 рубли..., дано в Ангилова детенкам по полтине* (Расх. кн. Вол. м. 1582; ВХК, II, 85, 87 об.). Широко употребляются словоформы *дѣтенышъ* *дѣти* в источниках белозерских Кирилло-Белозерского, Новозерского, устюжского Троице-Гледенского монастырей¹⁶.

Менее частотны словоформы мн. ч. *робята* и особенно *робенки*. Показательно, что в приходо-расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря *робята* – *робенки* – это 'монастырские работники, занятые такими видами труда, которые не требовали значительной затраты сил', т. е. перевозкой чего-либо (сена, хвой), боронованием и т. д. Полагаем, что *робята* – *робенки* в сравнении с *детенышами* – это 'монастырские работники подростки'. Ср.: *Сено возили робята из лоды, дал гривну* (Расх. кн. Сп.-Прил. м. 1576; ВХК, II, 296); *метали сена лодю во взороды дал казаком найму и робятом от вожения*

всего МЗ алтнъ денег (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1612; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 9, л. 12); Дал четверымъ робенком что на истоках на ѣзы возили лѣс дал имъ найму восьмь алтынъ (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1633; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 34, л. 5); дано робятмъ... возили на езехъ хвою... восьмь алтнъ (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1685; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 135, л. 19); Платить робятмъ бороноволокамъ за работу... (Там же, л. л. 77 об., 78, 78 об., 79 об. и т. д.)¹⁷.

Робята в значении 'монастырские работники' – в среднерусский период широко употребительная словоформа, за фиксированная в монастырской деловой письменности Северо-Запада и Севера¹⁸.

Эпизодически фиксируются в хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря последней четверти XVI – начала XVII вв. в значении 'монастырский работник' лексемы наймитъ, дѣловецъ, трудникъ и служебникъ: Дал старцу Мисаилу Завражному 4 алт. наймитом, из лодыи сено возили (1576, л. 16 об.; ВХК, II, 304); на деловцы на казаки дал старцу Мисаилу Завражному 4 алт., сено возили в Семеново (Расх. кн. Сп.-Прил. м. 1576, л. 17 об.; ВХК, II, 305); давали мастеру и дѣлавоцмъ от дѣла и то дватцать пять алтны две денги (Кн. учета денег Тот. пр. 1606; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 6, л. 84 об.). Наймитъ в значении 'наемный работник' восходит по происхождению к древнерусскому периоду: Продасть ли гнѣ закупа обьль, то наимету (=наймиту) свобода въ всехъ коунахъ. Р. Правда Влад. Мон. (Срезн. II, 287). Сфера употребления данного слова в тот период была весьма широкой, поскольку фиксируется оно в памятниках деловой письменности, летописях, в художественных и канонических источниках (Новг. I л. 663б; Сказание о Софийском храме Цареграда; XVI слов Григ. Богослова по сп. XIV в.; Жал. гр. в. кн. Ив. Дан. 1329 и т. д. – Срезн. II, 287). В среднерусский период – это общерусское слово, отмеченное в псковских, заонежских, московских, казанских и др. источниках¹⁹. Приводится в Лексиконе Ф. Поликарпова (1704 г.), Словаре Академии Российской (1814 г.). В Словаре цел. и рус. яз. 1847 г. сопровождается пометой «старинное». В. Даль относит его к словам, локализованным на юго-западе (II, 419).

Значение слова дѣловецъ в Сл.РЯ XI–XVII вв. толкуется как 'работник, выделенный преимущественно для выполнения повинностей' (IV, 208). В документах Спасо-Прилуцкого монастыря дѣловецъ 'наемный работник'. Ср.: на делавцы на казаки дал... 4 алт. (1576 г.). Возникло это слово в старорусском языке и носит общерусский характер²⁰.

Лексема трудникъ 'монастырский работник' отмечена в источниках первой половины XVII в.: дал в село Софонову старцу Илинарху для трудников наемных людей тринадцать рублей (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1633; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 34, л. 21); Дал труднику Ивашку Усѣяницу на три ндли дѣлал на ѣзу на Добрынинѣ лес возил дал ему десят алтнъ (1639; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 35, л. 23); Дал в Стрелицы... на наемъ трудниковъ семь рублей денег (Там же, л. 25 об.).

В древнерусский период *трудникъ* – слово книжной речи, оно выступало в ином значении 'грузчик, подвижник': *Подвизаитеся, трудницы, да приимете вѣнецъ тѣплення вашего*. Поуч. Фсод. Печер. в сп. XIV–XV вв. (Кочин, 367). У В. Дала данное слово приводится в этом более раннем значении – 'обреченный или сам обрекшийся на тяжкие труды, сподвижник, мученик, трудящийся неутомимо' (IV, 437). В старорусском языке *трудникъ*, сохраняя старое значение, широко употребляется в новом, переносном значении 'наемный монастырский работник': *дано найму труднику Михею Евсѣеву за двѣ ндлѣ 2 ал. 2 де* (Пр.-расх. кн. Свир. м. 1656–57; ЛОИИ, ф. 3, оп. 2, № 175, л. 37). С целью разграничения лексико-семантических вариантов *трудникъ* 'монастырский работник' в некоторых документах сопровождается определением *дѣловой* (Псков. акты 1631 г.)²¹. В среднерусский период *трудник* 'работник' – общерусское слово, оно фиксируется в письменности Свирского, Иверского, Антониева Сийского, Троице-Сергиева монастырей, в важских и воронежских грамотах²².

Служьбыньикъ (*служебникъ*) в языке древнерусской народности 'слуга'. Оно характерно для книжной речи: *Съмѣряишеся, послѣднии ся всѣхъ твоя и слоужьбыньикъ, и собою въсемъ образъ дая*. (Житие преп. Феодосия, игумена Печерского, напис. в 1093 г.– ЧОИДР, 1858, кн. III, 14 – Срезн. III, 431). В переносном значении 'монастырский работник, владеющий каким-либо ремеслом или занятый в каком-либо промысле' это слово эпизодически фиксируется в исследуемых источниках конца XVI – первой четверти XVII вв.: *Поряжены детеныши и швали и конюхи и всякие служебники в новой годъ на монастырские службы* (Расх. кн. Тот. пр. 1593; ВХК, II, 317); *дано слугамъ и служебникомъ годовое денежное жалованье... Семену яселничему два рубля... Томилу квасовару два рубля... Павлу саннику два рубля* (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1623; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 23, л. 33)²³. Активность его значительно возрастает в хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVII в.²⁴. Наряду с однословными названиями монастырского работника в хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря XVII в. начинают широко употребляться устойчивые сочетания с опорным словом *люди* – *наемные люди, нанятые люди, рядовые люди, работные люди*. Составные названия *наемные люди* и *нанятые люди* фиксируются с начала XVII в. (с 1612 г.), т. е. с того периода, который знаменуется выпадением локального слова *казакъ*. Сочетание *наемные люди* и употребляется обычно вместо лексемы *казаки*. Ср.: *метали сѣна лодю во взороды дал наемнымъ людемъ и робятамъ возжелникамъ М алтынъ де* (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1612; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 9, л. 9); *дал наемному члвку села Пареницына Титку Савелеву... дватцать алтынъ днѣгъ* (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1650; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 39, л. 15)²⁵. Составное название *нанятые люди* отмечено единожды: *Ходили на Лапентьевъ стан нанятые люди по мнстрьское сено шестнацат члкъ ряжено им на члка пошли алтын по четыре денги* (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1639; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 35, л. 24).

Эпизодически фиксируется в значении 'наемный работник' сочетание *рядовые люди*. Показательно, что если сами работники именуются уже *рядовыми людьми*, то пища их все еще называется *казачьей*: *Ходил язъ чернецъ Арсенище на лодье с мнстрскою солюю х Колмогорам в первой пут наимовал люди шесть члвкъ рядовых а семои кормыщикъ рядовым дано наиму по К ал члвку а кормицику рубль... да в хлѣбах пошло на казачью муки ржаные полторы четверти* (Кн. Унск. сол. пр. 1638; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 10, л. 8 об.).

Значение 'наемный работник' у сочетания *рядовые люди* вторичное, поскольку в более ранний период имя прилагательное *рядовый* выступало в значении 'находящийся в ряду, обыкновенный, простой': *Отказываете людей монастырьскихъ серебрениковъ, и половниковъ, и рядовыхъ людей, и Юрьевскихъ, а отказываете не о Юрьевѣ дни* (Гр. белоз. кн. Мих Анд. 1450 – Срезн. III, 230–231).

С середины XVII в. в хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря активизируется словосочетание *работные люди*: *дано ему (старцу Кирилу) из мнстрской казны на наемъ работнымъ людемъ пять рублевъ днгъ* (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1655; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 45, л. 88 об.); *дал в варницу в Сосновку на полвари работнымъ людемъ рубль денегъ* (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1662; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 55, л. 7 об., см. также л. л. 9, 9 об., 10, 10 об., 11, 11 об., 14 об., 15 и т. д.); *жили в мнстре работные люди в детенышах и по селамъ в коровникахъ* (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1665; ГАВО, ф. 512 оп. I, № 59, л. 114).

В таком значении употреблялось данное сочетание и в более ранний период: *вси бо ми един род и племя Адамово – цари и князи, и бояре, и вельможи, и гости, и ремесвеницы, и работнии люди, един род и племя* (Патриаш. Ник. лет. III, 8 – Кочин, 183).

Как видно из сказанного, большие экономические сдвиги в Русском государстве XVI–XVII вв., появление целой армии работников определило активизацию словообразовательных средств старорусского языка. В период, непосредственно предшествующий национальному, в словарном составе языка великорусской народности формируется значительная лексико-семантическая группа с общим значением 'работник'. Свое отражение она находит в диалектно-областных вариантах письменно-деловой речи того периода. Можно полагать, что разные диалектно-областные варианты характеризовались своим набором лексем для обозначения данного понятия, различным количественно и по составу. В состав этой довольно пестрой и неупорядоченной группы в хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря вошли лексемы, бытовавшие в данном значении еще в языке древнерусской народности (*наймитъ*), слова и устойчивые сочетания, изменившие в среднерусский период свое первичное значение (*дѣтенышъ, робенокъ, трудникъ, рядовые люди*), лексемы, вновь возникшие в старорусском языке (*дѣловець*), и, наконец, локальные слова (*казаць*). Часть этих слов (*трудникъ, служебникъ, наймитъ*) в своем первичном значении была теснее связана с книжно-славянским типом

языка. Одни названия в составе группы объединялись значением 'наемный работник' (*казакъ, наймитъ, трудникъ, наемные люди*), другие – значением 'постоянный монастырский работник' (*дѣтенышъ, робенокъ, служебникъ*).

Данная группа в донациональный период характеризовалась не только неупорядоченностью, значительным колебанием лексико-фразеологических норм, но и избыточностью, поскольку составители хозяйственных книг иногда не дифференцировали эти названия. Семантическое содержание таких лексем, как *казакъ, дѣтенышъ, дѣловець, наймитъ* часто не различалось, а порой и полностью отождествлялось. Приведем такие примеры: *Жили во дворе наемные казаки детенышии 3 человека* (Расх. кн. Тот. пр. 1598; ВХК, II, 229); *жили в дворѣ в дѣтѣх наемъные казаки Богдашко да Антонко* (Кн. учета денег Тот. пр. 1606; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 6, л. 48); *На делавцы на казаки дал старцу... 4 алт., сено возили в Семенково* (Расх. кн. Тот. пр. 1576; ВХК, II, 305); *Дал старцу... 4 алт. наймитом, из лодьи сено возили... Дал старцу... 3 алт. на казаки, сено возили* (Расх. кн. Сп.-Прил. м. 1576, лл. 16 об., 17; ВХК, II, 304). В ряде случаев идентичными по значению являлись термины *трудники* и *наемные люди*, *дѣтеныши* и *наемные люди*. Ср.: *дал в село Софоново... для трудников наемных людей тринадцать рублей* (1633; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 34, л. 21); *да наемнымъ людемъ детенышам... годового найму рубль денег* (Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1653; ГАВО, ф. 512, оп. I, № 42, л. 152 об.).

Отсутствие четких обязательных лексико-фразеологических норм в XVI – начале XVII вв. предопределило активизацию в деловой письменности не общерусские *наймитъ, наемной человекъ*, а местного *казакъ*.

В 20–40-х годах XVII в., по свидетельству хозяйственных книг Спасо-Прилуцкого монастыря, в вологодском диалектно-областном варианте письменно-деловой речи кодифицирующее начало заметно усиливается. Количество названий в составе группы в этот период сокращается: выпадают новгородское локальное *казакъ* и общерусские *наймитъ* и *дѣловець*, возрастает активность общерусских лексем *дѣтенышъ* и *робенокъ*, сочетания *наемные люди*, эпизодически фиксируется общерусское название *трудникъ*.

Во второй половине XVII в., в период становления нации, лексико-семантическая группа с общим значением 'монастырский работник' в приходо-расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря представлена уже ограниченным кругом общерусских лексем с четко дифференцированным семантическим содержанием: *дѣтенышъ* 'работник, не имеющий квалификации, разнорабочий', *робята* 'работники подростки', *служебник* 'монастырский работник, владеющий тем или иным ремеслом, занятый каким-либо одним и тем же делом'. Активно употребляется общерусское сочетание *работные люди*.

Изучение эволюции данной группы свидетельствуют о разной степени отражения народно-диалектной речи языком деловой письменности. Если в XVI в. вологодский диалектно-областной вариант письменно-деловой речи отражал многие особенности словарного состава разговорной народно-

диалектной речи, то наметившийся в первой половине XVII в. отрыв от устной речи стал особенно заметен в местных источниках второй половины XVII в. В связи с нормированием лексической системы письменно-деловой речи в XVII в. происходит перестройка целых лексико-семантических групп, связанная с утратой локальных элементов, устранением дублетности, четкой дифференциацией семантики.

Деловая письменность среднерусского периода южных и центральных уездов Русского государства отражает активизацию в общем употреблении названия *работникъ*. По словам С. И. Коткова, активность общерусского *работникъ* в письменности этих уездов заметна уже с XVI в.²⁶ В хозяйственных книгах вологодского монастыря оно не употребляется, хотя в документах соседних белозерских регистрируется начиная со второй половины XVII в.²⁷ Не отмечено в деловых книгах Спасо-Прилуцкого монастыря в этом значении и входящее во всеобщее употребление слово *батракъ*. В источниках соседнего Пошехонского уезда оно регистрируется во второй половине XVII в.²⁸ Полагаем, что отсутствие общерусских названий *работникъ* и *батракъ* в вологодских хозяйственных книгах второй половины XVII в. обусловлено сравнительно невысоким экономическим потенциалом небольшой по размерам, замкнутой монастырской вотчины.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В. В. Изучение образования и развития древнерусского языка. // Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978, с. 140.

2. Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка. Там же, с. 35.

3. См. также: Расх. кн. Тот. пр. 1582 – ВХК, I, 20; Расх. кн. Тот. пр. 1582 – ВХК, I, 11, 281; Расх. кн. Тот. пр. 1588 – ВХК, II, 310, 311; Расх. кн. Тот. пр. 1590 – ВХК, I, 80; Расх. кн. Тот. пр. 1591 – ВХК, I, 75; Расх. кн. Тот. пр. 1598 – ВХК, II, 227; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1604 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 3, л. л. 78, 82; Ки. учета денег Тот. пр. 1606 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 6, л. 36; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1612 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 9, л. л. 7, 11; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1615 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 17, л. 6 и т. д.

4. Ср. в более поздних документах: Расх. кн. Кир.-Б. м. 1568 – ЛОИИ, к. 260, оп. 2, № 2; Расх. кн. Кир.-Б. м. 1605 – Ник.; Дозорн. кн. Кир.-Б. м. 1615 – ГПБ, ф. 351, № 76/1315, л. 9; Вклад. кн. Кир.-Б. м. 1618 – ГПБ, ф. 351, № 78/1317, л. 301; Келар. кн. Кир.-Б. м. XVII в. – ВОИДР, кн. 22. М., 1855, с. 15.

5. Писц. кн. г. Белозера XVII в. – ГПБ, ф. 351, № 79/1318, л. 8.

6. Строгова В. П. К особенностям слова *казак* и *захребетник* в древнерусском языке и новгородских говорах. // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970, с. 163.

7. Расх. кн. Болдинск. м. – Монаст. прих.-расх. кн., вып. 1. Л., 1924 (РИБ, т. 37), стлб. 96; Книга псковитина, посад. человека С. И. Поганкина. Псков, 1870, с. 8; Акты Ивер. Валд. м. XVII в. и нач. XVIII в. – ЛОИИ, ф. 181, оп. 1, стлб. 1; Пр.-расх. кн. Антониева Сийск. м. 1583 – ЛОИИ, ф. 5, оп. 2, № 1, л. 154 об.; Пр.-расх. кн. Волокол. м. 1581 – ЛОИИ, № 1028, л. 168 об.; Судн. сп. крестьян Сузд. у. 1585 – АГР, 83 и пр.

8. Ср., например, пр.-расх. кн. за 1612 г. ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 9, 1615 г. ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 17, 1623 г. ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 22, 1624 г. ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 24, 1628 г. ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 29 и т. д.

9. Ср. пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. за 1653 г. ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 42; за 1668 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 70а и др.

10. *Благова Г. Ф.* Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах*. – Сб. Этнонимы. М., 1970, с. 148.

11. *Богатова Л. А.* Из истории существительных со старой основой на -*ѣт-* – «Вестник ЛГУ», № 2, 1958; *Азарх Ю. С.* К истории словообразовательных типов названий детенышей и детей в русском языке. – Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и сообщения. 1976. М., 1978, с. 245.

12. По мнению В. Виноградова, суффикс *-еныш* для обозначения детенышей в современном русском языке малопродуктивен. – Русский язык. М. – Л., 1974, с. 97.

13. См. также Расх. кн. Тот. пр. 1582 – ВХК II, 263, 265–266, 271, 277; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1633 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 34, л. л. 11, 15 об.; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1650 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 39, л. л. 17, 19 об., 44 об., 50; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1653 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 42, л. л. 55 об., 99; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1685 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 135, л. л. 16 об., 17, 53 об., 79 об. и др.; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1698 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 160, л. л. 116 и пр.

14. По мнению историков, выделялось три категории детенышей: а) осиротевшие крестьянские и бобыльские дети, попавшие на иждивение монастыря, б) обедневшие крестьяне, в) наемные люди. *Дьяконов М.* Очерки по истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.). СПб., 1898, с. 303.

15. *Грищенко Т. А.* Наименования лиц, занятых сельским хозяйством, в истории русского языка. КД. Киев, 1977, с. 159.

16. Кн. корм. и келар. Кир.-Б. м. XVII в. – ГПБ, ф. 351, № 93/1331, л. л. 82, 83; Опись имущества Новозер. м. 1629 – ЛОИИ, к. 115, № 663; л. 371; Расх. кн. Тр.-Глед. м. 1684 – ДПБК, 86 и др.

17. См. также Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1604 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 3, л. 14; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1612 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 9, л. 11; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1633 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 34, л. 12 об.; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1639 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 35, л. л. 19, 25 об.; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1650 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 39, л. 16 об.; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1671 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 73, л. 73 и т. д.

18. Кн. прих. Болдинского, Свицкого, Иверского, Тихвинского, Антониева Сийского, Карельского, Волоколамского монастырей XVI – XVII вв. (КДРС).

19. Судебник 1497 г. – В кн. Судебники XV–XVI вв. М.–Л., 1952, с. 27; Псков. 2 лет., к. XV в. – Псковские летописи, вып. 2. М., Л. 176; Мат.-лы по ист. Татар. АССР. Писц. кн. г. Казани 1565–1568 гг. Л., 1932 (Мат.-лы по ист. народов СССР, вып. 2), с. 72; Житие Мих. Клопского, к. XVI – н. XVII вв. – ГПБ ф. 310, № 563, л. 194 об. и др.

20. *Грищенко Т. А.* Наименования лиц, занятых ..., с. 18.

21. Псков и его пригороды, кн. 2. – Сб. МАМЮ, т. 6, 1914, с. 471.

22. Кн. расх. Свир. м. 1615 г. – ЛОИИ, ф. 3, оп. 2, № 160, л. 80; Кн. Ивер. м. 1671 г. – ЛОИИ, ф. 181, № 127, л. 140; *Исюмов А. Ф.* Вкладные книги Антониева-Сийского м. 1576–1694 – ЧОИДР, 1917, кн. 2, отд. 1, с. 33; *Арсений.* Акты о службах Тр.-Серг. м. 1651 – ЧОИДР, 1867, кн. 3, отд. 1, с. 56; Гр. Важ. у. XV–XVIII вв. – СГКЗ, т. 2, Л., 1929, стлб. 773; АГР, с. 504 и др.

23. По словам З. А. Огризко, служебники – это кузнецы, портные, сапожники и т. д.: *Огризко З. А.* Слуги Спасо-Прилуцкого мон. XVI–XVII вв. Труды гос. ист. музея, вып. XXVII. М., 1955, с. 9–10; она же. Промысловое монастырское село в конце XVII в. – Ежегодник аграрной истории народов Восточной Европы. М., 1961.

24. Расх. тетр. пуст. Николы Мокрого, 1663 – ДПБК, 52; Пр.-расх. Сп.-Прил. м. 1685 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 135, л. 19 об.; Расх. Гот. пр. 1695 – ДПБК, 68 и т. д.

25. См. также Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1612 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 9, л. л. 9 об., 10; Расх. кн. Волог. арх. дома 1635 – ГАВО, ф. 883, оп. 1, № 15, л. 95; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1650 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 39; Пр.-расх. кн. Сп.-Прил. м. 1685 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 135, л. 22 об.

26. *Котков С. И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII вв. М., 1970, с. 222–223.

27. Кн. отписн. Никитск. мон. 1660 – ЛОИИ, к. 115, № 739, л. 13; Пр.-расх. кн. Новозерск. мон. 1685 – ЛОИИ, к. 115, № 662, л. 438 и др. Ср. также Явка кабатчика Пошех. у. 1647 – ЧГКМ СЧВМ, № 10.

28. Жалоба помещика Пошехон. у. 1660 – ЧГКМ СЧВМ, № 21.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ МЕТРОЛОГИИ (штучные единицы измерения железа в белозерской письменности XVI–XVII вв.)

К середине XVI в. Устюжна Железопольская и Белоозеро, наряду с Серпуховом, Тулой, Каширой, Новгородом, Каргополом и Олонцом, были основными центрами добычи железной руды и производства металлических изделий¹. В деловых документах Белозерья единицы измерения железа довольно частотны.

Официальными государственными единицами исчисления железа в XVI–XVII вв. были меры веса. В общерусском справочнике, Торговой книге XVI в. железо измеряется пудами². Эта мера веса используется также во многих крупных торговых центрах: *Явил продать... 2 пуда железа волоченого* (ТКМГ I В. Устюг, 1633, с. 54); *Явил продать кричного железа 85 пуд* (Там же, с. 68).

Более точные меры веса получили широкое хождение в XVI в. в сфере внешней торговли³. В сфере внутренней торговли значительное распространение сохраняли штучные единицы измерения железа, одни из которых были широко употребляемыми, другие узкоместными.

К широко употребляемым мерам относились *крица* и *пруть*⁴. *Крица* 'штучная и весовая единица исчисления железа полуфабриката' (Кочин, с. 162) регистрируется в хозяйственных книгах многих белозерских монастырей: *Купил... ж^леза 29 криц* (ПРК-БМ, 1606); *Да ж^леза сто двадцать четыре крицы* (Оп. Нвзр. м., 1650, л. 205); *Да сорок криц железа* (СЧВМ, XVII в., № 104). Использование этой единицы в белозерских источниках весовым соответствием обычно не сопровождается, следовательно, величина реаллии оставалась постоянной.

В XVI–XVII вв. термин *крица* употребляется по всей территории Московского государства (о чем свидетельствуют смоленские, новгородские, северодвинские, вологодские, московские, тульские, рязанские источники): *Казначей Богол^лву дано на сопли, что дмуть крицы* (КРБДМ, 1591, с. 113); *Куплено тридцать криц на монастырское кузло* (ПР Тихв. м., 1590–1592, л. 119); *Ехалъ с Вами... колмогорец Иванъ Кустов с нимъ... три кричи жел^лза кричного* (АХТИ, XVII в., № 329); *Продаль 200 крицъ железа* (ТКМГ I, Тотьма, 1663, с. 477); *Чюгунное железо плавят в крицы и из криц тянут в толстые брусье* (КТКЗ, 1662, с. 26); *Ядер жел^лзных... да 56 криц жел^лза* (ПК Ряз., XVII в., с. 256).

В качестве штучной единицы исчисления железа полуфабриката *крица* продолжает употребляться в деловой письменности XVIII в.⁵

Наряду с диалектами языка великорусской народности, термин *крица* 'единица измерения металла' отмечен в старобелорусском языке⁶. В других славянских языках и в современных русских говорах не фиксируется. По

мнению М. Фасмера, это слово заимствовано из немецкого языка (Kritze, Kritzeisen-Фасмер II, с. 378).

Одним из самых ходовых названий единиц являлось слово *пруть*. Кочин определяет его как 'форму литья и единицу исчисления железа' (с. 287). В памятниках Белозерья *пруть* не только мера железа, но и уклада (стали), олова, свинца: *Даль С прутювъ желѣза* (ВКК-БМ, 1618, л. 280); *Купил сто прутювъ укладу серпуховского* (ПРК-БМ, 1581); *Сто пятьдесят два прута свинцу, весом в нихъ девяносто шесть пудъ* (ОПК-БМ, 1688, с. 5-45). Чаще всего *пруть* – мера железа, поэтому в ходу был термин *желѣзо прутювое* (*прутяное*): *Железа прутяново пядесят пуд* (СЧВМ, 1689, № 56).

А.Г. Маньков пишет об ограниченном распространении термина *пруть*, который, по его мнению, был употребителен в Москве, Волоколамске и южнее⁷. Материалы деловой письменности свидетельствуют, напротив, о широком использовании этой единицы почти на всей территории Московского государства. Она отмечена в смоленских, псковских, новгородских, северо-двинских, вологодских, московских, муромских, тульских, астраханских источниках: *А старого доходу шло поспомъ... 40 прутювъ желѣза* (ПОВП, 1500, с. 515); *Четыре прута железа овейского* (ТКМГ I, В. Устюг, 1633, с. 18); *Купил желѣза двадцать прутювъ* (ПРС-ПМ, 1605, л. 13 об.); *Куплено на Москве 60 прутювъ желѣза* (ПР Влклм. М. 1573, л. 137); *Взято двести пядесят прутювъ желѣза* (ААВВ, XVII в., л. I).

Одно из значений слова *pręt* в польском языке 'брус, стержень', откуда *pręty żelazne* 'прутковое железо'.⁸ В диалектах украинского и польского языка данное слово является мерой длины: *прут* 'мера длины около 4,9 м'⁹, польское *pręt* 'мера длины 4,5 м'.

Согласно данным белозерской деловой письменности, в XVII в. термин *пруть* начинает выходить из употребления. Используется это слово по традиции. Пишущие в большинстве случаев не ограничиваются только указанием на количество прутюв металла, а обязательно сообщают весовые соответствия: *Пятнацать прутювъ да обломок железа вѣсу в нихъ дватцать семь гривенокъ* (РСБВ, 1668, л. I).

Ряд штучных единиц измерения железа имел хождение по преимуществу в северных уездах Московского государства. К числу таких мер относились *полища*, *соха*, *сошник*. Весьма частотен в документах белозерских монастырей термин *полища*: *У олончан купил желѣза двѣсти полицъ*, (ПРК-БМ, 1581); *Купил тридцать полицъ да восемь полицъ* (ПР. Нвзр. М., 1599, л. 4); *Да пядесят одна полица немецкого белого железа* (СЧВМ, XVII, № 104).

Эта мера засвидетельствована также в новгородских, северо-двинских, московских актах: *Да цреного железа полтораста полицъ* (ОСМ, 1514, с. 371); *Две полицы меди* (ТКМГ I, В. Устюг 1633, с. 14); *500 полицъ железа цереннова* (ТКМГ I, Сольвыггодск, 1635, с. 374); *Серебра кована въ полицяхъ* (ПКН, 1658, с. 45);

А немецкого желѣза в четвертинѣ по 30 полицѣ (Торг. кн. XVI в., л. 196 об.). О северной диалектной зоне термина *полица* пишет и А.Г. Маньков.¹⁰

В других славянских языках слово *полица* с отмеченным значением не употребляется, в современных русских говорах не сохранилось.

В хозяйственных книгах ряда белозерских монастырей регистрируется единица измерения *соха*: *Купили десятеры сохи большого железа росковского с сошником, да меньшего железа оральных сохъ 493 сохи* (ПРК-БМ, 1567); *Куплено на Белѣозере в казну 130 сох желѣза большие руки* (там же); *Железа сошнова куплено шестеры сохи прямые* (Оп. Нвзр. М., 1673, л. 2).

Соха в качестве единицы измерения железа употребляется в вологодских источниках: *Он же... платил в продаже рыба семги... и сохъ железных на 8 р. с полтиною* (ТКМГ I, Тотьма, 1653, с. 606). А.Г. Маньков отмечает наличие этой меры железа в Холмогорах.¹¹ Как видно, ареал ее в языке великорусской народности охватывал северо-восточные русские говоры, расположенные по старому водному торговому пути Св. Двина – Шексна – Вологда. И.Н. Шмелева указывает на фиксацию этой меры в общерусском справочнике: *сошново желѣза купили большие руки 100 въ 7 руб. и въ 8 руб...; а середние руки купили 10 сохъ в 23 ал. 2 ден.* (Торг. кн., 1575, л. 67). Однако термин *соха* содержится в основном тексте Торговой книги, а в позднейших приписках, сделанных, по словам И.Н. Шмелевой, торговыми людьми Северного края.¹²

В словарях Кочина и Срезневского термин *соха* с таким значением не засвидетельствован. Неизвестен он другим славянским языкам и современным русским говорам, в том числе белозерским.

В качестве единицы измерения железа употреблялось в белозерских актах и слово *сошникъ*: *Да на монастырской жѣ годовой расход 200 сошниковъ желѣза росковского по 2 алтына сошникъ* (ПРК-БМ, 1605); *Куплено у Неспана Ильина тридцать четверы сошника желѣза* (ПР Нвзр. М., 1659, л. 374).

В новгородских источниках термин *сошникъ* фиксируется ранее, чем в документах других территорий, – в конце XV в.: *А мелкого доходу 21 боранъ, 7 полоть мяса..., 28 сошников желѣза* (ПОВП, с. 921). В XVII в. он регистрируется уже на северо-востоке – в северодвинских и вычегодских памятниках: *Белослудецъ Ташлыкъ Ситниковъ явил 20 сох сошников да 36 брусос железза кричного* (ТКМГ I, В.Устюг, 1636, с. 221); *Он же, Дружинка Андреев, явил продать сто двадцатеры сошники железные, цена 24 р.* (ТКМГ I, Сольвычегодск, 1651, с. 438).

В исторических словарях данная единица измерения железа не отмечена. Не обнаружена она в других славянских языках и в современных русских говорах.

Помимо распространенных штучных мер, в памятниках Белозерья фиксируется узко местная единица исчисления железа – *выбойекъ*. Она засвидетельствована только в хозяйственных книгах Кирилло-Новозерского монастыря: *Куплено В выбойка желѣза наставлял веретено на мельницу* (ПР Нвзр. М., 1624, л. 102); *Купил два выбойка желѣза да въ десять денегъ* (там же, л. 173).

В исторических словарях, а также в современных белозерских говорах слово *выбоек* не обнаружено. Отсутствует данная мера в других славянских языках и в современных русских говорах.

Вследствие несовершенства старых штучных мер, в XVII – начале XVIII вв. железо в Белозерье все чаще начинает измеряться в единицах веса: *Да опарочноже железа пудов шесть... семнадцать гривенок тянутого железа* (СЧВМ, XVIII в., № 104); *Пуд железа опарочно дал* (ПРГМ, 1658, л. 30).

В современных белозерских говорах метрологические термины *крица*, *пруть*, *полица*, *соха*, *сошникъ*, *выбоекъ* не употребляются.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Колчин Б.А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 12. М., 1949, с. 192-208.
2. Память товарам немецким всяким и ефимкам и золотым и сукнам и жемчугам и всякой рухляди, почему на Москвѣ и на Мурманскомъ и въ нѣмцах и купать и продавать. Сборник Мухоманова. 2-е изд. СПб., 1866, л. 67.
3. Шмелева И.Н. Русская Торговая книга XVI в. Канд. дис. Л., 1947, с. 407 (машинопись.)
4. Реальная величина этих мер вскрыта в кн.: Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. М., 1965.
5. Щеглова Н.А. Терминологическая лексика оружейно-железодельного производства XVII-XVIII вв. (по материалам письменности Тульского края), М., 1964, Словарь, с. 177.
6. Скурлат К.В. Наименование метрических единиц в старобелорусском языке (на материалах письменных памятников XV-XVII вв.). Автореф. канд. дис. Минск, 1971, с. 14.
7. Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XII в. М., 1961, с. 75.
8. Wielki. Słownik polsko-rosyjski. Warszawa; Moskwa, 1967.
9. Винник В.О. Назви одиниць виміру і ваги в українській мові. Київ, 1966, с. 4.
10. Маньков А.Г. Цены и их движение... с. 75.
11. Там же, с. 76.
12. Шмелева И.Н. Русская Торговая книга XVI в., с. 393 а.

СОКРАЩЕНИЯ

- ЛАВИ – Акты Астраханской воеводской избы XVII в. – ЛОИИ, ф. 178, № 454.
АХТИ – Акты Холмогорской таможенной избы XVII в. – ЛОИИ, ф. 149.
ВКК-БМ – Вкладная и кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря, 1618 – ГПБ, ф. 351, № 78/1317.
КРБДМ – Болдин Доргобужский монастырь. Кн. расходные // Монастырские приходо-расходные книги. Вып. 1. Л., 1924.
КТКЗ – Книги Тульских и Каширских железных заводов. // Крепостная мануфактура в России. Ч. 1, Л., 1930.
Оп. Нвзр. м. – Опись имущества Новозерского монастыря, 1650 г. – ЛОИИ, к. 115, № 663.
ОПК-БМ – Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря: По описным книгам 1668 г. – Зап. Отд. рус. и славян. археологии Археологического общ-ва, 1851, т. 1, отд. 3.
ОСМ – Опись Соловецкого монастыря // Археографический ежегодник 1970. М., 1972.
ПК Ряз. – Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. / Под ред. В.Н. Сторожева. Т. 1, вып. 1-3. Рязань. 1898-1904.
ПКП – Переписная книга домового казны патриарха Никона, 1658 г. // Временник Об-ва истории и древностей российских, 1852, кн. 15.
ПОВП – Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 г., первая половина. СПб, 1868.
ПР Вклм. М. – Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря, 1573 – ЛОИИ, № 2.
ПР Нвзр. М. – Приходо-расходная книга Новозерского монастыря, 1599 – ЛОИИ, ф. 115, № 662.

ПР Тихв. м. – Приходо-расходная книга Тихвинского монастыря, 1590-1592 – ЛОИИ, ф. 132, оп. 2, № 1.

ПРГМ – Приходо-расходные книги Горицкого монастыря, 1658 – ЛОИИ, к. 115, № 870.

ПРК-БМ – Приходо-расходная книга Кирилло-Белозерского монастыря. // Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. Т. I, вып. 2, СПб, 1910.

ПРС-ПМ – Приходо-расходная книга Спасо-Прилуцкого монастыря, 1605 – ЛОИИ, ф. 271, оп. 2, № 30.

РСБВ – Росписной список белозерского воеводы 1668 – ГПБ, Белозерские акты, № 34.

СЧВМ – Столбцы Череповецкого Воскресенского монастыря XVIII в. Ркп. хранится в Череповецком краеведческом музее.

ТКМГ I, II – Таможенные книги Московского государства XVII в. Т. 1-3. М.; Л., 1950-1951.

Торг. кн. – Память товарам немецким всяким и ефимкам золотым и сукнам и жемчугам и всякой рухляди, почему на Москвѣ и на Мурманскомъ и в нѣмцах и купят и продають. – Сб. Муханова. 2-е изд. СПб, 1866, № 202.

ИСТОРИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДОЛЖНОСТНЫХ ФАМИЛИЙ ВОЛОГДЫ (на материале деловой письменности XVII – первой половины XIX вв.)

В связи со становлением исторической антропонимики вопрос о формировании русских фамилий все более привлекает внимание лингвистов¹. Развитие фамилий во многом обусловлено изменениями в социально-экономической жизни общества, поэтому исследование данной разновидности антропонимов проливает свет на некоторые стороны материальной и духовной жизни русского общества. Изучение фамилий с лингвистической точки зрения интересно потому, что значительная часть их обнаруживает большую близость к апеллятивной лексике, нежели личные имена и отчества. Устойчивость фамилий, переходящих от поколения к поколению, делает их ценнейшим материалом для реконструкции апеллятивной лексики, утраченной словарем².

В последние два десятилетия глубоко и всесторонне исследовано развитие белорусских и украинских фамилий³. История русских фамилий изучена пока еще применительно не ко всей территории Русского государства. В результате обследования переписных книг и ревизских списков жителей Москвы и некоторых ближних городов (Углича, Ростова, Рязани, Твери и др.) исследовано развитие фамилий в центральных уездах Московского государства⁴. История формирования фамилий более отдаленных от Москвы городских центров и уездов рассмотрена явно недостаточно, хотя в последнее время появилось значительное число работ, авторы которых на основе рассмотрения современных фамилий пытаются выявить историю их формирования на той или иной территории⁵.

Если говорить об отдельных относительно замкнутых регионах, то более других повезло в этом отношении Донской земле. Это едва ли пока не един-

ственная отдаленная от центральных уездов территория, формирование фамилий на которой убедительно прослежено на значительном материале письменных источников XVI–XX вв.⁶

Несмотря на известную общность процессов формирования русских фамилий, на разных территориях Московского государства наблюдались определенные региональные различия. Не вызывает сомнения тот факт, что показать развитие общерусской системы именования за счет формирования третьего компонента – фамилии, можно лишь после того, как будет прослежено становление данного вида антропонимов в разных регионах Русского государства.

Настоящая работа посвящена изучению процесса формирования одной группы фамилий – профессионально-должностных – в северном уездном центре Московского государства – в г. Вологде. Исследование проводилось на материале четырех источников (три из них рукописные): Списка с писцовой книги г. Вологды за 1629 г.⁷, Книги переписной (перепись всех домов и строений г. Вологды 1711–1712 гг.) переписи и меры Василия Пикина и Ивана Шестакова (ГАВО, ф. 2 р, № 7874)⁸, Пятой ревизии о купцах и мещанах г. Вологды за 1795 г. (ГАВО, ф. 496, оп. I, № 4369), Списка г. Вологды обывателей по алфавиту за 1830 г. (ГАВО, ф. 14, оп. 3, № 171). В работе проводилось сопоставление профессиональных именований Вологды с антропонимией Устюга Великого⁹.

Существуют разные мнения по поводу того, в какой период формируются фамилии городского населения Русского государства. Как считает В.К. Чичагов, процесс образования русских фамилий закончился к началу XVII в.¹⁰. По мнению С. И. Зинина, основная масса городского мещанства в XVIII в. еще не имела фамилий и писалась по имени и отчеству¹¹. В Москве только к концу XVIII в. стала доминировать трехчленная формула именования¹². Не оформились фамилии как особый вид антропонимов в XVIII в. и на Дону¹³. Еще далее отодвигает период, в течение которого происходит становление фамилий у городского населения России, В. А. Никонов: «Фамилии у горожан... не установились окончательно и в начале XIX в.»¹⁴

Неоднозначность высказанных мнений объясняется тем, что, по-видимому, в разных городах формирование фамилий протекало не с одинаковой степенью интенсивности и закончилось не в один и тот же период. Следует учесть вместе с тем не одинаковую по городам степень активности в процессе фамилиетворчества разных по семантике производящих слов. Наконец, разные мнения по данному вопросу определялись еще и недостаточной дифференциацией таких типов антропонимов, как фамилии и фамильные прозвания¹⁵.

История становления профессионально-должностных фамилий ряда русских городов уже была предметом внимания лингвистов¹⁶. В настоящей работе ставятся следующие задачи: 1) выявить семантику фамилиеобразующих слов, 2) установить период, в течение которого в г. Вологде сформировались

профессионально-должностные фамилии. Основная цель статьи – показать место вологодских фамилий в общерусском процессе становления фамилий данного класса.

Профессионально-должностные фамилии составляют значительную группу в составе вологодских фамилий, поскольку с давних пор профессия или должность – важные признаки человека, определяющие его место в обществе. Распространенность такого рода фамилий в Вологде тесно связана с особенностями социально-экономической жизни этого крупного торгового центра Северо-Восточной Руси. Известно, что Вологда была расположена на важном торговом пути, соединявшем центральные уезды Московского государства с Архангельском и Сибирью. Оживление торгово-промышленной деятельности города в XVII в., связанное в первую очередь с обслуживанием торгового пути, обусловило высокую степень ремесленной дифференциации городского населения. Существует мнение, что профессиональные фамилии активнее были закреплены за одним социальным слоем городского населения – купечеством. Однако эта мысль не соответствует действительному положению дел. Значителен процент такого рода фамилий у посадского населения (позднее – мещан), поскольку в XVII в. городские ремесленники не только изготавливали определенный товар, но и продавали его на рынке. Отличить вологодского ремесленника от торговца часто не представляется возможным, ибо они обычно совмещались в одном лице¹⁷.

1. Профессиональные именованья жителей Вологды в первой четверти XVII в.

Судя по данным Писцовой книги 1629 г., к названиям ремесленников, занимавшихся выделкой кожи и изготовлением из полученного фабриката готовых изделий, относились: *кожевник* 'тот, кто выделывает кожи' – Сл РЯ XI–XVII, VII, 220; *дуботолк* 'тот, кто толчет корье для дубления' – Сл РЯ XI–XVII, IV, 370 (*Исачко Иванов с. Дуботолк* – с. 178); *мездреник* (*Пронка Семенов с. Мездреник* – с. 180); *сырейщик* (*Вахромейко Сырейщик* – с. 49); *сыромятник* 'специалист по выделке особой кожи, идущей на упряжь'¹⁸ (*Федка Еуфимьев с. Сыромятник* – с. 49); *овчинник* 'выделывающий овчину' – Д., I, 641 (*Калинка Овчинник* – с. 126); *сѣдельник* 'седельный мастер' – Д., V, 183 (*Васка Лавреньева с. Сѣдельник* – с. 171); *хомутинник* 'шорник, работающий хомуты' – Д., V, 560 (*Овдѣйка Федоров с. Хомутинников* – с. 33); *шлейник* (*Федоско Шлейников* – с. 111); *кнутник* 'тот, кто делает и продает кнуты' – Сл РЯ XI–XVII, VII, 201 (*Степанко Филиппов с. Кнутник* – с. 169); *скорняк* 'тот, кто выделывает шкуру на мех' – Д., IV, 192 (*Левка Скорняк* – с. 61); *бобровник* 'скорняк' – Сл РЯ XI–XVII, I, 253 (*Ивашко Бобровник* – с. 55); *собольник* (*Микитка Яковлев с. Собольников* – с. 13).

К названиям лиц, занимавшихся прядением и ткачеством и торговлей готовыми изделиями, относятся *прядильщик* 'кто прядет на прядильне, пря-

дильный мастер' – Д., III, 533 (*Сергушка Ефремовъ с. Прядильщикъ* – с. 126); *холщевникъ* 'холщевый торговец' – Д., V, 560 (*Первушка Холщевникъ* – с. 180); *шелковникъ* 'торгующий шелком' – Д., V, 627 (*Пинайко Федоровъ с. Шелковникъ* – с. 127); *сермяжникъ* (*Максимко Сермяжникъ* – с. 166); *бѣльщикъ* 'тот, кто моет и белил холсты, сукна' – Сл РЯ XI–XVII, I, 132 (*Ивашко Бѣльщикъ* – с. 83); *красильникъ* 'красильщик' – Сл РЯ XI–XVII, VIII, 15 (*Евтихейка Левоньевъ с. Красильникъ* – с. 101); *мережникъ* (*Первушка Мережникъ* – с. 103).

Ремесленники, работающие с металлом, обозначаются лексемами *кузнецъ* (*Микулка кузнецъ* – с. 100); *котельникъ* 'тот, кто изготавливает и чинит котлы и медную посуду, медник' – Сл РЯ XI–XVII, VII, 380 (*Дружинка Семеновъ с. Котельникъ* – с. 157); *замочникъ* 'тот, кто изготавливает и продает замки' – Сл РЯ XI–XVII, V, 245 (*Терешка Замочникъ* – с. 66); *оловникъ* 'отливающий оловянную посуду' – Д., I, 671 (*Михалко Петровъ с. Оловникъ* – с. 171); *серебряникъ* 'серебряных дел мастер' – Д., V, 176 (*Данилко Серебряникъ* – с. 114).

Многочисленны названия лиц, основным занятием которых является строительное дело, а также производство изделий из дерева и глины. К этой группе относятся слова *городникъ* 'плотник, строитель укрепления' – Сл РЯ XI–XVII IV, 92 (*Перфило Федоровъ с. Городникъ* – с. 179); *городчикъ* (*Сенка Городчиковъ* – с. 107); *плотникъ* (*Ивашко плотникъ* – с. 105); *мостовицикъ* 'строитель, подрядчик, содержатель или рабочий моста' – Д., II, 350 (*Приезжайка Семеновъ с. мостовицикъ* – с. 180); *оконичникъ* 'стекольник, вставляющий окончины' – Д., II, 644 (*Ивашко Маркеловъ с. Оконичникъ* – с. 66); *пошевникъ* 'тот, кто изготавливает пошевни, широкие сани' (*Самсонко Игнатъевъ с. Пошевникъ* – с. 173); *судоплатъ* 'строитель кораблей'¹⁹, *веретенникъ* 'тот, кто изготавливает веретена' – Сл РЯ XI–XVII, II, 86 (*Минайко Веретенникъ* – с. 110); *каменщикъ* (*каменщикъ Калинка* – с. 98); *кирпитчикъ* 'тот, кто делает кирпичи' – (Сл РЯ XI–XVII, VII, 136), *печникъ* (*Левка Тимофеевъ с. Печникъ* – с. 175); *горшечникъ*, *черепанъ* – влгд., прм., вят., сиб. – 'горшечник, гончар' – Д., IV, 593 (*Ивашко Черепанъ* – с. 128).

Разнообразен круг названий ремесленников, производящих продукты питания и продающих их. Ср.: *хлѣбникъ* 'кто печет и продает хлеб' – Д., IV, 533 (*Куземка Афанасьевъ с. хлѣбникъ* – с. 181); *солоденикъ* 'содержатель солодовни, торговец солодом' – Д., IV, 267 (*Юдка Солоденикъ* – с. 182); *толокняникъ* (*Данилко Толокняникъ* – с. 182); *крупеникъ* 'тот, кто готовит на продажу кушанья из круп, торговец этими кушаньями' – Сл РЯ XI–XVII, VIII, 87 (*Дружинко Крупеникъ* – с. 106); *калачникъ* 'тот, кто печет, и тот, кто продает калачи' – Сл РЯ XI–XVII, VII, 33 (*Микитка колачникъ* – с. 114); *пирожникъ* 'кто печет пироги, торгует ими' – Д., III, 12 (*Ивашко Парфеньевъ с. пирожникъ* – с. 105); *мельникъ*, *харчевникъ* 'хозяин харчевни' – Д., IV, 543 (*Насонко Харчевникъ* – с. 123); *изюмникъ* (*Гришка Семеновъ с. Изюмникъ* – с. 57); *винокуръ*, *квасникъ* 'тот, кто делает квас на продажу' (*Патракейка квасникъ* –

с. 107), *кисельник* 'тот, кто варит и продает кисель' – Сл РЯ XI–XVII, VII, 137 (*Богдашко Кисельник* – с. 109); *сусленик* 'кто варит и продает сусло' – Д., IV, 364 (*Лучка Ивановъ с. Сусленик* – с. 107); *тиоварь*, *мясник* 'промышляющий мясной торговлей' – Д., II, 374; *рыбник* 'рыбный торговец' – Д., IV, 116 (*Будайко Рыбник* – с. 50); *масленик* 'продавец или возчик коровьего или постного масла, хозяин маслобойни' – Д., II, 303 (*Гришка Егоровъ с. Масленик* – с. 65); *соляник* 'торговец солью' (*Максимко Гавриловъ с. соляник* – с. 55).

Отмечены названия лиц, связанные с изготовлением и продажей одежды и обуви. К числу их относятся *портной мастеръ* (*Любимко портной мастеръ* – с. 108), *колпачник* 'тот, кто делает колпаки' – Сл РЯ XI–XVII, VII, 253 (*Онашка Дмитриевъ с. Колпачникъ* – с. 58); *шапочник* (*Томилко Шапочникъ* – с. 137); *шубник* (*Ивашко Ивановъ с. Шубникъ* – с. 137); *рукавичник* (*Филька Рукавичникъ* – с. 138); *пугвичник* (*Тимошка Гордѣевъ с. Пугвичникъ* – с. 37); *сапожник* (*Михейко Сапожникъ* – с. 178); *лапотник* (*Офонка Ивановъ с. Лапотникъ* – с. 159).

Фиксируются названия людей, торгующих овощами: *огородникъ* (*Кузема Олексѣевъ с. огородникъ* – с. 175); *зеленик* (*Обрамка Васильевъ с. Зеленикъ* – с. 176); *луковник* (*Дениска Луковникъ* – с. 143); занятых изготовлением свеч и мыла: *сальникъ*, *свѣчникъ* (*Иевко Свечникъ* – с. 135); *мыльник*; торговлей: *барышникъ* 'посредник в торговле, перекупщик' – Сл РЯ XI–XVII, I, 76 (*Ортошко, Илейка, Матюшка Прокофьевы дѣти Барышниковы* – с. 176); *ветошник* 'торговец ветошью' – Сл РЯ XI–XVII, II, 123 (*Ивашко Ветошниковъ* – с. 69); *щепетинникъ* – (*щепетникъ*) 'торговец мелким товаром' – Д., IV, 69), (*Ивашко щепетинникъ* – с. 106); лечением людей: *рудометъ* 'кровопускатель, кто промышляет этим делом' – Д., IV, 108 (*Васка Рудометъ* – с. 180).

Особые названия имели разнорабочие (грузчики) разных промыслов: *подъемщикъ* (*Терешка Микитинъ с. подъемщикъ* – с. 180), *солонь* (*Онтонко солонь* – с. 172); *оснач* 'рабочий, выполняющий на судах всю черную работу'²⁰ (*Путилко Родионовъ с. Оснач* – с. 176).

О наличии художественных промыслов, театральных представлений свидетельствуют такие названия: *олмазникъ* 'шлифовальщик драгоценных камней' – Сл РЯ XI–XVII, I, 30 (*Васка Олмазникъ* – с. 57); *иконникъ* 'иконописец, художник' – Сл РЯ XI–XVII, VI, 220 (*Карпикъ иконник* – с. 179); *четочник* (*Васка Четочникъ* – с. 162); *веселой* 'скоморох, певец, музыкант, плясун' – Сл РЯ XI–XVII, II, 112 (*Петрушка Веселой* – с. 63).

Помимо названий профессий, в Писцовой книге г. Вологды 1629 г. фиксируются термины, обозначающие должности. К числу их относятся такие слова, как *стрѣлецъ*, *рассыльщикъ*, *пушкарь*, *воротникъ* 'тот, кто охраняет городские ворота, караульный' – Сл РЯ XI–XVII, III, 35, *пролубщикъ* 'содержатель портомойной проруби и сборщик' – Д., III, 506 (*Васка Никитинъ Пролубщикъ* – с. 173); *могильник* 'могильщик' (*Сергушка Григорьевъ с. Могильникъ* – с. 178), *водовозъ* (*Васка Ивановъ с. водовозъ* – с. 174) и др.

В названиях профессий рельефно отражается социально-экономическая жизнь Вологды начала XVII в. Обслуживание водным и гужевым транспортом важнейшего торгового пути обусловило в пределах города узкую специализацию таких промыслов и ремесел, как кожевенное дело, прядение и ткачество, кузнечный промысел, производство продуктов питания. Значительное развитие имело в Вологде строительное дело.

Вопрос в том, какие компоненты входили в состав именований в XVII в. – только ли личное имя, отчество и прозвище или включались еще названия лиц по профессии, месту жительства и сословному положению – до сих пор остается спорным²¹. Вряд ли можно однозначно ответить на поставленный вопрос при исследовании документов разных территорий. Ответ может зависеть и от других причин и в первую очередь от характера складывающихся, становящихся устойчивыми местных моделей именования. Обратимся к материалам Писцовой книги г. Вологды 1629 г.

Названия профессий и должностей в ней различались местоположением относительно личного имени. Названия должностей и отдельных профессий стояли перед личным именем. Например: *стрѣлец Левка Онаньинъ* (с. 99), *пушкаръ Костка Тимофѣев* (с. 98), *россыльщикъ Грязко Сухаринъ* (с. 98), *воротникъ Данилка Вахрамѣевъ* (с. 98), *каменщикъ Фадейка* (с. 110), *кирпитчикъ Тренка Самсоновъ* (с. 110), *мясники Ермола да Рычко Ивановы* (с. 169), *солодяники Дружинка Тарасевъ да Гришка Корела* (с. 158) и др.

Наименование же профессии располагалось обычно после личного имени, если человек именовался одним личным именем, или после личного имени и полуотчества, если в состав антропонимической модели входило два компонента. Например, после личного имени – *Васка Олмазникъ* (с. 57), *Левка Извожикъ* (с. 184), *Богдашко Кисельникъ* (с. 109), *Омелька Ямчикъ* (с. 52) и т. д. (всего 76 именований); после личного имени и полуотчества – *Фомка Сидоровъ с. Дуботолкъ* (с. 178), *Пинайко Федоровъ с. Шелковникъ* (с. 129), *Фишья Одрѣевъ с. Сыромятникъ* и др.

Есть основания считать слова второй группы, располагающиеся в постпозиции по отношению к личному имени, не просто названиями по профессии. Как личные имена, полуотчества и прозвища они выделяли именуемого, выполняя тем самым различительную функцию. В таком значительном городе, каким являлась Вологда в первой четверти XVII в., именование лица только с помощью личного имени было явно недостаточным, поскольку переход на календарные имена привел к сужению круга именований. В этих условиях название по профессии, как полуотчество и прозвище, начинает выполнять различительную функцию. Писцы не проводили различия между собственными антропонимами и названиями лиц по профессии, ибо все эти слова являлись различителями именуемых. Приведем примеры двучленных и трехчленных моделей именования посадских людей: *Данилко Серебреникъ да Микитка Колачникъ да Неупокойко Ивановъ* (с. 114), *лавка посадского человекѣка Васки Сѣдельника а напередъ тово была посадского человекѣка Олешки Паута* (с.

47), *дворь тяжлой Офонки Карзина да Шумилка Котельника* (с. 158); *Гришка Семенов с. Изюмник* (с. 57), *Михайло Вахромѣев с. Шолудяк* (с. 106), *Михалко Уляянов с. Шапейков* (с. 175), *Якушко Тимофѣев с. Шука* (с. 107).

Итак, названия по профессии, расположенные в постпозиции по отношению к личному имени, выполняли две функции: указывали на профессию и выделяли именуемого, приближаясь к антропонимам – прозвищам. Подтверждают данное положение двух- и трехчленные антропонимические структуры с наличием прозвища. У всех у них постпозитивные названия по профессии обычно отсутствуют, поскольку в дополнительных, различительных компонентах именуемый не нуждается. Например: *Петрушка Безпортошник* (с. 168), *Дружинка Сума* (с. 41), *Филька Дементьев с. Брилин* (с. 53), *Баженко Семенов с. Мякишев* (с. 170), *Якушко Лукьянов с. Хорь* (с. 46) и пр. Исключения весьма немногочисленны: *Павлик Корела хлѣбник* (с. 104), *Ларка иконник Кривошея* (с. 157).

Вернемся к названиям должностей и профессий, стоящим перед личным именем. Помимо названий должностей (*стрѣлецъ, рассыльщикъ, пушкаръ* и др.), в препозиции находились в ряде случаев названия таких профессий, как *кузнецъ, каменщикъ, кожевникъ* и некоторые другие. Характерно, что именно такие должности и профессии были в тот период в Вологде наиболее распространенными. Судя по материалам Писцовой книги 1629 г., стрельцов было 102 человека, пушкарей – 20, рассыльщиков – 15, каменщиков – 50, кузнецов – 40 и т. д. В силу распространенности должностей и данных профессий названия их не могли выполнять различительную функцию, они не входили в состав антропонимической модели, оставаясь просто названием должности и профессии. Не случайно, что эти слова одинаково активно употребляются перед двучленными и трехчленными структурами и при наличии прозвищ. Например: *рассыльщик Михалко Лоскутъ* (с. 98), *каменщик Богдашко Пугвितкинъ* (с. 95), *рассыльщик Васка Стерлявка* (с. 99), *кожевники Ивашка да Лучка Ивановы дѣти Глотовы* (с. 160), *солодяникъ Якушко Тимофѣев с. Шука* (с. 159) и т. д.

Таким образом, чем реже профессия, тем активнее название ее становится фамилеобразующим.

Уже в первой четверти XVII в. в деловой письменности г. Вологды можно наблюдать приобретение некоторыми прозвищами, восходящими по происхождению к названиям профессий и занимающими постпозитивное положение в составе модели, признаков фамильного прозвания. Из 100 разнокорневых профессиональных прозвищ, отмеченных в Писцовой книге 1629 г., 20 осложнены притяжательным суффиксом *-овъ*, т. е. по внешнему виду совпадают с современными фамилиями. Например: *Ивашко Ветошниковъ* (с. 19), *Сенка Городчиковъ* (с. 107), *сапожники Петрушка да Степанка Петровы дѣти Звонаревы* (с. 183), *Олешка Анфимовъ с. Коноваловъ* (с. 184), *Баженко, Парфенка, Трофимко Тихоновы дѣти Мельниковы* (с. 183), *Маркушка да Онд-*

рюшка Оконичниковы (с. 178) и др. Помимо повторяющихся именовании Оконичниковъ, Пономаревъ, Звонаревъ, все остальные отмечены по одному разу.

Сближение с фамильными прозваниями состоит в том, что профессиональные прозвища, осложненные суффиксом -овъ, являются в большинстве случаев «семейными», т. е. объединяют членов одной семьи, родных братьев. Ср.: Пятунька, Гришка, Сидорко Иконниковы (с. 172), но Гришка Семеновъ Иконникъ (с. 57), Карпикъ Иконникъ (с. 179) и др. Именования, оформленные суффиксом -овъ, последовательнее употреблялись в составе антропонимических моделей, характерных для купеческого сословия. Например: купец Софонко Офонасьевъ с. Шапошниковъ (с. 30), купец Овдѣйко Федоровъ с. Хомутинниковъ (с. 33), купецъ Трифонко Васильевъ с. Пономаревъ (с. 27), но — купец Левка Микитинъ с. Свѣчникъ (с. 33), купец Буданко Ивановъ с. Рыбникъ (с. 28).

О неустойчивости фамильных прозваний на -овъ в XVII в. свидетельствует тот факт, что одно и то же лицо могло получить именование и с суффиксом -овъ и без него: Маркушка Оконичникъ (с. 35), Маркушка да Ондрюшка Оконичниковъ (с. 178).

Писцовая книга 1629 г. отражает переход профессиональных прозвищ от отца к сыну, что также является одним из признаков фамилии: дворникъ бобыль Ивашка Алексѣев с. Прядильщика (с. 114), Онашка Дмитриевъ с. Колпашникъ (с. 58), Богдашка Онаньинъ с. Колпашникъ (с. 105), Маркушка Оконичникъ (с. 35), Ивашко Марковъ Оконичникъ (с. 35) и др.

Сравнительно немногочисленные случаи, когда интересующие нас именованья уже не указывают на профессию. Речь идет о лицах, которые в момент переписи имеют уже иную профессию, так что последний компонент их именованья является прозвищем в чистом виде. Например: бобыль Первушка Мережникъ, Первушка ходить въ ярыжныхъ на судехъ (с. 153), каменщикъ Минейко Веретенникъ (с. 110), каменщикъ Насонко Харчевникъ (с. 123), дьяконъ Гаврилка Замочникъ (с. 124), тушкаръ Поспѣлка Оконичникъ (с. 99), Ивашко Плотишкѣ, а Ивашко живет по людѣмъ въ наемныхъ казаках, дѣлать черное дѣло (с. 167) и др.

Развитие профессионально-должностных фамилий в каждом крупном населенном пункте в первой трети XVII в. имело свою специфику. В Сотной книге Устюга Великого 1630 г., города, расположенного на том же торговом пути, находит отражение значительное количество названий профессий, причем большинство их было отмечено и в писцовой книге Вологды. В сравнении с Вологдой в Устюге более своеобразна система названий лиц, занятых в судовождении. Например: носовщик (Мишка Ивановъ Жуковъ, ходить на судѣхъ въ носовщикахъ — с. 12), кормщикъ (Сенка Павловъ Батаковъ, кормщикъ судовою — с. 22), ярыжной 'чернорабочий судна' (Богдашко Тимофѣевъ Бѣлоноговъ, ярыжной — с. 24) и т. д.

В Сотной книге 1630 г. фиксируются специфические для Устюга названия типа *волнотель* 'шерстобит' (СРНГ, V, 44), *кошечник* 'скупщик кошек и кошачьих шкур' (Сл РЯ XI–XVII VII, 395), *козичник* 'тот, кто делает козицы (мешки из шкур)' – Сл РЯ XI–XVII, VII, 223.

Название профессии в Сотной более последовательно, нежели в Писцовой книге г. Вологды, приводится после именовании лица.

Материалы устюжской Сотной книги свидетельствуют о большей устойчивости в деловой письменности города в сравнении с Вологодой двукомпонентных и трехкомпонентных именовании. Первые состояли из личного имени и полуотчества, вторые – из личного имени, полуотчества и фамильного прозвания. Например: *Ромашко Анфилофьевъ, портной мастеръ* (с. 15), *Петрушка Федосъевъ, сапожникъ* (с. 15), *Митька Мануйловъ, крупеникъ* (с. 10), *Харитонко Фомигъ Косолатъ, крупеникъ* (с. 18), *Васка Ивановъ Соплинъ, портной мастеръ* (с. 23), *Якушко Чуксинъ, харчевникъ* (с. 13) и т. д. Именования, состоящие из одного личного имени, почти не употреблялись. Двукомпонентные и трехкомпонентные структуры сложились и устоялись в Устюге значительно ранее, чем в Вологде. Уже в местной деловой письменности XVI в. широко представлены двух- и трехчленные модели, служившие средством именовании не только городских посадских людей, но и крестьян Устюжского уезда²².

В этих условиях название профессии в Устюге в начале XVII в. не входило в состав антропонимической структуры, поскольку в нем не было необходимости, различительную функцию выполняло наряду с личным именем полуотчество или фамильное прозвание. Этим объясняется почти полное отсутствие в устюжской письменности антропонимических структур типа *Сенка Горшечник*. Если в Писцовой книге Вологды их 76, то в Сотной Устюга – всего 9. Приведем некоторые: *Ивашко Веретенникъ, торгуетъ рыбою* (с. 121), *Михалка Завязошникъ* (с. 91), *дворникъ Силка, колачникъ* (с. 11), *Ондрюшка Оловенишникъ* (с. 12) и др.

Еще реже названия по профессии зафиксированы в постпозиции после личного имени и полуотчества (*Шестачко Романовъ да с. ево Ивашко Веселые* – с. 17; *Ивашко Денисовъ Ковшовниковъ* – с. 12).

Таким образом, если в деловой письменности Вологды в состав антропонимических структур активно вовлекаются названия профессий, выполняющие функцию прозвищ, а потом – фамильных прозваний, то в Устюге Великом сложившиеся устойчивые двух- и трехчленные именования препятствуют этому.

2. Профессиональные именования в начале XVIII в.

Разнообразен и обширен круг профессиональных именовании в Переписной книге г. Вологды 1711 г. Судя по материалам данного источника, эволюция антропонимов, восходящих по происхождению к названиям по профес-

сии, в XVII – начале XVIII вв. развивалась в двух направлениях: за счет расширения круга слов, являющихся базой для образования такого рода именований, и по пути дальнейшего перехода фамильных прозваний в фамилии.

На протяжении всего XVII в. Вологда сохраняет свое значение крупного промышленного центра. Переписная книга 1711 г. не отражает возникновение в городе новых промыслов и ремесел, но свидетельствует о более узкой специализации тех из них, которые были характерны для первой четверти XVII в.

Расширение круга профессий, а отсюда и пополнение в начале XVIII в. группы фамильных прозваний, восходящих к названиям по занятиям именуемых, было характерно для следующих промыслов и ремесел: а) строительного: *конопатчик* (*Иван Калинин Конопатчик* – № 1298), *карбасник* (*Аврам Федоров с. Карбасник* – № 1639), *строгольщик*– (*Дмитрей Строгольщик* – № 1094), *санник* 'мастер, работающий сани или дровни' – Д., IV, 137 (*Михайло Андр'ев с. Санников* – № 373);

б) связанных с обработкой металлов: *гвоздарь* 'кузнец, делающий гвозди' – Сл РЯ XI–XVII, IV, 14 (*Семень Романов с. Гвоздарь* – № 874), *м'фдник* 'работающий медную посуду и другие вещи' – Д., II, 368 (*Лука Михайлов М'фдник* – № 223), *паяльщик* (*Михайло Иванов с. Паяльщик* – № 388);

в) прядильно-ткацкого: *колотильщик* 'ремесленник, колочением обрабатывающий ткань' – Сл РЯ XI–XVII, VII, 252 (*Миронъ Иванов с. Колотильщик* – № 1838), *крашенинник* 'ремесленник, занимающийся крашением холстов' – Сл РЯ XI–XVII, VIII, 27 (*Меркурий Капистратов с. Крашенинник* – № 32), *войлочник* 'тот, кто делает войлоки' – Сл РЯ XI–XVII, II, 310 (*Дружинка Яковлев Войлошник* № 312), *бечевник* 'тот, кто изготавливает бечеву', *бечева* 'канат для тяги судов против течения' – Сл РЯ XI–XVII, I, 183 (*Прокофей Иванов с. Бечевников* № 502), *мешинник* (*мешечник* 'шьющий мешки, торгующий ими' – Д., II, 372), *Козма Степанов с. Мешенников* – № 1628;

г) кожевенного: *ременник* (*ременщик* 'кто выделывает ремни, особенно сыромятные' – Д., IV, 91), *Андрей Андр'ев с. Ременников* – № 42; *узденик* (*Михайло Емельянов Уздеников* – № 1253), *пушник* (*пушяр* – стар. 'меховщик, скорняк' – Д., III, 546), *Сергей Лукинъ Пушник* – № 1248, *Никита Михайлов Пушников* – № 1877.

Особенно расширился круг антропонимов, образованных от названий лиц, занятых изготовлением одежды и обуви, приготовлением пищи: *нашивочник* 'мастер, изготавливающий нашивки' (Сл РЯ XI–XVII, X, 322) *Васильевская жена Нашивошника* – № 516, *подшивало* 'кто подшивает что-либо' – Д., III, 217 (*Яковъ Иванов с. Подшивалов* – № 1001), *чулочник* 'чулочный ткач' – Д., IV, 614 (*Марк Степанов с Чулошник* – № 1803), *швец* 'выгд., тмб., прм., нвг., ол. 'портной, кто шьет одежду' – Д., IV, 635 (*Иванъ Никулинъ Швецов* – № 1530), *башмачник* 'сапожник' – Сл РЯ XI–XVII, I, 82 (*Максимъ Корнилов с. Башмачник* – № 2121), *котовик* (*котовщик* 'мастер, изготавливающий коты', *коты* 'вид теплой обуви' – Сл РЯ XI–XVII, VII, 383), *Кирилъ*

Антоновъ Котовикъ – № 1873; гребеницкѣ 'ремесленникъ, изготовляющій гребни, торговец гребнями' – Сл РЯ XI–XVII, IV, 126 (Максимъ Сидоровъ Гребеницкѣ – № 1452); витушешникъ (витушки 'плюшки' – Сл РЯ XI–XVII, II, 199), Анна Федосиева дочь Павловская жена Витушешникова – № 2021; овсяникъ (Сидоръ Ивановъ с. Овсяниковъ – № 266), пряничникъ 'кто печет пряники, торгует ими' – Д., III, 555 (Гарасимъ Андрѣевъ с. Пряничникъ – № 1225); пшеничникъ (Карть Евстафѣевъ Пшеничникъ – № 723, Павелъ Пшеничниковъ – № 1166) и т. д.

Пополнились группы антропонимов, восходящих по происхождению к названиям лиц, связанных с огородом, соляным делом, торговлей: морковникъ (Иванъ Федоровъ с. Морковникъ – № 1896), орѣшникъ (Ефтафѣй Федоровъ с. Орѣшникъ – № 575), ягодникъ 'кто торгует ягодой' – Д., IV, 673 (Дмитрей Ивановъ с. Ягодниковъ – № 150), соловолокъ (Вахромей Никитинъ с. Соловолокъ – № 332), солонось 'работник для носки соли при погрузке и разгрузке судов' – Д., IV, 269 (Карть Афанасьевъ с. Солоносовъ – № 212), москотильникъ 'торгующий москотью, красивыми и аптечными товарами' – Д., II, 349 (Степанъ Лукинъ с. Москотильниковъ – № 248), коробейникъ 'тот, кто торгует мелким товаром вразнос (с короба)' – Сл РЯ XI–XVII, VII, 330 (Алексей Кондратьевъ с. Коробейникъ – № 2153).

Ряд профессиональных антропонимов свидетельствует о дальнейшем развитии художественных промыслов: золотарь 'золотых дел мастер, ювелир' – Сл РЯ XI–XVII, VI, 56 (Василей Артемьевъ с. Золотаревъ – № 1267), цыпбальщик (цымбалы 'музыкальное орудие' – Д., IV, 575; цымбальщикъ 'кто играет на цимбалах или кто изготовляет их') Дмитрей Гарасимовъ с. Цыпбальщиковъ – № 1540; зеркальникъ 'зеркальный мастер' – Сл РЯ XI–XVII, V, 383 (Иванъ Тихановъ с. Зеркальникъ – № 994) и т. д.

Сопоставление рассматриваемых источников свидетельствует о том, что ряд профессиональных прозвищ, отмеченных в Писцовой книге 1629 г., в документах начала XVIII в. уже не регистрируется. К числу их относятся такие, как Олмазникъ, Дубололокъ, Замочникъ, Изюжникъ, Кисельникъ, Кнутникъ, Колпачникъ, Мездреникъ, Пирожникъ, Седельникъ и пр. (всего 30 именований). Однако общее количество профессиональных прозвищ в Переписной книге 1711 г. несколько больше (105), поскольку данная группа антропонимов пополнилась 40 новыми именованиями. Следует подчеркнуть, что часть апеллятивов, легших в основу образования профессиональных прозвищ, возникла, разумеется, не в XVII в., а ранее. Слово санникъ отмечено, например, еще в памятниках XV в.²³, лексемы войлочникъ, гвоздаръ, зеркальникъ, коровникъ – в XVI в. (Сл РЯ XI–XVII: II, 310; IV, 14; V, 383; VII, 335) и т. д. В данном случае речь идет только о том, что именно в этот период, в XVII в., они наиболее активно переходят в антропонимы.

Материалы Переписной книги г. Вологды 1711 г. отражают активный процесс перехода профессиональных прозвищ в фамильные прозвания. Многие из прозвищ имеют признаки фамилии, ибо именуют не одно конкретное

лицо, а членов семьи – родных и даже двоюродных братьев. Например: *Мартьянъ да Иванъ Терентьевы дѣти да Афонасей да Григорей Дмитриевы дѣти Солодовниковы* (№ 2067), *Никита Рыбниковъ, племянникъ его Петръ Семеновъ Рыбниковъ* (№ 1892), *Пантелей Яковлевъ с. Санниковъ, дядя его Семень Степановъ с. Санниковъ* (№ 227), *Афонасей Ивановъ да племянникъ его Матвей Гаврилов с. Кузнецовъ* (№ 72).

Регистрируются примеры, свидетельствующие о переходе фамильных прозваний от отца к сыну, деда к внукам. Например: *Данила Семеновъ с. Хлебниковъ > Иван Даниловъ с. Хлѣбниковъ* (№ 193), *Григорей Калашникъ* (№ 1687), *Матвей Григорьевъ с. Калашниковъ,* (№ 1687), *дѣдъ Антипа Серебренникъ, внуки – Якимъ да Матфей Дмитриевы дѣти Серебренникова* (№ 1931) и др.

В Переписной книге г. Вологды 1711 г. еще можно отметить наличие связи между характеристикой именуемого по профессии и семантикой производящей фамильной основы. Например: *Василей Дмитриевъ с. Солодениковъ...*, *на огородахъ солодовой заводъ овинъ да солодежня* (№ 1611), *Алексей Дмитриевъ с. Солодениковъ...*, *на огородахъ солодовой заводъ* (№ 1823), *сапожникъ Андрѣй Вакуловъ с. Сапожниковъ* (№ 754), *кузнецъ Денис Михайловъ с. Кузнецовъ* (№ 428) и пр.

Примеров, свидетельствующих об утрате этой связи и тем самым о социальной нейтральности фамильных прозваний, значительно больше. Ограничимся следующими: *кожевничкой полусотни тяглец Терентей Ивановъ с. Столяръ* (№ 882), *певчий Иванъ Лукинъ с. Шапочникъ* (№ 447), *канцелярской сторожъ Петръ Гавриловъ с. Хлѣбниковъ* (№ 1243), *конатной мастеръ Михайло да прядильщикъ Федоръ Васильевы дѣти Свѣшниковыхъ* (№ 591) и пр.

В начале XVIII в. активизируется тенденция к закреплению единообразия структурной модели профессионального фамильного прозвания, т. е. оформление его с помощью притяжательного суффикса *-овъ*. Как отмечено выше, в Писцовой книге г. Вологды 1629 г. насчитывается всего около двух десятков фамильных прозваний с данным суффиксом. В Переписной книге 1711 г. фиксируется уже 35 фамильных прозваний с разными основами, которые употребляются с суффиксом *-овъ*: *Ветошниковъ, Коноваловъ, Коровниковъ, Котельниковъ, Лапотниковъ, Оловениковъ* и др. Кроме того, насчитывается 39 именованных, которые в одних антропонимических моделях оформлены с суффиксом *-овъ*, в других – лишены его. Например: *Дружинка Яковлевъ Войлошникъ* (№ 312) – *Данила Федоровъ с. Войлошниковъ* (№ 1601), *Михайло Сидоровъ Гребеникъ* (№ 1952) – *Иванъ Федоровъ с. Гребениковъ* (№ 1084), *Кондратей Трифоновъ с. Извоцикъ* (№ 1873) – *Федоръ Никитинъ с. Извоциковъ* (№ 85), *Максимъ Фоминъ с. Иконникъ* (№ 597) – *Иван Петровъ с. Иконниковъ* (№ 724) и мн. др. Таким образом, в начале XVIII в. в Вологде регистрируется уже 74 различных профессиональных прозвания, оформленных фамильным формантом *-овъ*. И только 30 прозвищ, т. е. менее третьей части от общего числа

профессиональных антропонимов, не осложнены суффиксом *-овъ*. К числу их в Переписной книге 1711 г. относятся такие, как *Башмашникъ* (№ 2121), *Гвоздаръ* (№ 974), *Зеленицькъ* (№ 2183), *Карбасникъ* (№ 1639), *Киртицькъ* (№ 927), *Кожевникъ* (№ 1388), *Конопатчикъ* (№ 1298), *Котовикъ* (№ 1873) и пр.

Чем же отличаются однокорневые именованья с наличием или отсутствием фамильного форманта *-овъ*? Именованья, лишённые суффикса *-овъ*, указывали на профессию самого именуемого, выполняя в то же время различительную функцию и являясь прозвищем (*Евтихей Прянишникъ* – № 1917, *Петръ Назаров с. Сапожникъ* – № 1547, *Артемей Никифоровъ с. Сыромятникъ* – № 1992 и мн. др.). С помощью суффикса *-овъ* профессиональные именованья оформлялись в 2-х случаях: а) при указании на профессию отца или деда именуемых (*Якимъ да Матфей Дмитриевы дѣти Серебренникова, дѣды ихъ Антипа Серебренникъ* – № 1915, *Матфей Григоревъ с. Калашниковъ, отецъ его Григорей Калашникъ* – № 1687; ср. также: *киртицьки Анисимъ Емельянов Черепановъ* – № 629, *Григорей Емельянов Черепановъ* – № 629, *Евдоким Михайловъ Черепановъ* – № 627, но *каменицькы Яковъ Яковлевъ с. Черепанъ* – № 496); б) при именовании не одного лица, а членов семьи, прежде всего родных братьев (*Василей Никитинъ с. Крупеникъ* – № 2249, *Иванъ Никитинъ Крупеникъ* – № 717, но *Василей да Иванъ Никитины дѣти Крупениковыхъ* – № 720, *Савва Аверкиевъ с. Свѣшникъ* – № 1625, но *Иванъ да Кирила Саввины дѣти Свѣшниковыхъ* – (№ 1625), *Григорей да Иванъ Борисовы дѣти Оконшинниковыхъ* – № 1615 и т. д.). Фамильные прозвания с суффиксом *-овъ* значительно ближе к фамилии, поскольку имеют «семейный» характер и передаются от поколения к поколению.

Следует заметить вместе с тем, что в Переписной книге 1711 г. прозвища и фамильные прозвания разграничены не всегда. Изредка одно и то же лицо могло именоваться антропонимом, оформленным суффиксом *-овъ*, и не имеющим его в своем составе: *Михайло Уздениковъ* (№ 1266), *Михайло Узденикъ* (№ 2185). Родные братья именовались по-разному: *Леонтей Михайловъ с. Квасникъ* – № 1019, *Петръ Михайлов с. Квасниковъ* – № 200, *Иванъ Титовъ Масленикъ* – № 1816, *Степанъ Титовъ с. Маслениковъ* – № 1769.

При некоторой непоследовательности оформления в системе именованний в Переписной книге г. Вологды 1711 г. все же дает о себе знать ясно выраженная тенденция к выработке единообразной структурной модели фамилии, т. е. оформление ее с помощью суффикса *-овъ*.

Социальный состав населения	Профессиональное прозвище без суф. <i>-овъ</i>	Фамильное прозвание с суффиксом <i>-овъ</i>
Бобыли и солдаты	17	23
Посадские люди	73	170

Итак, сопоставление материалов Писцовой книги первой четверти XVII в. и Переписной начала XVIII в. свидетельствует о том, что формирование кор-

пуса профессиональных фамильных прозваний особенно активно протекало в Вологде в течение XVII в.

Что касается документов Устюга Великого этого же периода (Ревизские сказки 1721 г.), то в них профессиональных именовании с разными основами почти вдвое меньше (63 против 105 вологодских). Основная причина, на-видимому, в том, что в конце XVI и в первой половине XVII в., в силу устойчивости сложившихся ранее двучленных и трехчленных антропонимических моделей, многие названия по профессии в Устюге не выполняли различительную функцию и не являлись прозвищами. В Ревизских сказках Устюга 1721 г. профессиональные прозвища, лишённые суффикса *-овъ*, уже отсутствуют. К числу «устюжских» фамилий первой четверти XVIII в., не отмеченных в Вологде, относятся, например, *Ковшевниковъ* (с. 165), *Козишниковъ*, (с. 166), *Ведерниковскихъ* (с. 167), *Гончаровъ* (с. 167), *Бочкаревъ* (с. 172), *Полстоваловъ* (с. 18) и др. Выпали к 1721 г. антропонимы, восходящие по происхождению к названиям редких профессий. Например: *Берестениковъ* (с. 94), *Цепенниковъ*, *Келейниковъ*, *Пролубниковъ* и некоторые другие. «Новыми» являются такие, как *Пшенниковъ* (с. 179), *Ямщиковъ* (с. 191), *Лукошниковъ* (с. 199), *Швалевъ* (с. 199), *Водолѣевъ* (с. 149).

3. Профессиональные фамилии в конце XVIII в.

Во второй половине XVIII в. процесс образования профессиональных фамилий в Вологде явно идет на убыль. Судя по материалам Ревизских сказок 1795 г., данная группа антропонимов к концу XVIII в. пополнилась всего 8 фамильными именованиями, вместо 40, отмеченными в начале XVIII в. К числу «новых» фамилий по профессии относятся следующие: *Богадѣльщикъ* – л. 104 об. (*богадѣльщикъ* 'лицо, которому поручен надзор за богадельней' – Сл РЯ XI–XVII, I, 256); *Петръ Дранишниковъ* – л. 126 (*драничникъ* 'тот, кто изготовляет драницы' – Сл РЯ XI–XVII, IV, 350); *Иванъ Андреевъ с. Епанешниковъ* – л. 180 (*епанечникъ* 'епанечный мастер' – Сл РЯ XI–XVII, V, 52); *Андрей Афанасьевъ с. Костоправовъ* – л. 54, *Данило Афанасьевъ с. онъ же тищется Костоправовъ* – л. 297 (*костоправъ* 'лекарь' – Сл РЯ XI–XVII, VII, 369); *Иванъ Николаевъ с. Решиковъ* – л. 332 об. (*резчикъ* 'вырезающий что-либо из кости, рога, дерева, режущий на меди, стали'. Резчик иконописный – Д., IV, 122); *Федоръ Андреевъ с. Скудельниковъ* – л. 390 об. (*скудельникъ* 'гончар' 'чрепичник', сев. 'могильщик' – Д., IV, 212); *Федоръ Ивановъ с. Сукончиковъ* – л. 276 (*сукончикъ* 'кто торгует сукном, суконный фабрикант или мастер или рабочий ткач' – Д., IV, 358); *Михаилъ Григорьевъ с. Трапезниковъ* – л. 334, об. (*трапезникъ* 'кто занимается торговлей, обменом' – Срез., II, 987, вят. 'церковный староста', 'обедальщик, затрапезник' – Д., IV, 426).

Более того, к концу XVIII в. происходит значительное сокращение такого рода фамильных прозваний. Если в Переписной книге 1711 г. насчитывалось

105 профессиональных именований с разными производящими основами, то в Ревизских сказках 1795 г. их всего 65. В первую очередь исчезают именования, образованные от редких профессий, которыми занималось незначительное количество именуемых – *Бѣльничковъ, Ветошниковъ, Войлошниковъ, Гребенщиковъ, Дегтеревъ, Зеленичикъ, Зеркальниковъ, Животчиковъ, Карбасникъ, Солоносовъ, Соловолоковъ, Конопатчикъ, Коровниковъ, Мѣдовиковъ* и др.

Это сокращение списка профессиональных антропонимов обусловлено рядом экстралингвистических факторов: снижением значимости г. Вологды как торгового центра, изменением вкусов людей, их отношения к такого рода именованиям. Определенную роль, по-видимому, сыграла и известная текучесть, неустойчивость фамильных именований в XVIII в.

Завершение процесса фамилиетворчества на базе названий по профессии в Вологде в конце XVIII в. тесно связано с ростом числа именуемых, имеющих одну и ту же фамилию. Сопоставим частотность наиболее ходовых профессиональных фамилий в памятниках начала и конца XVII в.

Фамилии	Переписная книга 1711 г.	Ревизские сказки 1795 г.
Поповы	6	40
Свѣшниковы	8	20
Мясниковы	6	16
Маслениковы	3	12
Оконичниковы	8	12

В Ревизских сказках по г. Вологде 1795 г. все профессиональные именования – фамилии в полном смысле этого слова. Все они единообразны по морфологическому оформлению, т. е. осложнены фамильным формантом *-овъ*. В подавляющем большинстве случаев фамилии потеряли семантическую наполненность и потому социально нейтральны. Например: *Петръ Егоровъ с. Гвоздаревъ, пряничный цехъ* (л. 431 об.), *Афанасий Ивановъ с. Гвоздарев, кажетной цехъ* (л. 449), *Федоръ Ивановъ с. Извоицковъ, торгует мелочным товаром* (л. 82), *Прокопей Осиповъ Масляниковъ, столярный цех* (л. 499), *Михайло Михайловъ с. Мясниковъ, серебряный цехъ* (л. 433 об.) и др. Только в исключительно редких случаях фамилии продолжают сохранять связь с социальной характеристикой именуемого. Ср., например: *Федор Романовъ с. Себребениковъ, серебряный цехъ* (л. 488 об.), *Семень Ильинъ с. Каменчиков, кирпичный цехъ* (л. 488 об.) и пр.

Таким образом, судя по актовым источникам, к концу XVIII в. в Вологде завершается переход фамильных прозваний в фамилии.

В Устюге Великом в конце XVIII в. заметен количественный рост некоторых профессиональных фамилий. По данным Ревизских сказок 1767 г., в пятерку самых распространенных входят фамилии *Попов* (на первом месте), *Кузнецовъ, Пономаревъ, Скорняковъ, Оконнишиниковъ*.

4. Профессиональные фамилии в первой половине XIX в.

Некоторое представление о фамильном составе г. Вологды первой четверти XIX в. может дать «Список г. Вологды обывателей по алфавиту 1830 г.» Список содержит именованья далеко не всех жителей города, в основном только наиболее состоятельной части, поэтому рассмотрение его не может дать полной и объективной картины. В Списке насчитывается всего 44 профессиональные фамилии. Заметна дальнейшая утрата семантической наполненности фамилий: *Иконниковъ Николай Ивановъ, торгует в холцевом ряду* (л. 85), *Суконщиковъ Иванъ Михайловъ, торгует в мясном ряду* (л. 243), *Кузнецовъ Степанъ Ивановъ, сторожъ* (л. 90) и т. д. Более устойчивыми в этом плане оказались носители фамилии *Черепановъ*. Многие из них имеют кирпичные заводы или владеют «кирпичнымъ мастерствомъ» (л. 278).

В первой половине XIX в. наблюдается количественный рост таких фамилий, как *Свѣшниковы* (13 семей), *Трапезниковы* (11 семей), *Черепановы* (11 семей), *Шапошниковы* (10 семей), *Мясниковы* (9 семей), *Оконешниковы* и *Прянишниковы* (6). Частотность самой распространенной фамилии *Поповъ* приводит к появлению двойных фамилий: *Александръ Ивановъ Поповъ Введенскій* (л. 201), *Иванъ Александровъ Поповъ Тестовъ* (л. 206), *Прасковья Федорова Попова Красильникова* (л. 201), *Александра Павлова Попова Чухина* (л. 191) и пр.

Итак, как явствует из рассмотренного, XVII–XVIII вв. – важный период в истории вологодской антропониимии, характеризующийся поисками устойчивой, единой для городского населения модели именования.

Сопоставление актовъх источников XVII – первой половины XIX в. дает возможность утверждать, что в течение XVII в. в Вологде происходило становление корпуса профессиональных прозвищ (позднее – фамильных прозваний), в XVIII в. – переход фамильных прозваний в фамилии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Зинин С. И.* Русская антропониимия XVII–XVIII вв. (На материале переписных книг городов России). АКД. Ташкент, 1969; *Зинин С. И.* Введение в русскую антропониимию. Ташкент, 1972; *Ликонов В. А.* Имя и общество. М., 1974, *Никонов В. А.* География русских фамилий. // ВЯ, 1983, № 2 и др.

2. *Трубачев О. Н.* Из материалов для этимологического словаря русских фамилий (Русские фамилии и фамилии, бытующие в России). // Этимология, 1966. М., 1968, с. 27.

3. *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. Мінск, 1966; *Худаш М. Л.* Украинская антропониимия XIV – начала XIX вв. (Мужские именования). АДД. Ужгород, 1980.

4. *Зинин С. И.* Русская антропониимия XVII–XVIII вв. Помимо центральных городов, в названной работе к исследованию привлекалась антропониимия Устюга Великого, Вятки и Иркутска.

5. *Никонов В. А.* Опыт словаря русских фамилий. I – в кн.: Этимология 1970. М., 1972; II – в кн.: Этимология 1971. М., 1973; III – в кн.: Этимология 1973. М., 1975; Он же. Из словаря русских фамилий. // РР, 1976, № 1–6; 1977, № 2–6; 1978, № 1–6; 1979, № 1–6 и др.

6. *Щетинин Л. М.* Русские имена. РГУ, 1975.

7. Список опубликован в кн. Источники истории г. Вологды и Вологодской губернии. Вологда, 1904.
8. В ГАВО хранится машинописная копия данной книги (Фонд «Вологодское общество по изучению Северного края» – 652, оп. 1, № 37).
9. Устюг Великий. Сотная книга 1630 г.; Сказки 1721 г. Устюга Великого о грашкихх носачихх людяхъ. – Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883.
10. Чичагов В.К. История русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959, с. 124.
11. Зинин С. И. Структура русских антропонимов XVIII в. // Ономастика, М., 1969, с. 80.
12. Зинин С. И. Введение в русскую антропонию, с. 32.
13. Щетинин Л. М. Русские имена, с. 104.
14. Никонов В. А. Имя и общество, с. 17.
15. В связи с установившимся мнением основным признаком фамильного прозвания, занимающего промежуточное положение между прозвищем и фамилией, мы считаем оформление его суффиксами *-ов* или *-ин*. В отличие от фамилии фамильное прозвание «могло и не переходить по наследству, а распространяться на лиц одной семьи в пределах одного поколения», Зинин С. И. Принципы построения словаря русских фамильных прозваний XVII в. // Перспективы развития славянской ономастики. М. 1980, с. 189.
16. Зинин С. И. Фамильные прозвания XVII в. как дополнительный источник экономической характеристики городов. // Ономастика Поволжья 2. Горький, 1971; Щетинин Л. М. Русские имена и др.
17. В. И. Ленин установил три этапа в развитии мелкой промышленности. Отличительной особенностью третьего периода является то, что ремесленник изготавливает товар и продает его на рынке непосредственно или через скупщика. Ленин В. И. Соч., т. 3, гл. V, § 1 и 2, 4 изд.
18. Закутца Ж. А. Номинация лиц по профессии в памятниках письменности русской народности XIV–XVI вв., Канд. дис. Киев, 1973 с. 149.
19. Арцыховский А. В. Новгородские ремесла в XVI в. // Новгородский исторический сборник, вып. VI. Новгород, 1939, с. 15.
20. Устюгов Н. В. Работные лица на Сухоно-Двинском водном пути. // Исторические записки, 1940, № 6, с. 167–194.
21. Никонов В. А. До фамилий. // Антропониюмика. М., 1970, с. 85–87; Зинин С. И. Введение в русскую антропонию, с. 23; Худаш М. Л. Украинская антропониюмика..., с. 10 и др.
22. АХУ, II–III; Шлятин В. II. Акты Великоустоужского Михайло-Архангельского монастыря. Устюг Великий, 1912.
23. Закутца Ж. А. Номинация лиц по профессии, с. 167.

«РОСПИСЬ ТРУБНОГО ДЕЛА» КАК ОДИН ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРОМЫСЛОВО-РЕМЕСЛЕННОГО СТИЛЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XV–XVII вв.

В 70-х гг. XX в. Б.А. Ларин затронул вопрос о неизученности посадской письменности конца XVI–XVII вв., т. е. времени, в течение которого закладываются основы русского национального языка. Этот период знаменателен тем, что именно в это время разговорный язык получает доступ в письменность¹.

В XVI–XVII вв. все посады на Руси – центры городской жизни, в них живет основная масса ремесленников, которые сами производят и сбывают свою продукцию. Посадская письменность была представлена ремесленными книгами, росписями, мастерскими книгами. Эти пособия служили справочниками по тому или иному мастерству, они предназначались для специалистов

своего дела. К сожалению, эти ценнейшие источники по истории русского языка до сих пор не собраны, язык почти всех этих книг не анализировался ни в каких исследованиях по истории русского языка ².

Изучение данных ремесленных и промысловых книг имеет исключительную ценность, поскольку позволяет поставить вопрос о наличии в русском литературном языке XVI–XVII вв. особой функциональной разновидности – промыслово-ремесленного стиля. На основе материалов картотеки «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» ³ нами была сделана попытка показать особенности данной функциональной разновидности ⁴.

Благодаря стараниям отечественных историков, обнаружена и дважды опубликована промысловая книга «Роспись как зачать делать новая труба на новом месте» (в обиходе «Роспись трубного дела») ⁵.

Настоящая статья как раз и посвящена исследованию лексического состава и синтаксиса данной промысловой книги. Объем Росписи 12 страниц машинописного текста. По словам историков, это интересное исследование по глубинному бурению скважин. Составлена рукопись на соляных промыслах Тотьмы или Леденги, соляные шахты которых достигали значительной глубины – 200–500 м. Написание рукописи как раз и было вызвано сложностью бурения таких глубоких скважин.

Интересен вопрос об авторе Росписи. Свою причастность к рукописи автор обозначил такой фразой: «Таковая роспись писана Сенькиной рукой». ⁶ Известный историк Русского Севера П.А. Колесников, пересмотрев хранящиеся в местных архивах документы XV–XVII вв. (переписные книги XVII в., ревизские сказки XVIII в., приходо-расходные книги солеваренных промыслов и др.), нашел имена многих мастеров соляного дела, целые династии таких специалистов, передававших свой опыт из поколения в поколения. По мнению П.А. Колесникова, основателем династии солеваров в XV в. был Григорий Сабля, а его внук Семен Сабля и является автором Росписи. ⁷

Обратимся к лексическому составу Росписи. Сразу сделаем оговорку: слова в источниках XVI–XVII вв., связанные с бурением соляных скважин, пока еще нельзя считать терминами в полном смысле этого слова, поскольку они не имеют основных признаков термина – однозначности, отсутствия коннотативных сем и др., мы знакомимся с лексикой, пока еще в слабой степени подвергшейся терминологизации. Правильнее ее называть специальной лексикой.

При создании ее рабочие люди прежде всего обращались к словам общего языка, значение которых в системе промысловой лексики почти не изменялось: *изба* (91), *анбарец* (191), *труб* (192), *бечева* (192), *доска* (192), *ящик* (192), *дверцы* (194), *рассол* (196), *лесница* (194), *ступени* (194) и др. Ср.: «Поставить изба от сох полсажени..., а изба бы стояла против сохи половиною стеною. Против сохи прорубать окно...» (191); «нижней конец у ворот утвердить в доску, а доска к земле пришить двумя сваями...» (192); «да зделати к большому подъему матишному... два ящика длиною по полу-

тора аршин, а толщина тем ящикам по пяти вершков» (192); *«сделать лесница, почему на матицу ходить людям и снасти носить; а лесница сделать извернуть две пожилыны, промеж их наколотить ступеней, да прислонить спереде»* (194) и др.

Являясь общеупотребительными словами, каждое из этих слов в то же время занимает важное место в системе промысловой лексики, связанной с бурением скважин.

Значительное количество общеупотребительных слов получает специальное значение: речь идет о процессе метафоризации, причем последняя осуществляется за счет реализации семантической модели: 'предмет (бытовой)' → 'предмет, связанный с промыслом'. К числу их относятся такие слова, как *лукошко* (192), *игла* (193), *матица* (192), *пасынок* (192), *оследь* (192), *гойтан* (193), *шелом* (194), *мост* (195), *стебель* (195), *труба* (196), *сковородник* (201), и мн. другие. Ср., например: *лукошко* в общем употреблении 'ручная корзинка', 'гнутый из луба корень' (Сл РЯ XI-XVII, VIII, 305) в промысловой лексике 'железный обруч, надеваемый на россолоподъемную трубу в месте соединения ставов': *«а на том конце пробрести 3 дыры и заколотить железным гвоздем накрепко, чтобы лукошко с матицы не свалилось»* (192); *игла* в общем употреблении 'тонкий металлический стержень с заостренным концом для вдевания нитки', в промысловой лексике 'брус, бревно, соединяющее брусья на верхнем конце матицы (рассолоподъемной трубы), на которые настигают пол сруба соляной шахты' (СПЛСР, I, 241): *«да те же две иглы еловые ядреные, а игла тесати по дирам и заколотит на крепко»* (193); *пасынок* в общем употреблении 'неродной сын', в промысловой лексике 'деревянная деталь, откос столба' (Сл РЯ XI-XVII, XIV, 169): *«К тем же сохам приделать к нижнему концу по пасынку, а пасынки втушить глуботиной в сохи вершка в полтора, а пасынкам длина полтора аршина»* (192); *«Да те же пасынки помадить на гвоздь на деревянное»* (192); *гойтан* в общем употреблении 'шнурок', в промысловой лексике 'веревка' (СПЛСР, I, 125: *«Да те два ящика повесить на крепкие гойтаны на переклад.»* (192)

Активна ссемантическая модель 'часть тела человека' → 'предмет', особенно 'часть головы человека' → 'предмет': *уши* (192), (193), *череп* (194), *губа* (197), *щеки* (200), *зубы* (200), *голова* (201). Ср. *«Вверху у сох сделать уши и утвердить в ухах по колесу для взъему перекадного»* (192); *«Да на то же бруссе по концам вынет уши по полуаршина, в чем сохам стоять»* (193); *«А у затеси губа толстинного край треть вершка..., да и на ту подвойную шить суконный чулок..., а на губу того же чулка загнуть и мелкими гвоздками приколоть частенко»* (197); *«А желонка длиною щеки девять вершков, а широты у щек, сколь толсты шесты»* (200); *«А голова у крюка гнуть столь велика, как бы прошла сквозь жерло»* (201) и др.

Как видно, метафора имеет большое значение в пополнении состава промысловой лексики. Активизация семантической модели 'часть тела человека' → 'предмет' легко объяснить тем, что одним из способов познания объектов

окружающего мира является их сопоставление с частями человеческого тела (антропоморфизм).

В исследуемой лексике метафоризация в ряде случаев осуществляется и за счет семантической модели 'животное/ часть тела животного' → 'предмет': *боран* (193), *рогъ* (194), *собака* (194), *хвост* (194), *коровка* (194): «*Да в те же два бруса утверждать два столпца, промежу их брусье, почему борану ходить..., с бораном сплотить те столпцы на земли*» (193); «*А боранъ от мосту стоит аршин с веряком, толцины борану полтора аршина..., шея длиной нять вершков..., первой рог у борана от столпца аршин без двух вершков*» (194); «*Воротовой стяг длиною полторы сажени, собаки грузовые длиною по три четверти аршинные, а у тех собак хвосты по полусажени*» (194); «*Среде ладила коровка полсема вершка*» (194).

Нами уже было отмечено наличие так называемых «сквозных» специальных слов, возникших в связи с общностью ряда трудовых процессов в разных промыслах и ремеслах⁸. В исследуемой Росписи чаще всего к «сквозным» относятся названия инструментов: *ворот* (192), *напарья* (194), *бурав* (194), *трезуб* (195), *резец* (195), *лезье* (195), *долото* (201), *желонка* (201). Ср. «*Да назаде тех сох поставить два ворота долгие о четырех пожилинах*» (192); «*Два бруса провертыя... напарьею*» (194); «*Буде не найдет шелом, розмина бурава: стал на песку – тем же шеломом; мелкое камене трезубы*» (195) и др.

Заметное место в Росписи занимают составные наименования, состоящие из двух компонентов: зависимого (уточняющего) слова и лексемы, обозначающей родовое понятие (основной компонент). Составные наименования выражают единое целостное понятие и являются устойчивыми. Они выполняют три функции.

Первая состоит в том, что присоединение уточняющего слова к общепотребительному приводит к формированию специальной лексики: опорное слово перестает обозначать бытовой предмет, оно становится названием предмета, связанного с промыслом: *голень* → *буравная голень* (200), *дерево* → *матишное дерево* (193), *бечева* → *подъемная бечева* (193), *кольцо* → *деревянное кольцо* (199), *стяг* → *воротовой стяг* (194), *шест* → *воротовой шест* (194), *росол* → *копезный росол* (198), *веретено* → *железное веретено* (195) и мн. др.

Вторая функция составного наименования связана с тем, что уточняющее слово указывает на отношение названия к предметам трудовой деятельности. Там, где уточняющее слово одно и то же, формируется системное объединение внутри системы промысловой лексики. Ср. *дерево матишное* (192), *напарья матишная* (200), *тюрик матишный* (200), *резцы матишные* (201), *гнетка матишная* (194), *снасть матишная*, *матишная поделка* (193); *воротовой стяг* (194), *шея воротовая* *воротовой шест* (194); *шелом железной* (195), *тюрики железные* (195), *трезуб железной* (195), *веретено железное* (195).

И наконец, третья (основная) функция состоит в том, что определяющий (зависимый) компонент составного наименования служит для различения

(дифференциации) названий близких по назначению предметов труда. Ср.: *гвоздь железное – гвоздь деревянное* (192), *литейная трубка – подлитная трубка – подвойная трубка* (197), *оборотной крюк – веслой крюк* (201), *мост тесовый – бревячатой* (199), *воротовой шест – тяжлый шест – чищельный шест – затинный шест* (199, 199, 194, 198), *губной резец – подгубной резец* (195), *ворот стоячий – ворот земляной* (195), *взъем перекладной – взъем трубный* (192) и др.

Специфичны именно для специальной лексики глагольные составные именованья типа *снарвить нарвами* (193), *мосты наместить* (193), *струб срубить* (193), *став ставить* (198), *окружить кружалом* (193) и пр.

Как видно из сказанного, вся промысловая лексика, связанная с бурением соляных скважин, восходит по происхождению к общепотребительной лексике русского языка XVI-XVII вв. Следует отметить почти полное отсутствие иноязычных слов (кроме слова *мастер* и еще нескольких). Богатые потенциальные возможности общерусского языка обеспечили формирование специальных промысловых слов, вступивших в системные отношения.

Синтаксический строй «Росписи» отражает особенности разговорной речи. Здесь отсутствуют построения текста, связанные с логическим развитием мысли, почти нет придаточных предложений, причастных и деепричастных оборотов. Как и в большинстве памятников делового языка Московской Руси XV-XVII вв. в Росписи отмечаем так называемое нанизывание предикативных конструкций, при нанизывании всякая следующая предикативная конструкция служит пояснением предыдущей, что и выстраивает их в цепочку. «Текст представляет собой как бы одно бесконечное предложение, в котором составляющие его части прилеплены друг к другу без видимой формальной связи между собой»⁹. Ср. «*Поставить изба от сох полсажени, супротив ея анбарец для трубных снастей; промеж ими две сажени, а изба бы стояла против сохи половиною стены. Против сохи прорубить окно близь потолка для сушения векошных бечев, или в морозы для таенья*». (193)

Предикативные конструкции могут присоединяться друг к другу союзами *и, а, да*, не выражающими определенных логических отношений: «*На нижнем конце у болвана... продолжить наскрозь вверх по болвану 4 конца, да на тот же конец посадить кольцо о всем болване, толщина и ширина полвершка, а позади болвана засечь у пята резцовой в треть болвана в глубину, а верх шесть вершков*» (195); «*Добыть матишное дерево шести сажени или пяти с край на край аршин, а то дерево вытесать и выскоблить; на нижней конец насадить кольцо ширина кольцу два вершка, толщина верхнему краю кольца полвершка... и на том кольце пробрести 3 дыры и заколотить железным гвоздем накрепко*» (192).

Несмотря на кажущуюся организованность текста, все понятно, поскольку текст связан. Связанность текста обеспечивается не только наличием сочинительных союзов, но и лексическим повтором и эллипсисом.

Лексические повторы весьма важны, характерны для всего текста Росписи. Ср.: «Да к тем сохам приделать к нижнему концу по пасынку, а пасынки впустить глубиною в сохи вершка в полтора, а пасынкам длина полтора аршина, да на пасынке и на сохе вынести колесу гнездо» (192). «На конопаты запустить в став кругом затески тряпочка тонких ветошей... да повести тож конопаты, а конопаты лыка мять вялые намелько» (197); «Малого трезуба шестерики зубье длиной три чети аршинных, трезуба другово с вершком..., а большой трезуб матишной длиной в полсажени» (201) и др.

Значительно реже средством связи является эллипсис: «Бы матицу потесать на низ после, и в те поры смотреть надобе бережно по отвесу прямо, чтоб в сторону [матица] не ушла» (195). «Малого трезуба шестерика зуба длиной три чети аршинных... да среднево [трезуба] в аршин, половина другая доле..., среднево [трезуба] две трети вершка» (201).

Жанр памятника (Роспись – руководство к действию) определил своеобразие синтаксической структуры предикативных единиц: основная масса предложений относится к односоставным (отсутствие подлежащего, т.к. составитель обращается к любому, каждому специалисту по бурению скважин), сказуемое выражено инфинитивом в функции повелительного наклонения: «Поставить сохи, по дереву смотря матишному» (192), «Добыть матишное дерево шести сажен или пяти» (192), «Да к тем сохам приделать к нижнему концу по пасынку, а пасынки впустить глубиною в сохи вершка в полтора» (192). Значительно реже сказуемое выражается глаголом в повелительном наклонении: «И бы пособит... поди на низ, стал на щекоту, поди шеломом» (194) и др.

Хочется надеяться на то, что в ближайшем будущем исследованию подвергнутся ремесленные книги и других промыслов Северной Руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975. С. 258.

2. Б.А. Ларину удалось обнаружить 10 ремесленных книг, где они находятся сейчас – неизвестно. Там же. С. 262.

3. Картотеска «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.» хранится на кафедре русского языка Вологодского педуниверситета (Вологда, пр. Победы, 37).

4. Чайкина Ю. И. Об одной функциональной разновидности русского языка XVI-XVII вв. // ФН. 2000. № 2. С. 106-112.

5. Прозоровский Д. М. Старинное описание солеваренного снаряда // Известия Археологического общества. Т. VI, отд. 1, СПб, 1869. Вып. 3; Колесников П. А. Первое инженерное наставление по глубинному бурению скважин. // Проблемы историографии и источниковедческой истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 189-203.

6. Прозоровский Д. М. Старинное описание...

7. Колесников П. А. Первос инженерное наставление... С. 190.

8. Чайкина Ю. И. Промысловая (ремесленная) лексика в старорусском языке: ономазиологический аспект (на материале деловой письменности Северо-Восточной Руси) // Русская региональная лексикология и лексикография. Вологда, 1999.

СОКРАЩЕНИЯ

СПЛСР – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. I (А–И). СПб, 2003.

Сл РЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–26. М., 1975–2002.

ОБ ОДНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА XVI–XVII вв.

Работы В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, С. И. Коткова, С. С. Волкова, В. Я. Дерягина и других положили начало формированию в русистике новых направлений – исторической стилистики русского языка и лингвистического источниковедения.

Именно в это время (60–80 годы XX в.) возрос интерес к языковой ситуации на Руси в разные исторические периоды и в том числе в период существования старорусского языка. По мнению Ф.П. Филина, кроме церковнославянского языка русской редакции, в XVI–XVII вв. употреблялся еще и русский письменный литературный язык¹. Одна из разновидностей последнего нас и интересует.

Речь пойдет о невыявленной и почти не изученной функциональной разновидности старорусского языка, которая пока еще не имеет названия. Назовем ее условно производственно-технической, поскольку она связана с развитием промыслов и ремесел на Руси в XVI–XVII вв. Документы производственно-технического стиля создавались обычно в городских районах – посадах, населенных ремесленниками, посадскими людьми, которые являлись производителями и одновременно продавцами своего товара. Некоторые сведения о такого рода источниках имеются в работах Б.А. Ларина, который называет эти документы посадской письменностью².

К производственно-технической разновидности старорусского языка (посадской письменности) Б.А. Ларин относит документы нескольких жанров: Русскую торговую книгу, созданную во второй половине XVI в. (примерно 1575г.) в первой редакции в Москве, во второй – в Вологде и Холмогорах. Эта книга исследована И.Н. Шмелевой³. В словарном составе ее отмечены названия мер и денежных единиц, названия процессов производства и торговли. Книга отражает переход от старой системы мер и весов к новой (аршин, фунт и др.). Книга доказывает, что посадская среда ввела значительный запас профессиональной лексики в русский язык.

Второй жанр источников, которые составляют ядро данной функциональной разновидности, – это ремесленные, мастерские книги, в которых описывается, как налаживать и развивать тот или иной промысел, ремесло. Термина для обо-

значения такого рода источников не существует. Историки называют их инженерными наставлениями, техническими руководствами, техническими трактатами. У Б. А. Ларина они именуются ремесленными (мастерскими) книгами⁴. Эти книги служили мастерам справочниками, они переходили от поколения к поколению и были рассчитаны на специалистов, которые представляют весь ход производства. Справочники лишь напоминали все детали трудового процесса.

Только несколько этих источников обнаружено и опубликовано. Сколько их сохранилось до нашего времени – неизвестно, поскольку целенаправленного поиска их в архивах не велось. Б. А. Ларин разыскал 10 ремесленных книг, они хранились в его архиве⁵.

Приведем сведения об известных нам ремесленных книгах. Д.Н. Прозоровским опубликована в XIX в. «Роспись как зачать делать новая труба на новом месте»⁶. В наши дни эта рукопись с некоторыми комментариями вновь опубликована П.А. Колесниковым⁷. Она представляет собой техническое руководство по бурению соляных скважин. Историки утверждают, что написал его некий Сенька, проживавший в XVI в. в Тотьме, видимо, искусный буровой мастер. В тот период бурение скважин было сложной технической процедурой, поскольку глубина скважин доходила до 500 м⁸.

Найдены технические трактаты в Строгановском архиве, но они более поздние⁹.

Известны также такие наставления, как «Указ как золото творить листовое», наставление, как кроить ткани, как разводить краски, трактаты по переплетному делу и др.¹⁰.

На наш взгляд, особенности производственно-технической разновидности старорусского языка отражают и источники такого жанра, как порядные, и в частности порядные на постройку деревянных храмов. Это тоже наставления, в которых даются точные указания, как, в какой последовательности возводить деревянный храм (Порядная на постройку Благовещенской соборной церкви в Шенкурском остроге 1697 г. – ГАОО, ф. 1026, оп. 1, д. 4; Мирская рядная запись на построение деревянной церкви 1666 г. – Известия Императорского Археологического общества. Т. II. – СПб, 1861 и др.)

Известно, что любая функциональная разновидность языка (стиль) характеризуется специфической лексикой, особыми стилеобразующими деривационными свойствами, особой структурой документов, формуляром.

Рассмотрим специфические черты производственно-технической разновидности старорусского языка, отличающие ее от других стилевых образований.

Объем лексики данной разновидности значителен, поскольку в XVI–XVII вв. на Руси существовали многие промыслы и ремесла, причем некоторые из них достигли высокого для того времени технического совершенства: железоделательное ремесло, соляной, судовой, строительный (плотницкий), рыболовецкий, кожевенный, охотничий, мельничный промыслы, лесное дело, смолокурение, свечной, гончарный промыслы, ткачество и т.д. Широкое развитие в связи с этим получила метрология.

Лексика отмеченных промыслов и ремесел и отличала производственно-техническую разновидность от других стилей. В результате складывания и технического совершенствования промыслов в лексико-семантической системе старорусского языка сформировалась широкая семантическая зона, элементы которой объединялись единым понятием 'промысел (ремесло)'.

Развитие и дальнейшее совершенствование промыслов и ремесел в тот период поддерживали монастыри, т.е. наиболее крупные феодальные хозяйства. Так, например, Спасо-Прилуцкий, Николо-Корельский были владельцами соляных варниц, широкое развитие во владениях этих монастырей получил кузнечный промысел, в Николо-Коряжемском монастыре – железное дело, в Кирилло-Белозерском – рыболовство, соляное дело, иконопись и др.

Промысловая лексика нашла отражение в документах разных жанров и в первую очередь в ремесленных (мастерских) книгах. Так, в «Росписи как зачать делать новая труба» находят место почти все термины соляного дела того времени, их несколько сотен. В ряде порядных на строительство деревянных храмов отмечено до сотни терминов. Вместе с тем промысловая лексика представлена и в документах иных жанров старорусского языка и прежде всего в источниках канцеляско-делового стиля: приехо-расходных книгах крупных феодальных хозяйств, вкладных, издержечных книгах, грамотах, челобитных, таможенных книгах и особешно описях имущества.

Основываясь на опубликованных и архивных источниках Северной Руси, в которых нашла отражение промысловая лексика, кафедра русского языка Вологодского педуниверситета собрала значительный материал. В картотеке «Словаря промысловой лексики Северной Руси XVI–XVII вв.» насчитывается свыше 30 тысяч карточек, т.е. основной массив специальной лексики¹¹.

Приведем некоторые термины. В лексике соляного дела выделяются, например, такие тематические группы, как названия трудовых процессов (*варить, заварить, выварить, вязать, дровничать, затоплять, выливать* и др.), названия орудий и инструментов (*бадьа, веретено, вешало, гребло, цырен, кардеха, каракуля, лезье* и др.), в лексике судового дела – названия процессов труда (*вызнимать, выкатить, выконопатить, жаравить, здымать* и др.), наименования судов (*байдара, барка, белозерка, вобласть, дощаник, днищечко, карбась, кочь* и др.), названия профессий (*весельникъ, гребецъ, присадчикъ, кормщикъ, носникъ* и др.). Обширна группа лексики, связанная с железоделательным промыслом. Ср., например, названия трудовых процессов (*вострить, вытирать, выточить, вязать, гвоздить, дружить, дуть, зубить* и др.), наименования промысловых строений (*домница, гвоздильня, кузленица* и пр.), названия орудий труда (*греблица, зубило, кирка, толчея, топоренокъ* и пр.).

Ограничимся этими иллюстрациями.

К особым стилеобразующим деривационным средствам рассматриваемой функциональной разновидности относятся общие закономерности в словообразовании, характерные для терминологии большинства промыслов:

а) регулярная словообразовательная модель (глагол – отглагольное существительное с суффиксами *-ениѣ / -аниѣ, -к, -ѣ*). Например, железное дело: *точить – точенье, хитить – хитенье, плавить – плавление*; соляное дело: *варить – варенье, сливать – сливанье, тряхать – тряска, вязать – вязка, высыпать – сыпка, выварить – выварка*; строительное и лесное дело: *сечь – сечение, плотить – плоченье, возить – воженье, тесать – теска, вздывать – вздымка*; корабельное дело: *навозить – навозка, выволочить – выволочка, выметать – выметка, выноски*; рыболовецкая лексика: *ловить – ловление, вязать – вязка* и др.;

б) наличие сложных слов, первым компонентом которых является количественное или собирательное числительное, поскольку слова с количественными показателями имеют большое значение для производственно-технической сферы. Такие термины характерны для лексики железного (кузнечного) дела: *двоеличный замок, двоеручный молот, двоещепный гвоздь, четверогранное желѣзо, одноличный замок*; строительного: *троеплечная чешуя, троесаженный лѣсъ*; корабельного дела: *двоенабойница, друговесельник* и др.;

в) стилеобразующей особенностью являлось и то, что слова, выражающие важные для данных промыслов понятия, обычно являлись базой для формирования значительного количества профессионализмов. Например, соляного дела: *варить, выварить, варенье, вывариванье, варецъ, варя, варничный, выварщикъ, солеваръ*; железного дела: *кузнъ, кузло, кузяно, кузаль, кузнецъ, кузнецкий, кузница (кузленица)*; рыболовецкого: *ловь, ловить, ловище, ловецкий, ловенье, ловчий* и пр.

г) стилеобразующей особенностью производственно-технической разновидности старорусского языка является значительное количество двучленных составных наименований (СН). Известно, что СН наиболее четко и полно обозначают соответствующие производственные понятия. Обратимся вначале к именным СН. В лексике железного дела с родовым словом «железо» насчитывается, например, свыше 60 СН (*желѣзо бѣлое, желѣзо веретенное, желѣзо волоченное, желѣзо восьмигранное* и др.), с родовым словом «замок» около 30 наименований (*замокъ бубенчатый, замокъ вислой, замокъ задорожистой* и др.).

В лексике ряда промыслов наличествуют СН со стержневым словом-глаголом: *снимать дубу, толчи дубъ, прятать мѣсто, починивать мѣсто, строить езь, рубить угломъ, творить известь, забрать въ тетивы* и пр. Особенно активен глагол *бить*, который является опорным словом значительного числа СН, относящихся к разным промыслам: *бить шерсть, бить соль, бить зверя, бить печь, бить масло* и пр.

Отметим только эти стилеобразующие средства, хотя их значительно больше.

Обратимся теперь к структуре текста технических наставлений (ремесленных книг). К сожалению, формуляр этих источников не исследован. Одна-

ко даже при поверхностном ознакомлении с данными документами можно отметить близость их синтаксического строя.

Приведем отрывки из некоторых технических наставлений: *«Позади ворота поставить столбик на подпорѣхъ, а тот столбик вкопать в землю, чтобы столбик не повалился от подъемные тягости; и та оследей один конецъ привить к сохе накрепко...»*

*А боранъ от мѣсту стоитъ аршин с вершком, толщина борану полтора аршина... шея длиною пять вершков ... первой рог у борана от столпца аршин без вершка»*¹².

«Возьми меду пресново з горошину а золота листа два и больши да тво- рити в раковинѣ пѣретом нагустѣ доколѣ сровняется и налити раковина воды полна смѣшать пѣретом и залить трижды водою свежесо...» («Указ как золото творить листовое»)¹³.

«Мне холодный храм спремить, охлупни положить... на тесницы на верх трапезы положить наплотно» (Порядная на постройку церкви в Дмитриевской волости 1658 г.)¹⁴. *«Крыть тесом, маковицы на шеях с висками резными и с поясами затейчиво и чинно»* (Порядная на постройку Благовещенской церкви в Шенкурском остроге 1697 – ГААО, ф. 1026, оп. 1, д. 4).

Во всех источниках синтаксический строй представлен лаконичными фразами, своеобразной повелительной формой, которая выражается чаще инфинитивом или глаголом в повелительном наклонении. Предложения по структуре обычно простые неполные, сложные же – чаще бессоюзные или с сочинительной связью, изредка – сложноподчиненные.

Синтаксическая структура рассматриваемых источников сходна со строем текста той части Домостроя, документа нравоучительно-бытовой литературы, где даются хозяйственные советы. Ср.: *«А ставцы и блюда и братены и ковши... на лавке не валялися бы, где устроено быти в чистом виде лежало бы опрокинуто ниц. А платья и рубашки и уборы на себе носи бережно не извалять не изсуслати... все это снимаючи с себя класти бережно и беречи того накрепко»*¹⁵.

Итак, все изложенное выше дает основание считать, что начало формирования научно-производственного (научно-технического) стиля русского языка относится к XVI–XVII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
2. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975. С. 258.
3. Шмелева И.Н. Торговая терминология XVI в. (по материалам Торговой книги) // Уч. зап. ЛГУ. 1948. N 267. Вып. 52.
4. Ларин Б.А. Указ. соч. С. 261.
5. Там же. С. 262.
6. Прозоровский Д.Н. Старинное описание солеваренного снаряда // Известия Археологического общества. Т. VI. Отд. 1. СПб, 1869.

7. Колесников П.А. Роспись как зачать делать новая труба на новом месте // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 189-202.
8. Там же. С. 190.
9. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI-XVII вв. М., 1962. С. 157-168.
10. Ларин Б.А. Указ. соч. С. 262.
11. Картотеска «Словаря промысловой лексики Северной Руси XVI –XVII вв.» хранится в лексикографической лаборатории Вологодского педуниверситета (Вологда, пр. Победы, 37. ауд. 61).
12. Колесников П.А. Указ. соч. С. 194.
13. Ларин Б.А. Указ. соч. С. 194.
14. Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 130.
15. Домострой по списку Общества истории и древностей российских. М., 1882.

ОНОМАСТИКА ВОЛОГОДСКОЙ ЗЕМЛИ

ИЗ ИСТОРИИ ТОПОНИМИИ И АНТРОПОНИМИИ УСТЬЮЖСКОГО И ТОТЕМСКОГО УЕЗДОВ (по материалам деловой письменности XVII – XVIII вв.)

В последние десятилетия значительное развитие получило изучение антропонимов и топонимов в их истории. Проследивая эволюцию восточнославянской антропонимии от древнейшей стадии до наших дней, лингвисты широко привлекают материалы древних письменных источников, в основном памятников делового письма¹. Исследование динамики географических названий ведется не менее интенсивно, при этом большинство известных топонимистов пользуется ретроспективным методом, т.е. ориентируется в основном на современный топонимический материал, пытаясь с его помощью заглянуть в отдаленное прошлое. Ряд ученых берет под сомнение достоверность современных топонимических данных как исторического источника, поскольку топонимический материал в течение XV – XVIII вв. обнаруживает значительную изменчивость².

В настоящей статье рассматривается антропонимия и топонимия двух уездов Русского централизованного государства XVII – XVIII вв. – Устюжского и Тотемского. В связи с тем, что памятники делового письма дают ценные данные для диахронического изучения не только антропонимии, но и топонимии, основным материалом работы послужили письменные источники местных и центральных архивов.

Привлечение ономастического материала памятников деловой письменности дает возможность рассмотреть развитие антропонимической системы Устюжского и Тотемского уездов в XVII – XVIII вв., показать взаимозависимость процессов, протекающих в антропонимии и топонимии. Вместе с тем топонимия и антропонимия древних рукописей проливают свет на историю заселения славянами русского Севера, позволяют судить об этнических контактах в прошлом.

Деловые документы Тотемского и Устюжского уездов дают возможность обратиться к изучению принципов номинации географических объектов. Несмотря на то, что уезды граничили друг с другом, названия населенных пунктов в них различались признаками и способами номинации. И в том и в другом уезде определенная часть ойконимов получала название по связи с окружающими объектами, но эти объекты были разными. В Тотемском уезде чаще ими являлись водные источники, ср. напр.: дрв. *Уваровица* на рекѣ на Су-

хоне... против рѣчки *Уваровицы* (Вып. из сотн. кн. Тот. у. 1630 – ВОКМ, № 4368, л. 34 об.); дрв. *Исаево* Большой Дворъ тожь на рекѣ на Царевѣ и на речкѣ *Исаевкѣ* (там же, л. 75); дрв. *Кожуховица* на рекѣ на Сухоне ниже устья рѣчки *Кожуховицы* (там же, л. 38); слободка *Ихалица* Исаково тожь на речкѣ на *Ихалице* (там же) и др³.

В Устюжском уезде названия населенных пунктов последовательнее связаны с особенностями ландшафта. В деловых документах данного региона богато представлены составные топонимические наименования, один из компонентов которых восходит к географическим терминам *гора* или *рамень*. Особенно часты такие топонимы в Утмановской волости Устюжского уезда: дрв. *Залѣсова Гора*, дрв. *Максимова Гора*, дрв. *Лунывы Горы* а Припашь, Плесо тожь; дрв. *Старостина Гора* на рѣчке на Старостинѣ; дрв. *Красная Гора* на рекѣ на Югу; дрв. *Парашина Гора*, пстш. *Солоная Гора* и *Иванова тожь*; дрв. *Фалѣлева Гора* (Вып. из зем. кн. Утм. вол. Уст. у. 1688 – ВОКМ, № 2134, л. 39, 59, 78, 104 об., 107 об., 121 об., 141 об.); дрв. *Григорово Рамень* а Великий Дворъ тожь; дрв. *Синчино Рамень* а Волково тожь; дрв. *Гогонегово Рамень* дрв. *Лобаново Рамень*, дрв. *Рукинское Рамень* а Князево тожь; дрв. *Панкино Рамень*, дрв. *Пивоварцево Рамень*, дрв. *Щекинское Рамень* и пр. (там же, л. 31, 34 об., 76, 86 об., 101 об., 127 об., 141).

Известно, что топонимические наименования, в состав которых входили лексемы *гора* и *рамень*, в более ранний исторический период (в XV в.) были широко распространены в новгородских пятинах (НПК, т. 6, указатель).

В составе географических названий Тотемского и Устюжского уездов наиболее значительна группа посессиных топонимов, поскольку большинство селений получило наименование по связи их с человеком. Однако и здесь намечается различие. В писцовых книгах Тотемского уезда XVII в. отмечены ойконимы с именем или прозвищем основателя или первого владельца деревни в основе, поэтому в списках крестьян упоминание об основателе селения обычно отсутствует: дрв. Харитоново на рѣчке на Водопойце... а крестьянъ въ ней д. Первушка Офонасьевъ сынъ Дудка, д. Ивашко Кузминъ, д. Лучка Кузминъ (Вып. из сотн. кн. Тот. у. XVII в. – ВОКМ, № 4368, л. 70).

В памятниках Устюжского уезда XVII в. также фиксируется значительное количество названий, данных в отдаленное время по имени основателя. Деловые документы отражают вместе с тем появление в XVII в. большого количества новых ойконимов, в основе которых лежит не имя или прозвище, а общая фамилия целой группы семей, находящихся в родственных отношениях. Как правило, все или большая часть жителей деревни значатся под этой общей фамилией: дрв. *Селковская*, а *Печенкино тожь*... а въ ней крестьянъ д. Алешка Акинфиевъ Ключкиныхъ..., д. Гаврилко Иванов *Печенкинъ*, а у него половникъ Дениско Иванов *Печенкинъ*, д. Савинко Степановъ *Печенкинъ*, д. Ивашко Трошка Филиповы *Печенкины* (Вып. из зем. кн. Утм. вол. Уст. у. 1688; ВОКМ, № 2134, л. 66); дрв. *Сндоровица*, а *Пестово тожь*... а в ней кре-

стьянь в. Петрушка Ивановъ *Пестонскихъ*, в. Тимошка Никитинъ *Пестовскихъ*, в. Ивашко Степановъ *Пестовскихъ*... (Писц. кн. В. Устюга, 1675 – ЦГАДА, ф. 1209, № 515, л. 39). В Устюжском уезде, в отличие от Тотемского, активизируется в XVII в. формирование отантропонимических (отфамильных) ойконимов. Топонимы, основанные на таких «родовых» фамилиях, обычно вытесняют более ранние названия данных селений: дрв. Селковская, а *Печенкино* тожь (л. 114); д. Берссневский Починок а Кожухово и Слудкино и *Еремовщина* тожь (л. 11), д. что была пустошь Бернѣевская, а *Панковщина* тожь (л. 114) и т. д.

В исторической литературе имеются свидетельства, подтверждающие сохранность большой патриархальной семьи на территории бывшего Устюжского уезда даже в XIX в.: «...у самого починца (жителя починка. – Ю. Ч.) разрастается семейство, делится, строит особые дворы и образует целую деревню; названия некоторых деревень показывают, что они не что иное, как одно обширное семейство, как, например: *Корнилята, Денисята, Микулята* или *Ермаковщина, Хомяковщина, Медведевщина, Окуловщина* и пр.»⁴

Один и тот же топоним, восходящий к фамилии, выступает в устюжской письменности в разном морфологическом оформлении – с суффиксами *-ин*, *-ов*, *-й*-, *-щин*-, *-овщин*: д. *Печенкино* – *Печенкиныхъ* – *Печенковщина*, д. *Бабеново* – *Бабеновщина*, *Поникарово* – *Поникаровщина*, *Хомяково* – *Хомяковщина*, *Подгорбунье* – *Подгорбунщина*, *Окулово* – *Окуловщина*, *Еремово* – *Еремовщина* и др. Например: дрв. Михѣевская а *Хомяковщина* тожь: в ней дворъ Якушка Петрушка Максимовъ *Хомяковъ*, дворъ Якушко Яковлевъ *Хомяковъ*, в томъ же дворѣ племянник его Ивашко Ивановъ *Хомяковъ* (Вып. из зсм. кн. Утм. вол. Уст. у. 1688 – ВОКМ, № 2134, л. 56). В этом же источнике данное селение называется *Хомяково*.

Значительный интерес вызывают устюжские топонимы с формантом *-щин*-, не отмеченные в документах Тотемского уезда. Об ойконимах на *-щин*- существует большая литература⁵. По мнению Э. Д. Головиной, первичное значение суффикса *-щин*- – обозначение коллектива людей, жителей селения⁶. Основной массив топонимов на *-щина* располагается на территории Белоруссии, северо-восточной Польши, северо-западной Украины, в РСФСР – в Смоленской, Брянской, Псковской, Новгородской областях. Топонимические наименования с формантом *-щин*- длительный период сохранялись на территории, которая относилась в XVII в. к Устюжскому уезду. В «Описании г. Никольска и его уезда в XVIII в.» отмечены названия деревень *Подуруевщина*, *Гордеевщина*, *Огореловщина* и др. (Сев. Р., с. 118). В наши дни такого рода ойконимы фиксируются в юго-восточной части Вологодской области (Кичменгско-Городецкий район): д. *Аксеновщина*, *Окуловщина*, *Колотовщина*, *Лешковщина*, *Надеевщина* и др.⁷

Судя по памятникам письменности, различалась и антропонимия Тотемского и Устюжского уездов XVII в. Формирование фамилий разных сословий русского общества, и в частности крестьян, до сих пор остается важным и до

конца не решенным вопросом русской исторической антропоники. Известно, что фамилии у крестьян появились сравнительно недавно, во второй половине XIX в., после отмены крепостного права. Однако процессы формирования их на всей обширной территории России протекали не одновременно и не по одной модели.

В деловой письменности Тотемского уезда именованья крестьян не были устойчивыми по структуре: одни состояли из 2 компонентов – личного имени и отчества с суффиксами *-ов-*, *-ин-*, другие – из 3, поскольку добавлялось фамильное прозвание. В писцовых книгах 1623 и 1645 гг. в одних и тех же населенных пунктах часто фиксируются и двух-, и трехкомпонентные именованья. Например: дрв. Исаево... а в ней крестьянь: д. Гришка да Родка Екимов дети Немировы, д. Петрушка Федоровъ снь Собининъ..., Васка Тихоновъ снь, Дружинка Омелянов снь (Писц. кн. Тот. у. 1623 – 25 – РГАДА, ф. 1209, к-480, л. 569); дрв. Тарабунина... а в ней крестьянь: в. Поздѣико Амосовъ Малцовъ..., в. Федотка Баженовъ Малцовъ же, в. Богдашко Нефедевъ..., в. Федко Ильинъ да снь его... Миронко (Переп. кн. Тот. у. 1645 – РГАДА, ф. 1209, № 15049, л. 39).

Как свидетельствуют тотемские памятники, только в редких случаях фамильные именованья крестьян в XVII в. передавались от поколения к поколению. Можно сослаться в этом случае на описание д. Мишуково Тотемского уезда. В документах 1623 г. среди жителей значится Шестунка Ивановъ снь Упадышевъ да дѣти его Олешка, да Микитка, да Петрушка (Писц. кн. Тот. у. 1623 – РГАДА, ф. 1209, к-480, л. 556). В 1676 г. в этой же деревне отмечены Ивашко да Федка Алексѣевы дѣти Упадышевы, Оска Микитинъ снь Упадышевъ, Ивашко Петровъ снь Упадышевъ (Писц. кн. Тот. у. 1676 – РГАДА, ф. 1209, к-485).

Как правило, фамильные именованья крестьян одной и той же деревни, взятой в разные исторические периоды, т.е. дедов и их внуков, не совпадают, т.е. не переходят еще от поколения к поколению. В 1623 г. в д. Сергиевской значились фамилии Кулаковых, Лысовых (Писц. кн. Тот. у. – РГАДА, ф. 1209, л. 560), в 1676 г. в этой же деревне отмечены только фамильные именованья Ворошиловых и Попцовых (Писц. кн. Тот. у. 1676 – РГАДА, ф. 1209, к-485, л. 11); в д. Семеновской в 1623 г. значатся фамилии Черновых, Грибановых, в 1676 г. – Толстиковых, Первушиных и т.д.

Сопоставление писцовых книг Тотемского у. 1623, 1645 и 1676 гг. убедительно свидетельствует вместе с тем о постепенном увеличении числа трехкомпонентных именованья. В 1676 г. отмснены по преимуществу уже трехкомпонентные именованья.

Именованья крестьян Устюжского уезда существенно отличаются тем, что не только на протяжении всего XVI в., но и в XVII в. они имеют трехкомпонентный характер: третьим обязательным членом является фамилия: Се язъ Максимъ Ивановъ сыгъ *Медвѣдевъ* купилъ ссми у Ивана у Нечая у Пикитина сына у *Пуртова*... землю (Купчая 1523 – АХУ, т. 14, с. 80). Фамильные име-

нования отмечены в различных по жанру и стилю деловых документах – грамотах, приходо-расходных книгах монастырей, в писцовых книгах: принял вклад... у крестьянина у Карпа Денисова сына *Ширяева* семь рублей (П-Р кн. Тр.-Глед. мон. 1675 – ВОКМ, № 9548, л. 11); дрв. Жеребцово... а в ней крестьян: д. Сенка Логинъ *Тюховъ*..., д. Ивашко Филатко Ивановъ *Тюховыхъ*, в томъ же дворъ Данилко Ивановъ *Тюховъ* (Писц. кн. В. Устюга 1675 – РГАДА, ф. 1209, № 515, л. 35).

Ареал трехкомпонентных фамильных именований крестьян охватывает в XVII – XVIII вв. территорию, расположенную по течению Сев. Двины: кроме Устюжского, такие именования отмечены еще в Двинском и Усольском уездах, а также в Устьянских волостях, напр.: Се язъ, Ростовской волости, Филипп Ива-новъ сынъ *Чамовскихъ* (Закладная 1671 Дв. у. – АХУ, т. 12, с. 80); дрв. Холмицы... д. Ионка Наумовъ сынъ *Волокитинъ*, д. Митка Костянтиновъ сынъ *Волокитинъ* (Писц. кп. Усольск. у. 1677 – 1682 – РГАДА, ф. 1209, № 504, л. 33); дер. Василистовская... во дворе Иван Иванов сынъ *Елисеев*, во дворе Михайло Иванов сынъ *Леонтьевыхъ* (Кн. ландрат. пер. Устьян. вол. 1717; Сев. Р., с. 65).

Местные устюжские документы отражают формирование особой модели русских фамилий в XVII в. Речь идет о фамилиях на *-ыхъ (-ихъ)*, представляющих собой субстантивированную форму род. п. мн. ч. притяжательных прилагательных. Например: Леонтеи да Семень Фомины дѣти *Кузнецовыхъ* (Переп. кн. Тр.-Глед. мон. 1678 – ГАВО, ф. 693, оп. 1. № 48, л. 4), Олферко Кирилов *Красногорскихъ*, Афонка Климовъ *Поникаровскихъ* (Вып. из зем. кн. Утм. вол. 1688 – ВОКМ, № 2134, л. 107 об., 129 об.). Судя по памятникам, фамилии на *-ыхъ* появляются в самом начале XVII в.: А продала тѣ пожни Федору Иванову сыну *Гаркуновыхъ*, прозвищемъ Затяхѣ (Купчая 1612 – АВУМ 1, с. 174): продать есми Василью Васильеву сыну *Онтоновыхъ* свои жеребеи (Купчая 1615 – там же, с. 176).

Помимо Устюжского уезда, фамилии на *-ыхъ* отмечены в XVII – XVIII вв. также в соседних более северных Двинском и Усольском уездах, в Устьянских волостях: Владеют тем селом Ивашко Ильин *Раменскихъ*... да церковные старосты Ивашко Сергеев сын *Рогачевскихъ*, да Митюшка Опреев сынъ *Мелентевыхъ* (Писц. кн. Сольвыч. у. 1678; Сев. Р., с. 91); Во дворенке нищая вдова Омелфа Иванова дочь Максимовская жена *Матвеевыхъ* 50 лет (Кн. ландрат. пер. Устьян. вол. 1717 – Сев. Р., с. 85). В Тотемском уезде фамилии на *-ыхъ* фиксируются по преимуществу в писцовых книгах 1676 г., в более ранних деловых документах (1623, 1630, 1645 гг.) они отсутствуют. Характерно, что именования на *-ыхъ* известны только в средней части Тотемского уезда, но среднему течению Сухоны, Ст. Тотьмы, Царевы, в волостях Вожбал, Сондуга, Демьяново, Илеза. Например, в волости Вожбал: д. Ивановская... на рекѣ на Вожбале... в. Куска Гавриловъ снѣ *Дьяковскихъ*, в. Петрушка Леонтьевъ сынъ Лапинъ, в. Бориско Варламовъ снѣ Порываевъ з братом Ивашкомъ

Порываевых, в. Гришка Михайловъ снѣ *Дьяковскихъ* (Писц. кн. Тот. у. 1676 – РГАДА, ф. 1209, к-485, л. 49).

По словам С. И. Зинина, фамилии на *-ыхъ* в Москве, Рязани, Ростове и других городах в этот период почти не регистрируются. В Устюге Великом они составляли в XVII в. всего 5% от общего числа фамилий, в XVIII в. – только 9%, основная масса фамилий устюжан, как и в центральных уездах, оформлялась с помощью суффиксов *-овъ* и *-инъ*⁸.

Фамилии на *-ыхъ* в Устюжском уезде не были закреплены за какой-то социальной группой населения, носили их не только крестьяне, но и посадские люди, служилое население, монахи и т. д. Например: Се язъ Иван Ярофіевъ снѣ *Исаковыхъ* зъ дѣтми своими, съ Меркурьемъ, да с Ортемьемъ Орловские волости крестьяне (Порядн. 1634 – АХУ, т. 14); дано наемнымъ судовымъ работникомъ Ивашку Михайлову *Конасовыхъ*... с товарищи семнатцати члкомъ что шли на дощаникѣ (П-Р кн. Тр.-Глед. мон. 1675 – ВОКМ, № 9548, л. 22); здворный целовальникъ Калина Исаков *Росохиныхъ* (там же, л. 42 об.); быют челомъ... на устюжескихъ старость, на Петра Выломаева да на Петра *Ходутиныхъ* (Явка 1633 – АХУ, т. 14, л. 939). Более того, люди, принадлежавшие к одному сословию, могли иметь фамилии, образованные с помощью разных суффиксов (*-ыхъ*, *-овъ*, *-инъ*): принявъ вклад Быкокурского стану Нижнего конца у крестьянина у Петра Иванова сына *Шестакова*..., у крестьянина Быкокурского стану Верхнего конца Володимера Алексеева *Тепляковыхъ* (там же, л. 15). Неустойчивость этих фамильных прозваний подтверждается тем, что одно и то же лицо могло иметь в документе фамилию на *-ыхъ* и на *-овъ* или *-инъ*: Се азъ, устюжана посацкие люди... Петръ Васильевъ снѣ *Шубиныхъ*... воздвиженской дьячекъ Иванъ Никифоровъ сынъ *Скорняковыхъ*. В этом же акте несколько ниже читаем: порутчикъ Петрушка Васильевъ *Шубинъ* руку приложил... Ивашко Никифоровъ *Скорняковъ* руку приложить (Дело о поверстке церк. земли 1682 – АХУ, т. 14, с. 1112).

Появление модели на *-ыхъ* в Устюжском уезде соотносится с сохранением на Севере патриархально-родовых отношений⁹. Фамилией на *-ыхъ* обозначалась обычно принадлежность именуемого к целой группе семей, объединенных родственными отношениями – близкими или более отдаленными. Сошлемся на примеры из местных документов: Се азъ Аврамъ да язъ Иванъ Тимофеевы дѣти (родные братья. – Ю. Ч.), да язъ Михайло Парфентьевъ сынъ (более отдаленное родство. – Ю. Ч.), всѣ *Старостиныхъ*, Митрополя стану крестьяне (Списки с закладных 1670 – АХУ, т. 12, с. 418); Се азъ... Никифоръ Миніевъ сынъ *Едновскихъ*, Митрополя стану... благословляю своего родного, Матфея Якимова сына *Едновскихъ* же (Изустная пам. 1672 – АХУ, т. 12, с. 455).

В говорах Устюжского уезда XVII в. дает о себе знать взаимосвязанность антропонимической и топонимической системы. Антропонимы на *-ыхъ* указывали на принадлежность индивида к определенной группе людей (один из большой семьи). Топонимы на *-щина* осознавались в тот период не только как

названия населенных пунктов, но и как наименования этих групп. Например: Деревня другое Новоселово а Гора и *Поникарово (Поникаровщина)* тожь: д. Федка Козмин *Поникаровских*... д. Анисимко Терентьев *Поникаровских* (Вып. из зем. кн. Утм. вол. Уст. у. 1688 – ВОКМ, № 2134, л. 74); д. Контиевское, а *Бабеново* тожь (несколько выше *Бабеновщина*. – Ю. Ч.) д. Ивашко Сидорко Яковлевъ *Бабеновыхъ* (там же, л. 95, 95 об.); д. друга Осташевская, а *Окулово* тожь (ниже данное селение именуется *Окуловщиной*. – Ю. Ч.); д. Жданко Федко Степановъ *Окуловских*, д. Никифорко Галактионовъ *Окуловских* и пр. (там же, л. 88 об.)¹⁰.

Выше было отмечено, что ойконимы с формантом *-щина* в Устюжском уезде активно формируются на базе наиболее распространенной в селении фамилии. Взаимосвязанность топонимической и антропонимической системы способствовала вместе с тем активизации прямо противоположного процесса – образованию фамилий, в том числе и с суффиксом *-ыхъ*, от ойкопимов, являющихся названиями тех деревень, в которых проживали именуемые. Например: д. Красная Гора на рѣке на Югу: д. Олферко Кириловъ *Красногорскихъ*, д. Данилко Кириловъ *Красногорскихъ* (Вып. из зем. кн. Утм. вол. Уст. у. 1688 – ВОКМ, № 2134, л. 106 об., 197 об.); д. Росляково, а *Лобаново Раменье* тожь: д. Лаврушка Михайловъ *Раменских* (там же, л. 86 об.); межа с уосьскою деревнею *Подгорбунье*... д. Берсенсва и Залѣсова тожь: д. Федка Ферапонтовъ *Подгорбунскихъ*, д. Гаврилко Леонтьевъ *Подгорбунскихъ* (там же, л. 119, 116).

Отдельные крестьяне фиксируются в устюжских документах под двумя фамилиями: старой, образованной от имени одного из предков, и более новой на *-ыхъ*, в основе которой лежит топоним – название деревни. В заемной кабале 1639 г. Сава да Карпъ Даниловы дѣти значатся под фамилией *Ульяновы*. В том же документе несколько ниже Сава и Карп Даниловы дѣти именуются уже по фамилии *Елакинскихъ*. Судя по дальнейшей записи, фамилия *Елакинских* ведет свое происхождение от названия деревни *Елакино*: Я Григорей Даниловъ же сынъ Ульянова же, родной брать ихъ, сее трети деревни своей *Елакина*... отнюдь не вступатца (АХУ, т. 14, с. 959). Этим же, по-видимому, объясняется и двойная фамилия крестьян из Вондокурья: Се азъ Лука да Язь Прокофеи Михайловы дѣти Куликовы, а *Маньловскихъ* тожь (Порядная 1665; АХУ, т. 12, с. 401).

Фамилии с формантами *-ыхъ (-ихъ)*, *-овъ*, *-инъ*, связанные с названиями селений, весьма устойчивы. Уходя на жительство в деревню с другим названием, крестьянин обычно не менял своей фамилии. По ставшей распространенной фамилии *Поникаровских* одно из селений Утмановской волости, называвшееся прежде Гора, получило название *Поникарово* или *Поникаровщина*. Выходцы из этой деревни отмечены в соседних селениях Дор, Белая, Панкино Раменье, причем все они значатся под фамилией *Поникаровских*. Например: д. Дор: д. Калинка Гурьевъ *Поникаровскихъ*, Гришка Аввакумовъ *Поникаровскихъ*, Ивашка Никитинъ *Поникаровскихъ* и пр. (Вып. из зем. кн.

Утм. вол. Уст. у. 1688 – ВОКМ, № 2134, л. 127 об.). Значительное количество переселенцев с такого рода фамилиями отмечено в Утмановской волости в «новоприбылых деревнях», которые «розпахали крестьяне вновь» (там же, л. 121 об.). Так, например, Устинка Тарасовъ *Чюхарева* и Тимошка Михайлонъ *Чюхарева*, поселившиеся во вновь возникшей деревне Лисья Веретя (там же, л. 125), проживали ранее в находившейся поблизости д. *Чюхарево*. Отмеченный в «новоприбылой деревне» Мердусъ, а Къвкуръ тожь Клипка Степановъ *Хомяковъ* (л. 121), жил ранее в д. *Хомяково* или *Хомяковщина* и пр.

Фамилии на *-ыхъ (-ихъ)* фиксируются в устюжской письменности и в XVIII в. Характерно, что в данный период жители уездного центра сохраняют трехкомпонентную модель именования, а монастырские служители двухкомпонентную, состоящую из имени и фамилии, причем в составе последней заметно активизируется суффикс *-ск-*. В ревизских сказках гор. Устюга Великого 1721 г. типичны следующие именованья: Александръ Ивановъ с. *Корчаженских*, Иванъ Сергѣевъ с. Бѣлыхъ, Сергѣй Ивановъ с. Шибановъ, Иванъ Тихоновъ с. *Ведерниковскихъ* (Устюг Великий. М., 1883. С. 166 – 167). В документах Троице-Гледенского монастыря активны такие модели: клоушники... Вавила *Судоровыхъ*, Егор *Автономовыхъ*, монастырские половники Андрей *Сидоровыхъ*, Федор *Пестовскихъ*, Тимофѣй *Шустовскихъ*, Максимъ *Ефимовыхъ*, Ларионъ *Бобровъ*, Степанъ *Боровинскихъ*, Матвѣй *Нелаевскихъ* и пр. (Кн. для зап. хлеба, 1736 – ГАВО, ф. 693, оп. 1, № 79, л. 1 об., 12 об.; Догов. письма половников, 1729 – там же, № 67, л. 1).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Тушков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен // Зап. Отд. рус. и слав. археологии Имп. Русск. археол. об-ва. СПб., 1903. Вып. 6; *Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968; *Чичагов В. К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959; *Роспонт С.* Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов // ВЯ. 1965. № 3. и др.

2. См. напр.: *Витов В.* Севернорусская топонимия XV – XVIII вв. // ВЯ. 1967. № 4. С. 89.

3. Вопрос о происхождении такого рода ойконимов не имеет в науке единого решения. В самом деле, может быть, не гидроним лег в основу формирования ойконима, а наоборот – по названию деревни получил наименование ближайший водный источник? Тексты Сотной книги Тотемского уезда 1630 г. свидетельствуют все же в ряде случаев в пользу гидронимического происхождения ряда ойконимов. Речь идет о населенных пунктах с двойными названиями, причем более раннее название отличалось от наименования водного источника, а более позднее совпадало с ним. Ср. напр.: д.в. Останинская да *Силевская* тожь на ручью на *Силевскомъ* (л. 76), д.в. Козловка *Боярка* тожь... на речкѣ на *Боярке* (там же) и др.

4. *Потанин Г.* Никольский уезд и его жители // Древняя и новая история. 1876. Т. 3. С. 151.

5. См.: *Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1965. С. 73 – 74.

6. *Головина Э. Д.* О значении форманта *-щина* в севернорусской ареальной топонимике // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970.

7. Вологодская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1973 г. Вологда, 1974. С. 200 – 213.

8. *Зинин С. И.* Суффиксы русских фамилий XVII–XVIII вв. // Антропонимика. М., 1970. С. 94.

9. Там же.

10. Такое соотношение формантов *-цин-* и *-ыхъ (-ихъ)* наблюдалось далеко не всегда. Значительно последовательнее фамилии на *-ыхъ (-ихъ)* соотносились с ойконимами на *-ово-* или *-ино*. Например, д. Андрѣико а *Ретцово* тожь, а в нем крестьян: д. Кирилко Яковлев *Ретцовскихъ* и пр. (Писц. кн. Устюга В. 1675. – РГАДА, ф. 1209, № 515, л. 30).

СОКРАЩЕНИЯ

АВУМ I – Шляпин В. П. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря. В. Устюг, 1912. Ч. I.

АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархии. РИБ. 1894. Т. 12; 1908. Т. 14.

ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей.

ГАО – Государственный архив Вологодской области.

НПК – Новгородские писцовые книги.

Сев. Р. – Колесников П. А. Северная Русь (XVIII столетие). Вологда, 1973. Вып. 2.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

К ГЕОГРАФИИ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН КРЕСТЬЯН В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале топонимии Вологодской области)

Исследуя личные имена разных сословий русского народа, в том числе и крестьянские, ученые обращаются по преимуществу к древним памятникам, чаще к деловой письменности, ибо именно в ней содержится значительное количество антропонимов. В последние десятилетия все новые жанры деловых документов привлекаются для изучения личных имен древнерусского и старорусского языка¹. На материалах письменных источников составлены ономастические словари².

Не отрицая значения памятников письменности как основного источника изучения древнерусской и старорусской антропонимии, хотелось бы обратить внимание на функционирующие в современном языке ойконимы, которые также могут служить материалом для исследования имен древнейших эпох³. В литературе по русской ономастике неоднократно высказывалось мнение, что 70–80 % современных названий населенных пунктов восходит к личным именам. Отдельные лингвисты обращались к ойконимам с целью реконструкции древних личных имен⁴.

Современные ойконимы, являясь дополнительным источником изучения личных имен далекого прошлого, имеют и некоторые преимущества перед основным – памятниками древнего письма. Несмотря на близость последних к народно-разговорной речи, деловая письменность как разновидность литературного языка среднерусского периода характеризовалась известной нормированностью. В XVI–XVII вв. происходит становление норм всех уровней деловой письменности, регламентируется и употребление личных имен, устанавливаются единые нормы записи их в деловых документах⁵. В связи с этим антропонимы, зафиксированные в памятниках письменности XVI–XVII вв.,

не всегда отражали реальные формы личных имен, употреблявшихся в живой народно-диалектной речи, иными словами, исходя из письменных источников XV–XVII вв., не всегда удается установить наиболее распространенное в речевом обиходе именование того или иного лица. Обратимся к примеру. От личного имени *Филипп* в живой обиходной речи XVI–XVII вв. употреблялись варианты *Филя*, *Филюта*, *Филька*, *Филяк*, *Филяй* и др. Но в регламентированной деловой письменности этого периода встречается по преимуществу одна производная форма на *-ка* (*Филька*), закрепленная за крестьянским сословием. Ойконимия дает в этом плане надежные сведения, поскольку в основе наименования селения лежит обычно полная или производная форма личного имени, устойчиво закрепленная за данным лицом.

Значение ойконимии сводится не только к тому, что она дает возможность реконструировать неполные варианты древних личных имен. Ввиду того, что каждый ойконим точно закреплен на карте, обращение к географическим названиям антропонимического происхождения позволяет выявить региональную закрепленность старорусской антропонимии. Важность изучения антропонимов древнерусского и старорусского языка в лингвогеографическом плане не вызывает сомнений, тем более что исследование диалектного членения старорусского языка только начинается⁶.

В настоящей работе на материале современной ойконимии Вологодской области исследуются личные имена крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. В XVII в. это Белозерский, Вологодский, Тотемский, часть Важского, Устюжский уезды. Полагаем, что на основе современных топонимических данных может изучаться старорусская антропонимия далеко не каждого региона. В связи с ранним появлением основной массы селений на территории Межозерья, бассейна Сухоны, Верхней Ваги (XIV–XVI вв.), а также в связи с устойчивостью северной белозерской, вологодской и устюжской деревни и сохранностью наименований селений⁷, топонимия Северо-Восточной Руси в плане изучения старорусской антропонимии является перспективным материалом. По мнению историков, в XV–XVI вв. и ранее на этой территории преобладали одно- и двухдворные селения⁸, причем большинство их получило название по имени первопоселенца-крестьянина. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что основная масса крестьянских личных имен в период активного возникновения селений (XIV–XVI вв.) нашла отражение в ойконимии. Тем самым современный топонимический материал может дать вполне объективные данные о географии старорусских антропонимов.

Работа, в частности, посвящена выявлению локальности продуктивных словообразовательных моделей личных имен.

Современная ойконимия Вологодской области представлена 10 000 названий, в составе их около 70 % наименований селений антропонимического происхождения.

Названия селений в исследуемом регионе восходят к бытовым неофициальным именам, образованным от сокращенных и полных основ антропони-

мов. Судя по частотности ойконимов, к активным антропонимическим моделям от сокращенных основ относились следующие:

а) неофициальные имена, образованные безаффиксальным способом, имена на *-а /-я*: *Аверя* (Ваш, Сям), *Акия* (Бел), *Алека* (Нюкс, Уст), *Алекся* (Бел, Вол-2, Гряз-2, Сок, Уст, Чер-2, Шек), *Афоня* (Баб, В-У-2, Тар-2, Хар-2, Чер-2), *Вася* (Баб, К-Г), *Гавря* (Бел, В-У, Чер-2), *Даня* (Чер), *Дема* (Бел, Ваш, Вол-2, В-У, Выт-3, К-Г, Ник, Шек), *Евся* (Выт), *Елеся* (Шек), *Еля* (Бел, Выт), *Ерема* (Бабуш, В-В, Вож, Кир, Сям, Уст, Шек), *Ермола* (Вол, Гряз, Тар, У-К-3, Чаг), *Еря* (У-К-2), *Еся* (Баб, Бел, Вож), *Зиня* (Бел, Вож), *Костя* (Баб-2, Бел-2, Ваш-2, Вол-2, Гряз, Нюкс, Сок, Чер, Шек), *Корня* (Кад), *Кузя* (В-У, Кир), *Ларя* (Ваш, Нюкс), *Лева* (Ваш-2, Вол-3, В-У, Гряз-3, Кир, Сям, Тот-2, Шек), *Маня* (Вол), *Макся* (Вол, Кад), *Митя* (Бабуш, Бел, Вож-2, Вол, Выт-2, К-Г, Кир-2, Сок, Тар, Хар-3), *Омеля* (Кир), *Паня* (Бел, Ваш, У-К, Хар), *Паха* (Сок), *Патря* (Вол-2), *Петя* (Вол), *Прока* (Бел, Ваш, Вол-2, Шек), *Родя* (Кир-2, Шек), *Селя* (Кир, Шек-2), *Сия* (Вол, В-У-2), *Спиря* (Ваш, В-В, Вол-3, В-У), *Теря* (Чер), *Тима* (Ваш-2, Чер), *Трона* (Чер), *Фаля* (В-У, Кад), *Филя* (Бел, В-В, Вол-3, В-У, Гряз-2, Кад, Кир, Ник, Сям, Тот-3, Хар), *Харя* (Баб-2, Бабуш, Бел, Тот, Чер-2), *Юра* (Бел, Ваш-2, Кад), *Яка* (Тар);

б) бытовые имена, образованные с помощью форманта *-ка*: *Ананка* (Гряз), *Афанька* (Бабуш), *Васька* (Бел, Кир, М-Р, Сок, Чер-2, Шек-2), *Гридка* (Гряз, Хар), *Гринька* (Баб, Уст), *Данька* (Ваш), *Демка* (Гряз), *Доронька* (Вол), *Евка* (Вол), *Еська* (Ваш, Вол-3, В-У, Гряз, М-Р, Сям, У-К, Уст, Хар), *Еремка* (М-Р), *Кирка* (К-Г), *Манька* (Ваш, Хар), *Минька* (Бабуш-2, Кад), *Митька* (Шек-2), *Никулка* (Кад), *Палька* (Бел, Вол, М-Р-2, Тар, Хар-2), *Панька* (Бел, Вож, Вол, Кир, М-Р, Хар, Шек-3), *Савка* (Вол-2, В-У, Гряз, Сок), *Семка* (Бел, Вол, Кир, Шек), *Степка* (Гряз), *Тимка* (Кир), *Федька* (Баб, Выт, Кир, Нюкс), *Филька* (Вол), *Юрка* (Бабуш, Вол-4, Кир-2, М-Р), *Якунька* (Шек); *Анашка* (Бел-3, Чер), *Асташка* (Уст), *Гришка* (Бел, Вож, Чер), *Демешка* (Кад), *Ивашка* (Вол-2, Кир-2, Шек), *Игнашка* (Шек), *Илюшка* (Гряз), *Леушка* (Вол-3, Кир, Шек), *Малашка* (Вол, В-У, Чер), *Матюшка* (М-Р), *Мишка* (Хар), *Опешка* (У-К-2, Хар), *Родишка* (Уст), *Тимошка* (Баб, Бабуш, Вож, Вол, Кад), *Юшка* (В-У, К-Г-2, Ник, Нюкс, Сок), *Яшка* (Выт);

в) неофициальные имена на *-ша*: *Абакша* (Вол), *Агаша* (Бел), *Алеша* (Ваш, Вол, Кир), *Гавша* (Тот), *Гриша* (Бел, Вож, Вол, В-У, Выт, Гряз, Кир, Хар, Чер), *Даньша* (Ваш), *Демеша* (Бел), *Демша* (Баб, Выт, Кад), *Домша* (Шек), *Игнаша* (Сям, Хар, Чаг), *Климша* (Бел, Выт, Нюкс), *Конша* (Вол, В-У, Сок, Шек), *Ларша* (Выт), *Маньша* (К-Г, М-Р), *Мелеша* (Тот), *Митроша* (Тар), *Миша* (Бел-2, Выт, Чаг, Чер), *Омельша* (Сок), *Павша* (Вол-2, В-У-2, Кир, Хар, Шек), *Паньша* (Выт), *Парша* (Ваш, Вож, Гряз, Хар-3, Чер), *Парша* (Бел, Тар-3), *Прокша* (Выт, Сок, Чер), *Семша* (Вол, У-К), *Сетша* (Ник), *Тереша* (Хар), *Тимша* (Шек), *Тиша* (В-У, Кир, Сок), *Тоньша* (Чер), *Троша* (Ваш-2, Шек), *Фальша* (Вол), *Якша* (Выт, Кад-2, К-Г, Кир).

К менее активным моделям от сокращенных основ относились бытовые имена на -ня: *Васня* (Вол), *Ганя* (Ваш, Чер), *Гриня* (Баб), *Дороня* (В-В, Вол, Тар, Шек), *Еня* (Бел), *Леуня* (Кир, Ник, Хар), *Ми́ня* (Баб, Вол-4, В-У-2, Выт, К-Г, Сям, Чер-3), *Потаня* (Вол, Шек), *Проня* (Бел, Гряз, К-Г, Тар, Хар, Чер, Шек-2), *Сеня* (Кир, Ник, Сок), *Тимоня* (Бел, Вож, Гряз-2, К-Г-2, Сок, Сям, Тар, Уст, Хар-2), *Феня* (Вол, Чер);

на -ак /-як: *Гаврак* (Уст), *Дмитрак* (Вол), *Еляк* (Вол), *Ерак* (Выт), *Ермак* (Вол-2, Выт, К-Г-2, Кир, Ник, Сям, Тот, Хар), *Корняк* (Баб), *Мартяк* (Гряз), *Мишак* (Вол, Сок, Хар, Шек), *Оляк* (Кир), *Селяк* (В-У);

-уня / -юня: *Васюня* (Вол), *Вахруня* (Сям, Хар), *Евсюня* (В-В, Гряз), *Елюня* (У-К-2), *Есюня* (Вол, М-Р), *Костюня* (В-В, Вож-2, Вол, В-У, Кир), *Леуня* (Кир, Ник, Хар), *Митюня* (Вож), *Прокуня* (Вож, Вол-3, Выт, Гряз-2, Сок, Хар, Чер), *Сау́ня* (Шек), *Селюня* (Вол), *Яку́ня* (Бел, Ваш, В-В-2, Вож, Вол, Кир, Тот, Чер, Шек);

-ута /-юта: *Ванюта* (Бел), *Васюта* (Баб, Бел, Ваш-2, Сок, Тар), *Ганюта* (Бел), *Гришута* (Чер), *Мишута* (Баб, Вол, Гряз, Кир, Уст, Хар), *Панюта* (Сок), *Першута* (Бел), *Филюта* (Вол), *Якута* (В-У);

-ук /-юк: *Васюк* (Ваш-2, Выт-5, Кад, Кир-2, Чер), *Евсюк* (Гряз), *Езюк* (В-У), *Енюк* (Чер), *Есюк* (Вол), *Ларюк* (Кад), *Манюк* (Тар), *Митюк* (Вол), *Мишук* (Тот), *Родюк* (Сок, Шек), *Панюк* (Кад), *Сенюк* (Тар), *Федюк* (Сок, Тар) и др.

К активным ономастическим моделям от полных основ относились неофициальные имена с формантом -ко/-ка: *Алексейко* (Бабуш), *Андрейко* (Гряз-2, Шек), *Афанаско* (Гряз), *Бориско* (Гряз, Сок, У-К), *Гаврилко* (М-Р), *Глебко* (Бабуш), *Давыдко* (Вол, М-Р, Сям, Тот, Шек), *Данилко* (В-В, Кад, Чаг), *Демьянко* (Гряз), *Дениско* (Сок), *Екимко* (М-Р), *Захарко* (Нюкс), *Левка* (Бел, Вож, Вол-2, Кир-2, М-Р, Нюкс-2, Сок), *Иванко* (Бел, Вож, Вол, М-Р, Сок, Шек), *Иевко* (Баб), *Илейка* (Вол, Гряз), *Исачко* (У-К), *Калинка* (Вол-2, Гряз, Нюкс, Шек), *Куземка* (В-У, Гряз, Сок, Тар), *Максимко* (Шек), *Мамонко* (Сок), *Миронко* (Шек), *Михалко* (Гряз, М-Р), *Мосейко* (Вол-2), *Нефедка* (Шек), *Никитка* (Бел, Чер), *Никулка* (Гряз), *Офимко* (Сок), *Охремка* (Кир), *Романко* (Кад, Уст), *Самылко* (Сок, Сям), *Семенко* (Вол-6, Гряз-2, М-Р, Сок, Сям, Тот-2), *Сидорко* (Сок), *Степанко* (Бабуш, Чер), *Тараско* (Вол), *Трофанко* (Чер), *Уварко* (Чер), *Ульянко* (Бел, В-В), *Федотко* (Гряз, Кир, М-Р, У-К, Чер), *Фомка* (Вол), *Фролка* (Чер), *Яковко* (Сок-3); и с суффиксом -ец: *Абрамец* (Вол), *Алексеец* (Сок-2), *Андронец* (Вол), *Гаврилец* (Вол), *Герасимец* (Вол), *Григорьевец* (Сок), *Данилец* (Кир), *Демьянец* (Бабуш, Шек), *Екимец* (Вол), *Еремез* (Уст), *Иванец* (Сок, Уст, Чер), *Ивантец* (И-Р), *Климец* (М-Р), *Конанец* (Хар), *Ларионец* (Шек), *Лукинец* (Вол), *Лукьянец* (Уст), *Макарец* (В-В), *Максимец* (Шек), *Матвеец* (М-Р), *Михалец* (Вол), *Родионец* (Вол, Шек), *Романец* (Вол), *Семенец* (Гряз, Сок), *Софонец* (Уст), *Федец* (В-У-2), *Фофанец* (Вол-2), *Юрьевец* (Вол), *Яковец* (Вол, В-У, Шек)⁹.

Менее активными были дериваты. на -ище: *Гаврилище* (М-Р-2), *Данилище* (Чер), *Иванище* (М-Р, Хар), *Максимище* (Вол), *Петрище* (М-Р, Тот), *Фомище* (Выт).

Прежде чем приступить к интерпретации материала отметим, что, по мнению А. Н. Мирославской, Ю. С. Азарх и др., неофициальные бытовые имена делились на две группы: а) полуимена на *-а, -ня, -ша, -ук, -ут, -юня, -ак* и др., лишённые в живом употреблении экспрессивной окрашенности, т. е. нейтральные; б) имена с формантами *-ко, -ка, -ец, -ик*, являвшиеся средством выражения в языковой форме сословной иерархии и имевшие уничижительную окраску¹⁰.

Судя по материалу, дериваты от сокращённых основ на *-а, -ша, -ня, -ак, -уня* и др. (*Еся, Миня, Демша, Дмитрак*), лишённых экспрессии, были распространены в XIV–XVI вв. на всей исследуемой территории, но имели разную степень активности. Более высокой плотностью (свыше 6% от общего числа названий селений) отличается побережье Белого озера (совр. Вытегорский, Белозерский, Вашкинский районы), течение рек Шексны, Вологды, Кубены, побережье Кубенского озера (совр. Череповецкий, Кирилловский, Шекснинский, Усть-Кубинский, Вологодский, Харовский районы), т. е. в основном западная часть исследуемого региона. Меньшая плотность характерна для крайней западной части исследуемой территории (совр. Чагодошенский, Устюженский районы; в прошлом эта территория относилась к Бежецкой пятине Новгорода Великого), а также крайней восточной (совр. Бабушкинский, Нюксенский, Великоустюгский, Кичменгско-Городецкий, Никольский районы).

Различие в степени активности бытовых неофициальных личных имен определяется, на наш взгляд, особенностями социально-экономической жизни региона в период формирования ойконимов. По свидетельству историков, побережье Белого и Кубенского озёр, течение рек Шексны, Вологды, Кубены – это районы, в которых в XIV–XV вв. широкое развитие получило боярское и монастырское землевладение¹¹. Что касается второго ареала, то территория современных Нюксенского, Великоустюгского, Кичменгско-Городецкого, Никольского районов относилась в далеком прошлом к Устюжской земле, которая рано была присоединена к Москве и в которой не получило особого развития крупное феодальное землевладение, так что крестьяне в основной своей массе были черными, т. е. государственными.

Судя по материалам ойконимии, в XIV–XV вв. в этих зонах полные официальные имена (*Семен*) и бытовые неофициальные имена (*Семша, Семенка*) имели разную степень активности. В западной части исследуемого региона (совр. Белозерский, Шекснинский, Вологодский, Грязовецкий, Междуреченский, Сокольский, Вашкинский, Череповецкий, Кирилловский районы) в период активного возникновения селений (XIV–XV вв.) обе топонимические модели имели одинаковую (или чуть меньшую – от бытовых имен) регулярность.

Если же обратиться к восточной зоне (совр. Вожегодский, Верховажский, Тарногский, Кичменгско-Городецкий районы), то здесь ойконимов, восходящих к полным официальным именам (*Иван*), насчитывается в три-четыре раза больше, нежели названий, образованных от бытовых, неофициальных (*Ивашко, Иванко, Ивача*).

Материалы подтверждают мысль о том, что бытовые неофициальные имена имели значительную активность в XIV–XV вв. именно в ряде диалектов данной зоны, где господствовало крупное землевладение, между тем как на территории Устюжской земли в этот период высокую степень активности в речевом обиходе сохраняли полные имена, являющиеся официальными.

Материал свидетельствует также о наличии более узкой диалектной зоны, охватывавшей центральную южную часть региона (совр. Шекснинский, Вологодский, Междуреченский, Грязовецкий, Сокольский районы). На данной территории в далеком прошлом значительную активность (3–7 % от общего числа селений) имели бытовые неофициальные имена на *-ко(-ка), -ец, -ище*, образованные от полных основ (*Степанко, Романец, Петрище*). На остальной территории названия, восходящие к именам типа *Иванко, Родионец*, или совсем отсутствуют, или составляют в среднем 0,4–1,5 % от общего числа именований. Формирование данной зоны определяется совокупностью ряда факторов как внелингвистического, так и лингвистического характера. По всей вероятности, она является северной оконечностью обширного ареала, основная территория распространения которого связана с более южными ярославскими, владимирскими, московскими говорами. Наличие данной зоны, сформировавшейся в результате длительного воздействия более южных говоров, подтверждено и на апеллативном материале¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мирославская А. Н. Особенности словообразовательной структуры русских календарных имен // Ономастика Поволжья 2. Горький, 1971; *Зинин С. И.* Принципы построения «Словаря русских фамильных прозваний ХУП в.» // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980; *Азарх Ю. С.* Данные ономастики как источник исторической диалектологии (на материале русского именного словообразования) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1979. М., 1981.

2. *Тутиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903; *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

3. *Полякова Е. Н.* Источники изучения русских неполных и оценочных имен прошлого // Русская ономастика. Рязань, 1977.

4. *Толкачев А. И.* К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // *Этимология*. 1973. М., 1975; *Он же.* К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // *Историческая ономастика*. М., 1977; *Он же.* К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // *Этимология*. 1976. М., 1978.

5. *Мирославская А. Н.* Указ. соч. С. 8.

6. *Дзєндзєлєвський Й. О.* Значення дослідження антропонімії лінгвогеографічними методами // Питання ономастики. Київ, 1965.

7. *Колесников П. А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 91.

8. *Богословский М. М.* Самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I. С. 146, 161; *Колесников П. А.* Указ. соч. С. 92.

9. Об активности данной модели свидетельствуют неканонические личные имена с суффиксом *-ец*: *Баранец* (Грязь), *Баринец* (Вол), *Бобрец* (Грязь), *Братец* (Чер), *Воробеец* (М-Р), *Воронец*

(Вол, Чер, Шек), *Грибец* (Вол, Сок, Хар), *Дьяконец* (Вол), *Клинец* (Сок), *Ковырец* (Ник), *Тараканец* (М-Р), *Игумнец* (М-Р).

10. Мировская А. Н. Указ. соч. С. 49; Азарх Ю. С. Указ. соч. С. 234–235.

11. Колесников П. А. Указ. соч. С. 50–51.

12. Чайкина Ю. И., Зорина Л. Ю., Парменова Т. В. Об изучении лексики вологодских говоров методом картографирования // Лингвостногография. Л., 1983. С. 147.

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА ГОРОЖАН НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В НАЧАЛЕ XVII в. (На материале писцовых и дозорных книг Вологды, Великого Устюга, Белоозера)

До X в. наши далекие предки именовались с помощью древнерусских (некалендарных) личных имен — эти имена возникли в период язычества, поэтому ученые называют их еще языческими. Древнерусские личные имена делились на две группы: внутрисемейные и прозвищные («уличные»). Внутрисемейные давались ребенку сразу после рождения, а прозвищное личное имя человек получал уже во взрослом состоянии.

Наиболее полно изучены внутрисемейные языческие имена. Начиная с работ А.М. Селищева, ученые делят внутрисемейные имена по семантике производящей основы на несколько групп: имена, называющие ребенка по порядку и времени рождения (*Первушка, Вторышка, Третьяк, Пятунька, Девятко, Субботка, Мороз* и др.); имена, характеризующие обстоятельства появления ребенка (*Ждан, Бажен, Нечайко, Истома, Томило* и др.); имена, определяющие внешний вид, физический облик ребенка (*Беляйко, Беляк, Ушак, Худяк, Русинко, Ощепок, Мякиш, Сухой* и др.); имена, характеризующие черты характера, поведения ребенка (*Гневаши, Угрюм, Вязга, Мямля, Молчанко, Злобо, Суетка, Рычко* и др.). Выделялась также группа апотропеических (охранных) имен, отпугивающих злые силы (*Кощей, Ненаш, Неудача, Неустрой, Грязка* и др.).

К группе наиболее древних относились так называемые зоофорные имена, восходящие к названиям животных, рыб, птиц, растений, и отражающие пережитки тотемизма (*Медведь, Волк, Конь, Орел, Селезень* и др.).

Прозвищные древнерусские личные имена исследованы недостаточно, хотя, судя по памятникам письменности, они не уступали по численности внутрисемейным. Не исследованы прозвищные имена и с точки зрения значения производящих основ.

Приведем примеры внутрисемейных и прозвищных имен в дозорных и писцовых книгах первой трети XVII в. Вологды, Устюга Великого и Белоозера¹.

	<i>Внутрисемейные личные имена</i>	<i>Прозвищные личные имена (прозвища)</i>
<i>Вологда (ДКВ)</i>	<i>Богдашко Сосипатров (346), Баженко Окса (347), Томилко прядильщик (347), Первушка Мора (347), Третьяк Клок (349) и др.</i>	<i>Тороканко мясник (338), Коротко Овдокимов (336), Блютко сапожник (336), Тюшляйко Петров (339) и др.</i>
<i>Великий Устюг (ПКУВ)</i>	<i>Деятко Максимов Верещагин (199), Жданко Конанов (178), Безсонко Денисов (177), Певзорко Еремиев (178) и др.</i>	<i>Брага Моссив (191), Таскайко Дементьев (194), Шишарка Кобелев (202), Туранко Карпов (229) и др.</i>
<i>Белоозеро (ДКБ)</i>	<i>Дружинка Ермолов (47), Первуша Елисеив (52), Русанко Козмин (44), Нечайко Хомутильников (45), Худячко Пиров (51) и др.</i>	<i>Зеленка Локтев (47), Шельга (50), Выборко (45), Гуляик (50) и др.</i>

Отметим, что почти все горожане, посалские люди, именовались в тот период неполными личными именами (модификатами).

Как известно, в связи с принятием христианства на Руси (X в.) происходит вытеснение некалендарных (языческих) личных имен христианскими именами, заимствованными из греческого, латинского, древнееврейского и других языков. Большинство горожан, упоминаемых в дозорных и писцовых книгах, написанных на нашей территории, уже именуется христианскими личными именами: *Сидорко* Нафаньев, *Филипко* Леденцов, *Ортюшка* Курочкин, *Ивашка* Сухорук, *Климка* Маленкой и др. (ДКВ, 351); *Микитка* Анисимов, *Сенка* Пелевин, *Митка* Данилов, *Гришка* Кузнецов, *Фотейко* Трофимов и др. (ПКУВ, 179); *Емелька* Яковлев с. Творнина, *Васка* Карпов с. Голова, *Мосейка* Григорьев с. Малово и др. (ДКБ, 4).

Вытеснение древнерусских языческих личных имен христианскими происходило довольно интенсивно. Переломный характер отмечается в XIV веке, поскольку именно в этот период языческие личные имена заметно оттесняются на задний план, реже употребляются в документах деловой письменности. По мнению А.В. Суперанской, исчезновение древнерусских личных имен развивалось столь быстро, что в XVII веке остатки древнерусской системы имен сохранялись только в неофициальном употреблении (Суп., 26).

Мнение этого авторитетного ономаста нам не кажется убедительным, поскольку наличие древнерусских личных имен в XVII веке находит отражение не только в неофициальном употреблении, но и памятниках письменности официального характера – дозорных и писцовых книгах. Обратимся к официальной письменности XVII века северных городов – Вологды, Великого Устюга, Белоозера.

Подсчеты показывают, что древнерусскими (языческими) личными именами именовалось в наших источниках в первой трети XVII века примерно одна четвертая или одна пятая часть мужского населения города. Ср.:

Название города	Всего мужских личных имен	Из них древнерусских
Вологда	~ 750	150
Великий Устюг	~ 800	160
Белоозеро	~ 800	170

Какие же языческие личные имена употреблялись в нашем крае в XVII веке, оказавшись наиболее устойчивыми? Самым активным являлось личное имя *Богдашко*: в Вологде – 34, в Великом Устюге – 30, в Белоозере – 25 имений.

На втором месте по активности внутрисемейные имена, называющие ребенка по времени и порядку рождения. Ср.:

	Всего древнерусских л. и.	Первушка	Вторушка	Третьяк (тренька)	Четвертка	Пятушка	Шестак	Семой	Девятко	Суббота	Поздейко	Постник	Вешняк	ВСЕГО
Вологда	150	15	2	8	-	11	3	2	1	1	4	2	-	49
Белоозеро	170	12	1	17	1	7	1	-	-	-	-	-	2	41
Великий Устюг	160	10	5	31	-	11	3	-	5	-	-	-	2	67

Судя по схеме, наибольшую активность эта группа внутрисемейных языческих личных имен имела в Великом Устюге.

Третье место по степени сохранности занимала группа внутрисемейных личных имен, характеризующих обстоятельства появления ребенка, а также имя *Дружинина*.

	Жданко	Баженко	Томишко	Дружинка	Всего
Вологда	6	2	4	4	16
Белоозеро	2	4	8	10	24
Великий Устюг	8	3	4		15

Некоторую активность имели личные имена, отражающие черты характера, поведения ребенка: *Шумико* – 7 (ПКУВ), *Бессонко* – 3 (ПКУВ), *Худячко* – 4 (ДПВ), *Докучайко* (ДКВ) и др. Все остальные древнерусские личные имена (внутрисемейные и прозвищные) отмечены в исследуемых источниках по 1-2 раза.

Материалы Окладной оброчной книги 1598-1599 гг.³, охватывающей селения, расположенные в окрестностях Вологды, подтверждают данные писцовой книги Вологды 1616-1617 гг. Из 387 именованных крестьян 96 являются древнерусскими личными именами, что составляет примерно четвертую часть именника, среди древнерусских имен наиболее многочисленна группа внутрисемейных антропонимов, отражающих порядок и время рождения ребенка: *Первой (Первушка)* – 12, *Третьяк (Тренька)* – 11, *Пятый (Пятушка)* – 6, *Шестак* – 2, *Девятый* – 2, *Поздей* – 2, *Меньшик* – 3, *Подосенко* – 3, *Падера* – 1, *Мороз* – 1, *Вешняк* – 1, *Половод* – 1. Тем самым из 96 личных имен 55 антропонимов относится к данной группе.

Остальные личные имена (41) также являются внутрисемейными, но они менее активны: *Баженко* – 3, *Шумила* – 3, *Русинко* – 2, *Дружина* – 2, *Томишко* – 2. По одному разу встречаются внутрисемейные имена *Рычко*, *Неупокой*, *Белый*, *Поспелко*, *Молчан*, *Истома*, *Пинайко*, *Ждан*, *Копос*.

Прозвищные древнерусские имена в Окладных книгах конца XVI в. достаточно редки: *Крячко* (362), *Роспута* (402), *Брага* (380), *Олень* (380), *Коптел*, *Сога* (370). Этимология многих из них неясна.

Обратимся, наконец, к сопоставлению именника двух сотных Устюжны Желзопольской, относящихся к 60-ым и 90-ым годам XVI в.⁴ В Сотной 1567 г. самыми активными древнерусскими личными именами являлись *Истомка* (15) и *Нечайко* (11), то есть антропонимы, характеризующие обстоятельства появления ребенка. Личные имена, называющие ребенка по порядку рождения оказывались на втором месте по степени активности: *Первушка* – 7, *Третьячко* – 7, *Пятко* – 6, *Шестачко* – 6 и *Девятко* – 1. Обратим внимание на то, что из состава всей данной значительной группы имен, востребованными оказались только пять, причем имена *Шестак* и *Девятко* отмечены однократно. К числу частотных в Сотной 1567 г. относились личные имена *Некраско* – 5, *Постничко* – 4, *Зычко* – 3, *Ушачко* – 3, *Баженко* – 3, а также *Рудачко*, *Русинко*, *Горяинко*, *Суморочко* и др. по два раза.

В Сотной Устюжны 1597 г., составленной через 30 лет, на первом месте по активности древнерусские личные имена, отражающие порядок рождения ребенка: *Первуша* – 10, *Третьячко* – 7, *Пятушка* – 5, *Шестачко* – 4, *Девятко* – 1, *Постничко* – 4, всего – 31 имя. Заметно сократилось употребление таких личных имен, как *Истомка* – 7, *Печайко* – 4.

В чем же причина сохранности внутрисемейных личных имен со значением времени и порядка рождения в русской официальной письменности начала XVII в.?

Активизация христианских личных имен (*Иван*, *Василий*, *Николай*, *Мария*, *Евдокия* и т.д.) оказала огромное воздействие на древнерусскую систему имен, в результате чего сохранялись только такие древнерусские личные имена, которые были в чем-то сходны с христианскими. Христианские личные имена, отмеченные в Святцах, – это имена святых, поэтому понятна активность употребления древнерусского личного имени *Богдан* (*Богдашко*).

Богдан – это ребенок, данный Богом. В Словаре В. И. Даля «богдан, богдашко – общее название всех некрещеных младенцев обоего пола» (Д, I, 102).

Сохранность имен, характеризующих время и порядок рождения ребенка, связана с общим свойством греческих, латинских, древнееврейских имен на Руси. Отметим, что внутренний смысл (мотивировка значения) заимствованных христианских личных имен был неясен именуемым. Кроме того, эти имена были лишены оценочного оттенка, они воспринимались как нейтральные, как опознавательные знаки, с помощью которых идентифицировались именуемые. Ср.: личное имя *Макар* возникло в греческом языке из «*макариос* – ‘блаженный, счастливый’» (Суп., 226), *Валерий* – из латинского «*валере* – ‘сильный, здоровый’» (Суп., 140), *Павел* – лат. *Паулус* – *паулус* ‘малый’ (Суп., 261), *Ксения* – из греческого «*ксения* – ‘гостеприимство’» (Суп., 392) и т.д. На Руси эти и все другие христианские личные имена утратили свою семантику, они воспринимались как знаки, с помощью которых можно было отличить одного человека от другого, поэтому в составе древнерусского именника сознательно сохраняются именно те имена, структура лексического значения которых не содержала эмоционально-оценочных элементов, поскольку эти имена указывали лишь на время или порядок рождения ребенка (*Первуша*, *Тренко*, *Пятунька* и т.д.). Достаточно сравнить их с древнерусскими личными именами иных семантических групп, например, *Гневаш*, *Докучайко*, *Будилка*, *Худячко*, *Ушак*, *Тонкушка*, *Невежа*, *Бесстуж*, *Блуд*, *Тать* и др., имеющими прозрачную внутреннюю форму, семантика которых осложнена эмоционально-оценочными элементами негативного характера. Видимо, не случайно, что в исследуемых документах отмечены единичные случаи употребления данных имен: *Гневаш* – 1 (ДКВ), *Докучайко* – 2 (ДКВ), *Будилка* – 2 (ДКВ), *Неуокой* – 1 (ДКВ), *Невежка* – 1 (ДКВ), *Лихачко* – 1 (ДКВ), *Рычко* – 2 (ДКВ), *Ушачко* – 2 (ДКВ), *Суетка* – 1 (ДКВ), *Грязка* – 1 (ДКВ), *Невзорко* – 1 (ДПВ), *Нехорошко* – 2 (ПКУВ), *Таскайко* – 1 (ПКУВ), *Худячко* – 2 (ПКУВ), *Суханко* – 1 (ПКУВ) и мн. др.

Известную устойчивость древнерусских личных имен типа *Жданко*, *Баженко*, *Дружинка*, *Поздейко* и др., характеризующих обстоятельства появления ребенка, структура лексического значения которых осложнена эмоционально-оценочными элементами, можно объяснить тем, что соответствующие элементы не несут негативного характера (*Ждан* от *ждать* ‘кого ждали, на кого надеялись’ – Суп., 189; *Бажен* от *бажать* ‘страстно желать’: ‘желанный, сердечный, милый’ – Суп., 128; *Дружина* от *дружина* ‘супруг, супруга, друг, подруга’ – Суп., 173 и др.). Вместе с тем активное употребление этих личных имен сделало их настолько привычными в речевом обиходе, что на первый план выступала только одна их функция – быть просто опознавательным знаком. Таким образом, можно сделать вывод о том, что приспособление древнерусского именника к христианскому и привело к выпадению одних языческих личных имен и сохранению других на более длительный срок.

Как видно из сказанного, на более длительный срок сохранялись отдельные группы внутрисемейных древнерусских личных имен, прозвищные же личные имена выпадали из состава именника значительно быстрее и раньше вышли из обихода.

Как мы уже отметили, древнерусские прозвищные имена исследованы недостаточно. Хотя они представляют несомненный интерес для исторической антропонимики и шире – исторической лексикологии русского языка. Они могут дать многое для познания быта, нравов наших предков, оценок ими действий и поступков человека. В составе прозвищных антропонимов отмечены имена, которые характеризуют именуемых с разных сторон, указывая на внешний вид, моральные качества, характерные для взрослого человека, прежнее место жительства, национальность, профессию и т.д.

Одни прозвищные древнерусские имена имели широкое распространение на всей территории Русского Севера или значительной части его, другие являлись узколокальными, отмеченными в официальных документах двух или даже одного населенного пункта.

К широко распространенным на Русском Севере прозвищным именам относились следующие: *Гуляйко* (ПКУВ, 185), *Гуляик* (ДПБ, 45), *Пьянко* (ПКУВ, 190, 224), *Лихачко* (ДКБ, 53), *Казаринко* (ПКУВ, 185), *Кисляк* (СУЖ, 1567, 158), *Чудинко* (ДКБ, 56; СУЖ, 1567, 157), *Рагоза* (ДКБ, 72), *Кисель* (ДКБ, 57), *Ярыга* (СУЖ, 1567, 157), *Негодяйко* (СУЖ, 1567, 151), *Приезжей* (СУЖ, 1567, 183), *Преснячко* (СУЖ, 1597, 143), *Горемыка* (СУЖ, 1597, 143), *Тороканко* (ДКВ, 338) и мн. другие.

Значителен пласт узколокальных древнерусских прозвищных личных имен. Исследование их перспективно в том плане, что они дадут возможность реконструировать региональную апеллятивную лексику старорусского языка. Рассмотрим локальные прозвищные имена по принадлежности к антропонимической системе города.

Дозорная книга Вологды 1616–1617 гг.: *Будайко* (337), *Буд* от *будоват* ‘строить’ (Суп., 137), *Корытко* (340) от *корытник* ‘работник, занятый загрузкой или промывкой породы в лотках в поташном производстве’ (СлРЯ XI–XVII, VII, 354), *Тюшляйка* (335) от *ткшиться* ‘суетиться’ (Д, IV, 452) и др.

Писцовая книга Устюга Великого 1623–1626 гг.: *Брага* – *Брага* Мосеев «место дворовое пропил на кабаке» (191), *Таскайко* (194), ср. *таскун* ‘потаскун, шатун, шатало, беспутный проедала’ (Д, IV, 392), *Шишарка* (202), ср. *шишара* – вост. перм. ‘сброд, шваль, голь перекатная’ (Д, IV, 636), *Туранка* (224), ср. *туровый* – влгд, нвг. ‘скорый, быстрый, бойкий’ (Д, IV, 444) и др.

Дозорная книга Белоозера 1616–1617 гг.: *Шельга* Тяпринин (50), ср. *шелыган* нвг., ниж. ‘шатун, бродяга, бездельник, негодяй’ (Д, IV, 620); *Зеленка* (41), видимо, от названия профессии: 1) *зелейник* и *зелейщик* ‘знахарь, колдун, лечащий травами или заговором на травы’, 2) ‘ремесленник, занимающийся изготовлением пороха (зелья)’ – СлРЯ XI–XVII, VI, 368 и др.

Как видно из сказанного, прозвищные личные имена давали, как правило, отрицательную оценку именуемому, как и современные прозвища. Отличие состояло только в том, что прозвищное имя – это личное имя, которое известно всем окружающим и которое находит место даже в официальных документах того периода времени, прозвище же – это второе дополнительное именование человека в быту, известное ограниченному кругу людей.

Не следует думать, что внутрисемейные и прозвищные древнерусские личные имена исчезли бесследно. На основе их были созданы сотни тысяч русских фамилий, активных в настоящее время: *Беляевы, Бестужевы, Бехтеревы, Баженовы, Глазковы, Бобковы, Бобошины, Бобровниковы, Богдановы, Ботевы, Брилины, Букины, Бунаковы* и мн. др.⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дозорная книга посада Вологды кн. П.Б. Волконского и подьячего Л. Софопова 1616-1617 // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994, с. 333-371 (*далее ДКВ*); Дозорная книга г. Белоозера «письма и дозору Г.И. Квашнина и подьячего П. Деметияса 1616-1617» // Белоозеро: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994, с. 37-76 (*далее ДКБ*); Писцовая книга Великого Устюга «письма и меры М. Вышеславцева и подьячего А. Федорова 131 и 132 и 133 и 134 гг.» // Бысть на Устюге: Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993, с. 160-233 (*далее ПКУВ*).

2. *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имен. М., 1998. (*Далее –Суп.*)

3. Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574-1600. М.-Л., 1979.

4. Сотная с писцовых книг Устюжны Железопольской 1567 г. // Социально-правовое положение северного крестьянства (Досоветский период). Вологда, 1981, с. 136-178 (*далее СУЖ, 1567*); Сотная с писцовой книги Устюжны Железопольской 1597 г. // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984, с. 130-158 (*далее СУЖ, 1597*).

5. *Чайкина Ю. И.* Вологодские фамилии: Словарь. Вологда, 1995.

ЖЕНСКИЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII-XVIII вв.

В современной русистике с наибольшей полнотой и последовательностью исследована история мужских личных имен как календарных, так и некалендарных. К женским именам обращались немногие ученые. Обстоятельная работа по этому вопросу (как и по многим другим в русской антропониимике) опубликована В. А. Никоновым¹. В ней он анализирует женские личные имена XVIII в. на территории центрального региона России. Значительную ценность имеют работы В. Д. Бондалетова, применившего количественно-качественный метод при анализе именника г. Пензы за ряд столетий². Ряд интересных сведений о женских именах содержится в статьях Е. Н. Баклановой и Н. Н. Парфеновой³. В некоторых исследованиях рассматривается вопрос о формулах именования женщин в Северо-Восточной Руси в XVII-XVIII вв.⁴

Настоящая работа посвящена анализу динамики женских личных имен в городах Русского Севера – Вологде, Великом Устюге, Устюжне Железопольской второй половины XVII-XVIII вв. Материалом послужили переписные книги этих городов⁵.

Начнем с рассмотрения женских личных имен второй половины XVII в. в переписных книгах Вологды (1678 г.) и Устюга Великого (1676–1683 гг.). Речь пойдет только о календарных женских личных именах, поскольку некалендарные не отмечены. Имена выступают в форме полуимен (модификатов) с суффиксами *-иц(а)* и *-к(а)*: *Ефросиньица, Натальица, Лукерьица, Ульянка, Пелагейка* и др.

Известно, что в документах массовой переписи населения XVIII в. (писцовых, переписных книгах) на Руси отмечены именованья владельцев дворов, т. е. по большей части мужчин и редко – женщин, вступавших после смерти мужа во владение двором, т.е. женщин-вдов. Естественно, что в источниках XVII в. перечень женских личных имен далеко не полный, но и он, однако, дает возможность выявить некоторые особенности женского имени.

Представим частотность женских личных имен (первую десятку) в Вологде (1678 г.) и Устюге Великом (1676–1683 гг.) в виде таблицы. Здесь же, в третьей части, отметим частотность упоминания женских имен святых в православном календаре – святцах [ПЦК, 70-73]. Известно, что ранее ребенок получал имя святого или святой, празднование которого совпадало с днем рождения ребенка.

Вологда	Великий Устюг	Святцы
Марьица – 18	Анница – 17	Марья – 16
Анница – 17	Марьица – 12	Анна – 14
Улитка – 11	Овдотьица – 6	Ульяна – 12
Матренка – 10	Маринка – 6	Ефросинья – 9
Пелагейка – 10	Ульянка – 5	Евдокия – 6
Марфица – 9	Ксеньица – 5	Марфа – 7
Устиньица – 8	Ефросиньица – 4	Настасья – 5
Варварка – 8	Агрипенка – 4	Анфиса – 5
Овдотьица – 7	Иринка – 4	Матрена – 5
Парасковьица – 7	Матренка – 4	Фекла – 5

Как видно, самыми частотными именами в том и другом городе являлись *Марья* и *Анна*. В Вологде они были самыми активными и в первой половине XVIII в.⁶ Их активность в два-три раза превышала частотность следующих за ними распространенных личных имен: Вологда – *Улитка* (11), *Матренка* (10), *Пелагейка* (10), *Марфица* (9), *Устиньица* (8), *Варварка* (8), *Федотьица* (7), *Натальица* (7) и др.; Великий Устюг – *Овдотьица* (6), *Маринка* (6), *Ульянка* (5), *Ксеньица* (5), *Ефросиньица* (4), *Агрипенка* (4), *Матренка* (4) и др.

Меньшую степень активности в Вологде имели имена *Маврица* (2), *Василиска* (3), *Маланьица* (2), *Еленка* (3), *Евлампыца* (4), *Кирикѣца* (2), *Агрофеница* (2), *Фетиньица* (2), единичны – *Агашка*, *Стефанидка*, *Феонка*, *Софьица*, *Зиновьица*, *Макридка*, *Антонидка*, *Пестелиньица* и др.; в Великом Устюге – *Феклица* (3), *Палагейка* (3), *Федорка* (3), *Офимьица* (3), единичны – *Оксиньица*, *Маврушка*, *Натальица*, *Капильница*, *Лукерыца*, *Татьянка*, *Агафьица*, *Дарьица*, *Василиска*, *Соломонеика* и др.

Подсчеты убеждают в том, что репертуар женских личных имен в Великом Устюге был более разнообразен, поскольку на 115 устюжанок приходилось 43 имени (СКО – 2,5), в Вологде же на 225 горожанок – 57 личных имен (СКО – 4)⁷.

Сопоставление первой десятки самых активных женских имен Вологды и Великого Устюга второй половины XVII в. с частотностью упоминаемых имен в святцах дает возможность установить причину активности не только имен *Анна* и *Мария*, но и некоторых других, поскольку в переписных книгах Вологды, например, 5 личных имен (*Марья*, *Анна*, *Ульяна*, *Ефросинья*, *Авдотья*, *Матрена*), как и в святцах, оказались в десятке самых частых.

В то же время большинство личных имен незначительной степени активности в переписных книгах Вологды и Великого Устюга единичны и в православном календаре. К числу их относятся *Маланья*, *Евлампия*, *Киликья*, *Агрофена*, *Феона*, *Зиновья*, *Стефанида*, *Макрина*, *Епистимия*, *Аксинья*, *Наталья*, *Татьяна*, *Дарья*, *Соломония* и др. [ПЦК, 70-73].

Как видно, выбор личного имени в тот период был во многом связан с крепкими устоями на Русском Севере православной религии.

Обратимся к переписным книгам начала XVII в. – Вологды (1711 г.) и Устюжны Железопольской (1713 г.). Третья Ревизия городского населения Великого Устюга относится к более позднему времени (1765 г.), поэтому рассмотрим личные имена устюжанок этого времени после анализа документов Вологды и Устюжны.

В переписных книгах Вологды и Устюжны начала XVIII в. представлены уже полные формы имен всех жителей, мужчин и женщин, независимо от их возраста и социального положения. Материалы этих книг дают возможность сделать более объективные выводы.

Представим частотность женских личных имен начала XVIII в. в виде таблицы (имена, носителями которых является свыше 10 женщин).

К более редким именам (от 8 до 2) относились в Вологде – *Маремьянка*, *Анисья*, *Епистимья*, *Марина*, *Ненила*, *Васса*, *Агафья*, *Гликерья*, *Евлампия*, *Домна*, *Маланья*, *Елисавета*, *Полинарья*, *Феодулия*, *Александра*, *Макрида*, *Вера*, *Зиновья*; в Устюжне – *Маремьянка*, *Фекла*, *Анисья*, *Барвара*, *Улита*, *Феверонья*, *Мавра*, *Домна*. Единичными являлись: в Вологде – *Фетинья*, *Любовь*, *Сижлида*, *Феверонья*, *Евгенья*, *Домника*, *Таисия*, *Евпраксия* и др.; в Устюжне – *Епистимья*, *Зиновья*, *Елисавет* (*Алисафья*), *Хавронья*, *Александра*, *Ненила* и др.

Вологда (1711 г.)	Устюжна Железопольская (1713 г.)
Анна – 70	Авдотья – 102
Авдотья – 50	Парасковья – 72
Ульяна, Пелагия – 44	Анна – 68
Ирина – 43	Марья – 59
Марья – 37	Марфа – 55
Евфимья – 33	Ирина (Орина) – 45
Парасковья, Матрена – 28	Татьяна – 40
Дарья – 27	Василиса, Ангелина, Матрена – 35
Федора – 26	Катерина, Акинья, Наталья – 34
Наталья – 25	Федосья – 31
Елена (Олена), Каптелина, Ксения – 22	Афимья (Ефимья) – 21
Марфа – 20	Пелагея, Федора, Маланья – 24
Татьяна, Федосья, Агриппина – 19	Агрофена – 23
Фекла, Варвара – 13	Устинья, Настасья – 22
Мавра, Акулина, Василиса, Улита – 12	Степанида – 20
Степанида, Оксимья, Соломея – 11	Елена (Алсна) – 18
Устинья – 10	Лукерья, Ефросинья – 13
	Марина – 11

Репертуар женских личных имен в Устюжне Железопольской был уже, нежели в Вологде. В Вологде 890 горожанок носило 58 личных имен (СКО – 16), в Устюжне 1038 жительниц города имело 42 личных имени (СКО – 25). Именник Вологды представлен был рядом имен, отсутствующих в Устюжне. Приведем некоторые: *Каптелина, Агафья, Гликерья, Феодулия, Макрида, Вера, Фетинья, Егения, Епраксия* и др. Более широкий репертуар женских имен в Вологде объясняется, видимо, географическим и экономическим положением города, большей близостью к центру Российского государства, нахождением на важном торговом Северном речном пути, соединявшем центр России с Сибирью и зарубежными странами. Несколько столетий Вологда была перевалочным пунктом, где торговые люди разных уездов делали остановку. Устюжна располагалась несколько в стороне, хотя тоже была значительным экономическим центром.

Судя по таблице, наибольшую активность в Вологде имели имена *Анна* и *Авдотья*, в Устюжне – *Авдотья* и *Парасковья*. Кроме того, сохранили бытовую активность в Вологде – *Ульяна* (44), *Марья* (37), *Ефросинья* (33), *Парасковья* (28), *Матрена* (28), в Устюжне – *Анна* (68), *Марья* (59), *Марфа* (55), т.е. имена наиболее частые в православном календаре.

Показательно, что они являются наиболее активными и среди монашеских имен. В списке монахинь устюженского Новодевичьего Благовещенского монастыря имя *Марфа* носили 5 монахинь, *Анна* – 2, *Таисия* – 3, *Пелагея* – 2, *Ульяна* – 3. Единичными были *Феодора*, *Ирина*, *Ираида*, *Мавра*, *Катерина* и др. [ПК Уст.].

Как отмечают исследователи, эти имена в XVIII в. наиболее частые почти на всей территории России. По словам В.А. Никонова, в центральном регионе России в составе десяти наиболее частых имен *Авдотья*, *Анна*, *Парасковья*, *Арина*, *Матрена*, *Марья*; преобладают также *Дарья*, *Екатерина*, *Ксения*, *Марфа*⁸. По данным переписных книг Тобольска, в XVIII в. к числу наиболее распространенных имен относились *Анна*, *Марья*, *Евдокия*, *Парасковья*, *Матрена*, *Марфа*, *Ирина*, *Екатерина*, *Пелагея*⁹. По подсчетам В.Д. Бондалетова, в середине XVIII в. в Пензе наиболее частыми были имена *Анна* (46), *Евдокия* (52), *Марья* (40), *Парасковья* (36), *Пелагея* (29)¹⁰.

Однообразный репертуар активных личных имен приводил к повторяемости их в одной семье. В том случае, когда одно и то же имя имели мать и дочь, дочери разного возраста и т. д. – это в какой-то степени не могло не затруднять общение. Приведем примеры из переписной книги Устюжны (1713 г.): Во дворе бобыль Леонтей Иванов с. Болтунов 42-х... у него же сестры, *Дарья* 23-х, *Авдотья* 17-ти, *Авдотья* 9-ти лет [ПК Уст., 226]; Во дворе п.ч. Назарей Анкиндинов с. Серебренников 70-ти... у него 4 сына *Клим* 49-ти, у него жена *Агрофена* 47, у них дочь *Авдотья* году... *Гаврило* 42-ух, у него жена *Анисья* 32-х, у них дочь *Авдотья* году, *Назарей* 32-ух, у него жсна *Авдотья* [ПК Уст., 224]; Во дворе п.ч. Михайло да *Петр Никифоровы* дети *Шишкина*... *Михаило*... 52-ух, у него жена *Алена* 52-ух, у него дети *Андрей* 12-ти, дочери *Анна* 17-ти, *Анна* же 13-ти [ПК Уст., 235] и т. д.

Такая одноименность не могла не привести к активизации имен, ранее бывших в святцах редкими или даже единичными. Этому обстоятельству способствовало и то, что в православных календарях женские имена встречаются далеко не каждый день. В этом случае священнослужитель обычно давал новорожденной имя святой, празднование которой ближе всего стояло к дню рождения ребенка.

Указание на возраст возле каждого имени в переписной книге Устюжны Железопольской 1713 г. позволяет проследить динамику личных женских имен в этом городе в первой половине XVIII в. С одной стороны, родители продолжают именовать девочек самыми активными на Русском Севере именами: мода на них сохранилась. На первом месте имя *Парасковья*, оно было дано 13 девочкам в возрасте от 1 года до 6 лет (4, 4, 1, 5, 5, 2, 4, 4, 6, 5, 2, 3), имя *Анна* было дано 10-ти девочкам (1, 6, 2, 8, 7, 1, 1, 5, 6, 6), имя *Авдотья* имели 8 девочек (5, 1, 5, 1, 7, 7, 1, 3), имя *Марья* – 6 (5, 9, 3, 5, 1, 4). С другой стороны, возрастает активность иных личных имен в Устюжне – *Ирина* (*Арина*), *Наталья*, *Афросинья*, *Татьяна*, *Катерина* и др. Незначительной остается активность имен *Пелагея* – только 3 девочки, *Аксинья* – 2, *Маланья* – 2, *Марфа* – 3, *Степанида* – 3 и др. Зафиксированы имена *Елисавета* и *Александра*.

В Вологде активизируются имена *Ирина* (*Арина*), *Федора*, *Наталья*, *Елена*, *Татьяна*, *Каптелина*, *Ксения*, *Дарья* и др.

Несомненный интерес с точки зрения исторической антропониимии представляют данные 3-ей ревизии (1765 г.) по Вознесенской, Спасской и Пречистенской сотням г. Великого Устюга.

В пятерке самых активных женских личных имен отметим следующие: *Анна* (141), *Евдокия* (97), *Парасковья* (76), *Марфа* (59), *Марья* (67). Напомним, что в именнике Вологды 1711 г. на первом месте – *Анна*, на втором *Евдокия*, в именнике Устюжны Железопольской 1713 г. на первом месте *Авдотья*, на втором – *Парасковья*. Иными словами, и в XVIII в. активность всех этих имен на Русском Севере остается самой высокой.

Средняя степень активности наблюдается в Великом Устюге 1765 г. у имен *Екатерина* (44), *Матрена* (44), *Татьяна* (43), *Ирина* (41), *Пелагея* (39), *Наталья* (32), *Ефимья* (39), *Ульяна* (30) и др.

Редкими являются имена *Анисья* (2), *Устинья* (3), *Ефросинья* (2), *Домника* (3), *Софья*, *Мавра* (3), *Агация* (1), *Лукия* (1), *Улита* (1), *Федора*, *Василиса* и др.

Поскольку в 3-й ревизии Великого Устюга также приводится возраст именуемых, можно сделать выводы о динамике женских личных имен во второй половине XVIII в. Некоторые самые частотные старые личные имена продолжают сохранять активность, так как ими именуются девочки в возрасте до 10 лет.

Всего именем *Анна* названы 141 женщина, из них 34 девочки, имя *Авдотья* имеют 97 женщин, из них 17 девочек, имя *Парасковья* у 76 женщин, из них 10 девочек, имя *Марфа* имели 9 девочек, *Ирина* – 9, *Марья* – 8, *Екатерина* – 8, *Пелагея* – 8, *Татьяна* – 8, *Ефимья* – 6, *Ульяна* – 7 и др. Реже отмечены у девочек имена *Наталья* (3), *Федора* (3), *Ефимья* (6), *Матрена* (2), *Фекла* (2), *Фелицата* (1) и др. Зато стремительно поднялась активность ряда новых личных имен. Имя *Елизавета* дано 11 девочкам, причем в списке именуемых отсутствуют взрослые женщины, только девочки. 10 девочек получили имя *Александра*, взрослых женщин с таким именем не отмечено. Впервые у 2 девочек появилось имя *Надежда*.

Трудно сказать что-либо определенное о причинах активизации большинства имен. Выскажем мнение только по поводу частотности у девочек имени *Елизавета*. Полагаем, что она связана с влиянием имен царицы Елизаветы, дочери Петра I, правившей с 1741 по 1761 год. Имя *Елизавета* давалось девочкам или в последние годы ее царствования или сразу после кончины.

На материале женского именника Северной Руси XVIII в. можно подтвердить мысль В.А. Никонова о том, что имена других цариц (Екатерины I – 1725–1727 гг., Анны Иоановны – 1741 г., Анны Леопольдовны – 1741–1761 гг., Екатерины II – 1762–1796 гг.) очень незначительно повлияли на именник жительниц севернорусских городов¹¹.

Как видно из анализа материала, в XVIII в., в начальный период формирования русского национального языка, в городах Русского Севера наряду со старыми частотными женскими личными именами активизируется целая

группа имен, которые ранее были редкими или даже единичными (*Наталья, Катерина, Татьяна, Елена, Елизавета* и др.). Эти и некоторые другие имена сохранялись в русском именнике на протяжении XIX–XX вв. и являются одними из самых частотных и в настоящее время.

Процесс смены имен, по всей видимости, начинается в городах, поскольку одноименность в них была более значительной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Никонов В. А. Женские имена в России XVIII в. // Этнография имен. М., 1971.
2. Бондалетов В. Д. Женские личные имена в конце XIX в. // Ономастика Поволжья. III. Уфа, 1973. Бондалетов В. Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности описания // Ономастика и норма. М., 1976. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983.
3. Баklangova E. H. Переписные книги 1678 и 1717 гг. по Вологодскому уезду как ономастический источник // Этнография имен. М., 1971. Парфенова Н. Н. Историческая антропонимика как характеристика положения русской женщины (по данным деловой письменности Зауралья XVI–XVIII вв.) // Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы международной конференции. М., 1994.
4. Наумова Е. В. Именование жителей г. Вологды в переписных книгах XVII–XVIII вв. // Вологда: Красведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. Чайкина Ю. И. Женские имена // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994.
5. Переписная книга г. Вологды 1678 г. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14741; Книга переписная г. Вологды переписи и меры И. Шестакова и В. Пикина 1711 г. – ГАВО. ф. 2р, ед. хр. 7874; Книга переписная Великого Устюга 1676–1683 гг. // Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883; Третья ревизия по г. Устюгу Великому 1765 г. // Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883; Баландин Н. И., Черяков В. П. Переписная книга Устюжны Железопольской 1717 г. (РГАДА, ф. 350, д. 437, № 643) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.
6. Наумова Е. В. Указ. раб. С. 584.
7. Деление числа именуемых на количество имен даст средний коэффициент одноименности (СКО). – Бондалетов В. Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения // Ономастика и норма. М., 1976. С. 12–46. См. также: В. Д. Бондалетов. Русская ономастика. М., 1983. С. 80.
8. Никонов В. А. Указ. раб. С. 128.
9. Парфенова Н. Н. Указ. раб. С. 378.
10. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983. С. 116.
11. Никонов В. А. Указ. раб. С. 133.

СОКРАЩЕНИЯ

ПЦК – Православный церковный календарь.
ПК Уст. – Переписная книга Устюжны Железопольской 1713 г.
ПК Вол. – Переписная книга Вологды 1711 г.

ЖЕНСКИЕ ИМЕНА (начало XVIII в.)

В работах по русской исторической ономастике меньше внимания уделяется формам именования женщин, поскольку последние, не имея никаких юридических прав, реже упоминаются в памятниках деловой письменности XI–XVII вв.¹ Социальное бесправие женщины в XI–XIV вв. нашло отражение в именовании ее в официальной письменной речи, причем способы названия не были упорядоченными и не отличались в силу этого единообразием.

По словам Р. Мароевича, в редких случаях женщина именовалась непосредственно, с помощью личного имени. В подавляющем большинстве случаев номинация осуществлялась способом, восходящим по происхождению к праславянскому языку, – через имена других лиц: замужней женщины – через имя мужа, девушки – через имя отца². Имя замужней женщины представляло собой притяжательное прилагательное в полной форме, образованное от имени мужа (княгини *Всеволожая*, приде *Гюргевая*). Иногда данный антропоним сопровождался патронимом (*Глѣбовая Всеславича*). В редких случаях модель именования включала и личное имя женщины (*Мстиславля Хрѣстина*) или профессию мужа (*Завижая посадника*). Форма именования девушки состояла в официальных документах из притяжательного прилагательного, образованного от личного имени отца, и патронима (*Даниловна Романовича*). Как исключение отмечены полные формулы именования женщин: *Софья Ярославна Ростиславля Глебовича*³.

Такие же опосредованные способы именования часто фиксируются и в новгородских берестяных грамотах: *Васильева, Павлова, Фомина жена*⁴.

Если обратиться к письменным источникам XVI – первой половины XVII в., писцовым и переписным книгам Вологодского, Архангельского и Сольвычегодского уездов, то именования женщин встречаются последовательнее, причем в большинстве случаев речь идет о вдовах, после смерти мужа унаследовавших землю и строение. Единая формула именования женщины в этот период отсутствует. Полностью опосредованные именования отмечаются редко: *Васильевская жена Ощепкова* (ПК Сольвыч. 1648), несколько активнее одночленные и двучленные модели, обязательным компонентом которых является личное имя именуемых: *вдова Полашка* (Сотн. Ант.-Сийск. 1593), *вдова Оксиньца; Онтонидка, нищая; Марфица Сенькина* (ПК Лал. 1645).

Несмотря на отсутствие единой формулы именования женщины, в этот период можно уже говорить о наиболее активной (доминирующей) модели именования, относящейся к замужним женщинам и состоящей из личного имени женщины и притяжательного прилагательного, образованного от личного имени мужа с помощью суффиксов *-овск (-евск)*, реже *-ов (-ев)*, *-ин (-ын)*, иногда с наличием фамильного прозвания, если оно было. Ср.: *вдова*

Духанка Сергеевская жена, вдова Каптелинка Яковлевская жена Куприянова (ПК Вол. 1589), вдова Соломейка Ивановская жена, вдова Акилинка Яковлевская жена Калистратова (ПК Сольвыч. 1648), вдова Каптелинка Федорова жена Бобровского (ПК Лал. 1645), вдова Федосица Якушовская жена, вдова Анна Ивановская жена Саунина (Сотн. Каргоп. 1561). Формула именования незамужних женщин в тот период характеризовалась указанием на отца: *проскурица Анница Игнатьева дочь* (ПК Лал. 1625).

Характерно, что женщины, как и мужчины, в этот период именовались еще полуименами с формантами *-к(а)* и *-иц(а)*, древними по своему происхождению, суффикс *-иц(а)*, в частности, в качественном значении встречается в древнерусских памятниках начиная с XI в.⁵ Явно недостаточно изучены способы именования женщин в официальных документах в период, предшествующий распространению трехчленной модели именования, в конце XVII – первой половине XVIII в. С. И. Зинин наблюдает значительный разноречивый формулах называния. Им рассмотрены модели именования женщин в источниках некоторых центральных городов (Москва, Ярославль и др.)⁶.

Ниже представлены модели именования женщин всех сословий в деловых документах массовой переписи населения северо-восточных уездов Русского государства начала XVIII в. – Вологодского, Архангельского, Сольвычегодского, Вятского. Привлечение источников начала XVIII в. обусловлено тем, что именно в Петровское время женщины получают некоторые юридические права, связанные с покупкой и продажей имущества⁷. Этим определяется рост числа женских именований в деловой письменности данного периода всех регионов.

В сравнении с документами XVI – первой половины XVII в. формула именования женщины в начале XVIII в. претерпела существенные изменения. На фоне более или менее устойчивейшей трехчленной модели называния мужчин (обычно жителей города) типа *Алексей Иванов с. Швецов, Марк Афонасьев с. Колысов* (ПК Вол. 1711), женские именования обычно были представлены четырьмя (иногда пятью) компонентами: личным именем и полуотчеством женщины и трех-(дву)-членной моделью именования ее мужа. Ограничимся следующими примерами: *посадская вдова Парасковья Панкратова дочь Прокофьевская жена Никифорова сына Локтева, вдова Евдокия Патракиева дочь Ивановская жена Савельева сына Хомутникова* (ПК Вол. 1711), *вдова Анна Андреева дочь, а Даниловская жена Колотовкина, вдова скудная Евфалия Петрова дочь, а Федоровская жена Сомовых* (ПК Сольвыч. 1710), *вдова Матрена Матфеева дочь Семеновская жена Басанова, вдова Татьяна Митрофанова дочь, а Корниловская жена Уваровского* (ПК Лал. 1717), *нищая вдова Агафья Карпова дочь Петровская жена Мохнаткина* (К. Уст. 1717).

Судя по материалам переписных книг, такая ходовая формула именования женщин была закреплена в письменной речи на огромной территории северо-восточной части Русского государства. О наличии ее в пермской

письменности имеются свидетельства Е. Н. Поляковой⁸. В составе данной модели полуотчества жены и мужа последовательно представлены в форме притяжательного прилагательного с суффиксами *-ов (-ев)*, *-ин (-ын)*, указывающими на принадлежность (*Патриكيةва дочь*, *Наумова дочь*, *Савельев сын*, *Самсонов сын*), прилагательное же, образованное от личного имени мужа с помощью суффикса *-овск (-евск)*, является относительным, поскольку указывает не на принадлежность, а на отношения данных лиц (*Ивановская жена*, *Федоровская жена*, *Даниловская жена* и др.), т. е. жена, имеющая мужем такого-то.

Самым подвижным компонентом модели является полуотчество мужа, оно отсутствует, например, в книгах г. Сольвычегодска, Лальска, Устьянских волостей. По этой причине из четырех членов состоит модель и в переписной книге г. Вятки 1710 г.: *Васса Федорова дочь Яковлева жена Демидовых*, *Анна Васильева дочь Фомина жена Вепревых* и др. В книге переписи и меры г. Вологды 1711 г. пятичленная модель весьма активна, хотя возможны и названия четырехзвенные: *Мавра Иванова дочь Михайловская жена Митрополова*, а ниже – *Мавра Иванова дочь Михайловская жена Ефремова сына Митрополова*. Ср. также: посадская вдова *Дарья Ефтефиева дочь Никулинская жена Хомутинникова*, посадская вдова *Соломанида Алексеева дочь Васильевская жена Жукова* и многие другие. Обращают на себя внимание в переписных книгах всех городов полные формы женских личных имен.

Отмеченная четырех-(пяти)-членная модель называния была характерна для женщин всех сословий: посадских вдов – *Ксения Анфимова дочь Терентьевская жена Федорова сына Свѣшников* (ПК Вол., 1711), солдатских жен и вдов – *Овдотья Иванова дочь Ивановская жена Васильева сына Неподставова* (там же), женщин купеческого сословия – *гостиной сотни вдова Анна Георгиева дочь Алексеевская жена Бѣлавинского* (там же), дворянок – помещица вдова *Ефросинья Васильева дочь подпорутчика Алексеевская жена Григорьева сына Захарова* (РС Вол.), крестьянок – *горкая вдовица Ксѣница Гаврилова дочь Максимовская жена Чапина* (ДПВК), нищих – вдова *скудная Анна Матфиева дочь, а Семена Матренинских жена* (ПК Сольвыч. 1710), нищая вдова *Фетиния Стефанова дочь Тимофѣевская жена Козулина* (ПК Вол. 1711).

У лиц духовного звания в тот период фамильное прозвание обычно отсутствовало, поэтому именование женщины могло состоять из двух компонентов (*вдова попадья Ксения Еремѣва дочь* – ПК Вол. 1711), но: вдовая *попадья Марья Васильева дочь Андреевская жена Семенова*, вдовая *дьяконица Гликѣрия Костянтинова дочь Михайловская жена Пошехона* (ПК Вол. 1711).

Было бы некорректно утверждать, что в привлеченных к исследованию документах эта четырех-(пяти)-членная модель не имела альтернативы. Она была доминирующей, но не единственной. Вариантная формула отличалась тем, что первой частью ее было полное именование мужа с указанием его

профессии, второй – название жены: *подъячего Васильевская жена Григорьева сына Кудрина вдова Парасковья Федорова дочь* (муж Василий Григорьев сын Кудрин), *кузнеца Ивановская жена Сидорова жена Марья Абрамова дочь* (муж Иван Сидоров), *плотника Андреевская жена Федорова сына Кумбаса вдова Ксения Захарова дочь* (ПК Вол. 1711). Наличие такой формулы именования в московских источниках начала XVIII в. отмечает С. И. Зинин⁹.

Обращает на себя внимание первый компонент именования мужа, представленный в форме притяжательного прилагательного с суффиксом *-овск* (*-евск*), образованный от личного имени. Однако возможна и такого рода формула: *вдова суконной сотни Василия Иванова сына Саватиева жена его Акулина Дмитриева дочь* (ПК Лал. 1678).

Отличались формы именования незамужней женщины. В книге переписи и меры г. Вологды 1711 г. четырехзвенная формула отмечена единожды (дѣвка *Марья Григорьева дочь Степанова сына Сурина*), обычно же в составе модели два компонента: посадская дѣвка *Улита Гусева дочь*, дѣвка *Марья Алексѣва дочь*, посадская дѣвка *Федора Мокѣва дочь*.

Следует подчеркнуть, что при наличии доминирующей формулы именования женщины варианты ее во всех привлеченных документах актуализируются значительно реже. Эта закреплённая модель, в составе которой именование женщины не приводится автономно, а почти всегда с полным названием мужа, стала своего рода нормой письменных источников массовой переписи населения данной территории в начальный период становления русского национального языка.

В ревизских сказках эта модель именования сохраняется вплоть до конца XVIII в. В ревизских сказках о числе душ г. Вологды 1795 г. такая формула лежит в основе именования женщин купеческого звания: вдова *Устинья Степанова дочь Гавриловская жена Носкова* (РС Вол. 1795), вдова *Ульяна Яковлева дочь Петровская жена Михайлова сына Потугаева*, а также мещанок: вдова *Ирина Алексѣва дочь Афанасьевская жена Осипова сына Самойлова*. Мещанки и женщины, относившиеся к той или иной цеховой корпорации, могли именоваться и с помощью вариантной формулы: *мещанки... умершего Ивана Емельянова сна Клишина вдова Марья Сергеева дочь, умершего Алексея Михайлова сна Богдѣльщикова жена вдова Анна Дмитриева дочь*, в Вологодском прядильном цеху... *умершаго Михаила Федорова сна Хохлева жена Устинья Захарова дочь* и др.

Позже (в XIX в.) под воздействием трехчленной модели именования мужчин формула названия женщин в письменной речи также становится трехзвенной, разумеется, на тех территориях или в тех социальных группах, где фамилия функционировала как обязательный член антропонимической модели.

Если рассмотреть эволюцию доминирующей модели именования женщины, то основное изменение в ней связано с активизацией непосредственной номинации. Только в древнерусском языке (XI–XIV вв.) именование женщи-

ны носило в большинстве случаев опосредованный характер (через имя мужа или отца). В среднерусский период (XV–XVII вв.) доминирующая формула по своему составу начинает приближаться к модели называния мужчины, поскольку первым компонентом ее является уже личное имя женщины. В то же время от предшествующего периода формула сохраняет и опосредованное название (через имя мужа). В начальный период формирования национального русского языка (вторая половина XVII – начало XVIII в.) формула именования женщины все более сближается с мужской: помимо личного имени женщины в составе ее, как и в мужской модели, появляется полуотчество. Опосредованное именование продолжает сохраняться. И наконец, в период укрепления норм национального русского языка формула именования женщины совпадает с мужской. Ср.: *Глѣбовая Всеславича – Акилинка Яковлевская жена Калистратова – Евдокия Патракиева дочь Ивановская жена Савельева сына Хомутникова* – Мария Иванова Кубарева.

Памятники массовой переписи населения начала XVIII в. отражают не только официальную форму именования женщины, в них можно обнаружить свидетельства того, как называли женщину в повседневной обиходной речи. Существовало несколько способов, и самый активный, видимо, личное имя в полной или качественной форме (*Улита, Онфимья, Татьяна*). В наших документах находит отражение второй способ именования женщины – с помощью прозвища, образованного от фамильного прозвания мужа с суффиксом *-их(а)*: Маврушка Елизарьева дочь, а Андрѣевская жена *Иконничиха* (ПК Лал. 1678), вдова Евдокея Федорова дочь Ивановская жена *Самылиха* (ПК Вол. 1711). Мы привели формулу полного именования женщины в официальном документе, в разговорной же речи актуализируется в качестве средства общения лишь последний компонент.

И наконец, была, на наш взгляд, третья модель именования в быту, состоящая из личного имени и прозвища на *-их(а)*. Данная «уличная» формула нашла отражение в переписной книге г. Лальска 1678 г.: нищая вдова *Анютка Исиха*. Разговорная форма женского именования на *-их(а)* отмечена в Пермской земле¹⁰.

В дальнейшем было бы желательно рассмотреть формы именования женщин в письменно-деловой речи XVIII в. других территорий Русского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сутеранская А. В. Имя и эпоха // Историческая ономастика. М., 1977. С. 15.

2. Мароевич Р. Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных (К вопросу о природе имен типа *Vbsevolozaja* в древнерусском языке) // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 110.

3. Мароевич Р. Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных (К вопросу о природе имен типа *Vbsevolozaja* в древнерусском языке) // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 110–117; Мароевич Р. К реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных // Этимология. 1986–1987. М., 1989. С. 128–129.

4. Подольская Н. В. Некоторые вопросы исторической ономастики в связи с анализом берестяных грамот // Историческая ономастика. М., 1977.

5. Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитатив) личных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Историческая ономастика. М., 1977. С. 109.

6. Подробнее см.: Зинин С. И. Введение в русскую антропонию. Ташкент, 1972. С. 34–39.

7. Сутеранская А. В. Имя и эпоха // Историческая ономастика. М., 1977. С. 15.

8. Полякова Е. Н. О редактировании пермских деловых документов XVII – начала XVIII в. // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1983. Вып. 3. С. 94.

9. Зинин С. И. Введение в русскую антропонию. Ташкент, 1972. С. 38–39.

10. Полякова Е. Н. О редактировании пермских деловых документов XVII – начала XVIII в. // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1983. Вып. 3. С. 94.

СОКРАЩЕНИЯ

ДПВК – Деловая письменность Вологодского края. Вологда, 1979.

К. Уст. 1717 – Книга ландратской переписи Устьянских волостей 1717 г. // Северная Русь XVIII в. Вологда, 1973.

ПК Вол. 1589 – Переписные книги Вологодского уезда. 1589–1590 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР (Северный археографический сборник). Вологда, 1972. Вып. 2.

ПК Вол. 1711 – Книга переписи и меры г. Вологды 1711 г. // ГАВО, ф. 2Р, № 7847.

ПК Вят. 1710 – Переписная книга г. Вятки 1710 г. // Вятка: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887.

ПК Лал. 1625 – Переписная книга Лальска 1625 г. // Пономарев И. Сборник материалов для истории г. Лальска Вологодской губ. Т. 1 (1570–1800 гг.). В. Устюг, 1887.

ПК Лал. 1645 – Переписная книга г. Лальска 1645 г. // Пономарев И. Сборник материалов...

ПК Лал. 1678 – Переписная книга г. Лальска 1678 г. // Пономарев И. Сборник материалов...

ПК Лал. 1717 – Книга первой ревизии г. Лальска 1717 г. // Пономарев И. Сборник материалов...

ПК Сольвыч. 1648 – Переписная книга Сольвычегодского уезда 1648 г. // Пономарев И. Сборник материалов...

ПК Сольвыч. 1710 – Переписная книга г. Сольвычегодска 1710 г. // Пономарев И. Сборник материалов...

РС Вол. 1785 – Ревизские сказки о числе душ помещичьих крестьян Вологодского уезда 1782 г. // ГАВО, ф. 883. № 134.

РС Вол. 1795 – Пятая ревизия о купцах и мещанах г. Вологды 1795 г. // ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 4369.

Сотн. Ант.-Сийск. 1593 – Сотная на вотчину Антониева-Сийского монастыря 1593 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР.

Сотн. Каргоп. 1561 – Сотная из книг на г. Каргополь 1561–1564 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР.

ИМЕНОВАНИЯ ДУХОВНЫХ ЛИЦ НА РУСИ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

(на материале приходно-расходных книг Спасо-Прилуцкого и Иосифо-Волоколамского монастырей)

В XVI в. различался состав имен духовных и мирских лиц. Судя по документам Спасо-Прилуцкого и Иосифо-Волоколамского монастырей, монахи имели специфические личные имена, многие из которых были не характерны

для мирских лиц. Это были так называемые церковные имена. К ним относятся такие имена, отмеченные в приходе-расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря XVI в.: *Аркадей* (1591 г., ВХК 1, с. 316), *Анфилофей* (1573 г., ВХК 1, с. 9), *Андреян* (1591 г., ВХК 1, с. 318), *Васьян* (1573 г., ВХК 1, с. 313), *Варлам* (1576 г., ВХК 1, с. 299), *Варсунофей* (1571 г., ВХК 1, с. 288), *Гедеон* (1599 г., ВХК 1, с. 353), *Дионисей* (1591 г., ВХК 1, с. 348), *Ефстафей* (1591 г., ВХК 1, с. 325), *Левкий* (1574 г., ВХК 1, с. 291), *Протасей* (1591 г., ВХК 1, с. 297), *Семион* (1591 г., ВХК 1, с. 315), *Феогност* (1571 г., ВХК 1, с. 293), *Феодорит* (1571 г., ВХК 1, с. 391) и др.; и в хозяйственных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в.: *Андреян* (1595 г., ВХК 2, с. 349), *Варлам* (1574 г., ВХК 2, с. 277), *Веньямин* (1596 г., ВХК 2, с. 140), *Венедикт* (1573 г., ВХК 2, с. 20), *Гедион* (1599 г., ВХК 2, с. 355), *Горонтий* (1573 г., ВХК 2, с. 20), *Дионисей* (1593 г., ВХК 2, с. 116), *Еустафей* (1594 г., ВХК 2, с. 325), *Иев* (1574 г., ВХК 2, с. 274), *Иоаким* (1581 г., ВХК 2, с. 12), *Иосиф* (1599 г., ВХК 2, с. 246), *Иона* (1590 г., ВХК 2, с. 74), *Исайя* (1589 г., ВХК 2, с. 116), *Левкий* (1574 г., ВХК 2, с. 271), *Мисайло* (1599 г., ВХК 2, с. 235), *Нифонт* (1590 г., ВХК 2, с. 79), *Паисей* (1581 г., ВХК 2, с. 271), *Серапион* (1586 г., ВХК 2, с. 6), *Симон* (1599 г., ВХК 2, с. 241), *Феодорит* (1574 г., ВХК 2, с. 275), *Филофий* (1583 г., ВХК 2, с. 38) и др. Обратим внимание на то, что все церковные личные имена монахов представлены в документах в полной форме.

Можно полагать, что состав монашеских личных имен на Руси в XVI веке уже установился. В списках одного из самых крупных центральных монастырей – Троице-Сергиева – фигурируют те же самые имена, отмеченные нами в книгах Спасо-Прилуцкого и Иосифо-Волоколамского монастырей. К активным в Троице-Сергиевом монастыре относятся следующие: *Андреян* – отмечено 15 раз, *Варсонофий* – 13, *Варлам* – 27, *Васьян* – 28, *Дионисий* – 13, *Ефстафей* – 5, *Иоаким* – 7, *Иона* – 84, *Мисаил* – 17, *Нифонт* – 18, *Феодорит* – 14 и т.д. (Черкасова, с. 80–81).

Строго выдержанный состав церковных личных имен у монахов объясняется тем, что при пострижении именуемый оставлял свое мирское имя, как и все другое, за воротами монастыря, причем обычно новое церковное имя начиналось с того же звука, какой был у мирского: «Постригся стрелец *Иван*, во иноцех *Илиарх*» (1581 г., ВХК 2, с. 242); «Крестьянин из Федоровского *Степан* прозвище Собака во иноцех *Селиван*» (1584 г., ВХК 2, с. 117); «Постригся в чернецы *Кузьма* Нашокин прозвище Истома, а в иноцех *Кипреян*» (1589 г., ВХК 2, с. 114).

Чтобы показать различие в именовании духовных и мирских лиц, приведем личные имена мирских лиц в тех же источниках Спасо-Прилуцкого и Иосифо-Волоколамского монастырей – в приходе-расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря: *Иван*, *Василей*, *Васька*, *Максимко*, *Оска*, *Иванко*, *Федор*, *Ташлык*, *Кузма*, *Понкрат*, *Терентей* и др. (1574 г., ВХК 1, с. 262–272); в приходе-расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря: *Гриша*, *Овдей*, *Григорей*, *Никита*, *Сидор*, *Васка*, *Верига*, *Офонасей*, *Куземка*, *Семен*,

Борис, Злоба, Петр, Юрья и др. (1573 г., ВХК 2, с. 4–9), Неупокой, Меншик (ВХК 2, с. 26) и др.

Известно, что все церковные монашеские имена были заимствованными, чужими в системе восточнославянских языков. Вследствие этого в разговорной речи они подвергаются изменениям, нашедшим отражение и в монашеских именах. Отметим следующие процессы: а) изменение отдельных гласных и согласных звуков для удобства произношения: *Горонтий* (1571 г., ВХК 2, с. 271) < церк. *Геронтий* (Суп., с. 157), *Галахтион* (1585 г., ВХК 2, с. 491) < церк. *Галактион* (Суп., 152), *Илинарх* (1581 г., ВХК 2, с. 242) < *Иринарх* (Суп., с. 199) и др.; б) устранение несвойственного русскому языку «зияния» путем стяжения сочетаний гласных или замены [у] согласным [в]: *Федосей* (1583 г., ВХК 2, с. 139) < *Феодосий* (Суп., 318), *Еким* (1591 г., ВХК 2, с. 137) < *Иоаким* (Суп., 108), *Елизарей* (1574 г., ВХК 2, с. 281) < др.-церк. *Елиазар* (Суп., 181), *Евстафей* (1591 г., ВХК 2, с. 325) < *Еустафий* (Суп., 177), *Левкий* (1574 г., ВХК 2, с. 29) < *Леукий* (Суп., 214) и др.; в) утрата начального гласного: *Стахий* (1585 г., ВХК 2, с. 49) < др.-церк. *Истахия* (Суп., 302), *Сидор* (1576 г., ВХК 2, с. 290) < церк. *Исидор* (Суп., 295); г) изменение финали церковного имени по образцу мирских личных имен: *Патрикей* (1599 г., ВХК 2, с. 351) < церк. *Патрикий* (Суп., 161), *Еуфимей* (1596 г., ВХК 2, с. 140) < др.-церк. *Еуфимий* (Суп., 187), *Гурей* (1581 г., ВХК 2, с. 11) < *Гурий* (Суп., 162), *Варсунофей* (1576 г., ВХК 2, с. 288) < ст. календ. *Варсануфий* (Суп., 142), *Кирило* (1573 г., ВХК 2, с. 281) < др.-церк. *Кирилл* (Суп., 209), *Данило* (1573 г., ВХК 2, с. 5) < др.-церк. *Данил* (Суп., с. 164) и др. Как видно, многие церковные личные имена подвергались влиянию разговорной речи, что объяснялось, с одной стороны, тем, что состав монашеской братии непрерывно пополнялся людьми, жившими за стенами монастыря, а с другой – тесными связями монашеской обители с местным населением.

В отличие от имен черного духовенства имена священнослужителей, живших в миру, хотя и приводятся в полной форме, более последовательно отражают мирской именник: луковниковские попы *Михайла* да *Иван* (1589 г., ВХК 2, с. 124), луковниковский священник *Левонтей* (1573, 2, с. 16), священник *Антон* никольской (1595 г., ВХК 2, с. 225), поп *Тарас* от Никола з Городни (1573 г., ВХК 2, с. 16), зубцовский священник *Володимер* (1573 г., ВХК 2, с. 21) и др.

Личные имена духовенства противопоставляются именам церковнослужителей, занимающих низшее место в церковной иерархии (чаще всего дьячков). Полумирской статус многих дьячков нашел отражение в неполных именах (квалитативах): *Петруша* дьячок Яковлев сын (1573 г., ВХК 2, с. 47), *Микитка* дьячок Истомина сын (1573 г., ВХК 2, с. 45), крутицкий подьяк *Семашко* (1587 г., ВХК 2, с. 258) и др. В ряде случаев дьячки названы русскими по происхождению некалендарными именами: дьячок *Истомка* Потапов (1573 г., ВХК 2, с. 49), дьячок *Боженко* (1589 г., ВХК 2, с. 155) и др. В имено-

ваниях монахов такие случаи исключительны: старец *Бессон* иконник (1574 г., ВХК 1, с. 277).

Если говорить об особенностях модели именования монахов, то следует отметить, что для данной категории людей несвойственно называние отчеством: полностью отрекшись от мира, а следовательно, и от родственных связей, монахи посвящали себя служению Богу – Отцу Небесному. Поэтому значительную активность в монастырских документах имела одночленная модель именования, распространявшаяся указанием духовного статуса: «По благословению *Спаского Прилуцкого монастыря игумена Гурья* да келаря *старца Кирила* да казначая *старца Еуфимья*... и соборных старцов, *старца Венямина*, да *старца Якима*, да *старца Илинарха*, да *старца Деонисия*...» (1599 г., ВХК 1, с. 235); «дано *старцу Сергею* 3 рубли денег..., дано *старцу Венедикту* 12 рублев..., взял келарь *Гурей* полтину денег» (1573 г., ВХК 2, с. 25-26).

В составе двучленных моделей именования вторым компонентом могло быть славянское по происхождению личное имя, которое выполняло функцию прозвища, отчество или фамилия.

Остановимся вначале на рассмотрении модели «личное имя и прозвище». Остается неясным, принес ли монах это прозвище извне или оно дано уже в монастыре. Разумеется, прозвища имели не все монахи. Наибольшее распространение они имели в книгах Спасо-Прилуцкого монастыря: старец *Кирило Корова* (1576 г., ВХК 1, с. 299), старец Сава *Собака* (1574 г., ВХК 1, с. 278), крылошенин Сава *Овца* (1574 г., ВХК 1, с. 279), старец *Феодорит Сухорукой* (1576 г., ВХК 1, с. 357), старец *Макарей Чорный* (1571 г., ВХК 1, с. 307), старец *Васьян Зима* (1591 г., ВХК 1, с. 315), старец *Еустафей Кожух* (1549 г., ВХК 1, с. 325), старец *Мисайло Высокой* (1599 г., ВХК 1, с. 235), казначей *Сергий Большой* (1589 г., ВХК 1, с. 70), старец *Олександр Горбач* (1599 г., ВХК 1, с. 363), крылошанин *Нил Молодой* (1574 г., ВХК 1, с. 273), старец *Макарей Матуха* (1574 г., ВХК 1, с. 277).

Как видно, значительная часть прозвищ была связана с внешним физическим обликом именуемого, хотя были и такие, мотивировочный признак которых трудно уловить: старей *Еустафей Кожух* (1599 г., ВХК 1, с. 325), старец *Федор Баба* (1571 г., ВХК 1, с. 306), старец Сава *Чорса* (1574 г., ВХК 1, с. 281), крылошанин *Андрей Сосна* (1574 г., ВХК 1, с. 276).

Все эти прозвища в Спасо-Прилуцком монастыре, по-видимому, были очень активны, поскольку в ряде случаев монахи именовались только с помощью прозвища, например: «Дал *Собаке* 2 алт.» (1574 г., ВХК 1, с. 275), «Дал *старцу Чорсе*... полтину» (1574 г., ВХК 1, с. 270) и др.

В приходо-расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря именовании, в составе которых отмечено прозвище, всего несколько, что объясняется, по-видимому, большей устойчивостью именовании. Ограничимся такими примерами: чернец *Иван Каша* (1589 г., ВХК 2, с. 109), старец *Нифонт Голодный* (1585 г., ВХК 2, с. 107), старец *Онтоней Вишва* (1573 г., ВХК 2,

с. 66), старец Дионисей *Гуща* (1573 г., ВХК 2, с. 21), старец Данило *Жюжелица* (1573 г., ВХК 2, с. 20).

Именования, второй компонент которых отчество (патроним), в документах того и другого монастыря отмечены как исключение. Прежде всего так названы дьяки, дьячки: дьяк *Федор Олександров* (1594 г., ВХК 1, с. 324), дьяк певчей *Никон Семионов* по отце своем иноке Симоне... (1589 г., ВХК 2, с. 105); приходские священники: священник села Петровского *Яков Филипов сын* (1573 г., ВХК 2, с. 31).

Фамилия в качестве второго компонента именования (мы осознаем, что для данного периода иногда сложно отграничить фамилию от отчества, например: старец Мисайло *Семенов* (1576 г., ВХК 1, с. 288), старец Сергей *Макаров* (1596 г., ВХК 1, с. 137), старец Онтоней *Окулов* (1589 г., ВХК 2, с. 154), старец Герасим *Марков* (1589 г., ВХК 2, с. 107) и др.) наиболее активна в приходо-расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря. Применительно к данному документу можно с большей уверенностью утверждать о том, что речь идет именно об этом типе антропонима, поскольку здесь отмечено много знатных фамилий, широко известных на Руси. Например: старец Макарей *Ростопчин* (1573 г., ВХК 2, с. 5), старец Васьян *Бельской* (1575 г., ВХК 2, с. 4), старец Илья Малютин брат *Скуратов* (1573 г., ВХК 2, с. 10), старец Кузьма *Нащокин* (1580 г., ВХК 2, с. 125), старец Моисей *Неплюев* (1589 г., ВХК 2, с. 128), старец Исак *Садыков* (1579 г., ВХК 2, с. 20), старец Иев *Болотов* (1589 г., ВХК 2, с. 134) и мн. др.

К фамилиям монахов Спасо-Прилуцкого монастыря мы относим следующие: старец Андреян *Селюкин* (1594 г., ВХК 1, с. 318), старец Семион *Лухтанов* (1591 г., ВХК 1, с. 315), старец Протасей *Ростопин* (1576 г., ВХК 1, с. 293), старец Андреян *Дятлев* (1579 г., ВХК 1, с. 275), старец Яким *Толкачев* (1597 г., ВХК 1, с. 164), старец Антоней *Пушечников* (1594 г., ВХК 1, с. 325) и др.

Отсутствие отчеств и фамилий у большинства именуемых восполняется топонимами или оттопонимными прилагательными и названиями монастырских профессий, которые в составе формулы именования также выполняют идентифицирующую функцию.

Названия профессий в составе антропонимической формулы несколько активнее в документах Спасо-Прилуцкого монастыря. Например: *печемаз* старец Варлам (1576 г., ВХК 1, с. 299), старец Ортемей *хлибной* (1579 г., ВХК 1, с. 271), старец Сава *хлебник* (1574 г., ВХК 1, с. 282), старец Филип *коровник* (1576 г., ВХК 1, с. 290), старец Кирило *кузнец* (1574 г., ВХК 1, с. 281), старец Никифор *огородник* (1574 г., ВХК 1, с. 277), старец Бессон *иконник* (1574 г., ВХК 1, с. 277), старец Власей *чашиник* (1576 г., ВХК 1, с. 289), старец Андреян *шапочник* (1595 г., ВХК 1, с. 348). В книгах Иосифо-Волоколамского монастыря названия профессий отмечены в виде словосочетания со словом *старец*: *мельничной старец* Иона (1589 г., ВХК 2, с. 134), *огородной старец* Иона (1575 г., ВХК 2, с. 72). Иногда названия профессий

выступают как в форме субстантивированного прилагательного, так и существительного: старец Иона *огородной* (1575 г., ВХК 2, с. 58), старец Арсений *мельничной* (1573 г., ВХК 2, с. 54), старец Иона *огородник* (1573 г., ВХК 2, с. 12), старец Никифор *огородник* (1573 г., ВХК 2, с. 26) и др.

Второй компонент модели именования может представлять собой топоним или производные от топонима. В приходо-расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря это топонимическое прилагательное. Например: старец Арсений *Оларевской* (1576 г., ВХК 1, с. 315) < д. Оларево, старец Леонтей *Кожевниковский* (1574 г., ВХК 1, с. 287) < д. Кожевниково, старец Елизарей *Езовский* (1574 г., 1, с. 281), старец Варлам *Щекутьевской* (1579 г., ВХК 1, с. 279) < д. Щекутьево, старец Мисаил *Завражной* (1574 г., ВХК 1, с. 278), старец Симон *унской* (1599 г., ВХК 1, с. 248) < Унское усолье; старец Иона *Мальшевский* (1590 г., ВХК 1, с. 74), *кандалакишский* старец Серапион (1596 г., ВХК 1, с. 149), старец Иев *Цибоглазовской* (1576 г., ВХК 1, с. 298). Значительно реже вторым компонентом являлся катойконим (старец Мисаил *Москвитин* (1576 г., ВХК 1, с. 302)) или топоним в косвенном падеже: старец *Анреян в Богороцком* (1579 г., ВХК 1, с. 283), старец Федосей *в Лоптунове* (1574 г., ВХК 1, с. 225). Иногда личное имя монаха не сообщается: *старец в Бурдукове, старец в Софонове, старец в Семенкове* (1574 г., ВХК 1, с. 256). Такие именования выделяли постриженников других монастырей, странствующих монахов или старцев, живущих за пределами монастыря, в окрестных деревнях, что, вероятно, было значимо для составителя документа.

Второй компонент топонимического происхождения в документах Иосифо-Волоколамского монастыря выступал в тех же трех формах. Он мог представлять собою катойконим: старец Онисим *Резанец* (1589 г., ВХК 2, с. 119), крылошенин Федосей *Хутынец* (1589 г., ВХК 2, с. 155), старец Сергей *Осташковец* (1589 г., ВХК 2, с. 113), старец Кирил *Свияжанин* (1589 г., ВХК 2, с. 142), старец Леонтей *Ржевитин* (1579 г., ВХК 2, с. 48); прилагательное, образованное от топонима: мельничной старец Еуфимей *Изосиминской* (1589 г., ВХК 2, с. 155), крылошенин Феодосей *Хутынской* (1589 г., ВХК 2, с. 142), старец Мефодий *Саловецкой* (1589 г., ВХК 2, с. 133), старец Варсунофий *Луковниковской* (1583 г., ВХК 2, с. 126), старец Тихон *Ржевской* (1583 г., ВХК 2, с. 138); наконец, форму косвенного падежа топонима: старец Деонисей *из Рясны* (1573 г., ВХК 2, с. 23), старец Селиверст *с Возмищ* (1573 г., ВХК 2, с. 23), старец Софрон *из Зубцова с Фаусовы горы* (1573 г., 2 ВХК, с. 21).

Для подобных именований священнослужителей в источниках Иосифо-Волоколамского монастыря более значимо не название прихода или храма, а название селения, в котором находилась церковь: з *Богарадного* священник Пахнутей (1573 г., ВХК 2, с. 19), священник с *Хлепия* Олферей (1573 г., ВХК 2, с. 17), поп Олферей с *Хлепню* (1573 г., ВХК 2, с. 17), попы *шестаковский, кондратовский, мамашинский, судниковский, неверовский* (1589 г., ВХК 2, с. 144), *литвиновский* священник Василий (1573 г., ВХК 2, с. 41), *болашковский* поп Иван (1589 г., 2 ВХК, с. 101), священник *мисюревский* (1573 г., ВХК

2, с. 47), *лохнышский* священник (1573 г., ВХК 2, с. 281). В редких случаях отмечены названия по церкви: *никольской* священник Сидор (1576 г., ВХК 2, с. 290), *покровский* священник Ерофей (1579 г., ВХК 2, с. 42).

Подводя итоги, можно отметить, что с точки зрения антропонимии изолированность, замкнутость жизни монастырских обитателей в XVI веке была только кажущейся. Наличие двукомпонентной модели именования, второй элемент которой представлял собою прозвище или название профессии, топонимическое образование, свидетельствует о том, что именования монахов складывались под действием русской антропонимической системы в целом. Церковные имена монахов подвергались значительным изменениям под влиянием разговорной речи. Несмотря на особое отношение православной церкви к христианским именам, наречение которыми связано с церковными таинствами и обрядами, использование канонических форм церковных имен в монастырских документах достаточно избирательно. Антропонимия церковной и монашеской среды XVI века отражает существовавшую в то время церковную иерархию, которая нашла отражение в противопоставлении монахов, белого духовенства и церковнослужителей. Для лиц, игравших разную роль в деятельности монашеской обители, в документах избираются разные способы именования.

Сопоставление антропонимии таких удаленных друг от друга монастырских центров, как Спасо-Прилуцкий и Иосифо-Волоколамский монастырь, не выявило существенных различий в именованиях духовных лиц, что говорит о давлении антропонимической системы русского языка, выражающемся в подравнивании именования по существующим образцам деловой письменности XVI века.

СОКРАЩЕНИЯ

ВХК 1 – Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. / Под редакцией д. и. н. А.Г. Манькова. – М.-Л., 1979.

ВХК 2 – Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70-80-х гг. / Под редакцией д. и. н. А.Г. Манькова. – М.-Л., 1980.

Черкасова – *Черкасова М. С.* К изучению монашеской антропонимики Русского Средневековья (по материалам Троице-Сергиева монастыря XIV-XVII вв.) // Проблемы истории культуры. – Нижневартовск, 1997.

Суп. – *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имен. М., 1998.

ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛЕКСИКИ СТАРОРУССКОГО ЯЗЫКА

(на местном ономастическом материале письменных источников XVI–XVII вв.)

Одна из важных проблем исторической лексикологии – реконструкция недостающих звеньев лексической системы старорусского языка. В силу ряда обстоятельств, связанных со своеобразием содержания и назначением письменных документов, известной нормативностью их, в письменности XVI–XVIII вв. более слабое отражение нашла лексика духовного мира русского человека как общерусская, так и локальная. Отсутствие слов такого рода в письменности и исторических словарях еще не свидетельствует о том, что они не являлись составной частью лексической системы русского языка донационального периода.

К резервам реконструкции лексики древних периодов развития русского языка ученые относят в первую очередь имена собственные¹. Разные типы онимов дают возможность восстановить апеллятивы, относящиеся к разным тематическим группам лексики древнерусского и старорусского языка. Удача, на наш взгляд, попытка реконструкции местной географической терминологии старорусского языка на материале гидронимии бассейна Оки.² Весьма перспективно и обращение к антропонимам, ибо этимологический анализ последних позволяет реконструировать апеллятивную лексику, отражающую мышление, нравственные оценки, моральные принципы человека древней Руси.

В настоящей работе речь пойдет о реконструктивных возможностях одного из видов антропонимов – фамилиях, отраженных в вологодских деловых документах XVI–XVIII вв. Вопрос о консервации в фамилиях давно исчезнувших апеллятивных основ и слов ставился О. Н. Трубачевым еще в 60-е годы XX века.³

Материалами статьи послужили писцовые, переписные книги, ревизские сказки, т. е. документы массовой переписи городского населения Русского государства. В силу благоприятного стечения обстоятельств в этих документах до наших дней сохранились списки вологжан от разных исторических периодов: первой трети XVII в., начала, середины и конца XVIII, первой трети XIX в. В писцовых и переписных книгах нашли отражение личные имена, отчества, фамилии, социальное положение вологжан, иногда возраст и местоположение дворов. Помимо основных, привлекаются дополнительные исторические источники фамилий: челобитные Вологодского уезда XVII–XVIII вв., таможенные книги Московского государства XVII в. и Вологды 1634–1635 гг., приходо-расходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря, расположенного в тот период в непосредственной близости от города, синодики, приходо-расходные книги московских приказов и мн. другое (См. список источников).

Реконструктивные возможности фамилий обусловлены их происхождением. Известно, что большинство русских фамилий восходит к прозвищам, названиям по профессии, катойконимам и календарным личным именам. Именно первые три группы фамилий дают возможность реконструировать апеллятивную лексику старорусского языка. Фамилии, восходящие к календарным личным именам, интересны с точки зрения реконструкции разговорных вариантов календарных личных имен, не сохранившихся по большей части в русском языке национального периода. Например, фамилия *Пикин* восходит к разговорному варианту календарного личного имени *Пимен* (> *Пика*). Ср. также *Фалин* < *Фаля* < *Фалалей*, *Клишин* < *Клиша* < *Клим* и др.

Методика реконструкции апеллятивной лексики старорусского языка на материале фамилий учитывает следующее:

1. Наличие фамилии, повторяемость ее в местной деловой письменности XVI–XVIII вв.
2. Соотнесенность прозвища, на основе которого возникла фамилия, с однокорневыми апеллятивами старорусского языка, зафиксированными в письменных источниках и исторических словарях.
3. Соотнесенность прозвища с соответствующим апеллятивом в прямом значении или однокорневыми словами в вологодских или соседних с ними говорах.
4. Соотнесенность прозвища с апеллятивом в переносном значении в говорах или литературном языке.

Такая соотнесенность свидетельствует о том, что фамилии в конечном счете возникли от апеллятивов, которые входили в словарный состав старорусского языка, не нашли отражения в памятниках письменности, но сохранились в литературном языке или говорах национального периода.

Ограничимся несколькими иллюстрациями. Апеллятив старорусского языка **брила* восстанавливается на основе зафиксированной в вологодских документах с 1629 г. фамилии *Брилин* (с. 53), однокорневого слова *бриластый* 'толстогубый', отмеченного в письменных источниках XVII в. (Сл РЯ XI–XVII 1, 334), существительного *брила* 'человек с толстой, отвислой губой', характерного для современных вологодских говоров (СРНГ 3, 180). Слово **лупанда* реконструировано на основе сопоставления фамилии *Лупандин*, отмеченной в источниках начала XVIII в. (№ 1410), с апеллятивом *лупанда* 'толстая, неповоротливая женщина', сохранившимся в вологодских говорах (СРНГ 17, 198). Имя существительное **кувайка* восстановлено в результате сопоставления фамилии *Кувайкин*, зафиксированной в вологодских памятниках с 1650 г. (л. 184 об.), с однокорневым апеллятивом *кувай* 'глухонемой', отмеченным в современных вологодских диалектах (СРНГ 15, 387). Существительное **сuxиря* реконструировано на основе сопоставления фамилии *Сухирин*, бытующей в местных документах с 1629 г. (с. 98), с однокорневым апеллятивом *сuxирующий* 'иссохший, высохший до последней степени', сохранившимся в архангельских говорах (КСРНГ) и мн. другие.

В ходе сопоставления реконструируются апеллятивы старорусского языка в прямом и переносном значении. Обратимся вначале к восстановленным именам существительным в прямом значении. Так, имеющиеся в нашем распоряжении памятники письменности и исторические словари не отражают наличия в лексической системе старорусского языка слова *лежебок*. В Сл РЯ XI–XVII вв. отмечено в этом значении *лежень* (8, 198). Фамилия *Лежебоков* (*Лежбибоков*), зафиксированная в переписной книге Вологды начала XVII в. (1629, с. 182), свидетельствует с известной долей вероятности о бытовании этого слова в прямом значении ‘лодырь’ в русском языке XV–XVII вв. Фамилии *Бечевников* (1711, № 502), *Шлейников* (1629, с. 111), *Уздеников* (1711, № 1253) и другие подтверждают наличие в старорусском языке названий по профессии (хотя бы в пределах вологодского региона): *бчевник* ‘тот, кто изготавливает канаты, веревки’; *прядильщик*, *шлейник*, *узденик* ‘тот, кто изготавливает и торгует конской упряжью’, не отмеченные в памятниках и исторических словарях.

Ряд фамилий позволяют реконструировать имена нарицательные в прямом эмотивно-оценочном значении. Сопоставление фамилий *Лызлов* (1629, с. 88), *Лязгин* (1649 ДПКВ, 44), *Мехряков* (1655, с. 103) с апеллятивами **лызло* ‘долговязый, неуклюжий человек’, **лязга* ‘болтун, пустомеля’, **мехряк* ‘медлительный, неповоротливый, неуклюжий человек’, отмеченными в вологодских и соседних с ними говорах (СРНГ 16, 220, 270; 18, 144), дает возможность утверждать, что данные существительные в аналогичных или близких значениях характерны были и для лексической системы старорусского языка.

Сопоставление фамилий с данными современных говоров позволяет реконструировать апеллятивы, однокорневые варианты которых в тех же прямых или близких значениях отмечены в старорусском языке. Наличие фамилии *Кропачев* в вологодских источниках начала XVII в. (1711, № 463) и апеллятива *кропач* ‘неискусный портной или сапожник’ в словарном составе вологодских и пермских говоров (СРНГ 15, 279) даст основание предполагать, что наряду с названием профессии *кропачишко* ‘тот, кто шьет, чинит что-л.’, отмеченным в Сл РЯ XI–XVII вв. (8, 72), в старорусском языке бытовало и однокоренное *кропач* с близким значением.

Реконструкция переносного значения апеллятивов старорусского языка на базе фамилий возможна в тех случаях, когда оно сохраняется в лексико-семантической системе русского языка национального периода. Имя существительное *мизгирь* приводится в Сл РЯ XI–XVII вв. только в прямом значении ‘паук’ (9, 149). Фамилия *Мизгирев* (1688, 643), отмеченная в вологодских источниках XVII в., дает возможность восстановить переносное значение ‘слабый, болезненный человек невысокого роста’, сохранившееся в современных вологодских, костромских, пермских говорах (СРНГ 18, 154). Сопоставление фамилии *Лягушин* (1629, с. 60) с именем существительным *лягуша*, со-

хранившимся в пермских говорах (СРНГ 16, 256), свидетельствует о том, что последнее бытовало в старорусском языке не только в прямом значении 'лягушка', но и в переносном 'долговязый, худой, длинноногий человек'. Фамилия *Валов* (1629, с. 136) с опорой на локальный апеллятив *вал* 'лентяй, лежебока' в современных костромских, новгородских, вологодских говорах (СРНГ 4, 19) указывает на наличие у старорусского *вал* и прямого значения 'насыпь, служащая укреплением' (Сл РЯ XI–XVII 2, 12) и метафорического переносного и мн. другие.

В тех случаях, когда метафорическое значение у слова в современном русском языке или не выявлено или не сохранилось, воссоздание его в старорусском встречает известные трудности. В науке установлено, что языческие имена-прозвища, от которых возникали фамилии, выполняя идентифицирующую функцию, одновременно характеризовали носителей имен, т. е. определяли лицо по какому-то признаку.⁴ Характеризующую функцию могли выполнять прозвища, возникшие на базе прямого значения имени нарицательного (например, *Чистяк* < **чистяк* 'щеголь, фразг'; *Витушечник* < **витушечник* 'тот, кто печет и продает витушки (плюшки)'; *Каргопол* < **каргопол* 'уроженец г. Каргополя' и др.) и на базе его переносного значения. Языческие имена-прозвища типа *Кочерга*, *Крыло*, *Кулак*, *Крот* и др. тоже выполняли характеризующую функцию, поскольку возникали от соответствующих апеллятивов не в прямом значении, а от лексико-семантических вариантов этих слов с оценочным значением лица. Восстановить это метафорическое эмотивно-оценочное значение не всегда представляется возможным, поскольку оно далеко не всегда находит отражение в толковых и областных словарях современного русского языка. В качестве примера можно сослаться на имена-прозвища, восходящие в конечном счете к названиям животных типа *Волк*, *Лиса*, *Медведь*, *Лебедь*, *Заяц* и др. В русском языке донационального периода эти имена длительный период сохраняли значительную активность.

Как отмечает А. А. Уфимцева, в современном языке «имена животных образуют вокруг себя широкие ассоциативные поля. Почти универсальным является способ выражения оценочных значений человеком через имена животных; ср., хитрый как лиса, труслив как заяц, злая как собака, ласкается как кошка, глуха как тетеря».⁵ В толковых словарях переносное значение этих существительных передается весьма непоследовательно, что в известной степени затрудняет семантическую реконструкцию их применительно к старорусскому языку. В МАС (2 т.) слово *лиса* выступает и в переносном значении 'о хитром, ластивом человеке'. Лексема *крот* подается только в прямом значении 'млекопитающее отряда насекомоядных, живущее под землей', хотя в разговорной речи кротом могут называть трудолюбивого, усердного человека или человека, обладающего слабым зрением.

Такого рода сомнение выражено также в статье Л. И. Лупачевой, считающей, что в семантическом содержании слова *жаба* можно выделить не только прямое значение 'бесхвостое земноводное животное с бородавчатой слизистой кожей', как это сделано в ССРЛЯ, но и метафорическое 'человек, производящий неприятное впечатление'.⁶

Во многих случаях так и не удастся установить вторичное метафорическое значение апеллятивов старорусского языка, легшее в основу фамилии. Ср., например, *алачуга* в первичном значении 'палатка, хижина' – Ф 1, 468 (фамилия *Алачугин* – 1629, с. 38); *бехтерь*, в первичном значении однокорневое *бехтерец* в др.-рус. 'панцырь из металлических пластинок' – Сл РЯ XI–XVII 1, 182 (фамилия *Бехтерев* – 1711, № 58); *преснец* в вологодских говорах 'пресный хлеб, пирог, лепешка' – Д 3, 530 (фамилия *Преснецов* – 1634, л. 377 об.); *тебенюк* в первичном значении 'лопасть у седла' – Срезн. 3, 94 (фамилия *Тебенюков* – 1629, с. 175) и мн. другие.

Далеко не всегда прямое или переносное значение старорусских апеллятивов восстанавливается с известной степенью достоверности. Нельзя обойти вниманием случаи семантической реконструкции вероятностного характера, обусловленные тем, что в говорах старорусского языка отдельные апеллятивы могли выступать в разных значениях, о чем свидетельствуют исторические и областные словари. Так, например, по данным Сл РЯ XI–XVII вв., имя нарицательное *заугольный* имело в старорусском языке значение 'лукавый, двуличный' (5, 328), по материалам областных словарей, оно, вероятно, могло выступать и в значении 'внебрачный ребенок' (СРНГ 11, 128). Тем самым фамилия *Заугольный*, отмеченная в вологодской письменности с 1576 г. (л. 292), могла возникнуть на базе и того и другого значения. Фамилия *Кошчев* (1650, л. 20 об.) возникла на основе имени существительного *кощей*, которое выступало в старорусском языке в значении 'тощий, худой' (Сл РЯ XI–XVII 7, 398) и по свидетельству современных говоров 'скупец, скряга' (СРНГ 15, 159).

Семантическая реконструкция вероятностного характера возможна и в тех случаях, когда фамилия сопоставляется с апеллятивом, не отмеченным в старорусском языке, но сохранившимся в вологодских и соседних с ними говорах в разных значениях. Ограничимся следующими примерами. Фамилия *Жуков* (1629, с. 104) восходит к общерусскому существительному *жук*, которое, судя по данным современных говоров, имело в старорусском языке два переносных значения 'смуглый, черноволосый человек' волог. (СРНГ 9, 222) и 'пронырливый, жуликоватый человек', ср. в ярославских говорах *жукова-тый* в том же значении (ЯОС 4, 50). Сопоставление вологодской фамилии *Копосов* (1629, с. 182) с прилагательным *копоский* современных говоров приводит к мысли о том, что апеллятив *копос* выступал в старорусском языке в 2-х значениях: 'взыскательный, требовательный; придирчивый человек' и 'боязливый, робкий' (ср. *копоский* в тех же значениях в вологодских, перм-

ских, новгородских диалектах – СРНГ 14, 293). Примеры реконструкции вероятных, но не единственных значений можно было бы продолжать и далее.

Следует, пожалуй, остановиться еще только на одном случае вероятностной реконструкции: восстановление апеллятива на основе сопоставления фамилии с именем нарицательным и топонимом. Фамилия *Белавинский*, например, (1629, с. 24) может восходить к апеллятиву *белава* 'светлый, очень бледный человек' (СРНГ 2, 207) и топониму *Белавино* (названию дсревни, очень распространенному в Вологодском уезде); отсюда *Белавинский* – выходец из д. Белавино. Фамилия *Вагин* (1676, л. 41 об.) соотносится как с апеллятивом *вага*, сохранившимся в вологодских говорах в значении 'лентяй, отлынивающий от работы' (СРНГ 4, 79), так и с гидронимом *Вага* (название реки), отсюда *Вагин* – выходец с р. Ваги.

После рассмотрения вопросов, связанных с методикой реконструкции старорусских имен существительных, постараемся ответить на вопрос: какие же недостающие звенья лексико-семантической системы старорусского языка можно восстановить с помощью фамилий.

Специфика фамилий как разновидности антропонима определяет принадлежность реконструированных на их основе апеллятивов к тематической группе с общим значением 'название лица'. На основе вологодских фамилий можно восстановить такие пласты лексики старорусского языка, не нашедшие отражения в письменных источниках XV–XVIII вв. и исторических словарях:

1. Названия лиц по профессии: др.-рус. **купор*; фамилия *Купоров* с 1795 г. (л. 50 об.); в др.-рус. однокорневое *купорить* 'затыкать, заделывать щели в бочках' (Сл РЯ XI–XVII 8, 132); в говорах *купор* 'мастер по изготовлению шаек, ушатов, лоханей; бондарь' (СРНГ 16, 103); *купорить* 'бондарничать' арх. – КАОС; др.-рус. **судоплат*, фамилия *Судоплатов* с 1628 г. (л. 517 об), *судоплат* 'строитель кораблей, судостроитель' новг.⁷; др.-рус. **солонос*, фамилия *Солоносов* с 1629 г. (с. 105); в говорах *солонос* 'работник для носки соли при погрузке и выгрузке судов' (Д 4, 269) и мн. другие.

2. Названия лиц по национальной принадлежности: др.-рус. **армянин*, фамилия *Армянинов* (*Арменинов*) с 1629 г. (с. 181); др.-рус. **буртас*, фамилия *Буртасов* с 1711 г. (198); др.-рус. *буртасы* 'полукочевой народ, живший в древности на средней Волге. С начала эпохи христианства так звали чувашей' (Ф 1, 247) и др.

3. Названия лиц по местожительству: др.-рус. **астрахан*, фамилия *Астраханов* с 1795 г. (л. 217 об.); др.-рус. **брянчанин*, фамилия *Брянчанинов* с 1629 г. (с. 84); др.-рус. **колмогор*, фамилия *Колмогоров* с 1679 г. (л. 19); др.-рус. **митропол*, фамилия *Митрополов* с 1676 г. (л. 118), *митропол* 'выходец из вотчины, находящейся во владении митрополита'; др.-рус. **устюженин*, фамилия *Устюженин* с 1675 г. и мн. другие.

4. Названия лиц по иным (иногда случайным) признакам: др.-рус. **гасило*, фамилия *Гасилов* с 1745 г. (л. 365), в говорах *гасило* 'церковный под-

староста, который гасит в церкви догорающие свечи' влад. (СРНГ 6, 151); др.-рус. *заваря, фамилия Заварин с 1795 г. (л. 431), в говорах заваря 'зачинщик' черепов. (СРНГ 9, 299); др.-рус. *запечанин, фамилия Запечанинов с 1711 г. (№ 1202), в говорах запечанин 'посетитель, пришедший из любопытства на свадьбу, сидящий на печи во время свадебного обряда' (СРНГ 9, 314); др.-рус. *непостав, фамилия Непоставов с 1634 г. (л. 309 об.), в др.-рус. однокорневое непоставленный 'не принявший посвящения (церковно- и священнослужитель)' (Сл РЯ XI–XVII 11, 231) и др.

5. Самая значительная группа названий лиц – слова с коннотативными и эмотивно-экспрессивными значениями, выступающие в функции личностных характеристик. В подавляющем большинстве случаев такие названия вскрывают социально отрицательные свойства личности.

В эту группу входят названия, отражающие физические характеристики именуемых:

а) 'полный, тучный человек': др.-рус. *ботя, фамилия Ботев с 1795 г. (л. 341), в вологодских говорах ботя 'полный, тучный' (СРНГ 3, 139); др.-рус. *жиряк, фамилия Жиряков с 1629 г. (с. 178), во владимирских говорах жиряк 'полный, тучный' (Там же 9, 188); др.-рус. *бутус, фамилия Бутусов с 1711 г. (№2064), в череповецких говорах бутус 'невысокий полный человек' (Там же 3, 314); др.-рус. *мякиш, фамилия Мякишев с 1629 г. (с. 170), др.-рус. мякиш 'мягкая часть печеного хлеба' (Сл РЯ XI–XVII 9, 342), в вологодских, псковских, тверских говорах мякиш 'толстый человек' (СРНГ 19, 78); др.-рус. *тюлька, фамилия Тюлькин с 1594 г. (л. 329), в вологодских, пензенских, вятских диалектах тюлька 'толстый обрубок дерева', 'невысокий полный человек' (КСРНГ);

б) 'неловкий, нескладный человек': др.-рус. *лухман (<ф. Лухманов – 1665, 187), *мехряк (<ф. Мехряков – 1665, л. 103), *неклюд (<ф. Неклюдов – 1629, с. 29), *пестерь (<ф. Пестерев – 1795, л. 434 об.), *ступа (<ф. Ступин – 1634, л. 612) и др.;

в) 'высокий, худощавый': др.-рус. *баган (<ф. Ваганов – 1745, л. 351), *лыжа (<ф. Лыжин – 1711, № 108), *журавель (<ф. Журавлев – 1711, № 1946), *ляма (<ф. Лямин – 1629, с. 172), *оглобля (<ф. Оглоблин – 1678, л. 77) и др.;

г) 'хилый, болезненный человек': др.-рус. *трух (<ф. Трухов – 1629, с. 179), *зеленя (<ф. Зеленин – 1711, №2009), *кочура (<ф. Кочурин – 1676, л. 6 об.) и др.

С помощью фамилий можно восстановить апеллятивы старорусского языка, указывающие на физические недостатки именуемых. Например, 'хромой человек': др.-рус. *дыль (<ф. Дылев – 1629, с. 48), *колча (<ф. Колчин – 1629, с. 184); 'скрюченный, горбатый': др.-рус. *корюка (<ф. Корюкин – 1594, 158), *скуляба (<ф. Скулябин – 1614, ДПВК, 35); 'человек с покрытым оспой лицом': др.-рус. *шадра (<ф. Шадрин – 1685, № 135), *шорох (<ф. Шо-

рохов – 1745, л. 330 об.); 'глухонемой' др.-рус. *кувайка (<ф. Кувайкин – 1650, л. 184 об.) и др.

В составе данной группы своего рода исключением являются реконструированные имена существительные, дающие положительную оценку именуемому. К числу их относятся слова с общим значением 'крепкий, здоровый человек': др.-рус. *дуб (<ф. Дубов – 1711, № 625), *лобан (<ф. Лобанов – 1676, л. 9 об.), *лом (<ф. Ломов – 1711, № 2093), а также со значением 'красивый, видный': др.-рус. королек (<ф. Корольков – 1711, № 696), *рахман (<ф. Рахманов – 1745, л. 302) и некоторые другие.

К группе названий с эмотивно-экспрессивным значением относятся также слова, выступающие в функции личностных интеллектуальных характеристик. Сюда относятся, например, др.-рус. *деуля (<ф. Деулин с 1711 г., № 21), в северо-восточных говорах деуля 'глупец, простофиля' (СРНГ 8, 41); др.-рус. *дешевуха, фамилия Дешевухин с 1629 г. (с. 180), в московских говорах дешевый 'глупый, не стоящий уважения' (Там же 7, 42); др.-рус. *чечуля, фамилия Чечулин с 1629 г. (с. 37), в онежских говорах чечуля 'тупица, болван' (КСРНГ); др.-рус. *шалага, фамилия Шалагин с 1711 г. (№ 600), в вятских говорах шалага 'простофиля, пустой, глупый человек' (КСРНГ) и др.

Самое большое количество старорусских апеллятивов, легших в основу фамилий, было связано с нравственными оценками именуемых. Значительны по объему группы с общим значением:

'неопрятный, грязный человек, неряха': др.-рус. *варган, фамилия Варганов с 1795 г. (л. 376 об.), в псковских говорах варган 'неряха' (СРНГ 4, 46–47); др.-рус. *гача, фамилия Гачин с 1795 г. (л. 333), в архангельских говорах гача 'грязный, неопрятный человек' (Там же 6, 154); др.-рус. *замарай, фамилия Замараев с 1711 г. (№ 1697); в севернорусских диалектах замарай 'неряха, грязнуля' (КАОС); др.-рус. *урюпа, фамилия Урюпин с 1629 г. (с. 168), в новгородских, олонекских, белозерских говорах урюпа 'неряха, грязный' (КСРНГ); др.-рус. *шелудяк, фамилия Шелудяков с 1629 г. (с. 106), в псковских, тверских диалектах шелудястый 'нечистый, грязный' (Там же) и др.;

'болтун, пустослов, пустомеля': др.-рус. *баланда, фамилия Баландин с 1629 г. (с. 166), в костромских говорах баланда 'болтун, пустомеля' (СРНГ 2, 73); др.-рус. *бобоша, фамилия Бобошин с 1629 г. (с. 173), в пермских говорах бобоша 'человек, который много «бобочет», говорит без толку' (Там же 3, 38); др.-рус. *бутора, фамилия Буторин с 1634 г. (л. 582), в вологодских говорах бутора 'тот, кто быстро, бестолково говорит, тараторит' (Там же 3, 312); ср. также в том же значении др.-рус. *бака (<ф. Бакин – 1629, с. 83), *верещага (<Верещазин – 1629, с. 24), *рогоза (<ф. Рогозин – 1655, л. 63 об.), *тарата (<ф. Таратин – 1795, л. 534), *щелкун (<ф. Щелкунов – 1629, с. 32);

'крикливый человек, крикун': др.-рус. *вопило, фамилия Вопилов с 1711 г. (№ 30), в архангельских говорах вопило 'громкоголосый, крикливый человек' (АОС 5, 83); др.-рус. *зебляк, фамилия Зебляков с 1711 г. (№ 523), в казанских

говорах *зебло* 'крикливый человек' (СРНГ 9, 241); ср. также в том же значении др.-рус. **зепало* (<ф. *Зепалов* – 1629, с. 35), **зык* (<ф. *Зыков* – 1629, с. 68), **ротик* (<ф. *Ротиков* – 1711, № 220), **рыка* (<ф. *Рыкин* – 1795, л. 363) и др.;

'лентяй, лодырь': др.-рус. **вага*, фамилия *Вагин* – с 1676 г. (л. 41 об.), в вологодских говорах *вага* 'лентяй, отлынивающий от работы' (СРНГ 4, 79); ср. в том же значении др.-рус. **греза* (<ф. *Грезин* – 1672, ОСВ, 7, 37), **дюк* (<ф. *Дюков* – 1745, л. 324), **лазун* (<ф. *Лагунов* – 1629, с. 64), **непряха* (<ф. *Непряхин* – 1711, № 2), **развара* (<ф. *Разварин* – 1549, ОСВ, 2, 22), **шебуня* (<ф. *Шебунин* – 1745, л. 12 об.) и др.;

'скупой, жадный человек': др.-рус. **жила* (<ф. *Жилин* – с 1634 г., л. 184), в севернорусских говорах *жила* 'скупой, жадный' (СВГ); др.-рус. **зобенка* (<ф. *Зобенкин* с 1711 г., № 2014), в ярославских говорах *зобать* 'есть жадно, торопливо' (ЯОС 4, 125), *зобенка* 'жадный, завистливый человек' (СРНГ 11, 222–223); ср. также **мерин* (<ф. *Меринов* – 1629, с. 59), **щербак* (<ф. *Щербаков* – 1795, л. 280 об.) и др.;

'упрямый, вздорный, несговорчивый человек': др.-рус. **брызгало*, фамилия *Брызгалов* с 1676 г. (л. 2 об.), во владимирских говорах *брызгало* 'человек, который, не выслушав, что ему говорят, спорит и ссорится' (СРНГ 3, 214); др.-рус. **зуба*, фамилия *Губин* с 1629 г. (с. 76), в вятских, костромских диалектах *зуба* 'упрямый, своевольный человек' (Там же 7, 191–192); ср. также др.-рус. **лобан* (<ф. *Лобанов* – 1711, № 421), **сутыра* (<ф. *Сутырин* – 1634, л. 386 об.), **коряга* (<ф. *Корягин* – 1629, с. 65) и др.;

'плохой, дурной человек': др.-рус. **касть*, фамилия *Кастин* с 1634 г. (л. 148 об.), в олонецких говорах *касть* 'подлый человек' (СРНГ 13, 118); ср. в том же значении др.-рус. **худяк* (<ф. *Худяков* – 1629, с. 71), **злыгость* (<ф. *Злыгостев* – 1629, с. 177), **окула* (<ф. *Окулов* – 1634, л. 627), **халдя* (<ф. *Халдин* – 1629, с. 68), **шиш* (<ф. *Шишов* – 1634, л. 368) и др.

Единичными примерами представлены апеллятивы в значениях 'нелюди-мый человек': др.-рус. **бука* (<ф. *Букин* – 1629, с. 117), 'лгун': др.-рус. **бухара* (<ф. *Бухаров* – 1634, л. 491 об.); 'илут, обманщик': др.-рус. **базур* (*Базуров* – 1711, №2096), **маталында* (<ф. *Маталындин* – 1619, с. 3), **ханжа* (<ф. *Ханжсин* – 1650, л. 249 об.); 'спесивый': др.-рус. **кича* (<ф. *Кичин* – 1711, № 1863); 'робкий, боязливый' др.-рус. **копос* (<ф. *Копосов* – 1629, с. 182), 'насмешник': др.-рус. **оцеул* (<ф. *Оцеулов* – 1711, № 250), **трунь* (<ф. *Трунев* – 1711, № 1018); 'вялый, нерасторопный': др.-рус. **тюря* (<ф. *Тюрин* – 1634, л. 238), **шитуля* (<ф. *Шитулин* – 1830, л. 288) и др.

Реконструкция имен нарицательных старорусского языка на основе вологодских фамилий дает возможность обратиться к одной из важных проблем восточнославянской исторической диалектологии – вопросу о диалектной дифференциации лексики русского языка XV–XVII вв. В своей подавляющей массе восстановленные апеллятивы относятся не к общерусской, а региональной лексике старорусского языка, поэтому вполне закономерно, что они

не попали в письменные документы и не зафиксированы тем самым историческими словарями. Проникновению их в деловую письменность XV–XVII вв. препятствовали вместе с тем эмотивно-экспрессивное значение и яркая негативная социальная оценка именуемых.

Восстановленные на основе фамилий имена нарицательные с разной степенью активности соотносятся с апеллятивами разных по территориальной принадлежности современных говоров. Это обстоятельство определяется в первую очередь процессами заселения исследуемого региона славянами. Одни соответствия могут свидетельствовать о древней миграции славян на Вологодскую землю с запада – с территории Новгородской республики, другие с юга – из районов Верхнего Поволжья. Вместе с тем значительное число восстановленных имен нарицательных со значением лица могло возникнуть в словарном составе самих формирующихся вологодских говоров XIII–XVII вв. Не лишена основания и мысль о том, что некоторые соответствия находят объяснения в экстралингвистических факторах. Так, например, воссоздание на основе вологодских фамилий единичных апеллятивов, соотносительных только с лексикой южновеликорусских говоров, говорит лишь о том, что носитель соответствующей фамилии не являлся коренным жителем города. На основе фамилии *Бибехов* (1623, ОСВ, 5, 3) реконструирован апеллятив **бибех*, имеющий соответствия в новочеркасских говорах: *бибех* 'удар', *бибехать* 'ударять чем-л. тяжелым' (СРНГ 2, 168). Можно предположить, что носитель фамилии, дьяк сын боярский, Иван Степанов *Бибехов* – пришлый человек, посланный правительством на службу в Вологду. См. также др.-рус. **анчута* (<ф. *Анчутин* – 1795, л. 507).

Следует отметить, что лишь немногие воссозданные апеллятивы имеют соответствия в лексике современных северо-западных говоров. К числу их относятся: др.-рус. **бабушка* (<ф. *Бабушкин* – 1629, с. 54), в псковских, новгородских диалектах *бабушки* 'натуральная оспа', 'всякая болячка', *бабушечник* 'ребенок, больной оспой' (СРНГ 2, 29); др.-рус. **базур* (<ф. *Базуров* – 1711, № 2096), в псковских, тверских диалектах *базурить* 'жить обманом, плутовать' (Там же 2, 51); др.-рус. **греза* (<ф. *Грезин* – 1672, ОСВ, 7, 37), в новгородских, псковских, архангельских говорах *греза* 'нерасторопный, ненаходчивый, неумелый человек' (Там же 7, 130); ср. также др.-рус. **зепало*, **карза* (<ф. *Карзин* – 1629, с. 52), **касть*, **качало* 'отчаянный человек' (<ф. *Качалов* – 1711, № 343) и др.

Зато ни в какое сравнение не идет в количественном отношении соответствие реконструированных апеллятивов с лексикой, северо-восточных диалектов – вятских, пермских, нижегородских, костромских, владимирских, ярославских. Значительный объем этой группы свидетельствует о том, что вологодские говоры являлись составной частью северо-восточной диалектной зоны старорусского языка. К северо-восточным регионализмам относились, например, др.-рус. **баланда* (<ф. *Баландин* – 1629, с. 166), **беянка* (<ф. *Белянкин* – 1711, № 710), в костромских, пермских, вологодских диалектах *бе-*

лянка 'белолицый человек' (СРНГ 2, 240); др.-рус. *бобоша; др.-рус. *брила; др.-рус. *бухара; др.-рус. *кока 'крестный отец' (Там же 14, 86); др.-рус. *неёла (<ф. Неёлов – 1645, ОСВ, 3, 3), в костромских говорах неёла 'неудачливый, нерасторопный человек' (Д 2, 518) и мн. другие.

Значительное число реконструированных апеллятивов имело, видимо, в старорусском языке узкую сферу бытования, т. к. отмечены только в современных вологодских или череповецких диалектах. Ср. имена существительные, имеющие соответствия в вологодских говорах:

др.-рус. *аргун (<ф. Аргунов – 1694, ОСВ, 8, 82), аргать 'рычать, ворчать' волог. (СРНГ 1, 271); др.-рус. *ботя (<ф. Ботев – 1795, л. 341), ботя 'полный, тучный, а также добродушный человек' волог. (Там же 3, 139); см. также др.-рус. *вага 'лентяй', *жареный 'рыжий' (<ф. Жареный – 1711, № 1039), *жужга (<ф. Жужгин – 1629, с. 61), *запечанин и др.

Ср. соответствия в череповецких диалектах: др.-рус. *баган (<ф. Баганов – 1745, л. 351); др.-рус. *дробыш (<ф. Дробышев – 1594, л. 330), дробыш 'человек, ходящий мелкими частыми шагами' (СРНГ 8, 189); см. также *заваря (<ф. Заварин – 1795, № 431), *кича (<ф. Кичин – 1711, № 1863), *непостай 'подвижный, вертлявый' (Там же 21, 122) <ф. Непоставов – 1634, л. 309 об. и др.

Ряд апеллятивов имеет соответствия в лексике архангельских говоров. Ср., например, др.-рус. *бехтерь (<ф. Бехтерев – 1711, № 58); др.-рус. *гача (<ф. Гачин – 1795, л. 333); др.-рус. *зобенка (<ф. Зобенкин – 1711, № 2014); др.-рус. *мошонка (<ф. Мошонкин – 1676, л. 89); др.-рус. *мутовка (<ф. Мутовкин – 1711, № 1720) и др.

И наконец, отдельные реконструированные имена нарицательные соотносительны с компонентами лексической системы широкой северной зоны: др.-рус. *дюк (<ф. Дюков – 1745, л. 324), в олонечских, владимирских говорах дюк 'неповоротливый, угрюмый человек' (СРНГ 8, 303); др.-рус. *вал (<ф. Валов – 1629, с. 136), в новгородских, вологодских, костромских диалектах вал 'лентяй, лежебока' (Там же 4, 19) и др.

Приводимые материалы свидетельствуют вместе с тем и о временных рамках, в пределах которых происходит формирование региональных названий лица, представляющих в основной своей массе социальные негативные характеристики именуемых. Как видно из сказанного, рассмотренный лексический пласт складывается не в национальный период, а значительно ранее: в лексической системе языка великорусской народности, некоторые же названия – в словарном составе общевосточно-славянского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Трубочев О. Н. Из материалов для этимологического словаря русских фамилий // Этимология 1966. М.: Наука, 1968. С. 27.

2. Смолцкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка (Проблемы реконструкции). АДД. М.: Институт русского языка АН СССР, 1981.

3. Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря русских фамилий // Этимология 1966. М.: Наука, 1968. С. 27.
4. Никонов В. А. Опыт словаря русских фамилий I // Этимология 1970. М.: Наука, 1972. С. 118; Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря русских фамилий // Этимология 1966. М.: Наука, 1968. С. 11; Вуйтович М. Древнерусская антропонимика XIV–XV вв. Северо-Восточная Русь. Познань, 1986. С. 13.
5. Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. С. 114.
6. Луначева Л. И. Проблема изучения семантической структуры слова в курсе лексикологии // Значение и форма слова. Калинин, 1988. С. 18.
7. Арциховский А. В. Новгородские ремесла в XVI в. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1939. Вып. 4. С. 15.

СОКРАЩЕНИЯ

- 1576 – Приходо-расходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря за 1576, 1594 гг. // Вотчинные хозяйственные книги XVI в. М.; Л., Институт истории СССР. Ленинградское отделение, 1979.
- 1594 – Приходо-расходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря за 1594 гг. // Там же.
- 1619 – Приходо-расходные книги московских приказов. М.: Наука, 1983.
- 1628 – Приходо-расходные книги Вологодского архiereйского дома 1628 г. – ГАВО, ф. 948, оп. 1, № 6.
- 1629 – Писцовая книга г. Вологды 1629 г. письма и меры кн. И. Мещерского и подьячего Ф. Стогова // Источники истории г. Вологды и Вологодской губернии. Вологда, 1904.
- 1634 – Таможенные книги г. Вологды 1634–1635 гг. М., 1983.
- 1635 – { Таможенные книги Московского государства XVII в. М.: Л., 1650 – {
1652 – { 1951. Т. 2.
1653 – {
- 1655 – Грамота вологжан 1655 г. // Вологодский иллюстрированный календарь. Вологда, 1894.
- 1675 – Таможенные книги Московского государства XVII в. М.; Л. Т. 3.
- 1685 – Приходо-расходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1685 г. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 135.
- 1711 – Книга переписная г. Вологды переписи и меры И. Шестакова и В. Пикина 1711 г. ГАВО, ф. 2р, № 7847.
- 1745 – Синодик Спасо-Прилуцкого монастыря 1745 г. – ВОКМ, № 2013.
- 1795 – Пятая ревизия о купцах и мещанах г. Вологды 1795 г. – ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 4369.
- 1830 – Список г. Вологды обывателей по алфавиту 1830 г. – ГАВО, ф. 14, оп. 3, № 171.
- АОС – Архангельский областной словарь. МГУ, 1980–1987. Т. 1–5.
- ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей.
- ГАВО – Государственный архив Вологодской области.
- Д – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М., 1880–1882 (1955).
- ДПВК – Деловая письменность Вологодского края XVII–XVIII вв. Вологда, 1979.
- КАОС – Картотека Архангельского областного словаря (МГУ им. М. В. Ломоносова).
- КДРС – Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. (Институт русского языка АН СССР).
- КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров (ЛЮ Института языкознания АН СССР).
- МАС – Словарь русского языка. М., 1981–1984. Т. 1–4.
- ОСВ – Описание свитков, находящихся в Вологодском Епархиальном Древлехранилище. Вологда, 1899–1917. Вып. 1–13.
- СЛРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2000. Т. 1–26.

- Срезн. – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб, 1893–1903. Т. 1–3.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. М.: Л., 1950–1965. Т. 1–17.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1966–1987. Т. 1–23.
- Ф – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева). М., 1964–1973. Т. 1–4.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1987. Вып. 1–6.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ И ПРИЧИНЫ АРХАИЗАЦИИ И ВЫПАДЕНИЯ ПРЯМОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА (на материале диалектных экспрессивов)

В последнее десятилетие значительное внимание уделяется изучению коннотативного аспекта лексического значения¹. Исследование лексики на семном уровне привело к выделению в лексико-семантической системе языка особого объединения, элементы которого одни языковеды называют экспрессивами², другие – эмотивами³. Экспрессивы характеризуются тем, что в их семантике, помимо денотативных компонентов, выделяются еще коннотативные, иными словами, предметно-логическим семам сопутствуют экспрессивные, эмоциональные, оценочные.

В предлагаемой работе анализируется сегмент лексико-семантической системы говора с. Дмитриевское Череповецкого района Вологодской области, объединивший слова со значением личностных характеристик. Это относительно замкнутая микросистема, насчитывающая около 250 диалектных лексических единиц. Если учесть, что еще примерно половина множества представлена разговорными просторечными общерусскими словами,⁴ то приходишь к мысли о том серьезном внимании, которое уделяли носители говора нравственным проблемам, социальной оценке членов коллектива.

Задача работы – рассмотрение одного из способов образования экспрессивов – вторичной номинации (семантической деривации), а также анализ названий-характеристик, выпавших из состава семантических моделей.

Исследуемая микросистема объединяет экспрессивы, дающие разную характеристику именуемых: одни указывают на внешние (физические) признаки лица, другие – на внутренние морально-этические качества. Почти все названия, за исключением нескольких слов, характеризуют именуемых с отрицательной стороны, что свойственно и другим говорам⁵. Это явление объясняется особенностями русского народного характера (особым складом «лукавого», по словам А. С. Пушкина, русского ума): все положительное считается нормой и не требует особых языковых средств актуализации, отклонения же от нормы обязательно находят отражение в языке.

В исследуемом говоре способ семантической деривации обладал значительной продуктивностью. Анализируя названия лиц метафорического харак-

тера, можно выделить ряд семантических моделей, отражающих сопоставление элементов действительности, разных по степени близости. На первом этапе выделим четыре группы моделей: а) 'человек' → 'человек', б) 'животное (птица)' → 'человек', в) 'предмет' → 'человек', г) 'отвлеченное понятие' → 'человек'.

Непродуктивна в нашем говоре семантическая модель, представляющая собой сопоставление элементов, относящихся к одной или близким категориям денотатов. Модель 'человек' → 'человек' характеризуется единичными примерами: *поползень* 'ребенок, который еще не ходит, но уже ползает по полу' → 'везде поспевающий надоедливый человек', *сусленник* 'грудной ребенок' → 'пьяница, алкоголик'. Малопродуктивна модель 'мифологический персонаж' → 'человек': *баянник* 'злой дух, живущий бане' → 'некрасивый, уродливый человек', *леший* 'злой дух, живущий в лесу' → 'большой, крупный, неуклюжий человек' и др.

Близка к рассмотренным типам модель 'животное (птица)' → 'человек'. Субъект и объект метафоры характеризуются общим признаком одушевленности и относятся к разным, но достаточно близким семантическим сферам: *зарошница* 'упрямая лошадь' → 'неуступчивая, настойчивая женщина', *киж* 'короткий толстый червь' → 'ребенок' и др.

Самой продуктивной в исследуемом говоре является третья модель 'предмет' → 'человек', соотносящая реалии разных семантических категорий. Внутри модели выделяется ряд более мелких объединений: 'растение' → 'человек': *пестыш* 'полевой хвощ' → 'полный, здоровый ребенок', *чупарыш* 'шиповник' → 'навязчивый, нахальный человек'; 'пищевой продукт' → 'человек': *дробина* 'остаток от пивоварения' → 'тучная, болезненная, медлительная женщина', *мякинник* 'пирог' → 'полный, жадный до еды человек'; 'предмет домашнего обихода' → 'человек': *отопок* 'стоптанный башмак, обносок' → 'низкорослый, худощавый, невзрачный человек (иногда ребенок)', *костыг* 'палка, клюка' → 'худощавый, но крепкий человек (чаще о стариках)'. К этой же модели примыкает и перенос 'орудие (или продукт) труда' → 'человек': *загвозда* 'железный клин, вбиваемый в топорнице для закрепления топора' → 'грузная, неповоротливая женщина', *стуколянка* 'пастуший барабан' → 'худая, тщедушная женщина' и др.

Всего несколько примеров иллюстрируют объединение 'абстрактное понятие (или явление природы)' → 'человек': *завидость* 'зависть' → 'завистливый человек', *жидель* 'жидкое вещество, грязь' → 'высокий, худощавый, тщедушный человек'.

Статистический подход к данному материалу помогает обнажить регулярные семантические модели, к числу которых относятся 'предмет домашнего обихода' → 'человек', 'орудие (проект труда)' → 'человек', 'животное (рас-

тение)' → 'человек'. Неактуальные модели – 'человек' → 'человек', 'абстрактное понятие / явление природы' → 'человек'.

Помимо экспрессивов, возводимых к той или иной семантической модели, в лексической системе говора выделяются две специфические группы. В их составе объединяются слова, выступающие только в значении личностных характеристик. Одни этих экспрессивов, утративших первичное значение, сохранили его в иных, обычно соседних, говорах, прямое значение других в имеющейся в нашем распоряжении лексикографической литературе не отмечено.

К первой группе относится свыше сорока лексем. В названном говоре они бытуют только в значении лица, но лексикографические источники позволяют реконструировать их первичное значение. Думается вместе с тем, что далеко не все из этих слов подверглись процессу семантической деривации именно в нашем говоре. Возможны случаи пополнения его словами, уже утратившими первичное значение. Поскольку выявление подобных лексем весьма затруднительно, мы не ставим перед собой такую задачу. Перспективнее заняться рассмотрением причин архаизации и выпадения прямого значения у слов такого рода, хотя и по этому вопросу иногда можно высказать только некоторые предположения.

Одной из причин утраты первичного значения оказываются слабые, неустойчивые знания у носителей говора в какой-либо сфере духовной или материальной жизни, в частности, в христианской религии и конфессиональной литературе приводившие к забвению библейских образов и символики. Только в значении личностных характеристик бытуют в нашем говоре лексемы *санал* 'бойкий, озорной парень, забияка, буян', *саламон* 'человек с круглым лицом, круглолицый', *фарисей* 'хитрый, ловкий человек', *пастырь* 'непутевый, никчемный человек', *аред* 'скупец, скряга' и др.

По мнению М. Фасмера, *санал* – из фр. *chenapan* 'хулиган', стар. *snape*, от нем. *Schnapphahn* – то же (т. 3, с. 555). По нашему мнению, диалектное *санал* (в архангельских говорах *сантрапал*) ведет свое происхождение от имени собственного одного из воинственных и жестоких правителей Месопотамии Сарданапала, упоминаемого в Библии. Аппеллятив *саламон* также в конечном счете восходит к имени библейского царя Соломона, славившегося своей мудростью. Его имя в XIX в. использовалось в названии народной книги для гадания, на обложке которой был нарисован человек с совершенно круглым лицом, отсюда *саламон* 'круглолицый'. В таком значении слово отмечено и в вологодских харовских говорах.

Архаизировалось и выпало с течением времени первичное значение библейских лексем *фарисей* 'отщепенец, лицемер' (Фасмер, т. 3, с. 185), *пастырь* 'пастух', 'священнослужитель, руководитель паствы' (Фасмер, т. 3, с. 225), *аред* 'от библейского Иаред (Яред)' (Фасмер, т. 1, с. 85).

Утрата прямого значения может быть связана и с забвением языческих обрядов. Слово *кулема* выступает в наших говорах только в значении 'неряшливо одетая, растрепанная, неаккуратная женщина', между тем как в соседних вологодских кадниковских еще в XIX в. удалось установить прямое: *кулема* – в святочных играх – 'небольшой пучок соломы, который бросают на колени качающегося на качелях, он его подбрасывает ногами' (СРНГ, т. 14, с. 56–57).

Можно предположить, что разрыв со своей более южной прародиной, расположенной в Среднем Поднепровье, привел к тому, что слова *лань*, *ладья*, *дыня* стали выступать только в значении 'крепкая, здоровая, полная женщина', *комьяк* – 'грузный, неуклюжий ребенок'.

Затухание некоторых ранее активных промыслов и ремесел, явилось другой причиной утраты или забвения первичного значения ряда слов. Широко известное в XVI–XVII вв. в южном Белозерье и Устюжье кузнечное дело привело к формированию терминов *крица* 'глыба железа, покрытая шлаком', из нем. *Kritze* (Фасмер, т. 2, с. 378), *тулка* 'втулка' (такую семантику слово сохранило в петерб., пск. диалектах – КСРНГ), *жом* 'тиски' кадн. (СРНГ, т. 9, с. 214). В исследуемом говоре первые два слова бытуют в одном значении 'грузная, неуклюжая женщина', третья *жом* – 'скупой, скряга'. Сокращение охотничьего промысла привело к тому, что лексемы *недокунок* и *выпороток*, известные в других говорах как 'пушной зверь с еще неполноценной шерстью' прим. и 'недоношенный детеныш животного' сврдл. (СРНГ, т. 5, с. 331), в нашем говоре сохранили лишь вторичное значение: *недокунок* 'недоросль, глуповатый человек', *выпороток* 'ребенок, шалун, озорник'.

Обращает на себя внимание последовательное отсутствие первичного значения у слов рассматриваемого типа, заимствованных в древний период из других языков. Например, *оботур* в наших говорах 'упрямый, настаивающий на своем человек' («из тюрк. *bahadyr* 'смелый'. Ср. казах. *är batyr* 'герой» – Фасмер, т. 1, с. 56); *хайдук* 'боевая, дерзкая, озорная девушка' («через укр. *гайдук* 'служитель, подручный', польск. *hajduk* 'легко вооруженный венгерский солдат; слуга, лакей' из венг. *hajdu* 'наемный солдат, судебный пристав, телохранитель» – Фасмер, т. 1, с. 383); *салтык* 'боевой, наглый, дерзкий' («вероятно, из тюрк., ср. уйг. *salyk* 'подать'» – Фасмер, т. 3, с. 551); *пинда* 'грузная, неуклюжая женщина' (в карельских говорах *пинда* 'спина', 'слой жира на спине свиньи', в олон. 'верхний слой дерева' из карел, *pinda* 'поверхность') и т.д.

Остаются неясными причины утраты первичного значения многих слов, относившихся в далеком прошлом к разным семантическим сферам, но в большинстве случаев – к бытовой лексике: *вошкарица* 'невзрачная, неприглядная женщина', 'гнида' (Даль без пометы – СРНГ, т. 6, с. 167); *кныш* 'ребенок, малыш', во влад., курск. говорах 'пшеничный хлеб' (СРНГ, т. 13, с. 346);

окоренок 'плотный, здоровый, приземистый человек', в моск., калужск., тамб., твр., влад. говорах 'небольшая лохань' (СРНГ, т. 23, с. 153) и мн. другие.

Заканчивая рассмотрение группы экспрессивов, выпавших в ходе исторического развития из состава семантических моделей, следует отметить, что и данные лексемы, бесспорно, входили в число элементов, образующих лексико-семантическое поле со значением личностной характеристики. Реконструкция же их первичного значения дает возможность воссоздать в более полном объеме словарный состав говора в древний исторический период.

И наконец, о словах (в нашем говоре их 14), зафиксированных в лексикографической литературе только в значении личностной характеристики: *снафид* 'бестолковая, глуповатая, без вкуса одетая', *чула* 'небрежно одетая, неприглядная', *шопырь* 'молчаливый, необщительный человек', *тетюй* 'глухой старик' и др. По-видимому, какая-то часть этих слов изначально являлась личностными характеристиками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика / Отв. ред. В. П. Тимофеев. М., 1979; Телия В. Н. Вторичная метафора и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований / Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М., 1977; Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. М., 1986; Шаховской В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания (учебное пособие по спецкурсу). Волгоград, 1983.

2. Лукьянова Н. А. Лексико-семантическая группа 'человек ленивый' в диалектной системе (опыт семантического анализа) // Русская лексика в историческом и синхронном освещении / Отв. ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск, 1985.

3. Шаховской В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания (учебное пособие по спецкурсу). Волгоград, 1983. С. 42.

4. Лукьянова Н. А. Лексико-семантическая группа 'человек ленивый' в диалектной системе (опыт семантического анализа) // Русская лексика в историческом и синхронном освещении / Отв. ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск, 1985. С. 60.

5. Там же. С. 59.

О СУБСТРАТНЫХ ТОПОНИМАХ С ФОРМАНТОМ -ГУМЗЬ (-ГУМЕЗЬ) В БЕЛОЗЕРЬЕ

Развернувшиеся в последние десятилетия исследования субстратной топонимии Русского Севера позволили сделать вывод о том, что процесс обрушения финно-угорского населения на этой территории происходил неравномерно.

Судя по данным лингвогеографии, археологии, истории, не в одно и то же время завершилась ассимиляция одного из прибалтийско-финских народов – вепсов – и на территории Белозерского края (по современному административному членению западные районы Вологодской области). Установлено, что если в восточной части Белозерья, по которой проходил оживленный торго-

вый путь Шексна – Белое озеро, вепсы обрусели еще в древнерусскую эпоху (в первые века II тысячелетия), то в западных районах этот процесс развивался уже в период становления языка великорусской народности.² Еще в первой четверти XVI в. в бассейне р. Суды вепсский язык был активным средством общения. Иностраннный путешественник С. Герберштейн писал о билингвизме жителей Судского стана, которые «имеют особый язык, хотя ныне почти все говорят по-русски»³.

О сравнительно недавнем обрусении коренного населения западной части Белозерья свидетельствует и топонимия⁴. Среди славянских наименований населенных пунктов выделяются на этой территории локальные плотные ареалы топонимов субстратного происхождения. Заслуживает внимания в связи со сказанным ареал топонимов с общим элементом *-гумзь* (*-гумезь*), выступающим в речи местных жителей в ряде наименований деревень в измененной форме: *Везгумец, Липигумец, Пигумец, Перкумец, Пергумец, Музумец, Шолгумец, Сятромец, Лугумец, Рыконец*⁵. Данные топонимы образуют компактный ареал к юго-западу от Белого озера, охватывающий среднее и нижнее течение р. Андоги и район Андозера.

Топоформант *-гумзь* (*-гумезь*), по-видимому, восходит к апеллятиву *haimeh* (*houmeht*), употребляющемуся в ряде современных вепсских говоров, локализованных в непосредственной близости от территории, на которой отмечены топонимы с общим элементом *-гумзь*⁶. Вепсское слово *haimeh* 'подсечное поле, пашня в лесу' зафиксировано в Бабаевском районе (Пондала), *houmeht* – в Вытегорском районе Вологодской области (Пелкаса, Шимозеро), а также в Подпорожском районе Ленинградской области (Озера)⁷. В финском этимологическом словаре приводится еще более близкое к топоформанту вепс. *haimez* 'поле в лесу'⁸.

Апеллатив *houmeht* (*haimeht*) был заимствован некоторыми русскими говорами. В олонечких петрозаводских говорах *гумежи* 'поле' (СРНГ, 7, 228). Говоря об адаптации вепсского *houmeht* (*haimeht*) русскими диалектами, Я. Калима указывает, что вепсское *ai*, *oi* передается русским *у*⁹. Относительно корневого ж Я. Калима сообщает, что «основы на *-eh* в вепсском языке часто переходили в основы на *-is*»¹⁰.

Исторические и географические сведения подтверждают правильность рассматриваемой этимологии топоформанта *-гумзь* (*-гумезь*). Наличие апеллятива *houmeht* (*haimeht*), *haimez* 'подсечное поле, пашня в лесу' в словарном составе диалектов вепсского языка не противоречит фактам истории, поскольку известно, что прибалтийско-финским племенам Севера было известно подсечно-огневое земледелие. Топонимы *Пигумец, Музумец, Сятромец, Лугумец* и др. являются наименованиями населенных пунктов, относящихся к одному гнезду поселений, имеющему общее название Шикшев Остров (бывш. волость Заболотье)¹¹. Шикшев Остров – это обширная заболоченная территория. Упоминание о ней имеется в письменных источниках середины XVII в. (1657): «В Бѣлозерскомъ уѣздѣ в Судскомъ стану в черной Андопаль-

ской волости озерко Маткозеро длиннику будет десятины двѣ поперечнику тожъ вокругъ отъ того озера описана великого государя вотчина... что в переписныхъ книгахъ написана за Федоромъ да за Яковомъ Алексеева деревни Шикшова Острова отхожая пашенная земля и лѣса» (ЛОИИ, ф. 194, карт. 9, № 7). Среди непроходимыхъ болотъ Шикшева Острова встречались поросшие лесомъ участки твердой земли, годной для земледѣлія, называвшіеся позже в мѣстныхъ русскихъ говорахъ островами или материками¹².

На некоторыхъ изъ этихъ «острововъ» вырубались подсеки. Позднее, когда подсечное земледѣліе переходитъ в пашенное, крестьяне начинаютъ селиться в непосредственной близости отъ периодически распахиваемыхъ лесныхъ участков-подсекъ. Такъ возникаетъ селенія, названія которыхъ содержатъ формантъ -гумзь (-гумезь) 'подсека'.¹³

Топоформантъ -гумзь (-гумезь) подвергается в белозерскихъ говорахъ адаптации, причемъ освоение его в составѣ некоторыхъ топонимическихъ наименований начинается довольно рано. Судя по письменнымъ источникамъ XVI–XVII вв., в составѣ одного наименованія онъ выступаетъ уже в формѣ -кумзъ (*Перкумзъ*)¹⁴, в составѣ другого – в формѣ -конецъ (*Рыконецъ*)¹⁵. Более того, одинъ изъ топонимовъ с даннымъ формантомъ осложняется в XVII в. суффиксомъ -инъ¹⁶. Однако названіе селенія *Шолгумзино* в разговорной рѣчи того періода и позже не имело устойчивости, поскольку в памятникахъ XVIII в. приводится в начальной, болѣе древней формѣ: «Вадбальской волости деревни *Шолгумзя* зять ево Афанасьевъ Филинъ Софроновъ даль мерины»¹⁷. На картѣ Вологодской области 1947 г. оно фиксируется в формѣ *Шолгумецъ*.

Все остальные топонимические наименованія приводятся на картѣ Вологодской области 1947 г. с общимъ элементомъ -гумзъ (ь) (*Лилигумзь*, *Везгумзъ*, *Музгумзь*, *Пигумзь* и др.).

По степени освоенности в наши дни в разныхъ названіяхъ деревень топоформантъ далеко не одинаковъ. Поскольку в первоначальной формѣ в составѣ форманта наличествовалъ беглый гласный *е* (-гумезь), звуко сочетание -есъ (с характернымъ для русскихъ говоровъ оглушеніемъ конечного з') замѣнялось сходнымъ по звучанію сочетаніемъ *еу*, являющимся суффиксомъ во многихъ славянскихъ топонимическихъ наименованіяхъ. Какъ явствуетъ изъ сказаннаго, ранее другихъ произошло такого рода измененіе в формантѣ топонима *Рыконецъ* (первая фиксация – середина XVI в.).

В современныхъ белозерскихъ говорахъ отмеченное морфологическое освоеніе охватываетъ не всю парадигму склоненія топонимовъ. Формантъ -еу последовательно сохраняется только в формѣ им. п.: «Все деревни пустыя – Пигумецъ, Пергумецъ, Музумецъ, Сятромецъ. Розъсхались жители кто куды. Теперь и на лошади не просидѣшь в те деревни, тропиночка токо»; «Пергумецъ? Сидѣлъ тамъ и пепелишша не осталось»; «Шолгумецъ. Слышать слышала, а не собирала, не близко отъ насъ»; «Лугумецъ? Дакъ это островъ, лесъ тамъ, грибы, ягоды собираемъ» (Кадуийскій районъ, Рыконецъ).

В косвенных падежах формант в составе топонимов сохраняет более древнюю форму: «До Пергумзя тут близко»; «Он уж поди сеця к Пигумзю подходит»; «Родом я из Музумзя»; «В Сятромзе ноцку ноцёвала да домой». Ср., однако: «В Музумце токо два жителя осталось, старик со старухой» (Кадуйский район, Рыконец). Исключение составляет топоним *Рыконец*, поскольку формант *-ец* в этом случае четко сохраняется по всей парадигме склонения: «И дед и бабка мои в Рыконне жили и похоронены тут»; «Лучше нашова Рыконця и на свите нет»; «Крюково [деревня] у самого Рыконця» и пр. Следует отметить вместе с тем, что суффикс *-ец* не входил в состав рассматриваемого топонима в его древней начальной форме, поскольку имя прилагательное в местных говорах образуется не от основы *Рыконец*, а от основы *Рыкон* (ь): «На Рыконьской пожне косила»; «Рыконьска цись – это болото возле деревни».

Изменение сочетания *-ес'* в *-ец* в составе форманта *-гумезь* было не случайным. По словам С. Роспонда, уже с XIII в. суффикс *-ьць* был довольно частым в составе топонимов – названий населенных пунктов (*Каменец* – 1196 г., *Кременец* – 1226 г., *Олонец* – 1137 г., и пр.)¹⁸. Название селений с суффиксом *-ец* весьма активны в топонимике Белозерья XIV–XV вв. Ср. напр.: *Вишвец* (с. 316), *Глядец* (с. 316), *Змеевец* (с. 118), *Крутец* (с. 293), *Колонец* (с. 223), *Кривец* (с. 385), *Овинец* (с. 316), *Орлец* (с. 292), *Соснец* (с. 316), *Шатрец* (с. 293). *Юрьевец* (с. 268) и мн. др.¹⁹. Встречаются они на территории Белозерского края и в наши дни (*Березовец*, *Братовец*, *Грязливец*, *Пашнец*, *Добрец*, *Талец*, *Травливец*, *Чашиловец* и др.).

Наряду с морфологической, формант *-гумезь* подвергается и фонетической адаптации. В слове **Музгумезь*, например, произошло упрощение трудного для произношения сочетания *-зг-* за счет выпадения взрывного *г*, входящего в состав форманта (*Музумец*). В составе топонима **Сятргумезь* формант подвергается еще более глубоким изменениям: помимо выпадения взрывного *г*, происходит ослабление лабиализации *у*, в результате чего он начинает произноситься как *о* (*Сятромец*)²⁰.

Самым значительным изменением в процессе адаптации до XVI в. подвергся формант в составе топонима *Рыконец*. Последовательные изменения его, как нам кажется, сводятся к следующим этапам: *Рыгумезь* < *Рыкумезь* < *Рыкумец(ь)* < *Рыкомец(ь)* (как *Сятромець*) < *Рыконец(ь)*. Изменение на последнем этапе (*комець* < *конець*) обусловлено действием народной этимологии. Топоформанты в других топонимах застыли на разных стадиях этого единого процесса (ср. *Перкумец*, *Сятромец*, *Везгумец*, *Музумец* и пр.).

Историко-географические факторы вскрывают причину столь ранней и многогранной адаптации форманта в составе топонима *Рыконец*. Если все остальные селения, названия которых имели в исходе формант *-гумезь*, располагаются в глухой, трудно проходимой болотистой местности, то деревня *Рыконец* находится на берегу р. Суды – старого водного пути, по которому проходило заселение этих мест славянами. Для всех селений Шикшева Ост-

рова *Рыконец* был единственным населенным пунктом, через который осуществлялась связь с внешним миром.

Приведенный материал свидетельствует о том, что освоение одного и того же форманта в составе разных топонимических наименований может происходить в разные периоды, отдаленные друг от друга несколькими столетиями. На территориях, быстрее подвергшихся обрусению, адаптация субстратных топонимов происходит в более ранний исторический период. В районах, длительное время изолированных от внешних воздействий, она активизируется лишь в последнее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Матвеев А. К. Субстратная топонимика русского Севера // ВЯ. 1964. № 2. С. 83.
2. Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда. 1975. С. 148.
3. Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 123.
4. Матвеев А. К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // ВЯ. 1972. № 3. С. 77.
5. На карте Вологодской области 1947 г. фигурируют следующие топонимические наименования: *Везгумз, Лишгумз, Пишгумз, Перкумз, Пергумз, Музгумз, Шолгумец, Сятрумз, Рыконец*.
6. Д. Европеус считает компонент *-гумз* (так!) угорским (*Europeus D.* Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей. СПб., 1874. С. 12). Е. М. Поспелов вслед за В. П. Семеновым-Тяп-Шанским и А. А. Шахматовым сравнивает названия на *-гумз* (так!) с балтийскими данными (*Поспелов Е. М.* Топонимика в трудах В. П. Семенова-Тяп-Шанского // Изучение географических названий. Вопросы географии. № 70. М., 1966. С. 100). А. К. Матвеев сопоставляет топонимы *-гумз*, *-гумуш* с вепсскими *haimeh, hoimeh, haimeh* 'пожого; поле в лесу' (*Матвеев А. К.* Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Докт. дис. М., 1970. С. 506–507).
7. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 111.
8. Suomen keilen etymologinen sanakirja. I. Helsinki, 1955, S. 52.
9. J. Kalima. Die ostseefinnischen Zehnörter im Russischen. MSFOu. Helsinki, 1919, S. 60.
10. Там же, С. 94.
11. Гнездовой тип расселения был отмечен в прошлом не только у русских, но и у вепсов и карелов. (См.: *Витов М. В.* Севернорусская топонимика XV–XVIII в. // ВЯ. 1967. № 4. С. 79).
12. Наряду со славянскими названиями островов (*Малый Середыш, Малый Липовик, Зеленой Остров, Большой Лес, Долгой* и др.) на территории Шикшева Острова зафиксированы наименования субстратного происхождения – *Кумусоло* и *Ваньгосоло*. Топонимы *-соло(во)* тоже имеют значение 'остров' и восходит, по мнению А. К. Матвеева, к саамскому *suolo* (*Матвеев А. К.* Происхождение субстратной топонимики русского Севера // ВЯ. 1969. № 5. С. 46).
13. В словарном составе русских говоров исследуемого региона отмечен русский эквивалент вепсского *hoimeh (haimeh), haimeh*. Им является слово *нива*, выступающее в значении 'подсечное поле, пашня в лесу': «На Большой Ниве вся деревня работала, большая она, в лесу, доберацы худо»; «Хлеба не хватало, дак нивы разробатывали в лесу. Букино нива была, сячас всё лесом зарощено» (Кадуйский район, Рыконец).
14. Писцовые книги письма и меры кн. Н. Шаховского и подьячего М. Козлова 1626/27 г. (РГАДА, ПК № 592, л. 433 об., 437 об.). Топоним *Перкумз* в XVII в. являлся названием двух селений: одно из них расположено севернее Андозера (на карте Вологодской области 1947 г. – *Перкумз*), другое – в междуречье Миги – Шогды (на карте Вологодской области 1947 г. – *Пергумз*).

15. Грамоты коллегии экономии (копии, хранящиеся в ЛОИИ, 1560/61 г., ед. хр. 808/107).
16. Писцовые книги, письма и меры кн. Н. Шаховского и подьячего М. Козлова 1626/27 г., л. 479 об.
17. Вкладная книга Кирилло-Новозерского монастыря XVIII в. (Череповецким краеведческий музей, ф. 6361; рук. кн. № 9, № 65, л. 196).
18. *Ротонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 77.
19. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 2. М., 1958.
20. Материалы Севернорусской топонимической экспедиции Уральского университета свидетельствуют, что описываемый топоформант часто выступает и в форме -зумузь. Очевидно, -зумузь возникло из -зумезь на почве ассимиляции гласных.

АНТРОПОНИМЫ В МЕСТНЫХ ДОКУМЕНТАХ XVI–XVII вв. (на материале купчих Двинского уезда)

Как свидетельствуют письменные источники, XVI–XVII вв. – это период вытеснения языческих личных имен, период дифференцированного подхода к именуемому, связанный с употреблением в структурной формуле имени лица полных личных форм имен и модификатов, период постепенного формирования трехчленной модели именования¹. На разных территориях Российского государства эти процессы развивались неодинаково, что обусловлено разной степенью удаленности регионов от центра, значительным своеобразием в развитии материальной и духовной культуры.

Вместе с тем следует отметить, что история антропонимии ряда регионов не изучена в достаточной степени. К таким территориям относится Двинская земля, охватывающая бассейн Северной Двины.

В работе сопоставляется употребление антропонимов в купчих и писцовых книгах Двинского уезда. Исследованию подвергнута антропонимия трех десятков купчих, написанных на территории Перемского стана, расположенного по обоим берегам р. Пинеги и ее притоку Поче (северная часть Двинского уезда). Все рассмотренные акты относились к землевладению и землепользованию черносошных, т.е. государственных крестьян, которые могли свободно распоряжаться своими землями – продавать, покупать, обменивать их².

Купчие охватывают два столетия: первая – от 1517 г., последняя – от 1691 г. Рассмотрим соотношение в них полных и неполных форм (модификатов) личных имен. Отметим, что все именованья крестьян (их несколько сотен) являются каноническими именами. К исключениям относятся только следующие: *Черной Черкасов* (№ 2 – 1539), *Олеи Климентьев с. Черного* (№ 4 – 1542), *Поздей* (№ 12 – 1596), *Посничко Савинов с. Дьяков* (№ 16 – 1614), *Малыга Лутьянов* (№ 12 – 1596), *Шумил Иванов Худяков* (№ 21 – 1624).

Как правило, крестьяне именуются одним личным именем. Отмечено всего четыре случая именования двумя именами: христианским и языческим (*Аверкий Кобель Васильев с.* – № 6 – 1545; *Кузьма Тонкой Григорьев с.* – № 5

– 1544) и двумя христианскими (*Микифор Миня* – № 10 – 1562; *Дмитр Митроша* – № 7 – 1548).

Говоря о соотношении полных и неполных форм личного имени, ученые ставили их в зависимость от сословной иерархии и жанра документа³. Как утверждалось, неполные личные имена характерны были для низших слоев населения: крестьян, посадских людей и т.д. Между тем в купчих Перемского стана на протяжении двух веков крестьяне последовательно именуются полными формами личных имен. Ср.: первая половина XVI в. – *Власей* Борисов сын, *Григорей* Оксентьев с., *Яков* Мевлентьев с., *Сергей* Васильев с., *Никон* Иванов с. (№ 1 – 1517); *Гаврило* Кузьмин с. Скоморох, *Кузьма* Яковлев с., *Климентей* Иванов с. (№ 2 – 1539) и др.; вторая половина – *Володимер* да *Иван* Кузьмины, *Окул* Семенов, *Осип* Олексеев (№ 8, 9 – 1559, 1560) и др.; XVII в. – *Иван*, *Тимофей* Карповы Федоровы, *Семен* Игнатьев Поршнев, *Онтон* Григорьев с. Осминин (№ 14 – 1602), *Ивойла*, *Иван*, *Андрей* Левонтьевы дети, *Афонасей* Тимофеев с. (№ 28 – 1669) и др.

Возникает вопрос: может быть, и в устно-разговорной речи этого отдаленного от Москвы региона употреблялись только полные формы личных имен крестьян? К доказательствам наличия модификатов в устной речи относятся следующие: 1) на протяжении двух веков в рассматриваемых купчих сами писцы последовательно именуют себя полуименами: дьяк *Иванец* Сергеев с. Реженный (№ 1 – 1517), *Ондреец* Оксентьев с. Дьяков (№ 5 – 1544), *Онфемка* Матвеев с. (№ 8 – 1559), *Офемок* Матвеев с. (№ 9 – 1560), *Гриша* Матвеев с. (№ 11 – 1582), *Потапейко* Иванов с. Миошев (1662), *Елеська* Костентинов (№ 26 – 1669) и др.; 2) отдельные патронимы и фамильные прозвания образованы от неполных личных имен: *Пантелей Минин* с. (№ 7 – 1548), *Андрей Ивакин* (№ 11 – 1585), *Иван Кузьмин Перхин* (№ 10 – 1562), *Иван Кузьмин Мокшин* (№ 8 – 1559) и др.; 3) свидетельством наличия модификатов в устной речи являются «описки» писцов, употребивших среди сотен полных форм личных имен два-три случая привычных для них модификатов: *Остафей* Григорьев с. Оксова (№ 10 – 1562) и *Останя* Григорьев Оксов (№ 12 – 1596), *Пантьюш* Минин с., *Гавърилко* Борисов с. (№ 1 – 1517) и др.

Можно полагать, что употребление полных форм личных имен крестьян в данном случае связано с особенностями жанра: купчие – это важные документы, отражающие торговые операции по покупке-продаже самого ценного для крестьянина – земли. Однако не только жанр определяет форму личных имен. Характерно, что полные формы личных имен отмечены в документах, остающихся на месте, в Перемском стане. В наказной памяти кеврольского воеводы, направляемой в Москву, именованья крестьян представляют собою модификаты. Ср.:

Именования в документах, остающихся на месте	Именования в документах, отправляемых в Москву
<i>Лаврентий</i> Иванов Худяков (№ 29 – 1659)	<i>Лаврук</i> Иванов (№ 23 – 1650)
<i>Кузьма</i> Иванов Волк (№ 20 – 1624)	<i>Куземка</i> Иванов Волк (№ 23 – 1650)
<i>Левонтей</i> Щербина (№ 28 – 1669)	<i>Левка</i> Васильев Щербина (№ 23 – 1650)

Итак, в документах, оставлявшихся для местных нужд, не отправлявшихся в Москву, последовательно отмечены полные формы личных имен низшего слоя населения – крестьян. По-видимому, это сложившаяся с давних пор и закрепившаяся особенность местной двинской деловой письменности, отражающей, с одной стороны, влияние церковной литературы и церковных обрядов (напомним о большом количестве монастырей и церквей на Русском Севере), а с другой – особенности духовного склада чернососного крестьянства.

Исследуя формы личных имен, обратимся к другому жанру деловой письменности, к сотным (выпишем из писцовых и дозорных книг XVI в.) Двинского уезда. Ограничимся следующими примерами: а) сотная на вотчину Антониево-Сийского монастыря 1578 г.: дер. Котловская ... в. *Созонко* Филин, в. *Ермачко* Иванов, в. *Мосейко* Филипов ..., дер. Самсоновская ... в. *Тимоха* Васильев, в. *Иванко* Нефедов⁴; б) сотная на владения Николаевского-Корельского монастыря 1587г.: в Низовской луке д. Букаринская ... в. *Фетька* Захаров, в. *Ондрюшка* Вавилов, в. *Тараско* Захаров, в. *Максимко* Васильев⁵ и др.; в) сотная на Кодимскую волость Важского у. 1586 г.: на Иксеозере дер. Малафеевская ... во дворе *Пашко* Пылов, в. *Васко* Григорьев, в. *Васко* Дмитриев⁶ и др.

Как видно из иллюстраций, именования крестьян в писцовых книгах Двинского уезда последовательно представлены неполными формами личных имен. То есть формы личных имен в документах XVI–XVII вв. на Руси зависели во многом от жанра документа.

Употребление неполных форм личных имен крестьян отмечено XVI–XVII вв. в писцовых книгах всех уездов Российского государства. Документы массовой переписи населения – писцовые, дозорные книги, сотные (выписи из них) – составлялись обычно по заданию Москвы, за процессом написания наблюдали московские должностные лица («по государеву наказу и великого князя ... за приписью дьяка»). Одни и те же должностные лица московских приказов наблюдали за составлением писцовых и дозорных книг разных территорий. В результате книги составлялись по единому образцу, именования низших слоев населения (посадских людей – в городах, крестьян – в сельской местности) последовательно осуществлялись с помощью неполных личных имен (модификатов). Это деловые документы, составлявшиеся по заданию Москвы.

Теперь о моделях именования крестьян в купчих. В документах начала XVI в. повсеместно отмечены двучленные модели, состоящие из личного

имени и патронима: *Василей Панкратов с., Гаврило Борисов с.* (№ 1 – 1517), *Кузьма Яковлев с., Климентей Иванов с., Вахромей Степанов с.* (№ 2 – 1539) и др.

Купчие 30-х годов XVI в. и более поздние свидетельствуют о стремлении писцов оформить третий элемент модели, причем заметно, что на протяжении первой половины XVI в. формула именования чрезвычайно вариативна. Вот как, например, именуется один и тот же крестьянин в документах 40-х годов XVI в.: *Кузьма Григорьев с. Скорняков скорняк* (№ 3 – 1539), *Кузьма Григорьев с. Скорняков, Кузьма Скорняк* (№ 4 – 1544), *Кузьма Тонкой Григорьев с. Скорняк* (№ 5 – 1544) и т.д.

В актах середины XVI в. и позднейших третий компонент довольно частотен. Он мог представлять собой фамильное прозвище: *Гаврило Кузьмин с. Скоморох* (№ 2 – 1539), *Аверкий Фомин Тупица* (№ 17 – 1618), *Кузьма Иванов Волк* (№ 20 – 1624); топоним: *Григорей Филиппов с. Пячгоры* (№ 4 – 1542), *Фома Иванов с. с Труфанове Горе* (№ 5 – 144); именование по социальному положению: *Иван Карпов с. соцкой перемской* (№ 17 – 1616).

Начиная с последней четверти XVI в. в купчих доминирует трехчленная модель именования, последний компонент которой – фамилия. Купчие свидетельствуют о том, что третий компонент уже передается по наследству, он отмечен у родных братьев, племянников. Например: «Се яз, Овдотья Федорова дочи *Ивакина* ... добровольно дала есми опись брату своему Ондрею Федорову сыну *Ивакину* отписную» (№ 11 – 1585), *Володимер да Иван Кузьмины дети Мокшины* (№ 8 – 1589), *Ивойла, Иван, Андрей Левонтьевы дети, Афонасей Тимофеев с., им Ивойле и Ивану и Ондрею племник родной – все Шербины перемской волости с Труфановы Горы* (№ 21 – 1624).

В писцовых же книгах Двинского уезда последней четверти XVI в. доминирует двухкомпонентная модель именования, состоящая из личного имени крестьянина и патронима. Третий компонент отмечен изредка. Ср.: дер. Степановская: в. *Нечайко Василев*, в. *Трофимко Данилов*, в. *Фетка Онтипин*, в. *Митка Яковлев* ..., дер. Макаровская: в. *Рудачко Василив*, в. *Патунка Елесеив*, в. *Кирилко Обросимов*; дер. Долгинна: в. *Никитко Ананьин с. Корноух*, в. *Данилко Васильев с. Коровина*, в. *Катеринка Харитоновская жена Ветчины* ..., дер. Осутинская: в. *Тимоха Ларин* ..., дер. Дмитриево: в. *Родка Дмитриев* ..., дер. Шабунинская: в. *Нечайко Игнатов* и др.⁷

Можно полагать, что составители писцовых книг в использовании моделей именования крестьян опять-таки опирались на сложившийся стереотип в государственных документах данного жанра, не учитывая местные письменные традиции, отразившие более раннее становление фамилий крестьян (XVI в.) на Русском Севере⁸.

Таким образом, не только сословная иерархия и жанр памятника определяют специфику антропонимов и структур моделей именования, но и отнесенность источников к местным документам или актам центра. Тщательное изучение антропонимии ряда регионов Московского государства XVI–XVII в.

– одна из первоочередных задач исторической антропоники русского языка. На наш взгляд, пока еще рано ставить вопрос о создании обобщающего труда, связанного со становлением русской антропонимической системы в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Зинин С. И.* Русская антропонимия XVII–XVIII вв. (На материале переписных книг городов России): Автореф. дис. канд. филол. наук. Ташкент, 1969; Материалы по истории Европейского Севера СССР. САС. Вып. 2. Вологда, 1972; *Мирославская А. Н.* Особенности словообразовательной структуры русских календарных личных имен / Ономастика Поволжья 2. Горький, 1971; Никонов В. А. Личное имя - социальный знак // Советская этнография. М., 1967. №5; *Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // *Селищев А. М.* Избранные труды., 1968.
2. Анализируемые акты входят в состав документальных материалов РГАДА (Ф. 1455. Оп. 3. Д. 1-26, 216, 830). Они опубликованы Н. П. Воскобойниковой в кн. «Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР» (САС. Вып. 7. Вологда, 1979. С. 123-146).
3. *Мирославская А. Н.* Особенности словообразовательной структуры русских календарных личных имен / Ономастика Поволжья 2. Горький, 1971. С. 49.
4. Материалы по истории Европейского Севера СССР. САС. Вып. 2. Вологда, 1972. С. 213.
5. Там же. С. 238.
6. Материалы по истории Европейского Севера СССР. САС. Вып. 1. Вологда, 1971. С. 202.
7. Анализируемые акты входят в состав документальных материалов РГАДА (Ф. 1455. Оп. 3. Д. 1-26, 216, 830). Они опубликованы Н. П. Воскобойниковой в кн. «Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР» (САС. Вып. 7. Вологда, 1979. С. 217).
8. Чайкина Ю. И. Из истории топонимии и антропоники Устюжского и Тотемского уездов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982.

СТАРАЯ ТОТЬМА: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ И ИМЕНОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ (на материале Переписной книги Тотьмы 1677–1679 гг.)

В Переписной книге Тотьмы второй половины XVII века¹ широко представлены географические названия. Данные топонимии обладают значительной информативностью. С одной стороны, они дают возможность показать состав старой Тотьмы, а с другой – затронуть вопрос о заселении региона в первой половине второго тысячелетия новой эры.

Средневековый город значительно отличался от современного. Судя по данным топонимии, на территории Тотьмы располагались не только улицы, переулки, площади, промысловые предприятия, но и различные сельскохозяйственные угодья: огороды, сенные покосы, хмельники и даже участки пашенной земли. Тем самым в то отдаленное от нас время город Тотьма отличался от сельских поселений, пожалуй, только размерами и наличием государственных учреждений и промысловых предприятий.

Рассмотрим вначале названия районов города, улиц, промысловых предприятий, то есть всего того, что составляет специфику именно городского поселения. Судя по Переписной книге, в Тотьме в XVII веке отсутствовало официальное общерусское название района города². Горожане использовали микротопонимы, названия конкретных городских районов. Последние довольно немногочисленны. К ним относятся *Всполье (Сполье)* – л. 54, 71, (*всполье* – ‘открытое место перед стенами города’ – СлРЯ XI–XVII, III, 145), *Притыкина слободка* («тое слободку приписал князь Самойло Шалсунов в посад» – л. 327), *Старый посадъ* (л. 78), *Хабардина гора* (л. 338), *Саблинъ конецъ* (л. 102), *Звозъ* (л. 304), *звозъ* – ‘въезд, подъем (от реки, моста, перевоза)’.

Обращает на себя внимание термин *конецъ (Саблинъ конецъ)*, который являлся неофициальным названием района (части) города и в XI–XIV веках был широко распространен на территории Северо-Западной Руси. В Новгороде Великом, например, выделялись Гончарный, Неревский, Словенский и другие концы (НПК, VI, 173).

Что касается названия улиц, то в XVII – начале XVIII века во всех севернорусских средневековых городах они получали наименование по церквям, фамильным прозваниям горожан и особенностям самих географических объектов. Не являлась исключением в этом отношении и Тотьма. Самое большое количество названий улиц связано с фамилиями отдельных, видимо, наиболее уважаемых жителей данных улиц: *Дерябинская улица* (л. 72) – *Дерябина улица* (л. 102), *Даниловская улица* (л. 196), *Дудинский переулок* (л. 63) – *Дудин переулок* (л. 60), *Носыревъ переулок* (л. 115), *Кошелевъ переулок* (л. 192), *Ратовская улица* (л. 184), *Ерзовъка улица* (л. 156) – *Ерзовъ переулок* (л. 71). Некоторые улицы названы по церкви: *Воскресенская улица* (л. 151), *Егорьевская улица* (л. 53, 89), *Климантовский переулок* (л. 35). Особенности самого географического объекта отражены в названиях *Большая улица* (л. 63), *Пробойная Большая улица* (л. 165): «...на посаде в Большой улице Пробойной идучи отъ варницъ в посадъ» (л. 17).

В старой Тотьме имели названия и дороги – выходы из города. Названия дорог были связаны с тем, в направлении какого значительного объекта они простирались: в направлении к реке – *Циревская дорога* (л. 25, 162), *Кулуйская дорога* (л. 125, 309), *Овдокимовская дорога* (л. 111), *Вожбальская дорога* (л. 79), в направлении деревни (волости) – *Пустошная дорога* (л. 299), *Заболотная дорога* (л. 196), *Копорьинская дорога* (л. 51, 99), *Варнишная дорога* (л. 299) – дорога, идущая от варниц.

На окраине города располагались рассолодобывающие шахты («трубы») и варницы («промысловые предприятия, в которых из рассола вываривалась соль»). Все они имели названия. Трубы именовались по владельцу: трубы *Захарья* (л. 385), *Жучиха* (л. 385); по месторасположению: труба *Луговая* (л. 382), *Задняя* (л. 384), *Мостовая* (л. 385); по особенностям самой трубы: труба *Скориха* (л. 384), труба *Наставка Нова* (л. 383), труба *Грязная* (л. 385).

Неясна этимология таких названий, как труба *Веселуха* (л. 382), труба *Береза* (л. 382).

Варницы также именовались по владельцу: варница *Харламовская*³ (л. 376), варница *Максимовая* (л. 378), варница *Угловая Ольгина* (л. 370)⁴. Остальные названия связаны с местоположением варниц или их внешним видом: варница *Сосновка* (л. 376), *Осиповка* (л. 379), *Середняя*, *Задняя*, *Новая* (л. 377), *Мостовая* (л. 380), *Красотинка* (л. 380).

Кроме улиц, переулков, промысловых предприятий, на территории старой Тотьмы располагалось большое количество различных сельскохозяйственных угодий. В Переписной книге 1677–1679 годов имеется достаточное количество свидетельств о том, что они находились в черте города. Например: Онъ же владеѣтъ в улице Ерзовке *хмельником да санным покосом* (л. 57), у нее ... *сенной покосецъ* въ Дерябине улице (л. 102), *полянка сенной покосецъ* въ Егорьевской улице Сусловская (л. 89), у него *ж сенной покосъ пожня* Добрышшская по конецъ Егорьевской улицы лужная (л. 17) и др.

Сенокосные участки назывались *сенными покосами*, *покосцами* (л. 141), *сенными полянками* (л. 353), *сенными дворищами* (л. 353), *пожнями* (л. 352), *сенными огородами* (л. 299), *лягами* ('сенокосное угодье на сыром низком месте'), *лясками* (л. 266), *лужками* (л. 377). Пахотные угодья именовались терминами *полянка пашенная* (л. 313), *дворище пашенное* (л. 368), *пенникъ* (л. 138) – 'подсека с невыкорчеванными пнями'.

Поскольку все отмеченные сельскохозяйственные участки кому-то принадлежали, они обязательно имели названия. Естественно, что в подавляющем большинстве случаев угодья названы по имени владельца. В составе микротопонимов в этом случае доминируют два форманта *-иха* и *-ская*. Приведем примеры названия пожен и ляг (ляжек) на *-иха*: *Изониha* (л. 58, 242), *Кузнечиха* (л. 347), *Удавиха* (л. 310), *Федосиха* (л. 310), *Окатиха* (л. 114), *Носыриха* (л. 99), *Сидориha* (л. 193), *Любовичиха* (л. 158), *Опалиha* (л. 138), *Бовиха* (л. 291), *Ворониha* (л. 78), *Максимиha* (л. 91), *Голодяиха* (л. 308), *Лопатиha* (л. 342) и др.

Названий по владельцу на *-ская* несколько меньше. Ср., например, *пожни* – *Оборинская* (л. 78), *Добрышшнская* (л. 57), *Дерябинская* (л. 78), *Пыщевская* (л. 339), *Пахиревская* (л. 121), *Боярская* (л. 292), *Юровская* (л. 292), *ляги* (ляжки) – *Максимовская* (л. 266), *Епифановская* (л. 221), *Шалагинская* (л. 142), *Кишинская* (л. 78), *сенной покос Кубасовский* (л. 83), *лужокъ Лодыгинской* (л., 337). В названиях поскотин ('пастбищ') отмечен только формант *-ская*, причем все они названы по владельцу: *Суморинская* (л. 23), *Строгановская* (л. 153), *Прилуцкая* (л. 291), *Булгакова* (л. 318), *Спаская* (л. 128).

О топонимах с формантом *-иха* имеется значительная научная литература⁵. Многие видные ученые считают, что основной очаг таких топонимов расположен на территории Верхнего Поволжья (современные Ивановская, Владимирская, Костромская, Нижегородская области). Появление географических названий с формантом *-иха* на более северных русских землях связы-

вают с верхневолжской колонизацией, начавшейся в первой половине второго тысячелетия новой эры.

Незначительно число названий сельскохозяйственных участков по смежному объекту (реке, ручью и т. д.): пожня *Стыревка* (л. 151) < речка *Стыревка*, л. пожня Осовская (л. 344) < ручей *Осовской*, пожня *Чернядная* (л. 344) < ручей *Чернядной*, пожня *Вязовикъ* (л. 377) < остров Вязовикъ, пожня *Трестоватка* (л. 108) < ручей *Трестоватка*, пожня *Бродовка* (л. 108) < речка *Бродовка*, ляга *Мостоватка* (л. 31) < речка *Мостоватка*.

Следует обратить внимание на почти полное отсутствие названий, связанных с особенностями самого географического объекта. Они отмечены, пожалуй, только в составных наименованиях: пожня *Задняя Бабичиха* (л. 342), пожня *Круглая Нератиха* (л. 341), пожня *Васильевская Кривое* (л. 338). Ср. также: пожня *Боковая* (л. 344), пожня *Переволока* (л. 344).

На территории города Тотьмы, а особенно в окрестностях ее, протекало значительное количество рек и ручьев. Названия их в большинстве случаев славянского происхождения, причем в основе микрогидронимов чаще лежало личное имя, прозвище или фамильное прозвание местных жителей. Например, *Ковалев ручей* (л. 49), *Киселевъ (Киселевский) ручей* (л. 54), *Лысаковъ ручей* (л. 339), *Вараксинъ ручей* (л. 291), *Исаковский ручей* (л. 67, 91): «вверхъ Исаковского ручья... покос Андрюшки Исакова Болонина», *Куимовъ ручей* (л. 78), *Куим* – распространенное прозвище; *рѣчка Перовка* (л. 153) < фамилия *Перов*, *Поповский ручей* (л. 70), *Харбутовский ручей* (л. 155), *рѣчка Ляпуниха* (л. 143, 336) < прозвище *Ляпун* (*ляпун* – в костромских говорах ‘пустомеля, болтун’, в вологодских – ‘обманщик’ – СРНГ, XVII, 281).

Несколько названий связано с особенностями самих водотоков: *Крутой ручей* (л. 154), *рѣчка Камешница* (л. 169, 307), *Глухой ручей* (л. 303), *рѣчка Солонуха* (л. 313), *Черный ручей* (л. 130), *Говенный ручей* (л. 162), *Гремишный ручей* (л. 139), *рѣчка Коло-тишина* (л. 201), *Перечная рѣчка* (л. 54).

Названия только нескольких более крупных рек неславянские в своей основе. Об их финно-угорском происхождении свидетельствуют форманты *-га*, *-енга*: *Уфанга* (л. 78), *Ѳденга* (л. 34), *Кундунга* (л. 78), *Леденга* (л. 377), *Кулденга* (л. 57), *Песъеденга* (л. 1), *Шоренга* (л. 25).

Преимущественно славянский облик названий многих мелких рек и ручьев свидетельствует о том, что славяне появились в данном регионе в сравнительно отдаленный от нас исторический период, видимо, здесь наблюдалось значительное скопление переселенцев-славян, живших в непосредственной близости от финно-угорских племен.

Разнообразны именованья жителей города. Вторая половина XVII века – это начальный период складывания русского национального языка. По материалам переписных книг таких городов, как Вологда, Устюг Великий, Устюжна, Белоозеро, видно, что в официальных документах в это время начинает активизироваться трехчленная формула именования, состоящая из личного имени, отчества (патронима) и фамильного прозвания. Иными словами, на

Севере России во второй половине XVII века стабилизируется третий компонент именования – фамилия. Не является исключением в этом отношении и официальная письменность Тотьмы. В Переписной книге 1677–1679 годов при описании жителей, особенно владельцев дворов, доминирует трехчленная модель именования: *Корнилко Томилов сынъ Кузнецовых* (л. 25), *Афонка Михнеевъ сынъ Момотовъ* (л. 20), *Елеска Савастьяновъ сынъ Трусовъ* (л. 18), *Ивашко да Стенка Назаровы дѣти Осолухины* (л. 34).

Всего в нескольких случаях третий компонент представлен фамильным прозвищем: *Васка Ивановъ с. Ерга* (л. 300), *Першка Максимовъ с. Валява* (л. 200), *Ивашко Заонегга* (л. 70).

О том, что третий компонент является фамилией, то есть именованием, переходящим от поколения к поколению, свидетельствуют такие примеры: *Мишка да Ивашко Степановы дѣти Зонова*, дедъ ихъ *Афонка Зоновъ* (л. 93).

Во второй половине XVII века антропонимия остается социально значимым пластом лексики. Это отражается на составе формул именования и на структуре первого компонента, то есть личного имени. По материальному и социальному положению владельцы посадских дворов делились в Тотьме на нищих людей, худых людей, молотчих людей, середних людей и людей торговой сотни (купцов). Формула именования первых двух категорий жителей могла состоять всего из двух компонентов, поскольку в составе ее отсутствовала фамилия: худой члвкъ *Ивашка Кондратьев* (л. 327), худой члвкъ *Митка Упадышевъ* (л. 97), худые люди *Мишка да Ивашко да Гришка Трофимовы дѣти* (л. 26), нишей члвкъ *Федорко Терентьев* (л. 193), но: средней члвкъ *Федка Ивановъ с. Чекалевъ* (л. 161), молотчей члвкъ *Андрюшка Григорьевъ с. Корѣлинъ*, худой члвкъ *Алешка Ивановъ с. Саблинъ* (л. 97) и др.

Что касается первого компонента именования, то есть личного имени, то оно последовательно выступало в форме полуимени: *Анисимко*, *Митка*, *Гарасимко*, *Осташка* и пр. Исключения делались только в отношении именованных купечества. Ср.: гостиний сотни *Козма Никоновъ с. Харламовъ* (л. 161), гостиний сотни *Осипъ Андрѣевъ с. Палицынъ* (л. 336).

Женщины, посадские вдовы, именовались с помощью трехчленной модели, состоящей из личного имени с суффиксами -к или -иц, относительного прилагательного, образованного от личного имени мужа с суффиксами -ск, -овск слова *жена* и фамилии. Например: *Ненилка Сергѣевская жена Исаковскихъ* (л. 26), *Иринка Лукинская жена Одинцова* (л. 101), *Марьица Пантелевская жена Кикина* (л. 98) и др. Купеческие вдовы именуется полным именем: гостиний сотни вдова *Парасковья Семенова жена Харламова* (л. 159) и др.

Варьирование в именовании посадских вдов связано со вторым компонентом, поскольку относительное прилагательное могло быть образовано не от полного имени мужа, а от полуимени (квалитатива): *Марфица Тришкина жена Оксенова* (л. 78), *Марфица Федкина жена Собинина* (л. 63).

Интересны по происхождению фамилии жителей Тотьмы второй половины XVII века. Почти все они восходят к языческим личным именам-прозвищам их далеких предков. Как исключение отмечены фамилии, образованные от календарных (христианских) личных имен типа *Овдокимовъ* (л. 60), *Харламовъ* (л. 161), *Никоновской* (л. 26) и некоторые другие.

Ряд фамилий восходит к названию профессии: *Кузнецов* (лл. 24, 25, 50, 56, 59 и др.), *Черепанов* (л. 122), *черепан* – ‘гончар’, *Оконшинников* (л. 47), *Трубников* (л. 92), *трубник* – ‘работник на соляной шахте – трубе’, *Ложечников* (л. 170), *Серебренников* (л. 162), *Чюлошников* (л. 137), *Мясников* (л. 63) и др.

Основная же масса фамилий образована от прозвищ, восходящих к апеллятивам со значением лица, названного по внешнему виду или особенностям поведения. Например, *Кубасовъ* (л. 58) < *кубас* – ‘толстый, неуклюжий человек’, ‘чучело’ – олонекские и вологодские говоры (СРНГ, XV, 378), *Осолихинъ* (л. 100) < *осолиха* < *осоленый* (*осолесть* – ‘растолстеть’ – архангельские говоры – СРНГ, XXIV, 43), *Нератовъ* (л. 294) < *нерат* – ‘нерачительный беззаботный человек’ (*нерачить* – ‘бегать от дела, лодырничать’ – вологодские говоры – СРНГ, XXI, 141), *Бабенышев* (л. 305) < *бабеныш* – ‘маменькин сынок’, ‘неженка’ (СРНГ, II, 17), *Жужегин* (л. 122) < *жужсга* – ‘овод’, ‘насекомос’ – череповецкие, вологодские говоры (СРНГ, IX, 221), *Базин* (л. 67) < *база* – ‘крикунья’, ‘горластая женщина’ – архангельские, вологодские говоры (СРНГ, II, 47), *Болоний* (л. 65) < *болона* – ‘надоедливый человек’ – ярославские говоры (СРНГ, III, 77), *Татауров* (л. 173) < *татаур* – ‘широкий боярский пояс, ремень’ (Ф, IV, 27). Ср. также *Гулин* (л. 58), *Щербинин* (л. 58), *Чезлов* (л. 70), *Шадрин* (л. 313), *Шишев* (л. 141), *Собинин* (л. 64, 69), *Зонов* (л. 53), *Переляев* (л. 133), *Кочютин* (л. 185), *Трусов* (л. 18), *Ратев* (л. 132), *Скребехов* (л. 60), *Момотов* (л. 19) и др.

Отмечены единичные фамилии, образованные от составных прозвищ: *Мокроколънов* (л. 334), *Худорожьев* (л. 171), *Сухомусов* (л. 140).

Итак, данные топонимии дают возможность высказать предположение о том, что славянское население в районе Тотьмы, пришедшее в основной своей массе с территории Верхнего Поволжья, было довольно плотным и сравнительно быстро ассимилировало коренных жителей.

Расположение Тотьмы, находящейся на водном пути (река Сухона) между крупными торговыми центрами Вологодой и Устюгом Великим, предопределило наличие общих тенденций в складывании единой официальной модели именования жителей, характерной в начальный период формирования русского национального языка для всех письменно-областных центров Русского Севера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Переписная книга Тотьмы (посада) 1677–1679 гг. // РГАДА. К. 486.

2. Чайкина Ю. И. Административно-территориальная лексика и микротопонимия старорусского города // Севернорусские говоры. Вып. 5. Л.: ЛГУ, 1989. С. 103
3. В Переписной книге 1677–1679 гг. упоминается гостиная сотни вдова Парасковья Харламова (л. 380).
4. Речь идет об Ольге Строгановой (л. 378).
5. Никонов В. А. История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии // Вопросы географии. Сб. 50. М., 1960; Власова И. В. Ареалы топонимов с формантами *-иха*, *-ата*, *-ята* в Заволжье и междуречье Сев. Двины и Ваги // Этнография имен. М., 1971; Власова И. В. Топонимы на *-иха* в Северном Заволжье // Русская ономастика. Рязань, 1977. С. 143.

СОКРАЩЕНИЯ

- НПК – Новгородские писцовые книги. Т. 1–6. СПб., 1859–1910.
Сл РЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–19. М., 1975–1994.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–26. М., 1965–1991.
Ф – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.

**СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ПРОФЕССОРА КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА ВГПУ
Ю. И. ЧАЙКИНОЙ**

1. Некоторые наблюдения над горной производственной терминологией русского языка XIX – начала XX вв. // Учен. зап. Таганрогского пединститута. Таганрог, 1956.
2. К вопросу о познавательности и документальности произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка // Тезисы докладов VI научно-теоретической конференции. Таганрог, 1962.
3. К вопросу о влиянии общенародного языка на лексику местных говоров: на материале говора с. Дмитриевское Вологодской области // Труды Таганрогского пединститута. Т. 8. ТГУ, 1962. С. 38 – 54.
4. К вопросу о лексических соответствиях в русских народных говорах // Доклады VII научно-теоретической конференции Таганрогского пединститута. Серия филологических наук. Таганрог, 1963. С. 148 – 160.
5. О параллельных синонимических рядах в лексической системе говора // Доклады VIII научно-теоретической конференции Таганрогского пединститута (секция филологических наук). Вып. 2. Таганрог, 1966. С. 24 – 30.
6. Эмоционально-оценочная лексика со значением лица в череповецких говорах // Тезисы докладов к 8-й научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения. Л., 1966. С. 117 – 119.
7. Эмоционально-оценочная лексика со вторичным значением в череповецких говорах // Вопросы теории и методики русского языка // Учен. зап. Вологодского пединститута. Т. 33. Вып. 2. Вологда, 1967. С. 156 – 168.
8. Прозвища в современных белозерских и вологодских говорах как отражение семантических процессов древнерусского языка XV – XVII вв. // Тезисы докладов к IX научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения. Л., 1967. С. 82 – 84.
9. Слово *дор* в белозерских говорах // Программа и краткое содержание докладов к X научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения. Л., 1968. С. 85 – 87.
10. О развитии лексики белозерских говоров в XV – XVII вв. // Очерки по русскому языку: Учен. зап. Калининского пединститута. Т. 66. Ч. 1. Калинин, 1969. С. 94 – 113.
11. О традиционных прозвищах в Белозерье // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1969. № 3. С. 104 – 109.
12. К вопросу о влиянии старых феодальных границ на топонимику западной части Вологодской области // Юбилейная научно-методическая конференция Северо-Западного зонального объединения. Л., 1969. С. 230 – 233.
13. Из истории слов *починок* и *хутор* // Очерки по русскому языку и истории его развития: Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 370. Л., 1969. С. 169 – 186.

14. Из рукописей Череповецкого краеведческого музея: Налоговые отписки Шухтовской церкви XVII – первой половины XVIII вв. // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970. С. 154 – 157.
15. Из наблюдений над формированием метрологической лексики Белозерья // XII научно-методическая конференция Северо-Западного зонального объединения. Л., 1970. С. 96 – 98.
16. Межвузовская конференция по изучению говоров Севера и Северо-Запада // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1971. № 1. С. 103 – 105.
17. Рукописные материалы Белозерья XV – XVIII вв. в Череповецком краеведческом музее // Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971. С. 216 – 222. (В соавторстве с К. К. Морозовым).
18. *Четверики, стяги, осьмины, рогожи* // Техника молодежи. 1971. № 8.
19. Еще раз о слове *кулига* // Этимология. 1968. М., 1971. С. 176 – 185.
20. История слова *рамень* в белозерских говорах XV – XVII вв. // Слово в лексико-семантической системе языка. Л., 1972. С. 139 – 140.
22. Из истории лексики Белозерья (по данным лексических карт) // Сопоставление по общеславянскому лингвистическому атласу. Тезисы докладов. М., 1972. С. 32 – 35.
23. Из истории формирования административной терминологии Белозерья (по материалам деловой письменности XV – XVII вв.) // Актуальные проблемы исторической лексикологии восточнославянских языков. Днепропетровск, 1975. С. 55 – 56.
24. К этимологии и истории слова *стяг* // Севернорусские говоры. ЛГУ. Вып. 2. 1975. С. 97 – 103.
25. Очерки по лексике севернорусских говоров // Вопросы истории лексики Белозерья. Вологда, 1975. С. 3 – 187.
26. Из истории диалектных границ в связи с заселением Северной Руси // ВЯ. 1976. №2 (1,0 п. л.).
27. История административной терминологии Белозерья // Лексика севернорусских говоров. Вологда. 1976. С. 3 – 55.
28. Метрологическая лексика в белозерских деловых документах XV – XVII вв. // Вопросы русской диалектологии. Л., 1976. С. 3 – 15.
29. Из истории административной терминологии: слова с общим значением «усадьба феодала» // Русская историческая лексикология и лексикография. ЛГУ, 1977. С. 133 – 141.
30. О субстратных топонимах с формантом *-гумзь (-гумезь)* в Белозерье // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. С. 119 – 124.
31. Деловая письменность Вологодского края XVII – XVIII вв. Вологда, 1979 (5,0 п. л.). (В соавторстве с А. П. Ларионовой и Г. В. Судаковым).

32. Из истории русской метрологии: Штучные единицы изменения железа в белозерской письменности XVI – XVII вв. // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979. С. 77 – 83.
33. Лексика подсечно-огневого земледелия в деловой письменности Устюжского у. XVI – XVII вв. // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С. 83 – 94.
34. Материалы по топонимии Вологодской области на внеклассных занятиях по русскому языку // Актуальные вопросы преподавания русского языка. Вологда, 1981 (0,5 п. л.).
35. Совершенствование преподавания современного русского литературного языка в пединститутах РСФСР // РЯШ. 1982. № 6. (В соавторстве с С. Г. Ильенко).
36. Из истории формирования микротопонимии Сухоны // Топонимия Северо-Запада СССР и проблемы ее изучения. Череповец, 1982 (0,2 п. л.).
37. Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982. С. 48 – 56.
38. Названия работника в хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря XVI – XVII вв. // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982 (1,0 п. л.).
39. К интерпретации гидронимии Сухоны // Методы топонимических исследований. Свердловск, 1983. С. 89 – 97.
40. К истории становления производственной терминологии в русском литературном языке XVII – XVIII вв. // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка. Тезисы докладов и сообщений. Вологда. 1983. С. 181 – 183.
41. Об изучении лексики вологодских говоров методом картографирования // Лингвоэтнография. Л., 1983 (1,0 п. л.). (В соавторстве с Л. Ю. Зориной и Т. В. Пармиевой).
42. Названия лиц, занятых в сельском хозяйстве в монастырских книгах XVI – XVII вв. // Русская историческая лексикология и лексикография. ЛГУ, 1983 (1,0 п. л.).
43. Герд А. С. Формирование терминологической структуры русского биологического текста // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1983. № 2.
44. Проблемы славянской тапаніміі // Весці Акадэміі навук БССР (серыя грамадскіх навук). № 6. Минск, 1984. С. 119 – 120.
45. Названия лиц по ремеслу и занятиям в деловой письменности русского Севера XVI – XVII вв. // Севернорусские говоры. Вып. 4. ЛГУ, 1984. С. 65 – 75.
46. История профессионально-должностных фамилий Вологды // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984 (1,0 п. л.).

47. К изучению словарного состава хозяйственных книг Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей XVI – XVII вв. // Проблемы исторической и диалектной лексикологии. Калинин, 1984 (0,75 п. л.).
48. О диалектном членении старорусского языка по данным антропони-
мии // Совецание по вопросам диалектологии и истории языка. Ужгород,
1984 (0,2 п. л.).
49. Семантика гидрографических терминов в связи с процессом они-
мизации (Из истории формирования микрогидронимии Сухоны) // Проблемы
русской ономастики. Вологда, 1985. С. 23 – 29.
50. Лингвистическое краеведение в школах Вологодской области. Воло-
гда, 1985 (5,0 п. л.). (В соавторстве с Л. Ю. Зориной и Р. Ф. Богачевой).
51. Об одном рукописном источнике по истории лексики русского языка:
Выпись из земельных книг Утмановской волости 1688 г. // Лексика и грамма-
тика севернорусских говоров. Киров, 1986. С. 102 – 110.
52. Памятники деловой письменности русского Севера XVII – XVIII вв.
Вологда, 1986 (1,0 п. л.).
53. Принципы составления и структура словаря географических названий
Вологодской области // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л.,
1986. С. 113 – 119.
54. К истории становления производственно-технической терминологии в
русском литературном языке XVII – XVIII вв.: Названия предприятий // И-
стория русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 236
– 248.
55. География словообразовательных топонимических моделей русского
Севера: На материале ойконимии Вологодской области // Диалектное и про-
сторечное слово в диахронии и синхронии. Вологда, 1987. С. 66 – 85.
56. К географии неофициальных личных имен крестьян в старорусском
языке: На материале топонимии Вологодской области // Формирование и раз-
витие топонимии. Свердловск, 1987. С. 70 – 78.
57. Письменно-деловая и обиходно-разговорная речь старорусского горо-
да // Всесоюзная конференция «Методология и методика историко-словарных
исследований, историческое изучение славянских языков, славянской пись-
менности и культуры». Л., 1988. С. 124 – 125.
58. Семантический аспект реконструкции лексики старорусского языка
(на материале антропониимии) // Историческое развитие языков и методы его
изучения. Свердловск, 1988. Ч. 1. С. 27.
59. Из опыта реконструкции региональной лексики старорусского языка // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексико-
графии русского языка. Вологда, 1988. С. 154 – 156.
60. Реконструкция региональной лексики старорусского языка // Акту-
альные проблемы лексикологии и лексикографии восточнославянских язы-
ков. Днепрпетровск, 1988. С. 28 – 29.

61. Заметки о путях формирования микропонимии в донациональный период // Русская историческая лексикология и лексикография. Л.: ЛГУ, 1988. Вып. 4. С. 44 – 52.
62. Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь. Вологда, 1988 (10,0 п. л.).
63. История вологодских фамилий. Опыт регионального словаря фамилий. Вологда, 1989 (4,0 п. л.).
64. Писцовые и переписные книги севернорусских городов второй половины XVII – начала XVIII вв. как историко-ономастический источник // Археология и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР: Тезисы выступлений на республиканской научной конференции. Ч. 2. Вологда, 1989. С. 56 – 58.
65. Опыт исторического регионального словаря фамилий // Этимология 1986 – 1987. М., 1989. С. 200 – 212.
66. Административно-территориальная лексика и микропонимия старорусского города // Севернорусские говоры. Вып. 5. Л., 1989. С. 102 – 115.
67. Формы именования женщин в деловой письменности северо-восточных уездов Русского государства XVIII в. // Теоретична та історична ономастика: Шоста республіканська ономастична конференція. Ч. I. Одеса, 1990.
68. Об элементах архаики в семантике некоторых географических терминов: На материале деловой письменности Московской Руси конца XIV – первой половины XV в. // Проблемы истории индоевропейских языков (Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции). Ч. I. Тверь, 1991. С. 64 – 65.
69. Проблемы реконструкции лексики старорусского языка на местном ономастическом материале письменных источников XVI – XVII вв. // История русского слова: Проблемы номинации и семантики. Вологда, 1991. С. 40 – 54.
70. Русская ономастика в системе вузовского преподавания как один из факторов углубления процесса гуманизации обучения // Гуманизация идеалов и ценностей в профессиональной подготовке учителя. Сб. тезисов. Вологда, 1992.
71. Семантическая деривация и причины архаизации и выпадения прямого значения слов (на материале диалектных экспрессивов) // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 187 – 193.
72. Словарь географических названий Вологодской области: Населенные пункты. Издание второе, дополненное. Вологда, 1993 (13,5 п. л.).
73. Женские имена // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994. С. 66 – 74.
74. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (Под ред. О. Н. Трубачева). М., 1974 – 1994. Вып. 1 – 20 // Лек-

сико-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995. С. 201 – 208.

75. Цели, состав и структура «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV – XVII вв.» // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. Вологда, 1995. С. 134 – 140.

76. Составные наименования в приходно-расходных книгах северных монастырей XVI – XVII вв. // Проблемы региональной русской филологии. Вологда, 1995. С. 24 – 26.

77. Изучение лексики на уроках русского языка в школе (системный подход). Вологда, 1995 (3,0 п. л.).

78. Вологодские фамилии. Этимологический словарь. Издание второе. Вологда, 1995 (8,0 п. л.).

79. Семантика экспрессивов со значением личностной характеристики в лексико-семантической системе говора // Севернорусские говоры. Вып. 6. СПб., 1995. С. 43 – 49.

80. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3. (*лабаечка – ларь, лесокатка – лещовый, магазейка, момот*). СПб., 1996 (4,0 п. л.).

81. Двухэтажная Вологда (лексика строений в переписной книге 1711 года) // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 576 – 584.

82. Старая Тотьма: географические названия и именованя жителей (на материале переписной книги Тотьмы 1677 – 79 гг.) // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 30 – 37.

83. Промысловая (ремесленная) лексика в русском языке XV – XVII вв.: Ономастический аспект // Русские народные говоры: история и современное состояние. Тезисы докладов. Новгород, 1997. С. 98 – 99.

84. Об общем и специфическом в системе промысловой лексики старорусского языка (на материале деловой письменности Северно-Восточной Руси) // Проблемы русской лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов. Вологда, 1998. С. 19 – 20.

85. Слово *казак* на Русском Севере // Русская речь. 1998. № 6 (0,1 п. л.).

86. Факультатив «Русская ономастика в школе» // Традиции и новаторство в современной школе. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 52 – 54. (В соавторстве с С. Н. Смольниковым).

87. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 4. (*о – обичка*). СПб., 1999 (3 п. л.).

88. Промысловая (ремесленная) лексика в старорусском языке: Ономастический аспект (на материале деловой письменности Северо-Восточной Руси) // Русская региональная лексикология и лексикография. Вологда, 1999. С. 3 – 12.

89. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV – XVII вв. Пробные словарные статьи // Русская региональная лексикология и лексикография. Вологда, 1999. С. 12 – 30. (В соавторстве с О. И. Новоселовой).

90. Об одной функциональной разновидности русского языка XVI – XVII вв. // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 2000. № 2. С. 106 – 112.

91. Экспрессивы со значением лица в белозерских говорах (на материале говоров с. Дмитриевское Череповецкого района Вологодской области) // Культура Русского Севера в преддверии третьего тысячелетия. Вологда, 2000. С. 185 – 195.

92. Издания Северного отделения Археографической комиссии РАН как лингвистический источник // Материалы научных чтений памяти П. А. Колесникова. Вологда. 2000. С. 25 – 30.

93. Таможенная книга Устюга Великого 1751 – 1752 гг. как источник для изучения языка и культуры севернорусской провинции XVIII в. // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 293 – 309. (В соавторстве с С. Н. Смольниковым).

94. Антропонимы в местных документах XVI – XVII вв. (на материале купчих Двинского уезда) // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 111 – 116.

95. Именования духовных лиц на Руси во второй половине XVI в. (на материале приходно-расходных книг Спасо-Прилуцкого и Иосифо-Волоколамского монастырей) // Словесность и современность. Ч. 2. Пермь, 2000. С. 127 – 134. (В соавторстве с С. Н. Смольниковым).

96. Именования крестьян в куростровских столбцах во второй половине XVI в. // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура. Вологда, 2001. С. 259 – 265.

97. Антропонимы в местных документах XVI – XVII вв. (на материале купчих Двинского уезда) // Проблемы русистики: Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы русистики», посвященной 70-летию профессора кафедры русского языка ТГУ О. И. Блиновой. Томск, 2001. С. 178 – 182.

98. История русских личных имен, отчеств и фамилий: Материалы в помощь учителю. Вологда, 2001 (6,7 п. л.). (В соавторстве с С. Н. Смольниковым).

99. Почему у русских исчезли вторые личные имена? // Русская речь. 2002. № 3. С. 97 – 99.

100. Диалектные экспрессивы со значением лица в русском языке XV – XVII вв. (на материале дозорных книг Белоозера, Вологды, Великого Устюга) // Русская диалектная этимология. Екатеринбург, 2002. С. 153 – 155.

101. Платежная книга Двинского у. 1560 г. как культурологический и лингвистический источник // Живое слово и жизнь. Архангельск, 2002. С. 104 – 114.

102. О «Проекте словаря обиходного русского языка Московской Руси (XVI – XVII вв.)» // Материалы обсуждения «Проекта словаря обиходного русского языка Московской Руси (XVI – XVII вв.)». СПб., 2002. С. 34.

103. Женские календарные личные имена на Русском Севере во второй половине XVII – XVIII вв. // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вологда, 2002. С. 28 – 36.
104. Виды словарных статей в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV – XVII вв. » // Восточнославянская историческая лексикография на современном этапе. Тезисы докладов. М., 2002. С. 183 – 185. (В соавторстве с Е. П. Андреевой).
105. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. Вып. 5. (*рабайдать – райдуга, ридель – ровдуга, роиться – ронуть, рыба – рычкасть*). СПб., 2003 (5,0 п. л.).
106. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV – XVII вв. Вып. 1. СПб., 2003. (Редактор и один из составителей).
107. Способы выражения поссесивности в дозорной книге г. Белоозера 1617 – 1618 гг. // Русское слово в тексте и словаре. Вологда, 2003. С. 110 – 115.
108. Личные имена вологжан на Русском Севере в начале XVII в. (на материале писцовых и дозорных книг Вологды, Великого Устюга, Белоозера) // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2003. С. 445 – 452.
109. Из истории топонимии Вологодского края. Вологда, 2004 (6,7 п. л.). (В соавторстве с Е. Н. Варниковой и Л. Н. Монзиковой).
110. Именования мужского населения Вологды и Воронежа в первой половине XVII в. // Вопросы ономастики. № 1. Екатеринбург, 2004. С. 33 – 39.
111. «Роспись трубного дела» как один из памятников промыслово-ремесленного стиля русского языка XV – XVII вв. // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вып. 2. Вологда, 2004. С. 5 – 14.
112. Семантика некалендарных прозвищных личных имен в деловой письменности Северной Руси начала XVII в. (на материале писцовых книг Белоозера, Вологды, Великого Устюга) // Севернорусские говоры. СПб., 2005.
113. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV – XVII вв. Вып. 2. СПб., 2005. (Редактор и один из составителей).

**СПИСОК ДИССЕРТАЦИЙ,
защищенных под руководством профессора Ю. И. Чайкиной**

1985 г.

1. Андреева Е.П. Формирование промысловой терминологии в старорусском языке (рыболовецкая лексика Белозерья XV-XVII вв.). КД, Вологда, 1985.

2. Ставшина Н.А. Лексика соляного дела Русского Севера (На материале деловой письменности Спасо-Прилуцкого монастыря XVI-XVII вв.). КД, Вологда, 1985.

1988 г.

3. Варникова Е.Н. Русская топонимия Среднего Посухонья в ономаσιологическом аспекте. КД, Вологда, 1988.

4. Новоселова О.И. Метрологическая лексика Русского Севера XVI-XVII вв. (по материалам деловой письменности Подвинья). КД, Вологда, 1988.

1989 г.

5. Репневская С.В. Земледельческая лексика Северного Подвинья в ее истории. КД, Вологда, 1989.

1994

6. Кюршунова И.А. Славянская антропонимия Карелии XV-XVII вв. (в связи с реконструкцией лексики донационального периода). КД, Вологда, 1994.

1995

7. Баракова О.В. Таможенные книги как жанр деловой письменности старорусского языка (на материале книг таможен Северного речного пути XVII в. КД, Вологда. 1995.

1996 г.

8. Смольников С.Н. Антропонимическая система Верхнего Подвинья XVI-XVII вв. (на материале деловой письменности). КД, Вологда. 1996.

9. Т.М. Юдина. Горнозаводская терминология Северо-Западной Руси (на материале деловой письменности Олонецких заводов конца XVII – начала XVIII вв.). КД, Вологда. 1996.

1998 г.

10. Цыпылкина Л.А. Лексика церковного деревянного зодчества Северной Руси XVI-XVII веков (К проблеме лексико-семантического поля). КД, Вологда, 1998.

1999 г.

11. Винниченко Т.В. Лексика художественного шитья и украшения ткани в русском языке XVI – первой половины XVIII вв. КД, Вологда, 1999.

2000 г.

12. Борисова О.В. Терминология судебного дела на Русском Севере (на материале деловой письменности XV-XVII вв.). КД, Вологда, 2000.

2002 г.

13. Попова И.Н. Переписная книга Вологды 1711 г. как жанр и лингвистический источник. КД, Вологда, 2002.

2003

14. Урманчеева И.А. Экспрессивы со значением лица в говорах Вологодской области. КД, Вологда, 2003.

2004

15. Комлева Н.В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности к. XVI-XVII вв. КД, Вологда, 2004.

16. Монзикова Л.Н. Топонимия Вологды и ее окрестностей. КД, Вологда, 2004.

Юлия Ивановна Чайкина

**ИСТОРИЯ ЛЕКСИКИ ВОЛОГОДСКОЙ ЗЕМЛИ
(БЕЛОЗЕРЬЕ И ЗАВОЛОЧЬЕ)**

Печатается в авторской редакции

Подп. к печати 24. 02. 2005 г. Формат 60х84 1/16. Бумага писчая. Печать – ризограф.
Уч.-изд. л. 19,2. Усл. печ. л. 15,1. Тираж **100** экз.

160035, Вологда, С. Орлова, 6, ВГПУ, изд-во «Русь»
Отпечатано: ООО «ИПЦ «Легия»,
160031, Вологда, Октябрьская, 19, к. 116.

